

**“ЖЕЛЕЗНАЯ
ГВАРДИЯ”
КАРОЛЬ II
и ГИТЛЕР**

Н. И. ЛЕБЕДЕВ

Н. И. ЛЕБЕДЕВ

**„ЖЕЛЕЗНАЯ ГВАРДИЯ“,
КАРОЛЬ II
И ГИТЛЕР**

*Из истории румынского фашизма,
монархии и ее внешнеполитической
„игры на двух столах“)*

Издательство
„Международные отношения“
Москва 1968

Написанная на основе румынских, германских и других архивов, книга освещает деятельность гитлеровской агентуры в Румынии — фашистской организации «Железная гвардия», ее соперничество с румынским королем Каролом II. Центральное место занимает показ политики правящих кругов тогдашней Румынии, пособничества западных держав германскому проникновению в Румынию с целью направить агрессию против СССР. В книге рассказывается о борьбе демократических сил во главе с компартией против фашизма в Румынии.

Автор дает отпор буржуазным фальсификаторам истории румыно-советских отношений.

Рецензент
Е. ДМИТРИЕВ

ВВЕДЕНИЕ

Это книга о Румынии тех времен, когда господствовавшие в ней эксплуататорские классы, испуганные нарастающим революционной борьбы трудящихся, а также прогрессирующим развалом версальской системы, искали спасение в установлении диктаторского режима и внешнеполитической переориентации на фашистские державы. Проведение такого политического курса связано с именем Кароля II, находившегося на румынском престоле в 1930—1940 годах.

Ставя главной целью исследование внешней политики румынских правящих кругов, автор счел необходимым показать также внутривнутриполитическое развитие, влиявшее на внешнеполитический курс этой страны в указанное время. Принимая во внимание всю сложность и неизученность ряда проблем, автор рассматривает свой труд как первый шаг в их научном исследовании.

Основные проблемы внутренней и внешней политики Румынии 1930—1940 годов уходят своими корнями в годы, последовавшие за победой Великой Октябрьской социалистической революции и окончанием первой мировой войны.

В послеоктябрьский период в Румынии наблюдался бурный подъем революционного движения. В январе 1918 года вспыхнуло восстание румынских моряков. Выступления рабочих и крестьян принимали угрожающий характер для власти буржуазии и помещиков. 13 декабря 1918 г. королевские войска расстреляли в Бухаресте рабочую демонстрацию, проходившую под лозунгами: «Да здравствует социализм!», «Да здравствует республика!», «Долой короля!», «Долой буржуазию!». Было убито и ранено более 300 человек. Кровавая расправа не остановила революционную борьбу трудящихся масс. В октябре 1920 года страну охватила всеобщая забастовка,

временно парализовавшая экономическую жизнь страны. Новый этап в рабочем движении Румынии начался в мае 1921 года, когда была организована Коммунистическая партия Румынии — марксистско-ленинская революционная партия, под руководством которой пролетариат и его союзники стали бороться за свержение буржуазно-помещичьей власти. Пытаясь обезглавить революционное движение, эксплуататорские классы в том же году инсценировали судебный процесс над делегатами учредительного съезда Коммунистической партии Румынии, а в 1924 году объявили компартию вне закона. Но она продолжала жить и бороться в подполье, несмотря на жесточайший террор и гонения со стороны господствующих классов.

К 1922 году румынской буржуазии и помещикам удалось подавить революционный подъем и достичь некоторой стабилизации положения в стране. Этому способствовало принятие правительством закона об аграрной реформе, породившего у трудового крестьянства несбыточную мечту получить землю от помещиков. Но проведенная сверху аграрная реформа не ликвидировала крупного помещичьего землевладения, не внесла существенного улучшения в положение основных слоев крестьянства, укрепив главным образом кулацкую верхушку в румынской деревне. В 1923 году была введена новая конституция, демагогически провозгласившая всевозможные демократические свободы.

Но и в годы частичной стабилизации капитализма в Румынии продолжалась борьба трудящихся масс за свое освобождение. Не прекращалось забастовочное движение румынского пролетариата. В целом ряде уездов имели место крестьянские выступления. В сентябре 1924 года вспыхнуло восстание в селе Татарбунары на юге молдавской территории, отторгнутой в 1918 году румынскими помещиками и капиталистами от Советского государства. Лозунгами восставших были: «Да здравствует Молдавская республика!», «Да здравствуют рабоче-крестьянские Советы!», «Долой румынскую олигархию!». Румынские каратели жестоко подавили восстание. Прогрессивная общественность всего мира выступила с резким осуждением кровавого террора румынских властей. Известный французский писатель Анри Барбюс, выступая в защиту участников этого восстания, так отозвался

о господствовавших в Румынии порядках: «Если случайно меня упрекнут, что я явился в Румынию с предвзятым политическим мнением, я отвечу — если бы я не был революционером, то я бы стал им, выйдя оттуда»¹.

В первое послевоенное десятилетие в Румынии сменилось немало правительств, но все они в той или иной степени являлись орудием национал-либеральной партии — партии крупной буржуазии и помещиков Старого королевства (так называлась Румыния в границах 1913 г.). Эта партия была создана еще во второй половине XIX века и долгое время оставалась семейным кланом Братиану, являвшихся одновременно крупными землевладельцами, финансистами и промышленниками. В период пребывания у власти национал-либералы провели ряд мероприятий, которые ущемляли интересы не только буржуазии национальных меньшинств, но и румынской буржуазии в присоединившейся после первой мировой войны Трансильвании. Прикрываясь лозунгами защиты «румынского труда, инициативы и капитала», «борьбы за национальные идеалы», они стремились укрепить собственные экономические и политические позиции. Введенная в 1926 году избирательная мажоритарная система была призвана обеспечить правительственной партии, которая на выборах в Румынии неизменно получала наибольшее число голосов (с помощью фальсификаций, подкупов и полицейского принуждения), прочное большинство в парламенте. Согласно мажоритарной системе, партия, собравшая немногим более 40% голосов избирателей, имела в парламенте не менее 70% мест.

Семейство Братиану, по признанию румынского короля Фердинанда, представляло собой «вторую династию», власть которой превосходила влияние монархии. Братианисты, возглавлявшие национал-либеральную партию, самым решительным образом пресекали любые попытки ограничить их господство в управлении страной. Именно на этой почве возник их конфликт с наследным принцем Каролем, закончившийся лишением последнего права наследовать престол. Ион Братиану, возглавлявший тогда национал-либеральную партию, опасался молодого энергичного наследного принца, который не скрывал своих намерений, став королем, установить личную диктатуру. Во время одного из столкновений с И. Братиану наследный принц пригрозил покончить с монополией влас-

ти семейства Братиану. Тогда в целях дискредитации Кароля в глазах господствующих классов национал-либералы прибегли к распространению слухов о... «революционности» взглядов наследника румынского престола.

Но Кароль растрачивал свою энергию совсем на другие дела. Многочисленные любовные похождения наследного принца создали ему своеобразную славу не только в Румынии, но и за ее пределами. Болгарский царь Борис так отозвался о Кароле: «Мой румынский кузен унаследовал от Гогенцоллернов любовь к рисовке, внешнему блеску, военным мундирам и орденам, от Романовых — страсть бегать за юбками, от Кобургов — житейскую ловкость и беспринципность»².

Кароля женили на греческой принцессе Елене. От брака с ней родился в 1921 году сын Михай. Вскоре новым увлечением наследного принца стала Елена Лупеску. Это увлечение Кароля явилось поводом для конфликта между ним и национал-либеральным правительством, которое в январе 1926 года провело через парламент акт, лишивший принца прав престолонаследия, а также принадлежности к румынской королевской семье. Поэтому, когда в 1927 году умер Фердинанд, королем Румынии был провозглашен его внук, сын Кароля, 6-летний Михай. Регентами при нем были назначены принц Николае (младший брат Кароля), патриарх Мирон Крестя и председатель Верховного суда Георге Буздуган. Но это регентство являлось лишь фасадом, прикрывавшим господство партии И. Братиану. Эмигрировав вместе со своей любовницей в Париж, Кароль стал выжидать момент для вступления на румынский трон.

Между тем монополия национал-либералов в управлении государством приближалась к своему концу. В результате слияния национальной и царанистской партий в 1926 году образовалась национал-царанистская партия. Национальная партия была выразительницей интересов румынской буржуазии Трансильвании. Ее лидером выступал Юлиу Маниу, один из богатейших людей Румынии. Царанистская (крестьянская) партия, руководимая Ионом Михалаке, являлась партией кулачества, сельской буржуазии Старого королевства. В период революционного подъема царанисты выступали с демагогическими требованиями радикальной аграрной реформы, превращения Румынии в «крестьянское государство» и т. п. Во-

зникшая в результате слияния этих партий национал-царанистская стала второй крупной буржуазно-помещичьей партией. Но в своем названии и программе она сохранила остатки крестьянского происхождения. Один из ее лидеров — И. Михалаке всегда носил крестьянский наряд, появляясь даже на королевских приемах в выпущенной поверх крестьянских белых штанов просторной длинной рубаше и опинках (лаптях). В своей борьбе за власть национал-царанисты использовали растущее недовольство масс политикой национал-либералов. Национал-царанистская партия широко прибегала к социальной демагогии. Для привлечения крестьян на свою сторону она обещала им землю, отмену долгов, снижение налогов и т. п. В мае 1928 года вопреки запрету национал-либерального правительства национал-царанисты провели в городе Алба-Юлия массовое собрание с участием 200 тыс. крестьян.

Одним из пунктов, по которым национал-царанистская партия давала бой национал-либералам, было их требование о возвращении Кароля в Румынию и возведении его на престол. Таким путем партия Маниу надеялась положить конец господству национал-либералов, занять их позиции в управлении страной. После смерти Фердинанда в Румынии развернулась пропаганда в пользу Кароля. Она велась не только национал-царанистами, но и другими буржуазными группировками, находившимися в оппозиции к национал-либеральному правительству. Весной 1927 года эмиссар национал-царанистов М. Манойлеску отправился в Париж для установления контакта с Каролем. Сигуранца арестовала его и предала суду военного трибунала по обвинению в государственном заговоре. В ходе судебного разбирательства Манойлеску в свое оправдание сослался на предсмертное письмо Фердинанда к премьеру Братиану, в котором якобы содержалась просьба короля «в интересах страны вернуть сына». В защиту Манойлеску выступили на суде бывший премьер генерал Авереску и румынский буржуазный историк Н. Йорга. Суд оправдал обвиняемого.

В мае 1927 года, когда Кароль и Елена Лупеску прибыли в Лондон, английские газеты сделали сенсационное разоблачение о готовящемся тайном возвращении Кароля на родину с целью свершения государственного переворота и занятия румынского престола. По сведениям газет,

имелся детально разработанный план этого предприятия: один из двух нанятых самолетов должен был разбросать над румынской территорией 10 млн. листовок с призывом к населению выступить в поддержку Кароля, другой самолет должен был доставить претендента на престол в Яссы для провозглашения его королем. Узнав об этом, национал-либеральное правительство обратилось к английскому правительству с просьбой принять соответствующие меры. В английский парламент был внесен запрос относительно использования английской территории для предприятия, которое «запятнает Англию соучастием в заговоре против дружественной страны». Все дело кончилось тем, что Каролю и его любовнице предложили в 48 часов покинуть пределы Великобритании. В сопровождении агентов Скотланд-Ярда они прибыли в Дувр и оттуда переправились через Ламанш в Бельгию³. Попытка вернуться в Румынию и вступить на престол сорвалась. Чтобы уменьшить шансы Кароля утвердиться на румынском троне, летом 1928 года Верховный суд объявил расторгнутыми брачные узы между ним и королевой Еленой, матерью Михая.

Как только Маниу стал премьером в ноябре 1928 года, он поставил вопрос о возвращении Кароля в Румынию, полагая, что утверждение Кароля на престоле будет служить препятствием для возвращения к власти национал-либералов. При этом Маниу выдвигал перед Каролем два условия: во-первых, подчинение парламентскому контролю (национал-царанистского лидера беспокоили диктаторские замашки Кароля); во-вторых, Елена Лупеску не должна возвращаться в Румынию. Для передачи этих условий Каролю Маниу направил в Париж нового эмиссара — П. Шейкару. Претендент на румынский престол дал посланцу Маниу невнятный ответ, скорее свидетельствующий об отклонении, чем о принятии условий национал-царанистского премьера. Вскоре в Румынии был раскрыт заговор военных с целью свержения регентов и утверждения Кароля на престоле. После этого вопрос о возвращении Кароля в страну оказался отодвинутым на задний план, пока обострение политического положения Румынии в годы мирового экономического кризиса 1925—1933 годов не потребовало, по мнению господствующих классов, установления власти «твердой руки».

Если во внутренней политике главной задачей румынских правителей было подавление освободительного движения трудящихся масс, резко усилившегося после Великой Октябрьской социалистической революции, которая положила начало революционному обновлению мира, то во внешней политике их усилия направлялись на борьбу против первого в мире государства рабочих и крестьян.

Правящие румынские круги одними из первых начали вооруженную интервенцию против Советской России.

Активное участие приняли буржуазно-помещичьи правители Румынии в подавлении революции в Венгерской Советской Республике.

В то время как румынские правящие круги, взяв на себя роль империалистического жандарма в Юго-Восточной Европе, боролись против социалистической революции в соседних странах, трудящиеся массы Румынии приветствовали ее и решительно выступали в ее защиту. Румынские добровольцы сражались в рядах Красной Армии на фронтах гражданской войны.

Борьба революционных сил внутри Румынии против интервенционистской политики оказала влияние на буржуазно-помещичье правительство. Несмотря на давление англо-французских империалистов, румынские правители, уже захватив часть советской территории, воздержались от прямого участия в антисоветских походах Антанты. Однако страна была превращена в базу операций против Советской России. Румынская реакция оказывала помощь Врангелю и белополякам, укрывала на своей территории разгромленные банды Петлюры и Махно.

После того как австро-германский блок потерпел поражение в первой мировой войне, румынские правящие круги отказались от сепаратного мирного договора с Германией, подписанного 24 апреля (7 мая) 1918 г., и стали ратовать за сотрудничество с Антантой-победительницей. Стремясь заслужить расположение западных империалистов, они всячески подчеркивали свою приверженность Антанте, готовность служить ее планам. В период Парижской мирной конференции 1919 года Н. Титулеску, в то время член «Национального румынского комитета», действовавшего во французской столице, заявил журна-

листам: «Зачем нам скрывать, господа? Мы, несколько находящихся в Париже румын, являемся частью гвардии Антанты на Востоке, той старой гвардии, которая всегда без ропота следует за ней, мы те, кто любит, не требуя любви взамен, мы те, кто верует, не претендуя попасть за это в рай»⁴.

Империалисты Антанты не преминули воспользоваться услугами буржуазно-помещичьей Румынии в борьбе против Советской России. Спекулируя на спровоцированном ими территориальном вопросе, они попытались побудить румынские правящие круги к активизации антисоветской борьбы. Поэтому-то на мирной конференции 1919 года в Версале, несмотря на домогательства румынского правительства, не было принято решение о признании захваченных советских земель частью румынской государственной территории. Лишь 28 октября 1920 г. представители Англии, Франции, Италии и Японии подписали в Париже специальный протокол по этому вопросу, который, однако, так и не приобрел юридической силы, поскольку он не был ратифицирован Японией.

Соглашаясь на присоединение советской территории к Румынии, империалисты стремились посорить Румынию с Советской Россией и тем самым поставить румынских правителей в еще большую зависимость от себя.

В результате поражения австро-германского блока в первой мировой войне и распада империи Габсбургов национальная территория Румынии значительно увеличилась. 1 декабря 1918 г. в городе Алба-Юлия было провозглашено объединение Трансильвании с Румынией. Договорами версальской системы послевоенного урегулирования — Сен-Жерменским, Нейским и Трианонским, подписанными с Австрией, Болгарией и Венгрией, за Румынией были закреплены не только Трансильвания, но также Буковина и Добруджа (включая также оккупированные румынской военщиной территории Северной Буковины и Южной Добруджи). Вместе с аннексированной частью Советской Молдавии площадь и население Румынии увеличились более чем вдвое по сравнению с 1913 годом.

Буржуазные авторы прямо пишут, что так называемая «Великая Румыния» была создана империалистами Антанты после первой мировой войны «как бастион против большевизма». К старому королевству «были

присоединены большие куски соседних государств, чтобы увеличить его силу», пишет американский буржуазный автор, подчеркивающий, что в благодарность за это румынские правящие круги «перевыполнили план по борьбе с большевизмом»⁵. Боярская Румыния и панская Польша стали важнейшими звеньями антисоветского «санитарного кордона», созданного империалистами.

Вследствие территориальных приобретений произошли изменения в национальном составе населения Румынии. После первой мировой войны в ее составе оказалось значительное количество венгров, молдаван, украинцев, русских, немцев, болгар и др.

Руководствуясь защитой интересов буржуазии национальных меньшинств Румынии, империалисты Антанты заставили румынское правительство подписать 9 декабря 1919 г. конвенцию, согласно которой Румыния обязывалась перед великими державами предоставить национальным меньшинствам на ее территории равные с румынами гражданские и политические права, уважать язык, религию и обычаи национальных меньшинств, разрешить им открыть свои школы и т. п. Но это не могло оградить трудящихся национальных меньшинств от жестокого угнетения и произвола румынских властей.

Чтобы сохранить территориальные приобретения после первой мировой войны, румынские правящие круги включили страну во французскую систему военно-политических союзов, имевшую своей целью поддержание статус-кво в Европе и носившую к тому же ярко выраженную антисоветскую направленность.

Таке Ионеску, возглавивший в 1920 году румынское министерство иностранных дел, так определял внешнеполитический курс Румынии: во-первых, «союз с демократиями Запада» в деле борьбы против Советской России; во-вторых, создание блока из пяти государств — Югославии, Чехословакии, Румынии, Польши и Греции, — который гарантирует новые румынские границы. «Для всякого, кто не хочет обманываться, — говорил он, — ясно, что после такой войны, которую мы перенесли и которая перевернула снизу доверху все прошлое, нации разделятся на две группы: *довольных* и *недовольных*; тех, кто заинтересован в сохранении приобретений, и тех, кто только и мечтает разрушить то, что было достигнуто их победоносными противниками»⁶. Однако проект союза пяти малых

государств, который гарантировал бы *все* их границы, оказался неосуществимым. Правительства Чехословакии и Югославии считали опасным распространение гарантий на восточные границы Польши и Румынии: рано или поздно Советское государство потребует возвращения земель, захваченных польскими панами и румынскими боярами. Министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш предложил тогда взаимно гарантировать границы договаривающихся государств с Венгрией. Так возникла идея союза Чехословакии, Румынии и Югославии, который еще до своего оформления получил в венгерской газете «Пешти хирлап» 26 февраля 1920 г. ироническое название «Малая Антанта».

Название так и закрепилось за данным союзом, который был оформлен в 1920—1921 годах заключением югославско-чехословацкого, чехословацко-румынского и югославско-румынского договоров об оборонительном союзе, впоследствии дополненных военными конвенциями. Статьи договора между Румынией и Чехословакией гласили:

«Статья 1. В случае ничем не вызванного нападения со стороны Венгрии на одну из Высоких Договаривающихся Сторон, другая сторона обязуется принять участие в защите подвергшейся нападению стороны, в форме, определенной конвенцией, предусмотренной в статье 2 настоящего договора.

Статья 2. Компетентные технические ведомства Чехословацкой Республики и Королевства Румынии установят, по взаимному соглашению, в имеющей быть заключенной впоследствии военной конвенции, необходимые для исполнения настоящего договора мероприятия.

Статья 3. Ни одна из Высоких Договаривающихся Сторон не может впредь заключать союза с третьей державой, без предварительного уведомления другой стороны.

Статья 4. В целях координации своих мирных усилий оба правительства обязываются согласовывать между собой вопросы, касающиеся их взаимоотношения с Венгрией»⁷.

Статьи оборонительного договора, заключенного между Румынией и Югославией, дословно повторяли чехословацко-румынский договор с той лишь разницей, что договаривавшиеся стороны обязывались прийти друг другу на помощь не только в случае венгерского, но и в

случае болгарского нападения. Вместе с тем договаривающиеся стороны обязывались совещаться по вопросам внешней политики, касающимся их отношений с Венгрией и Болгарией.

Малая Антанта была создана как антиревизионистский союз трех государств, направленный в первую очередь против Венгрии и Болгарии. Одной из главных задач Малой Антанты было обеспечение территориальной целостности Югославии, Чехословакии и Румынии. Другой, не менее важной целью Малой Антанты являлась борьба с революционным движением в Центральной и Юго-Восточной Европе. Э. Бенеш, один из ее «крестных отцов», прямо заявил, что Малая Антанта ставит перед собой задачу «обеспечить внутренний мир государств»⁸. Охраняя «порядок» в Европе, Малая Антанта своим острием была направлена против Советского государства, являясь, по замыслу империалистических держав, одним из барьеров между страной победившего пролетариата и буржуазным Западом. Франция, крайне заинтересованная в поддержании версальской системы, приняла живейшее участие в создании Малой Антанты. Тот же Ионеску свидетельствует, что «без поддержки Франции мы (т. е. правящие круги Румынии, Чехословакии и Югославии. — *Авт.*) не смогли бы создать и не захотели бы создавать Малую Антанту»⁹. Вследствие финансовой и политической зависимости стран Малой Антанты от французского империализма последнему удавалось в течение известного периода времени использовать Малую Антанту как орудие для установления своей гегемонии в Европе.

Малая Антанта, не дававшая официально гарантий восточным границам Румынии, не могла удовлетворить румынские правящие круги. Польское правительство отказывалось вступить в Малую Антанту, если она не гарантирует ему владение захваченными советскими территориями. Министр иностранных дел Польши Я. Сапега заявлял: «Мы с удовольствием присоединимся к любой коалиции, гарантирующей другим странам выгоды, в которых мы заинтересованы лишь косвенным образом, но, в свою очередь, другие страны должны гарантировать нам то, что нас затрагивает непосредственно и в чем, быть может, они заинтересованы лишь косвенным образом — Рижский договор (по этому договору Польша отторгла

от Советского государства Западную Украину и Западную Белоруссию.— *Авт.*)»¹⁰. С целью закрепления захваченных советских земель и совместного проведения антисоветской политики эксплуататорские классы Румынии и Польши заключили военный союз. 3 марта 1921 г. Я. Сапега и Т. Ионеску подписали в Бухаресте союзный договор между Польшей и Румынией. По этому договору обе страны обязывались оказывать взаимную военную помощь в случае «ничем не вызванного нападения на теперешние восточные границы», а также согласовывать свою политику в отношении «восточного соседа».

Национальные интересы Румынии требовали установления ею дружбы и сотрудничества с соседним Советским государством. Однако господствующие классы Румынии пошли по иному пути— по пути открытой враждебности к Советскому государству. Из-за обструкционистской политики румынской делегации оказалась бесплодной preliminary конференция в Вене (сентябрь—октябрь 1921 г.) по выработке программы будущей конференции для урегулирования советско-румынских отношений. Румыния отказалась подписать с Советской Россией декларацию о нейтралитете на случай, если бы одна из сторон подверглась нападению со стороны третьей державы, мотивируя тем, что это равносильно якобы «сокращенному союзу с правительством Советов»¹¹. Румыния была единственной страной, отказавшейся принять советское приглашение участвовать в Московской конференции по разоружению в ноябре 1922 года.

В марте—апреле 1924 года состоялась в Вене советско-румынская конференция, на которой Румыния вновь пыталась добиться от СССР признания границы по Днестру. Советская делегация дала решительный отпор этой попытке.

В заявлении 2 апреля 1924 г. на этой конференции СССР разоблачил утверждения румынского правительства, что оно якобы не принимало никакого участия в интервенции против Советской России и Советской Украины. Делегация СССР указала: «Прежде всего факт оккупации Бессарабии является сам по себе грубой интервенцией. Далее, нельзя иначе, чем интервенцией, квалифицировать ту помощь, которая оказывалась Румынией сначала войскам центральных держав, оккупировавшим Украину, затем войскам Антанты на юге России и Украи-

ны; наконец, после ухода этих войск — «белогвардейским правительствам Юга России» и различного рода бандам, при поддержке румынских властей опустошавшим территорию Украины»¹².

Выполняя свой интернациональный долг, Советский Союз, его правительство и Коммунистическая партия настойчиво добивались прекращения румынской оккупации советских земель, осуществленной при активном участии империалистических держав в целях борьбы против Великой Октябрьской социалистической революции.

Вопрос о захваченных советских землях был поднят во время советско-английских переговоров в 1924 году. Делегация СССР указала на огромную несправедливость, совершенную в отношении страны, которая в первой мировой войне являлась союзницей Антанты. «Жертвы, принесенные Россией для защиты Румынии в течение мировой войны, исчисляются приблизительно в 100 тыс. убитых и раненых, — говорилось в советской декларации от 12 августа 1924 г. — И вместо этого сначала с помощью ген. Макензена и германской дипломатии после подписания мира в Бухаресте, а затем с помощью союзной дипломатии румынское правительство нашло способ обогатиться одновременно за счет как своего старого союзника — России, так и за счет своих врагов»¹³.

В декларации подчеркивалась полная несостоятельность исторической аргументации, с помощью которой предпринимались попытки оправдать захват советских земель: если принять теории исторических прав, то вся Европа должна быть разделена заново, а вместе с ней перекроена и карта самой Румынии. Заставив румынское правительство декларировать равноправие национальных меньшинств, говорилось далее, «союзники не могли не знать, что обязательство подобного рода со стороны государства, в котором преследование национальных меньшинств составляет государственную доктрину и в котором сотни тысяч жителей оставались в течение свыше 40 лет без гражданских прав., являются новым актом обмана. Это подтверждено всей политикой румынского правительства после войны по отношению к национальным меньшинствам, которые составляют треть нынешнего румынского королевства, — политикой, которая свелась к подавлению их национальной культуры и национального самосознания»¹⁴.

Буржуазно-помещичья Румыния длительное время оставалась единственной пограничной с СССР страной, которая не имела с ним дипломатических отношений. Ее правители предпринимали всевозможные маневры, чтобы закрепить за собой захваченные советские земли. На ежегодных конференциях Малой Антанты они пытались заручиться поддержкой в «русском вопросе» своих партнеров по этому союзу. После срыва румыно-советской конференции в Вене правительство Румынии усилило активность, чтобы обеспечить себя военным союзом с Югославией и Чехословакией на случай войны с СССР. Но югославское правительство 23 апреля 1924 г. отвергло румынское предложение о заключении трехстороннего франко-румыно-югославского военного соглашения, направленного против Советского Союза, а Бенеш в мае 1924 года заявил, что в случае румыно-советской войны чехословацкая помощь ограничится гарантированием для Румынии венгерского нейтралитета¹⁵. В 1925 году отмечалась подозрительная активизация деятельности Малой Антанты: созыв конференции ее военных штабов, который, как заявил заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов чехословацкому представителю в СССР, нельзя объяснить лишь страхом Малой Антанты перед слабой и безоружной Венгрией, и приходится заключить, что новая комбинация Малой Антанты направлена против интересов СССР¹⁶.

26 марта 1926 г. в связи с истечением срока действия румыно-польского союзного договора от 3 марта 1921 г. правительства Румынии и Польши подписали так называемый гарантийный договор. По этому договору обе стороны обязывались прийти друг другу на помощь в случае агрессии со стороны любого государства. В действительности же гарантийный договор был направлен только против СССР и имел целью взаимно гарантировать румынским и польским правящим кругам сохранение захваченных советских территорий. Для всех было очевидно, что боярская Румыния не собиралась выступать в случае германской агрессии против Польши. Последняя, в свою очередь, не думала оказывать Румынии помощь в случае ее войны с Венгрией.

10 июня 1926 г. Румыния подписала договор о дружбе с Францией, по которому стороны обязались «немедленно консультироваться о необходимых действиях, если воз-

никнет угроза их законным национальным интересам и порядку, установленному договорами, которые подписали обе стороны»¹⁷. Этот договор, имевший гарантийный характер, был направлен против СССР. В ноте правительству Франции от 2 октября 1926 г. Советское правительство заявило, что, обещая свое сотрудничество, французское правительство позволяет Румынии продлить насильственную оккупацию советских земель силой оружия¹⁸.

Чтобы добиться ратификации Италией так называемого Парижского протокола, румынские правители пошли на заключение договора о дружбе и сотрудничестве между Италией и Румынией (16 сентября 1926 г.) Своим договором с Италией Румыния подрывала Малую Антанту: Югославия в тот период находилась в остром конфликте с Италией.

Румынское «предательство» Югославии не осталось безнаказанным. Чехословакия и Югославия отплатили той же монетой во время обострения в 1927 году румыно-венгерского конфликта по вопросу об опантах. Суть конфликта заключалась в следующем: ссылаясь на закон об аграрной реформе, румынское правительство стало проводить экспроприацию земельной собственности венгров, состоявших в румынском гражданстве. В этой связи венгерское правительство обратилось в Лигу наций с жалобой на румынское правительство. И вот в момент, когда спор по вопросу об опантах создал напряженность в румыно-венгерских отношениях, партнеры Румынии по Малой Антанте улучшили свои отношения с Венгрией и Болгарией. Так, двойственная политика правящих кругов Румынии, как, впрочем, и других стран Малой Антанты, привела этот военный блок к кризисному состоянию, поставив под угрозу целостность французской системы военно-политических союзов в Европе.

Как отмечал М. М. Литвинов на IV сессии ЦИК СССР четвертого созыва 10 декабря 1928 г., Советский Союз ярко продемонстрировал свое миролюбие в отношении буржуазно-помещичьей Румынии, несмотря на ее провокационное поведение¹⁹. Новым доказательством миролюбия было советское предложение Румынии, а также другим пограничным с СССР странам, подписать протокол о досрочном введении в действие пакта Бриана — Келлога.

Правители Румынии приняли советское предложение и вместе с другими пограничными с СССР странами подпи-

сали Московский протокол о досрочном введении в действие этого пакта. Их решение было продиктовано двумя моментами: во-первых, стремлением отдать дань времени, пацифистским настроениям, которые получили тогда большое распространение в мире, демонстрацией «миролюбия» успокоить румынский народ, выступавший против подготовки антисоветской войны; во-вторых, надеждой на то, что подписание совместного с СССР документа относительно пакта Бриана — Келлога можно будет представить как фактический отказ СССР от своих территорий, аннексированных Румынией. Однако румынских правителей постигло горькое разочарование.

Советский Союз, подписав Московский протокол (9 февраля 1929 г.), не отказался от борьбы за освобождение советских земель из-под румынского буржуазно-помещичьего гнета. При подписании протокола М. М. Литвинов сделал заявление о том, что в советско-румынских отношениях сохраняются нерешенные вопросы²⁰. В этой связи румынская буржуазная печать заговорила о якобы имеющемся противоречии между заявлением Литвинова и Московским протоколом. Реакционные румынские политики выступали в парламенте против ратификации протокола. «Стоило ли подписывать Московский протокол?» — с явным раздражением восклицали они, видя провал своих надежд на закрепление захваченной советской территории.

Отношения буржуазно-помещичьей Румынии с другими странами накануне мирового экономического кризиса определялись ее основной внешнеполитической целью — сохранение всех земель, включенных в Румынию после первой мировой войны. Ради этой цели правящие румынские круги были готовы на союз с любым государством. На этой почве уже тогда намечалась тенденция к отходу Румынии от профранцузской ориентации. В последующий период эта тенденция усиливается под влиянием как международной обстановки, так и внутривнутриполитического развития Румынии.

КАРОЛЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В РУМЫНИЮ

В начале июня 1930 года буржуазная пресса Европы и Америки поведала о «драматических событиях» в Румынии, где королевский престол занял «романтичный», «ставящий любовь превыше всего», король Кароль II.

Переговоры о возвращении Кароля в Румынию были возобновлены национал-царанистским правительством в начале 1930 года. По договоренности с Ю. Маниу в Париж вновь выезжал М. Манойлеску, чтобы информировать Кароля об условиях, на которых его могли принять в стране: во-первых, он должен порвать связь с Еленой Лупеску, во-вторых, он должен согласиться поначалу быть регентом при малолетнем короле Михае.

6 июня 1930 г., оставив в Берне свою любовницу, Кароль под вымышленным именем капитана Мезюрье вылетел в Париж, оттуда в Мюнхен, а затем в Бухарест.

Сразу же обнаружилось большие разногласия в вопросе о статусе Кароля. Национал-либералы во главе с Д. Братиану (сыном умершего И. Братиану) были вообще против его возвращения в страну. Лидер национал-царанистов Ю. Маниу предлагал хотя бы на время назначить Кароля членом регентского совета вместо принца Николае. Но Кароль отверг это предложение. Тогда Ю. Маниу выдвинул новое: все члены нынешнего регентского совета уходят в отставку, а Кароль становится как бы королем-отцом при царствующем короле Михае. Но и это предложение было отклонено Каролем, добивавшимся немедленного провозглашения его королем Румынии.

«Его диктаторские замашки испугали правительство»¹, — отмечает биограф Кароля. Тем не менее 8 июня через парламент было проведено решение, которым был отменен акт отречения Кароля от прав на престол, и под

именем Кароля II он был провозглашен румынским королем. Его сын Михай стал «великим воеводой Албы-Юлии», наследником румынского трона. Утвердившись на престоле, Кароль II под давлением национал-царанистов сделал попытку примирения со своей бывшей женой королевой Еленой. Национал-царанистские лидеры считали необходимым восстановление расторгнутого брака Кароля II с Еленой для поднятия авторитета и влияния короля среди румынского крестьянства и городского мелкобуржуазного населения, питавшего иллюзии в отношении монархии. Однако попытка примирения окончилась неудачей. В начале августа 1930 года в Бухарест возвратилась Лупеску, а некоторое время спустя королева Елена покинула Румынию.

Восстановление Кароля II на румынский престол летом 1930 года было вызвано, по признанию буржуазной историографии, «резким ухудшением» положения в Румынии в годы мирового экономического кризиса². Обострение классовой борьбы в стране потребовало установления власти «твердой руки». Чувствуя свое бессилие перед новым подъемом революционного движения, считая недостаточными методы буржуазной демократии и парламентаризма, господствующие классы Румынии решили пойти по пути установления диктаторского режима, способного, по их мнению, задушить борьбу трудящихся масс за свое освобождение. Возвращение Кароля II в страну было первым шагом в этом направлении.

То, что раньше считалось криминалом, а именно стремление Кароля II к личной диктатуре, теперь, в условиях резкого обострения внутривластной обстановки, стало его главным достоинством. В глазах румынских буржуазно-помещичьих кругов Кароль II казался крайне нужным человеком. С Каролем II связывались надежды эксплуататорских классов на преодоление экономического кризиса, свирепствовавшего в стране. Они ожидали, что возвращение Кароля произведет магическое действие на экономическую обстановку в Румынии. Сильная личность, каковой считался Кароль II, должна была оградить интересы эксплуататорских классов, переложив всю тяжесть экономического кризиса на плечи трудящихся масс.

Кризис 1929—1933 годов проявился с особой остротой в Румынии в силу целого ряда факторов: слабый уровень

развития экономики страны, переплетение высших форм капиталистической собственности (синдикаты, картели, тресты) со значительными феодальными и полуфеодальными формами, взаимное влияние промышленного и сельскохозяйственного кризисов, зависимость основных отраслей экономики Румынии от иностранного капитала. Уже к осени 1930 года биржевые цены на пшеницу и кукурузу упали наполовину, резко сократились посевные площади, ибо себестоимость производства зерна в крестьянских хозяйствах почти в два раза превышала доход от его продажи. В 1933 году была засеяна лишь $\frac{1}{3}$ посевных площадей страны. Резко сократилось промышленное производство, многие предприятия закрылись, остальные были загружены частично. Исключением являлась нефтяная промышленность, где добыча нефти в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 годов увеличилась с 4,8 млн. до 7,3 млн. т по причине ее низкой себестоимости, достигнутой за счет усиления эксплуатации рабочих-нефтяников. Кризис полностью дезорганизовал финансы Румынии. В 1928—1931 годах число банкротств банковских и промышленных предприятий возросло с 1040 до 8357.

Кризис привел к резкому ухудшению положения трудящихся масс города и деревни. Даже по данным буржуазной статистики, число безработных в Румынии достигло 30 тыс., заработная плата занятых на предприятии рабочих в период кризиса уменьшилась на 30—50%³.

Это не могло не вызвать усиления революционной борьбы трудящихся масс. Весной 1929 года более месяца длилась забастовка на лесоразработках в долине Муреша. Одним из самых значительных выступлений пролетариата в начале экономического кризиса была крупная забастовка шахтеров в Лупени, при подавлении которой войсками было убито и ранено свыше 100 рабочих. «Ленский расстрел в Румынии» — так охарактеризовала «Правда» события 5—6 августа 1929 г. За героическими боями шахтеров Лупени последовали выступления румынского пролетариата в Яссах, Бухаресте и других центрах страны. Доведенное до отчаяния голодом и нуждой трудовое крестьянство также включилось в революционное движение, самовольно захватывая помещичьи земли, отказываясь платить налоги и долги. Участились столкновения крестьян с полицией и жандармерией.

Страна стояла на пороге острого политического кризиса. В декабре 1931 года КПР, действовавшая в глубоком подполье и подвергавшаяся жесточайшим репрессиям, собралась на свой V съезд. На этом съезде была выработана стратегия и тактика партии, намечена перспектива революционной борьбы. В документах съезда говорилось, что страна стоит перед завершением буржуазно-демократической революции, задачами которой являются свержение буржуазно-помещичьей власти и установление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Съезд отверг оппортунистическую теорию «неокрепостничества», которая, недооценивая степень развития капитализма и преувеличивая значение остатков феодализма в стране, утверждала, что Румыния стоит перед буржуазной революцией, призванной расчистить почву для капиталистических отношений. По этой теории роль гегемона в революции отводилась буржуазии, а пролетариат и крестьянство должны были выступать ее придатком, отказываясь от борьбы за свержение эксплуататорского строя. Съезд отверг также «левую» теорию сектантов, которые, переоценивая степень капиталистического развития вообще и в сельском хозяйстве в частности, утверждали, что Румыния стоит непосредственно перед пролетарской революцией. Сектантская точка зрения на перспективу революции в Румынии обрекала пролетариат на изоляцию от его основного союзника — крестьянства.

Особенностью социально-экономического развития Румынии было то, что она вступила в капиталистическую фазу тогда, когда эта общественно-экономическая формация стала загнивать. На империалистической стадии капитализма буржуазия не могла ликвидировать феодальные остатки, в первую очередь помещичье землевладение, не подвергая опасности частную собственность вообще. Следствием этого явился реакционный союз буржуазии с помещичьим классом в борьбе против трудящихся. К тому же крупные румынские капиталисты были одновременно собственниками обширных земельных владений, феодальными магнатами. В руках помещиков, составлявших лишь 0,8% сельскохозяйственного населения, находилось 57% всей пахотной земли. Миллионы крестьян на кабальных условиях были вынуждены арендовать помещичью землю, чтобы не умереть с голоду. В промышленности же получили большое развитие монополистические объединения —

картели, тресты и т. п., на долю которых приходилась в ряде отраслей основная масса продукции. Процесс концентрации производства имел своим следствием то, что на крупных предприятиях с числом рабочих более 500 каждое, составлявших менее одного процента общего количества их в стране, было занято более 30% румынского пролетариата⁴. Это делало пролетариат, несмотря на его сравнительную малочисленность, могучей революционной силой, выступавшей во главе непролетарских слоев — крестьянства, сельской и городской мелкой буржуазии и ремесленников, которые составляли подавляющую часть населения страны.

У съезд КПр, принимая во внимание в первую очередь остроту противоречий между пролетариатом и буржуазией, а также противоречия между крестьянами и помещиками, между господствующими классами и угнетаемыми национальными меньшинствами, пришел к выводу, что Румыния является одним из слабых звеньев в цепи капиталистических государств, где классовые противоречия обостряются из-за экономической отсталости страны и переплетения новейших форм капиталистической эксплуатации (монополии и тресты) с феодальными и полуфеодальными остатками (сохранение помещичьего землевладения, джмы-испольщины, монархии и др.). Съезд подчеркнул наличие условий для возникновения и победы революции, гегемоном которой явится румынский пролетариат, руководимый компартией. «Как объективные социально-экономические условия румынской революции и особенности ее движущих сил, так и международное положение (общий кризис капитализма, кризис версальской системы, развитие мировой пролетарской революции и в особенности решающее значение успехов социалистического строительства для мировой революции), — подчеркивалось в решениях съезда, — создают условия для быстрого перехода от завершения буржуазно-демократической революции к пролетарской, социалистической революции»⁵.

В целях организации и руководства борьбой трудящихся масс против буржуазно-помещичьего господства компартия выдвинула следующие главные лозунги: свержение монархии и диктатуры финансового капитала и помещиков, установление власти рабоче-крестьянского правительства, безвозмездная конфискация помещичьих

и монастырских земель с целью распределения их между безземельными и малоземельными крестьянами, борьба против фашистского террора. В условиях обострения противоречий на международной арене съезд потребовал от партии мобилизации масс на борьбу против подготовки империалистической и особенно антисоветской войны, подчеркнув при этом, что «защищая СССР, они защищают самих себя, защищают свои повседневные, насущные и исторические интересы»⁶.

Национал-царанистская партия, в руки которой господствующие классы Румынии передали бразды государственного правления в самом начале мирового экономического кризиса, оказалась не в состоянии справиться с нараставшим революционным движением. Финансово-экономическое положение страны ухудшалось с катастрофической быстротой. Провозгласив «равенство прав иностранных и румынских предпринимателей перед лицом закона и власти», национал-царанистское правительство стало на путь тесного сотрудничества с зарубежными монополистами. Но политика открытых дверей для иностранного капитала, при помощи которой, как утверждали национал-царанисты, можно оживить промышленность и преодолеть кризисные явления, вела лишь к закабалению страны империалистическими державами.

В 1929 году правительство Ю. Маниу получило от группы Рокфеллера заем в 101 млн. долл. для «стабилизации лея», которая выразилась в установлении курса из расчета 167 лей за 1 долл. США. В качестве гарантии румынское правительство сдало в концессию одному шведскому тресту государственную монополию на производство и продажу спичек в Румынии, которая принесла ему только в одном 1931 году 122 млн. лей прибыли. В начале 1930 года на таких же обременительных условиях был получен заем в 8 млн. долл. от американского треста «Интернешнл телефон энд телеграф корпорейшн», кредитору была сдана в концессию сроком на 10 лет вся телефонная сеть страны.

Средств, полученных по иностранным займам, хватало лишь на ежегодные платежи по внешнему долгу, который в 1931 году достиг колоссальной суммы — 173 млрд. лей⁷, на расходы по подготовке к войне, содержание многочисленного полицейского и административного аппарата и другие непроизводительные цели.

Страна была накануне финансового краха, доверие мировых финансово-монополистических кругов к ней было подорвано. В этих условиях восшествие Кароля II на румынский престол было с удовлетворением встречено империалистами. «С нынешнего дня я больше не беспокоюсь о финансовой стабилизации в Румынии», — заявил по поводу возвращения Кароля II французский финансовый эксперт Шарль Рист, направленный в Румынию банками, предоставившими ей «заем стабилизации».

Рисуя картину положения в стране и описывая первые шаги нового румынского монарха, его биограф писал: «Страна страдала не только от экономического кризиса. Она раздиралась политически, ослабляясь в результате межпартийных стычек, вызывавшихся зачастую личной амбицией и обстановкой всеобщей коррупции. Поэтому взоры Кароля II все больше обращались к событиям в других более сильных странах в надежде обнаружить для себя что-либо стоящее подражания. В Италии Муссолини, казалось, создавал порядок в хаосе. В Германии Гитлер нанес поражение коммунистам». Одним из первых актов Кароля II на престоле было укрепление его влияния в верхушке армии, которую он хотел сделать своей главной опорой. Уже в октябре 1930 года он вручает маршальские жезлы генералам Авереску и Презану. «С пугающей быстротой Кароль начал превращаться из короля, правящего через парламент, в короля-диктатора»⁸, — отмечал тот же автор.

Вскоре по возвращении в Румынию Кароль II принял попытку установить режим личной диктатуры. И хотя его поддерживали в этом деле определенные круги румынской буржуазии и помещиков, а также англо-французские монополистические круги, эта попытка не увенчалась успехом, ибо в Румынии в то время не создались еще все необходимые экономические и политические предпосылки для установления диктаторского, фашистского режима. В последующий период румынский король упорно стремился к усилению своей личной власти, проводя фактически фашизацию страны. В политической области это находило свое выражение в постепенной утрате парламентом его значения и роли.

Весной 1931 года национал-царанистское правительство, уже порядком потерявшее влияние в массах по причине проведения антинародного и антинационального

курса, ушло в отставку. Кароль II поручил формирование нового правительства Н. Титулеску, известному буржуазному политическому деятелю и дипломату, славившемуся своим красноречием. Король надеялся, что этот не принадлежащий ни к одной партии премьер будет выполнять только его волю. Однако попытка создать такое правительство не удалась. Тогда Кароль II распустил парламент и назначил Н. Йоргу главой нового кабинета.

Н. Йорга, возглавлявший так называемую народную партию, был выдающимся румынским буржуазным историком, его перу принадлежали также многочисленные литературные произведения, критические статьи и т. п. Внешность этого разносторонне эрудированного человека — высокого, длиннорядого, с лысой головой, как отмечает современник, делала его похожим на патриарха, усиливая его интеллектуальное воздействие на собеседника. Кароль II решил воспользоваться этой авторитетной фигурой, тем более что его удовлетворяла политическая платформа Н. Йорги, ярого националиста и врага революционного движения в стране. Еще в 1923 году Н. Йорга говорил: «Революция невозможна в Румынии, потому что в стране нет рабочего класса. Если и может вестись речь о революции, то только о крестьянской, имеющей одну цель — землю. Но крестьяне получили ее, поэтому все кончено»⁹. Эти слова не отражали действительности и были лишь своего рода заклинанием против революции. Во внешней политике Н. Йорга стоял на антисоветских позициях.

Правительство Н. Йорги, получившее даже в реакционных румынских политических кругах название правительства «твердой руки», отвечало диктаторским устремлениям Кароля II. Многие гражданские служащие были заменены военными чинами, давшими присягу лично королю. Чтобы укрепить свое влияние в армии, Кароль II установил для военных более высокое содержание, чем для гражданских государственных служащих.

После отставки правительства Н. Йорги, продержавшегося у власти около года, Кароль II вновь попытался создать кабинет под председательством Н. Титулеску. Но и на этот раз его постигла неудача. Стремясь сформировать коалиционное правительство с участием всех легальных партий, Н. Титулеску выдвинул платформу, которая предусматривала проведение парламентских выборов с

последующим распределением всех мандатов между партиями и группировками пропорционально полученным голосам. Эта платформа встретила отказ со стороны национал-либеральной и некоторых других мелких партий. В мае 1932 года к власти вновь пришла национал-царанистская партия: сначала правительство возглавил А. Вайда, затем Ю. Маниу.

В годы мирового экономического кризиса Кароль II и сменявшие друг друга правительства придерживались реакционного внутривластного курса. Они жестоко расправлялись с демократическими организациями, подвергая дикому террору членов запрещенной коммунистической партии. В целях борьбы против революционных и демократических сил в это время стали создаваться различные фашистские организации, получавшие финансовую помощь и политическую поддержку со стороны государственного аппарата и влиятельных буржуазно-помещичьих кругов. Были приняты законы расистского типа, аннулировавшие провозглашенное конституцией 1923 года гражданское равноправие. В целях борьбы с растущим революционным движением в стране было введено осадное положение.

В области экономики усилия короля и буржуазно-помещичьих правительств были направлены на то, чтобы за счет широких народных масс выйти из тяжелого экономического кризиса, поразившего страну. Государство выплачивало колоссальные субсидии крупнейшим банкам и монополиям, веда приготовления к антисоветской войне, давало выгодные заказы предпринимателям, выплачивало экспортные премии помещикам за вывоз зерна. Под прикрытием демагогических призывов к жертвам «в интересах нации» буржуазно-помещичья верхушка вела решительное наступление на и без того низкий жизненный уровень трудящихся. В январе 1931 года была претворена в жизнь первая так называемая жертвенная кривая, выразившаяся в сокращении заработной платы государственных служащих и рабочих. В результате второй «жертвенной кривой» были уволены с работы 30% лиц, занятых в государственных учреждениях и предприятиях, вновь была значительно сокращена заработная плата, уменьшен размер пенсий и т. п.

Введение «жертвенных кривых» было связано со все усиливавшейся зависимостью от иностранного монополи-

стического капитала, требовавшего от румынского правительства принятия радикальных мер с целью обеспечения уплаты долгов по заграничным займам. Ярким свидетельством этой зависимости было установление прямого контроля иностранного капитала над финансами Румынии. Только при условии такого контроля правящие круги западных стран предоставляли займы румынскому государству. Поэтому с каждым новым займом из-за границы прибывали новые контролеры и финансовые эксперты. В 1932 году число иностранных экспертов в Румынии было внушительным, а их влияние вышло далеко за рамки консультаций и советов. Шарль Рист, назначенный советником при Национальном банке, фактически определял финансовую политику страны, составление государственного бюджета, мероприятия по стабилизации румынского лея. В дирекции румынских железных дорог обосновался в качестве советника француз Гастон Лефевр. В числе иностранных экспертов, занимавшихся финансами и промышленностью Румынии, были Авеноль, ди Нола, Совдей, Нимейер и др.

Когда правительство национал-цараниста А. Вайды обратилось с просьбой о новом займе, чтобы обеспечить ежегодные платежи по внешнему государственному долгу, то иностранные кредиторы потребовали, чтобы Румыния заключила соглашение о так называемом консультационно-техническом сотрудничестве с Лигой наций. По этому соглашению, подписанному в Женеве 28 января 1933 г., Румыния фактически ставилась под контроль Лиги наций, которая посылала своих «советников» и «экспертов». Соглашение в категорической форме предписывало румынскому правительству «предпринять шаги к восстановлению бюджетного равновесия и осуществить финансовую реформу, включающую урегулирование долгов». Оно обязывало его осуществить «необходимые административные меры по скорейшему сбору задолженности» с крестьян, а также увеличить налоговое обложение населения и др.¹⁰ В этой связи румынское правительство приступило к осуществлению третьей «жертвенной кривой», объявив о новом сокращении заработной платы.

Унизительный характер подписанного румынским правительством Женевского соглашения, или, как его еще называли, «женевского плана», вызвал недовольство и протесты даже в близких Каролю II кругах. Н. Йорга,

признанный сторонник монархии, выступил в газете «Нямул ромынес» 8 февраля 1933 г. со статьей «Хуже, чем во времена турецкого господства», в которой писал следующее: «Унижение Женевским соглашением превосходит все худшее, что могли терпеть наши княжества под турецким сюзеренитетом. Действительно, румынские княжества тогда были обязаны платить определенную сумму к определенному сроку, добавляя кое-что для «сильных мира сего» — Османской империи. Но никогда, никогда в княжеском казначействе не было турецкого представителя, который занимался бы подсчетом налогов и определял бы расходы... Сегодня же в княжестве Румыния дело обстоит иначе. Свидетельствуя о своих преступлениях, партии предпочитают подчинить себя в вопросах финансов контролерам (иностранным. — *Авт.*), которые, если бы решался вопрос о жизни или смерти Румынии, руководствовались бы только интересами международного капитала».

Компартия оценила «женевский план» как открытую атаку кучки румынских и иностранных эксплуататоров против трудящихся. Операция «жертвенная кривая», предписанная им, вызвала взрыв ненависти и возмущения населения. Против «женевского плана», означавшего экономическое и политическое закабаление Румынии, дальнейшее ухудшение положения трудового народа и усиление приготовлений к антисоветской войне, решительно выступил рабочий класс, руководимый Коммунистической партией Румынии. Новый подъем пролетарской борьбы некоторые буржуазные английские газеты комментировали так: «Румынская революция! Король Кароль посылает сигналы „SOS“». В январе — феврале 1933 года имели место героические бои железнодорожников и нефтяников Румынии, носившие ярко выраженный политический характер. Железнодорожники депо Гривица, против которых правительство бросило войска, скандировали лозунги: «Долой осадное положение!», «Да здравствует единый фронт!», «Да здравствует коммунистическая партия!». Каратели убили и ранили десятки рабочих-железнодорожников, около 2000 человек было арестовано. Над руководителями революционной борьбы железнодорожников — Г. Георгиу-Дежем, Киву Стойкой и др. был организован судебный процесс, закончившийся вынесением им приговоров о длительном тюремном заключении.

Решительное выступление румынского пролетариата подорвало антинародные и антинациональные замыслы румынской и международной реакции. «Женевский план» был сорван. Наступление капитала на права трудящихся было приостановлено, а фашизация страны временно затормозилась. Тем не менее и после окончания мирового экономического кризиса 1929—1933 годов реакционные румынские круги с Каролом II во главе упорно продолжали стремиться к установлению фашистского режима в стране.

Отказ от методов буржуазного парламентаризма в управлении государством, фашизация политической жизни в предвоенной Румынии обуславливались всем ходом социально-экономического развития. Как и в других странах, процесс фашизации в Румынии имел в своей основе стремление всесильной монополистической верхушки поставить государственный аппарат на службу только ее интересам, путем открытого террора подавить борьбу трудящихся за освобождение от капиталистического рабства.

VII конгресс Коминтерна (август 1935 г.) определил фашизм как «открытую террористическую диктатуру наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала»¹¹. Хотя Румыния позднее других стран вступила на путь капиталистического развития, а в экономике страны сохранялись сильнейшие феодальные пережитки, в предвоенные годы в ее промышленности отмечалась высокая степень концентрации производства и капитала, характерная для монополистической стадии капитализма.

В 1920—1936 годах в Румынии получили развитие отрасли добывающей промышленности, в первую очередь нефтяная. Добыча нефти возросла в 8 раз, составив в 1936 году более 8,7 млн. т. По добыче нефти Румыния стояла на первом месте в Европе и на седьмом месте в мире среди капиталистических стран. Имелась собственная металлургическая и военная промышленность. Наиболее развитыми в Румынии были текстильная и пищевая отрасли промышленности, в которых было занято 40% всех рабочих, а объем произведенной продукции составлял 43% всего производства обрабатывающей промышленности¹². Следует указать, что промышленное развитие буржуазно-помещичьей Румынии носило однобокий

характер: в стране отсутствовали многие нужные для ее экономического развития отрасли промышленности. К 1935 году в румынской промышленности было занято, по некоторым подсчетам, более 495 тыс. человек. Если к этому прибавить работавших в кустарной промышленности, сельскохозяйственных рабочих и т. п., то общая численность румынского пролетариата достигнет 1,5 млн.

Процесс концентрации и централизации производства и капитала в Румынии резко усилился в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 годов. В то время многие мелкие и средние предприятия и банки потерпели банкротство или были поглощены крупными монополистическими объединениями. В 1936 году промышленные предприятия с капиталом свыше 100 млн. лей каждое составляли 0,5% общего числа всех акционерных обществ, но располагали более чем 80% акционерного капитала в промышленности Румынии. В стране насчитывалось около 100 картелей, которые объединяли основные предприятия в различных отраслях промышленности. В металлургической промышленности картелированные предприятия контролировали 98% вложенного капитала. Картели и синдикаты, по заявлению румынского буржуазного экономиста В. Маджару, имели возможность диктовать цены почти на все промышленные товары личного потребления и подавляющую часть средств производства¹³. В результате поглощения мелких и средних банков крупными количество банков в Румынии в 1930—1937 годах сократилось более чем вдвое. Процесс концентрации и централизации в промышленности сопровождался усилением роли финансового капитала в Румынии.

В румынской экономике господствовала кучка монополистов, связанных теснейшими узами с иностранным капиталом, главным образом англо-французским. Н. Малакса являлся собственником металлургических заводов «Малакса», а также владел акциями других крупных металлургических и машиностроительных заводов, таких как «Решица», «Астра», «Копша — Мика — Куджир», «Форд—ромына», «Металлургические дунайские предприятия». Его соперником и партнером в ряде предприятий выступал М. Аушнит, который был совладельцем и членом правления заводов «Решица», «Титан — Надраг—Калан», «Астра» и «Металлургических дунайских предприятий», а также имел за границей значительное

количество акций английского концерна «Виккерс», Лондонского Вестминстерского банка, Американского кредитного общества и др. Заводы «Решица» и «Титан — Надраг—Калан» давали почти всю продукцию румынской черной металлургии. В нефтяной промышленности пять компаний («Астра ромына», «Стяуа ромына», «Ромына американа», «Конкордия» и «Коломбия»), делами которых заправляли в сотрудничестве с иностранными монополистами Г. Маринеску, К. Аржетояну, В. Антонеску, А. Вайда и др., производили около $\frac{3}{4}$ всей румынской нефти. А. Мочорница фактически монополизировал производство обуви в стране. Банковским капиталом командовала пятерка крупнейших банков—Румынский банк, Банк румынского кредита, Румынский торговый банк, Итало-румынский торговый банк и Румынское банковское общество. Эти банки, находившиеся, в свою очередь, в зависимости от международного финансового капитала, преимущественно англо-французского, финансировали и контролировали основные отрасли румынской промышленности.

Сам румынский король был одним из крупнейших капиталистов в стране: в его руках находились акции банков и промышленных предприятий, в том числе акции Банка румынского кредита, «Решицы», «Малаксы», «Астра ромына» и др., оценивавшиеся в 1935 году многими миллионами лей. О том, какими путями разбогател Кароль II, живописно повествует румынский автор, написавший книгу «Истинная история монархии»: За десять лет своего правления (1930—1940 гг.) король Кароль стал совладельцем 34 крупных и средних предприятий. После первого года пребывания на престоле 7 июня 1931 г. начали завязываться его связи с Аушнитом и Малаксой. В этот день Пуйя Думитреску (адъютант короля) устроил для них аудиенцию. В то время как Малакса стоял, держа в руках портфель, в котором находилось сто миллионов лей, Аушнит завел речь об успехах крупной промышленности, достигнутых благодаря королевской поддержке. Затем Малакса возвысил голос и произнес: «Ваше Величество! Крупная промышленность глубоко признательна вам за все то, что вы сделали, и просит вас принять эти сто миллионов лей как скромный вклад за оказываемую дворцом поддержку». Позднее, рассказывая друзьям эту сцену, Малакса говорил: «Мы ожидали,

что последует большой скандал и нас выставят из дворца. Но ничего подобного не случилось. Кароль II поочередно пожал нам руки, а затем наградил орденами. Вечером мы играли все вместе в бридж, и никто не завел речи о том, что случилось на аудиенции». 30 марта 1932 г. рыцари индустрии снова побывали во дворце с тем же церемониалом, вручив уже 200 млн. лей. С каждым годом сумма увеличивалась примерно на 100 млн. лей, достигнув в 1936 году 650 млн. лей¹⁴.

В период после мирового экономического кризиса 1929—1933 годов Румыния усиленно фашизировалась ее правителями. Эта фашизация была следствием роста и развития в ней государственно-монополистического капитализма, при котором, как указывает В. И. Ленин, «шаги к большей монополизации и большему огосударствлению производства неизбежно сопровождаются усилением эксплуатации трудящихся масс, усилением гнета, затруднением отпора эксплуататорам, усилением реакции и военного деспотизма и вместе с тем неизбежно ведут к неимоверному росту прибыли крупных капиталистов за счет всех остальных слоев населения...»¹⁵.

В конце 1933 года национал-либеральная партия, получив на выборах 55% голосов, сформировала правительство во главе со своим новым лидером — И. Дукой. «Представитель господствующих классов Дука с самого начала своей политической карьеры был смертельным врагом революционного пролетариата» — так характеризовал его орган КПр «Лупта де класэ».

К этому времени внутри национал-либеральной партии имелись две группировки: «старые либералы», руководимые И. Дукой, и «молодые либералы», возглавляемые Г. Татареску. «Молодые либералы» были тесно связаны с Каролем II и являлись одной из наиболее реакционных фракций этой буржуазно-помещичьей партии. Они представляли интересы крупной монополистической буржуазии и финансового капитала, занятых в тяжелой и военной промышленности, в отличие от «старых либералов», экономические интересы которых были издавна связаны с текстильной и другими отраслями легкой промышленности. И. Дука недолго возглавлял правительство: накануне нового, 1934 года он был убит террористами.

После гибели Дуки позиции «старых либералов»

ослабли. Хотя новый председатель партии — Д. Братиану был избран из их среды, Кароль II назначил премьером Г. Татареску, нарушив тем самым традицию, согласно которой глава партии возглавляет правительство. В результате этого еще более усилился раскол в национал-либеральной партии.

Г. Татареску, являясь незаурядным оратором, был беспринципным политиком, готовым на все ради карьеры. Начав политическую деятельность в 20-х годах, Г. Татареску зарекомендовал себя заклятым врагом революционно-освободительной борьбы трудящихся. В 1924 году, находясь на посту заместителя министра внутренних дел, он прославился беспримерной жестокостью при подавлении народного восстания в селе Татарбунары. С назначением Г. Татареску на пост премьер-министра, отмечала компартия Румынии, «значительно возросла роль королевской камарильи и военной клики, а фашизация либеральной партии и государства сделала значительный шаг вперед»¹⁶.

Правительство Татареску находилось у власти почти четыре года. Фактически оно было внепарламентским, его политику определяло королевское окружение — «камарилья», состоявшая из магнатов финансового капитала и промышленников, высокопоставленных военных и гражданских чиновников, одобрявших курс Кароля II, который предоставлял им огромные возможности для обогащения. Коррупция и моральное разложение, маразм и загнивание господствовали в среде королевской «камарильи». Тон задавал сам Кароль II, первый распутник и взяточник в стране.

Но дело было не только в крайней распущенности и корыстолюбии короля, а в далеко зашедшем процессе разложения румынских эксплуататорских классов в целом, что свидетельствовало об их закате.

Особое место в королевском окружении занимали Э. Урдаряну и «первая дама» Е. Лупеску, которые, используя свое влияние на Кароля II, выступали ходатаями-комиссионерами по различным делам. Э. Урдаряну очень скоро разбогател и вошел в правление многих промышленных и финансовых обществ, вызвав зависть и ненависть со стороны менее удачливых соперников, которые, намекая на его способ обогащения, прозвали этого человека Мурдаряну (от румынского слова «мурдар» — гряз-

ный). Что касается Е. Лупеску, то ненависть к ней усиливалась по той причине, что она была еврейкой: в королевской Румынии, которая была первой после гитлеровской Германии страной по распространенности антисемитизма, еврейское происхождение оставалось нестираемым пятном. Даже те, кто одобрял фашистский внутривластный курс Кароля, не могли простить ему связи с Е. Лупеску.

Верхушка монополистической буржуазии, сгруппировавшаяся вокруг короля в 1934—1937 годах, широко использовала аппарат румынского государства для усиления своих экономических и политических позиций, ведя дело к установлению диктаторского режима в стране.

Узость внутреннего рынка, обусловленная сохранением сильнейших феодальных пережитков и крайне низким жизненным уровнем трудящихся масс, привела к тому, что в кризисные и послекризисные годы промышленности средств потребления, в которой господствовали «старые либералы» во главе с семьей Братиану, оказалась в упадке. В 1935 году текстильная и кожевенная промышленность работала наполовину своих мощностей, деревообрабатывающая — на 35% и т. д. Что же касается тяжелой промышленности и других отраслей, связанных с военным производством, то они переживали подъем. Именно развитие этих отраслей промышленности определило рост промышленного производства в Румынии в 1928—1937 годах в полтора раза. Через Национальный банк правительство Татареску широко финансировало отрасли промышленности, работавшие на подготовку к войне. В 1936 году в эти отрасли было направлено 76% всех капиталовложений румынской промышленности. Получая высокие проценты по займам и кредитам государству, Национальный банк резко усилил свои позиции в ущерб Румынскому банку, являвшемуся цитаделью финансово-промышленной группы во главе с семейством Братиану. Государство потребляло всю продукцию военной промышленности, 70% продукции металлургической промышленности, 80% угольной промышленности и т. д., оплачивая свои заказы по очень высоким ценам.

Отрасли промышленности, в которых господствовала королевская «камарилья», были объявлены «национально важными» и пользовались всевозможными выгодами и привилегиями. Они получали государственные субси-

дии, освобождались от налоговых обложений, пользовались льготным тарифом на транспорте и т. д. Правительство Татареску проводило протекционистскую политику, ограждая высокими таможенными барьерами внутренний румынский рынок от более дешевых товаров иностранного производства. По сравнению с 1929 годом таможенные пошлины в 1938 году выросли в 8,5 раза и носили фактически запретительный характер¹⁷. По закону 1936 года промышленным предприятиям, которые приступали к выпуску изделий, ранее не производившихся в стране, предоставлялись выгодные условия вывоза из-за границы необходимых машин и оборудования для налаживаемого производства. Кроме того, государство запрещало на довольно длительный срок (от 16 до 32 месяцев) любой импорт подобных изделий. Подобные льготы получили предприятия «Малакса» (на изготовление стальных труб), «ИАР» (на изготовление самолетов) и др.

Государственный протекционизм не распространялся на круги, не связанные с королевской «камарильей», ставя их в невыгодное, а порой и в затруднительное положение. По этой причине росли противоречия между монополистической группировкой во главе с Каролом II и другими буржуазными группировками, не получавшими систематической поддержки со стороны государства, — национал-либеральной, руководимой Д. Братиану, и национал-царанистской, возглавляемой Ю. Маниу.

Растущие тенденции государственно-монополистического капитализма нашли свое выражение и в других актах правительства Татареску. В руки румынского буржуазного государства был передан ряд хозяйственных функций. Был установлен контроль над внешней торговлей, создана правительственная комиссия по снабжению сырьем и др. В 1937 году был принят закон о картелях, предоставивший министерству промышленности и торговли право контроля за деятельностью промышленных предприятий, которые обязаны были давать полный отчет о своей работе за год. Этот закон укрепил господствующее положение монополистической верхушки, располагавшей по своему усмотрению государственной властью, создал для нее огромные преимущества в борьбе с конкурентами.

«Экономический либерализм был мертв и неизбежную смерть политического либерализма нельзя было отло-

жить»¹⁸, — писал национал-царанистский автор по поводу последствий государственного протекционизма, осуществлявшегося королевской «камарильей» в собственных интересах. Это высказывание верно с той точки зрения, что господство монополий влечет за собой политическую реакцию, отказ от буржуазной демократии. Парламентский режим с борьбой конкурирующих партий, дискуссиями по принимаемым законам, необходимостью соблюдения определенной процедуры и т. п. становится помехой монополистической верхушке, жаждущей неограниченно пользоваться государственным аппаратом в целях своего обогащения. Только ликвидация буржуазного парламентаризма и установление власти диктатуры могли обеспечить достижение узкокорыстных целей монополистической верхушки.

Наряду с верхушкой промышленных магнатов и заправил финансовой олигархии в установлении диктаторского режима были заинтересованы крупные аграрии, которые также пользовались благами протекционизма. Правительство Татареску выплачивало им экспортные премии за зерно, скот и мясо, продававшиеся на мировом рынке. За каждый вывезенный вагон зерна государство доплачивало экспортеру 10 тыс. лей. Только в 1935 году на финансирование вывоза хлеба было истрачено 28 млрд. лей. Через «Союз сельскохозяйственных палат» государство распределяло крупным землевладельцам машины и сельскохозяйственные орудия, химические удобрения и семенной материал по сниженной цене¹⁹. В целях укрепления позиций крупных аграриев и сельской буржуазии в 1937 году был издан закон «Об организации и поощрении сельского хозяйства». Он поощрял создание крупных землевладений, закреплял за ними дешевую рабочую силу, ограничивая личную свободу крестьян запрещением ухода из деревни без разрешения местных властей, официально регламентировал полуфеодалные повинности крестьян в пользу помещиков, сдававших землю в аренду, — отработки, джиму и др. Во второй половине 30-х годов широкое распространение получило снабжение крупнейших землевладельцев даровой рабочей силой путем посылки солдат на сельскохозяйственные работы.

Фашизация страны, выраставшая на базе усиления тенденций государственно-монополистического капита-

лизма, ущемляла экономические интересы части буржуазии, не принадлежавшей к господствующей верхушке финансового капитала. В то время как находившаяся в руках королевской «камарильи» тяжелая и военная промышленность при финансовой и прочей поддержке со стороны государства расширяла свое производство, предприятия, выпускавшие потребительские товары для населения, не были загружены, а многие средние и мелкие предприятия вообще прекращали свою деятельность. В противоположность этим разоряющимся предприятиям расширялись и приносили баснословные доходы заводы и фабрики, принадлежавшие монополистической верхушке. В 1934 году заводы «Решица» при капитале в 825 млн. лей дали 900 млн. лей дохода.

Проводившаяся правительством Татареску гонка вооружений явилась важным источником обогащения господствующей монополистической верхушки за счет широчайших масс населения. Размеры военных ассигнований были очень велики, составляя, даже по официальным данным буржуазно-помещичьего правительства, четвертую часть государственного бюджета. Прямые военные расходы в 1935—1936 годах при общей сумме бюджета в 20,7 млрд. лей равнялись 4,7 млрд. лей. По оценке современных румынских экономистов, на финансирование военных приготовлений фактически тратилось намного больше: в том же бюджетном году на военные цели, а также на содержание репрессивных органов и бюрократического государственного аппарата ушло 72,9% бюджетных средств²⁰.

Колоссальные военные расходы, непосильные для экономики буржуазно-помещичьей Румынии, временно покрывались с помощью внутренних и внешних займов. В 1934 году был выпущен «займ вооружения», распространение которого среди населения, по признанию румынского буржуазного экономиста Г. Добровича, носило принудительный характер²¹. Навязывавшаяся трудящимся сумма облигаций этого займа превышала их платежеспособность. В середине 1937 года государственный долг Румынии составлял 112,2 млрд. лей, из которых 78,4 млрд. лей падало на внешнюю задолженность.

Основным источником финансирования государственных расходов на гонку вооружений, на поощрение «национально важной промышленности», на оплату выгод-

ных заказов монополистам и выплату «экспортных премий» крупным аграриям, а также на покрытие задолженности по иностранным займам являлось растущее из года в год налоговое обложение. Особенно повышалось косвенное обложение, всей своей тяжестью ложившееся на плечи народных масс: в 1935—1936 годах сумма косвенных налогов в три раза превосходила сумму прямых налогов. По подсчетам румынской буржуазной газеты «Аргус», с населения взималось более 50 прямых и косвенных налогов. Здесь и налог «на вооружение» с продажи хлеба, и налог «на авиацию» с крупного рогатого скота, налоги на ткани, электричество, сахар и многие другие. О размере косвенных налогов на потребление трудящихся можно судить по следующему примеру: в 28 лей стоимости одного килограмма сахара входили 16 лей косвенных налогов.

Положение румынского пролетариата ухудшалось в результате роста дороговизны и падения реальной заработной платы. Как пишет Сурпат, исследователь проблемы обнищания рабочего класса Румынии в период между двумя мировыми войнами, заработная плата румынского рабочего была одной из самых низких в Европе, а тенденция к ее дальнейшему снижению проявлялась сильнее, чем в большинстве капиталистических стран²². В переводе на твердую валюту месячная зарплата стрелочника равнялась 7 долл. США. Тяжелое положение румынского пролетариата усугублялось тем, что в это время в стране отмечалась значительная безработица, вызванная падением производства в пищевой, деревообрабатывающей и других невоенных отраслях промышленности. Румынские буржуазные газеты признавали, что безработица приняла угрожающие размеры, охватывая все новые слои населения.

Следствием экономической политики правительства королевской «камарильи», действовавшего в интересах верхушки капиталистов и помещиков, явился рост нищеты трудящегося крестьянства. Хронический аграрный кризис вел к деградации румынского сельского хозяйства, которое в 30-х годах продолжало оставаться основным сектором в румынской экономике, давая более половины национального дохода²³. Если крупные аграрии пользовались поддержкой государства в виде экспортных премий, субсидий и льгот, то основная масса крестьян

яинства испытывала острую нужду в земле, инвентаре, семенном материале, в кредитах. Бюджетные ассигнования на нужды сельского хозяйства к 1937 году сократились более чем в три раза по сравнению с 1922 годом. Крестьяне могли получать кредиты только на ростовщических процентах. Они бедствовали от возрастающего разрыва между ценами на промышленные и сельскохозяйственные продукты. По данным, приведенным американским исследователем Робертсом в 1929—1935 годах, цены на сельскохозяйственные продукты в Румынии упали больше чем наполовину, а цены на промышленные товары остались на старом уровне²⁴.

Налоговое обложение на крестьян, включая косвенные налоги, увеличилось в 1933—1937 годах в два с лишним раза. За неуплату налогов с крестьянского двора уводилась последняя корова, продавалось с торгов скудное крестьянское имущество. В 1936 году с молотка было пущено более 6 тыс. крестьянских хозяйств, то есть на 61% больше, чем в 1934 году. Об ужасающей нищете румынского крестьянства невольно свидетельствовала официальная пресса, помещая объявления о продаже с торгов следующего «имущества» должника: «два женских платка, три разбитые чашки, обколотый стакан, наперсток, две дубинки с именем Костаке Граду, катушка ниток, кошелек с двумя леями и два свидетельства о бедности». С трибуны румынского парламента депутаты заявляли, что «крестьянство продолжает нищать, его жизненный уровень, низкий еще до войны, постоянно падает, крестьянин недоедает, ходит в лохмотьях, его хозяйство рушится»²⁵.

Расслоение крестьянства привело к тому, что в 1927—1936 годах количество крестьянских хозяйств размером до 5 га уменьшилось на 831 463 хозяйства, а число кулацких увеличилось на 124 285 хозяйств. Кулацкие хозяйства (от 10 до 50 га) составляли в 1930 году всего 7,2% общего числа сельских владений, но располагали 20% всех земель. Трудящееся крестьянство страдало не только от недостатка земли, находившейся в руках помещиков и кулаков. По выборочному обследованию, проведенному румынским министерством земледелия, 36,9% хозяйств не имели совсем рабочего скота, 32,5 — коров, 48,1 — свиней и 46,2% хозяйств не имели овец.

В румынском сельском хозяйстве был большой избы-

ток рабочей силы. Аграрное перенаселение иллюстрируется следующими цифрами: в целом в сельском хозяйстве использовалось в 1933 году лишь 43,66% потенциальной рабочей силы²⁶. Румынские экономисты того времени признавали, что 80% всех крестьянских хозяйств совершенно нерентабельны. Это свидетельствовало о крайне бедственном состоянии основных масс румынского крестьянства.

После мирового экономического кризиса 1929—1933 годов ухудшалось с каждым годом положение мелкобуржуазных городских слоев, служащих и трудовой интеллигенции Румынии. Более половины многочисленной армии румынских чиновников получало заработную плату ниже официального прожиточного уровня.

Большинство населения жило в нищенских условиях. Потребление промышленных товаров на душу населения в Румынии было в 3,5 раза меньше, чем в капиталистических странах Европы. Трудящиеся массы хронически недоедали: потребление мяса на душу населения было в 2,2 раза меньше, чем в Чехословакии, в 2 раза меньше, чем в Болгарии, и в 4,3 раза меньше, чем в Дании; по потреблению молока, масла и брынзы Румыния отставала от Франции в 3 раза, Дании в 4 раза, Швейцарии в 5 раз. Мясо, яйца, молоко и другие высококалорийные продукты были недоступны основной массе населения. Главным продуктом питания являлась кукуруза. В 1936 году житель Румынии потреблял хлопчатобумажных тканей в три раза меньше, кожаных изделий — на 30% меньше, сахара — на 12%, мучных изделий — на 20% меньше, чем в 1927 году²⁷.

Следствием нищенских условий жизни было широкое распространение социальных болезней, высокая смертность среди трудового населения. В 1938 году смертность в Румынии на 1000 человек достигла 183 человек (для сравнения укажем, что в Югославии и Болгарии она составляла 144 человека, в Италии — 106, Греции — 99, Франции — 66, Англии и Уэльсе — 37 и в Голландии — 31 человек). Столь высокая смертность объяснялась также отсутствием медицинской помощи: в Румынии на 10 тыс. человек приходилось в среднем 4,6 врача, а в сельской местности — лишь 1,1 врача²⁸.

Исключительно тяжелое положение народных масс Румынии отметил пленум ЦК КПР (август 1936 г.):

«Крестьянство, рабочий класс, ремесленники, служащие, интеллигенция, мелкие торговцы поставлены в условия физического вырождения. Крестьяне мрут от голода, пеллагры, сифилиса, сыпного тифа. Социальные болезни приобретают эпидемический характер и среди городского населения. Туберкулез косит служащих. Больницы закрываются, смертность растет, а рождаемость падает. Закрываются университеты и школы, неграмотность увеличивается и понижается культурный уровень народа. Возгласы отчаяния раздаются со всех сторон»²⁹. Все это не могло не вести к росту недовольства политикой румынской правящей верхушки, обострению классовых противоречий, росту борьбы трудящихся масс за свои жизненные права.

В 1934 году бастовали рабочие угольных шахт, текстильных фабрик в Бухуше и Яссах, лесоразработок в Чуке и многих других предприятий, требуя повышения заработной платы и прекращения увольнений с работы. В Бухаресте рабочими заводов «Малакса» и «Титан» была проведена демонстрация против наступления на жизненный уровень трудящихся, против фашизма и военных приготовлений. По данным официальной буржуазной румынской статистики, в 1935 году имели место 274 трудовых конфликта с охватом 76 813 рабочих, а в 1936 году — 345 трудовых конфликтов с охватом 83 988 человек. В число трудовых конфликтов входили как забастовки, так и конфликты, разрешавшиеся путем соглашения в так называемых трудовых палатах. Согласно официальным данным, в 1936 году прошло 88 забастовок, в которых участвовало более 16 тыс. человек. В действительности их число было значительно больше.

Под руководством компартии, которая, несмотря на запрет и свою малочисленность, пользовалась большим влиянием и авторитетом среди рабочих, румынский пролетариат вел мужественную борьбу за улучшение своего экономического положения, за демократические свободы и мир. Наиболее крупными выступлениями рабочих в 1935 году явились длившаяся 70 дней забастовка 5 тыс. текстильщиков в Бухуше, забастовка 2 тыс. шахтеров и металлургов в Адине, забастовка на заводе «Хауг» в Бухаресте. Бастовали также железнодорожники и нефтяники. Осенью 1935 года в течение восьми недель упорную борьбу за свои права вели рабочие крупнейшей в Румы-

нии обувной фабрики «Дермата». В первые месяцы 1936 года забастовочная волна прокатилась по предприятиям Бухареста, Медиаша, Тимишоары и других городов. В Араде шесть недель не работала фабрика «ИТА», 2500 рабочих которой добивались улучшения условий труда и жизни. Более месяца длилась летом 1935 года забастовка 2 тыс. рабочих арадского завода «Астра вагоане».

Забастовочная борьба рабочих сочеталась с выступлениями крестьян против жестокой эксплуатации, непосильного бремени налогов, за землю и свободу. В Мехединце, Долже, Турде и других уездах доведенные до отчаяния крестьяне, вооружившись топорами и вилами, изгоняли сборщиков налогов и жандармов, производивших конфискацию имущества за неуплату долгов. «Нет ни одного уезда, где бы крестьяне, по меньшей мере в двух-трех селах, не выгнали бы сборщиков налогов»³⁰, — сообщала в начале 1935 года коммунистическая газета. Под руководством областного комитета КПП в октябре 1934 года состоялась крупная забастовка рабочих лесозаготовок в долине реки Гимеш, поддержанная крестьянами окрестных сел. Восставшие заняли примарии нескольких сельских коммун, изгнав оттуда представителей властей и жандармов, уничтожили долговые списки, захватили склады, где хранились конфискованные у крестьян продукты. Правительству удалось подавить это восстание, лишь направив значительные воинские силы и жандармские подразделения. Были улиты 32 человека, большое число участников подверглось жестоким наказаниям.

В Бухаресте и других городах проходили выступления мелких ремесленников и торговцев, инвалидов войны, представителей интеллигенции с протестами против грабительской налоговой политики правительства, проводившейся им фашизации страны.

В своей внутренней политике Кароль II сочетал террористические методы с беззастенчивой демагогией. В зависимости от того, кому адресовались его слова, он именовал себя «королем рабочих», «королем крестьян», «королем культуры» и т. п. Но эта маскировка под «демократа» не могла обмануть революционно настроенных трудящихся. Вскрывая одиозную роль Кароля II в зверском подавлении февральских революционных боев трудящихся Румынии, газета «Скынтейя» писала в мае

1933 года: «Кароля Второго, которого подобрали в кабаре Парижа, называют «королем-демократом»... Он стоит во главе всех кровавых действий против рабочих и крестьян... Трудящиеся массы не ждут никакой помощи от первого помещика и палача Румынии. Трудящиеся массы борются за свержение монархии и всей буржуазно-помещичьей диктатуры»³¹.

Непрекращающиеся забастовки рабочего класса, выступления трудящегося крестьянства в 1934—1935 годах, а также растущее недовольство мелкобуржуазных городских кругов показали, что политика королевской «камарильи» наталкивалась на сильнейшее сопротивление со стороны народных масс. Подавить это сопротивление и укрепить свое господство буржуазно-помещичья верхушка могла только путем установления фашистской диктатуры. И она пошла по этому пути.

Анализируя экономическое и политическое положение Румынии, пленум ЦК КПП (февраль 1935 г.) отмечал, что правительство Татареску вело политику укрепления и усиления позиций финансового капитала и крупных аграриев, наступления на жизненные экономические интересы трудящихся города и деревни. «В связи с тем, что применявшимися до сих пор методами буржуазии не удалось затормозить движение недовольных масс и подорвать нарастание революционной волны, в среде самых реакционных групп буржуазии вызревают планы немедленного установления открытой фашистской диктатуры»³². К этому толкали также растущие противоречия внутри буржуазно-помещичьего лагеря, процесс разложения буржуазно-помещичьих партий, терявших влияние в массах.

К установлению диктатуры стремилась королевская «камарилья», представлявшая интересы монополистической верхушки буржуазии и помещиков, которые группировались вокруг Кароля II. Диктатуру своих партий стремились установить также национал-либералы во главе с Д. Братиану и национал-царанисты во главе с Маниу и Михалаке. «Если речь пойдет об установлении диктатуры, — говорили в национал-царанистских кругах, — то она может быть установлена только господином Михалаке (тогдашний председатель национал-царанистской партии. — Авт.)».

Каждая из группировок господствующих классов хо-

тела установления своей диктатуры, чтобы использовать государственный аппарат для собственного обогащения и в ущерб конкурентам. Как указывал орган компартии «Скынтейя» 30 июня 1935 г., разногласия между ними вытекали из того, что «буржуазно-помещичья верхушка не может договориться по вопросу о том, „кто“ и „каким образом“ должен установить фашистскую диктатуру». Но их объединяла ненависть к революционным и демократическим силам румынского народа, боровшимся против фашизма и войны, за уничтожение капиталистической эксплуатации. По этой причине они были готовы в нужный момент поддержать друг друга в установлении фашистской диктатуры, которая, подавив революционное движение, сохранила и укрепила бы буржуазно-помещичий строй в Румынии.

Национал-либеральная группировка Д. Братиану, так же как и национал-царанистская партия, выступала против попыток короля сконцентрировать всю полноту власти, на словах отстаивая парламентскую систему. Но шумная оппозиция диктаторским устремлениям короля и требования соблюдать принцип, согласно которому «король царствует, но не управляет», не были свидетельством приверженности буржуазному парламентаризму или отвращения к режиму диктатуры. Защита парламентаризма была для оппозиции лишь средством борьбы против засилья королевской «камарильи». Известно, что национал-царанистские лидеры восхваляли «достижения» германских и итальянских фашистов, призывая следовать их примеру. И. Михалаке, посетив «с целью политических наблюдений» фашистскую Италию в 1934 году, сказал, что его поразила «созидательная деятельность Муссолини»³³.

В национал-либеральной, национал-царанистской и других буржуазных партиях, именовавших себя «демократическими», в середине 30-х годов отмечался значительный сдвиг вправо. Известный румынский историк М. Роллер даже считал, что в Румынии, как и в других странах, где буржуазные партии еще сохраняли влияние в массах, шел процесс фашизации самих этих партий³⁴. На съезде национал-царанистской партии в 1935 году произошел раскол: в связи с тем что в новую партийную программу не был включен пункт о «нумерус влахис», который предоставил бы преимущества лицам румынской

национальности за счет дискриминации национальных меньшинств, партию покинул один из ее лидеров — А. Вайда, который вскоре организовал так называемый Румынский фронт, имевший ярко выраженную фашистско-националистическую окраску. В том же году он объединился с крайне реакционными группировками в «Национальный парламентский блок». Основными пунктами программы этого блока в области внутренней политики были: сохранение монархии, устранение нерумен из всех общественных организаций и государственного аппарата, «защита румынского труда», православной и униатской церкви, изменение конституции с целью усиления центральной власти; в области внешней политики: сохранение существующих союзов и отказ от заключения договора о взаимной помощи с СССР под предлогом его «несвоевременности».

Принятая съездом национал-царанистской партии в 1935 году программа была по своей сущности реакционной, антикоммунистической. В ней говорилось о создании «крестьянского государства», хозяйственная система которого будет основываться на совокупности трех секторов: государственного, частного и кооперативного. Последний должен объединять крестьянство и пользоваться в первую очередь вниманием и поддержкой государства. Программа демагогически провозглашала, что «управление государством должно быть передано в руки крестьян», что «крестьяне должны владеть богатством, которое они создают», и т. д. и т. п. Лозунг, призывавший к созданию «крестьянского государства», был реакционным в сущности и нацеливал на установление в Румынии корпоративного строя по итальянскому фашистскому образцу. В изданиях компартии того времени подчеркивалось, что лозунг «крестьянского государства» является контрреволюционным, призванным помочь румынским помещикам и капиталистам «заманить крестьян, чтобы потом создать фашистское государство»³⁵. Программа национал-царанистской партии проповедовала насильственную румынизацию национальных меньшинств. Говорилось также о необходимости сохранения конституционной монархии, но подчеркивалось, что сенат должен быть заменен «корпоративным советом». Вместо «индивидуалистической демократии» предлагалось ввести «групповую демократию».

Внутри руководства национал-царанистской партии шла непрерывная борьба между И. Михалаке и Ю. Маниу, которые попеременно избирались председателями этой партии. Ю. Маниу расходился с И. Михалаке в вопросах тактики партии. Первый был сторонником «прямых действий» против королевской «камарильи». В целях укрепления своих позиций в партии он шел на слова влево, уступая давлению низовых организаций и рядовых членов. В 1936 году он выступил в газете «Ромыния Ноуа» с программой национализации крупной промышленности. И. Михалаке, являвшийся председателем партии до 1937 года, осуждал тактику Ю. Маниу, его выступления против Кароля II, считая, что она снижает шансы национал-царанистов на приход к власти. При всей своей посредственности И. Михалаке, сельский учитель, дослужившийся в армии до чина штабс-капитана, отличался крайней претенциозностью. По этой причине его насмешливо называли топловенский барон (он был выходцем из крестьян деревни Топловень). Каролю II были не по нутру разглагольствования Михалаке о «примате крестьянства» в румынском государстве, а его крестьянский наряд действовал на Кароля II, как действует на быка красный плащ в руках тореадора.

В национал-либеральной партии, как уже было сказано, наряду с основной группой Д. Братиану имелась группировка «молодых либералов» Г. Татареску, стремившаяся к установлению королевской диктатуры. Д. Братиану и другие ветераны национал-либеральной партии не выступали против профашистского политического курса Г. Татареску. Они не возражали против того, что Татареску именовал свое правительство национал-либеральным, таким образом фактически солидаризируясь с ним. В июле 1936 года даже произошло формальное объединение «молодых» и «старых» либералов, в результате чего Д. Братиану был утвержден председателем национал-либеральной партии, а Г. Татареску — ее генеральным секретарем с правом замещать председателя в случае отсутствия.

Третьей группировкой в национал-либеральной партии были либералы-диссиденты (отколовшиеся) во главе с Г. Братиану, который выступал сторонником сближения с гитлеровской Германией.

В пользу установления диктатуры, осуществляемой

Каролем II, выступала помещицья партия «Аграрный союз», руководимая К. Аржетояну, крупным помещиком и реакционным политиком, являвшимся одним из влиятельных членов королевской «камарильи».

В этой обстановке правительство Г. Татареску могло довольно успешно проводить фашизацию политической жизни страны, вести подготовку к установлению королевской диктатуры. Заимствуя приемы и методы из арсенала итальянских и германских фашистов, оно стремилось с помощью разнузданного национализма и социальной демагогии привлечь население на свою сторону. В 1934 году в Румынии был принят закон, по которому устанавливалось, что 50% директоров, управляющих и других руководителей, а также 80% всех категорий служащих предприятий и обществ должны быть «румынскими гражданами» (в действительности под этим понималась национальная, а не государственная принадлежность). Позднее был выработан закон о так называемой «защите национального труда», согласно которому строго ограничивалось число лиц нерумынской национальности на государственных предприятиях и в учреждениях.

Этими актами преследовалась цель направить в русло национализма недовольство мелкобуржуазных масс, убедить их в том, что все их несчастья происходят от «засилья» лиц нерумынской национальности, которые якобы вытеснили румын, заняв ключевые позиции в экономической и политической жизни страны. С этой же целью был составлен официальный правительственный доклад, обосновывавший антисемитские мероприятия. Согласно этому докладу, евреи составляли больше половины общего числа адвокатов, банковских и торговых служащих в Румынии, им принадлежало свыше 65% капитала акционерных обществ и т. д.

Защищая интересы международного финансового капитала, ущемляемые в результате мер, принимавшихся румынским правительством, английская пресса выступила с предупреждением, что «дискриминация национальных меньшинств нанесет ущерб мирным договорам, на основе которых Румыния удвоила свою довоенную территорию»³⁶.

Заигрывание монархии с массами осуществлялось по всякому поводу. В связи с возмущением населения по поводу взяточничества и продажности чиновничества

осенью 1936 года король провел закон о полной проверке имущества того или иного лица при его поступлении на ответственную государственную службу и после увольнения с нее, «дабы установить отношение чиновника к службе». Этим актом как бы подчеркивалось, что усилением власти монарха будет положен конец коррупции государственного аппарата, принявшей ужасающие размеры при господстве буржуазно-помещичьих партий и парламентском правлении страной.

Главный удар королевская «камарилья» направляла в этот период против демократических сил, которые под руководством компартии стремились помешать буржуазно-помещичьей реакции установить диктаторский режим в стране. В нарушение конституции, провозгласившей буржуазно-демократические свободы, в 1934 году был принят закон «О защите государства», запрещающий деятельность коммунистической партии и других демократических организаций. Ежегодно королевскими декретами продлевалось осадное положение, введенное после февральских боев румынского пролетариата в 1933 году. Всячески поддерживались всевозможные профашистские организации. По образцу «Гитлерюгенд» была создана под эгидой румынской монархии молодежная организация «Стража цэрий».

Разоблачая политику фашизации страны и подготовку к новой войне, компартия в одном из своих документов писала: «Фашистские методы Гитлера и Муссолини без зазрения совести вводятся в практику буржуазно-помещичьей диктатуры Румынии»³⁷. В 1935 году предпринимались попытки изменить конституцию в направлении усиления власти короля. Входивший в королевскую «камарилью» генерал Г. Маринеску в июне 1935 года выступил по румынскому радио, ратуя за то, чтобы король управлял страной единовластно. По словам Г. Маринеску, все партии в Румынии состоят из воров и единственной здоровой силой является армия, верная монарху. В свою очередь, Кароль II заявил в интервью корреспонденту агентства Юнайтед Пресс в июле 1935 года, что за пять лет его нахождения на румынском троне сменилось 11 правительств, которые состояли из людей, ставивших свои личные интересы и честолюбие превыше всего. С призывом в пользу самодержавного управления выступил в румынском парламенте представитель финансово-

монополистических кругов М. Манойлеску, приводивший в качестве аргумента необходимость сильной власти для реорганизации экономики.

Очевидец и активный участник фашизации страны К. Аржетояну записал тогда в своем дневнике: «... Правительство Татареску продолжает сохранять чудовищную цензуру, управляет страной путем королевских декретов, вводит налоги, изменяет всю экономическую структуру — и все это путем декретов, противоречащих конституции. А наша демократия (национал-либеральные и национал-царанистские деятели во главе с Братиану и Маниу. — *Авт.*) аплодирует и дрожит перед изменением конституции и перед диктатурой»³⁸.

Соперничество различных группировок буржуазии и помещиков мешало установлению в то время фашистской диктатуры в Румынии. Но главным препятствием на пути к диктаторскому режиму были демократические силы Румынии, возглавляемые коммунистами. В целях борьбы против них, а также против политических конкурентов и соперников из лагеря румынских правящих классов королевская «камарилья» широко использовала возникшие в стране фашистские организации.

„ЖЕЛЕЗНАЯ ГВАРДИЯ“ ПОДНИМАЕТ ГОЛОВУ

Как отмечал Г. М. Димитров, особенностью фашизма в странах Юго-Восточной Европы было то, что он шел там «не снизу, как массовое движение для захвата власти, а, наоборот, сверху — из государственного аппарата...»¹. В отличие от Германии и Италии, где фашистские партии, распространив влияние в массах, придали своей борьбе за власть характер движения снизу, в Румынии фашизм шел сверху: господствующая верхушка монополистической буржуазии и помещиков стремилась путем государственного переворота установить монархо-фашистскую диктатуру, а затем расширить ее базу.

Фашистское движение в Румынии не было массовым, несмотря на то что королевская «камарилья» всеми средствами поощряла деятельность фашистских организаций. Оно зародилось в начале 20-х годов как буржуазная реакция на мощный подъем революционного движения, возникший под влиянием победы Великой Октябрьской социалистической революции.

В основе этого движения лежало недовольство разорвавшихся и переходивших в разряд люмпен-пролетариев мелкобуржуазных масс города и деревни, которое направлялось господствующими классами Румынии в русло антисемитизма и антикоммунизма.

Одной из первых антисемитских фашистских организаций в Румынии была «Ассоциация христианских студентов», созданная Корнелием Кодряну в бытность его студентом Ясского университета. Эта малочисленная организация, насчитывавшая всего 46 членов, объявила своей задачей «защиту религии и расы». В дальнейшем Кодряну и его сторонники вступили в Лигу национал-христианской защиты, во главе которой находился профессор

Ясского университета А. Куза, маленький старичок с белой бородкой, считавший себя «отцом современного антисемитизма», предшественником Гитлера.

В связи с тем что в 1923 году румынский парламент под давлением держав Антанты и во исполнение решений Версальской конференции принял закон о признании прав гражданства за евреями, Лига национал-христианской защиты организовала кровавые беспорядки, вынудившие правительство временно закрыть Ясский университет. Во время демонстрации студенты прикрепили свастику на румынский флаг. Лига направила к премьеру И. Братиану делегацию с требованием принять меры против евреев в экономической и финансовой жизни, ограничить их допуск в университеты. Поскольку И. Братиану не мог удовлетворить эту просьбу, то группа студентов — членов лиги решила составить список лиц, подлежащих уничтожению путем террористических актов. Заговорщики были арестованы, не успев приступить к осуществлению своего плана. Однако суд, настроенный антисемитски, вынес им оправдательный приговор под предлогом того, что «преступление осталось в стадии проекта и не было начато его осуществление». Во время суда обвиняемый И. Моца застрелил из револьвера другого обвиняемого, заподозренного в измене. Суд оправдал и его, фактически солидаризировавшись с защитительной речью К. Кодряну, который сказал, что убийство предателя является делом «общественного оздоровления». В мае 1924 года Кодряну вместе с другими членами лиги был арестован в Яссах по приказу префекта полиции. После освобождения из-под ареста он выстрелом из револьвера убил префекта в его служебном кабинете. И на этот раз буржуазно-помещичий суд оправдал убийцу-фашиста, а реакционные военные и духовенство провозгласили Кодряну «национальным героем». Такое отношение объяснялось тем, что буржуазно-помещичьи круги Румынии, обеспокоенные ростом революционных сил в стране, были заинтересованы в развитии фашистского движения.

В 1925 году внутри Лиги национал-христианской защиты усилились расхождения между К. Кодряну и А. Кузой по вопросу о целях и методах деятельности этой организации. Экстремистски настроенные студенты во главе с Кодряну выдвигали задачу захвата власти и требовали установления военной дисциплины. Куза и его сторонни-

ки подняли их на смех. Тогда Кодряну и Моца «уехали на учебу» во Францию, и конфликт, казалось, был исчерпан.

Кодряну, Моца и др. считали, что под руководством Кузы лига не сможет стать динамичной фашистской партией по образцу гитлеровской. Выйдя из Лиги национал-христианской защиты, они создали в 1927 году собственную фашистскую организацию под названием «Легион Михаила Архангела». Поначалу эта организация не имела определенной политической программы. Спекулируя на ненависти народных масс к политиканству и коррупции, Кодряну заявил, что его организация «будет скорее школой или войском, чем политической партией». Легионеры призывались жить в любви к богу, верой в свою «великую миссию». «Всякие политические, философские и иные дискуссии, которые только отравляют души и сеют раздоры, — внушалось легионерам, — следует старательно избегать. Вместо дискуссий — пение сообща религиозных и народных гимнов, что является лучшим способом создания гармонии между душами. Сначала укрепить себя, затем действовать на других». Легионеры должны были заниматься «героической тренировкой душ», готовя себя к самопожертвованию при свершении террористических актов. В помещении «Легиона Михаила Архангела» все стены были увешаны такими лозунгами: «Кто не имеет меча, пусть продаст одежду и купит его!», «Не губи героя, который в тебе есть!», «Кто умеет умирать, никогда не будет рабом!», «Умирают только раз!» и т. п. На большой географической карте Румынии черными точками были нанесены еврейские поселения. Кодряну заявлял, что целью легионерского движения является «полное и абсолютное устранение евреев мирным путем, если возможно, а если нет, то любыми другими средствами». Характерным для «Легиона Михаила Архангела» был не только крайний антисемитизм, но и оголтелый воинствующий антикоммунизм. Не случайно Кодряну сначала хотел назвать свою организацию антикоммунистической фалангой.

В годы мирового экономического кризиса, когда до крайности ухудшились жизненные условия народных масс Румынии, Кодряну предпринял шаги к распространению влияния своей фашистской организации, делая упор на агитацию в деревне. Легионеры обещали крестья-

нам, что «скоро придет новое время, когда каждый будет иметь свое место в жизни согласно его вере в бога и качеству его души, а не по образованию и дипломам». В это время в «Легион Михаила Архангела» влилась другая фашистская группа — «Братья по кресту», действовавшая в Галаце под руководством М. Стелеску. На первом съезде легионерских ячеек в январе 1929 года был учрежден так называемый сенат из легионеров старше 50 лет, который должен собираться всякий раз, когда глава организации К. Кодряну, именовавший себя «капитаном» (фюрером или руководителем), будет нуждаться в «разумном совете». Члены сената не избирались, а назначались самим Кодряну.

Вскоре после этого «Легион Михаила Архангела» был переименован в «Железную гвардию», организованную по-военному. В отличие от германских фашистов, носивших коричневую рубаху, и итальянских — черную, железногвардейская униформа состояла из зеленой рубахи, пояса с португеей и эмблемой в виде голубой свастики на желтом фоне. Кузисты носили голубую рубаху. Во главе легионерских ячеек стояли командиры, которые подлежали переизбранию каждый год. Командиры возглавляли городские, уездные и областные организации «Железной гвардии». Приказы командиров подлежали беспрекословному исполнению. Нарушителей дисциплины подвергали суровым наказаниям, вплоть до физической расправы и уничтожения. Железногвардейцы подразделялись на пять групп: в возрасте от 14 до 20 лет составляли секцию «Братья по кресту»; в возрасте от 21 до 28 лет входили в так называемый легионерский корпус; студенты объединялись в собственную секцию; имела женская секция; люди старшего возраста составляли так называемую политическую секцию. Для осуществления террористических актов в мае 1933 года был создан специальный отряд смертников-легионеров, «готовых отдать жизнь за легион».

Фашистское движение в Румынии развивалось на той же идеологической основе, что и в странах, так сказать, «классического фашизма» — Германии и Италии. «Железная гвардия» многое позаимствовала у германских и итальянских фашистов в области обработки населения. Фашисты демагогически апеллировали к наболевшим нуждам и запросам масс, играли на их лучших чувствах

и даже на революционных традициях. Легионерское движение, демагогически заявляли его руководители, ставит своей задачей «возвысить румынский народ», «устранить социальную несправедливость». Оно ничего не обещает тем, кто вступает в него, напротив, каждый вступивший отдает все, не требуя ничего взамен. «Тому, кто не готов пожертвовать всем, нечего делать в легионе», — провозглашали его руководители. С целью привлечения масс на свою сторону фашизм выдвигал лозунг честной и неподкупной власти, пытался выступать под личиной защитника обиженной нации, эксплуатируемой империалистическими державами, взывал к оскорбленному национальному чувству. Вместе с тем характерным для фашистских приемов была эксплуатация низменных устремлений людей, разжигание укоренившихся в них предрассудков и т. д.

«Превосходя своим цинизмом и лживостью все другие разновидности буржуазной реакции, — отмечал Г. М. Димитров в докладе на VII конгрессе Коминтерна в августе 1935 года, — фашизм приспособляет свою демагогию к национальным особенностям каждой страны и даже к особенностям различных социальных слоев в одной и той же стране...»² «Железная гвардия», провозгласив лозунг «На каждую душу — полгектара земли», сулила крестьянам землю, освобождение от ростовщиков-евреев, уничтожение обременительных налогов и т. д. Легионеры вели бешеную антитрестовскую и антикапиталистическую агитацию, обещая ввести «легионерский социализм», при котором путем «улучшения» строя, основанного на частной собственности, якобы исчезнут классовые противоречия и наступит эра социальной справедливости.

В легионерской литературе, адресовавшейся рабочим, провозглашалось право на труд, без пояснений, каким образом оно может быть осуществлено. Говорилось о ликвидации эксплуатации человека человеком путем обеспечения «полной оплаты труда», участия рабочих в доходах капиталистического предприятия, создания производственных кооперативов, в которых рабочие, выплатив банку сумму полученного займа, станут совладельцами предприятий, и др. Резко критиковалось буржуазное государство, где «за деньги можно добыть все — высокий пост, почет и т. п.». В легионерском же государстве, обещали железногвардейцы, труд перестанет быть прок-

лятьем для человека и станет его самым важным достоинством³.

Социальная демагогия легионеров свидетельствует, что фашизм в Румынии, как и в других странах, являясь реакцией на успехи и рост влияния коммунизма, заимствовал у последнего наиболее популярные лозунги, чтобы привлечь массы на свою сторону.

Будучи сторонниками диктаторского режима, железногвардейские вожаки выступали против всеобщего избирательного права, ибо оно, по их утверждению, не могло обеспечить отбора наиболее достойных национальных лидеров. Другим недостатком всеобщего избирательного права легионерские «теоретики» считали то, что оно ведет к созданию многих партий, руководствующихся материальными интересами, а это ведет, в свою очередь, к расколу нации, дает возможность международному финансовому капиталу господствовать на основе принципа «разделяй и властвуй». Легионеры клеймили демократию, изображали ее «рабом момента», ибо, по их словам, она подстраивается под избирателей, охотясь за голосами, не может руководствоваться длительной перспективой и живет эксплуатацией обычных страстей и элементарных социальных инстинктов. Демократия, заявляли румынские фашисты, ведет к гибели нации.

Пароксизмы против буржуазной демократии объяснялись ее банкротством в Румынии, тем, что правящие буржуазно-помещичьи партии разоблачили себя проведением политики, которая шла вразрез с жизненными интересами широких масс. Спекулируя на этом, «Железная гвардия» заявляла, что «нация не может больше терпеть бесконечной смены у кормила государственного правления одних и тех же партий», и требовала передачи власти из «немогущих трясущихся рук астматиков в руки молодого поколения, оплодотворенного принципами Ницше».

Легионерское движение, исходя из того, что в румынском крестьянстве, составлявшем подавляющее большинство населения страны, сильно распространены монархические настроения, заявляло о своей приверженности короне, которой якобы угрожает буржуазная демократия. В то время как демократия отрицает главенствующую роль короля в управлении нацией, писал В. Марин, один из ближайших соратников К. Кодряну, «национализм яв-

ляется монархическим по своей сущности»⁴. По примеру итальянского фашизма румынские фашисты намеревались использовать монархию в своих целях.

Уровень социально-экономического развития страны, забитость и отсталость мелкобуржуазных масс города и деревни определили также другие особенности румынского фашизма. Так, например, в деятельности «Железной гвардии» активное участие принимало православное духовенство, пользовавшееся большим влиянием среди румынского крестьянства. Священники были одними из наиболее ярых пропагандистов легионерского фашистского движения, привлечшего их лозунгом защиты православной религии и креста христового от безбожников и «разрушителей церкви». Железнодорожные руководители приписывали себе заслугу в том, что они «первые в мире осуществили соединение политического движения (фашизма. — *Авт.*) с религиозной структурой»⁵. Воздействуя на одурманенных религией, забитых и отсталых румынских крестьян, железнодорожники театрально обставляли свои въезды в деревни: верхом на конях с копьями подобно архангелу Михаилу, именем которого назывался их легион. В фашистской легионерской организации насаждались мистицизм и культ смерти. «Легионер любит смерть, ибо его кровь послужит цементированием легионерской Румынии... Кто отказывается от смерти, отказывается от воскрешения!» — внушал главарь «Железной гвардии» К. Кодряну, выступавший в роли мессии, избранника бога. «Железная гвардия» проповедовала обскурантизм и бескультурье, выступала против распространения образования в массах народа под предлогом сохранения «самобытности» нации. Она хотела обречь румынский народ на прозябание в темноте и бескультурье, чтобы он «остался самим собой» и был подвержен влиянию легионерского мистицизма.

Фашистскому движению в Румынии, так же как в Германии и Италии, придавался характер движения господствующей нации. Если в Италии это была латинская, а в Германии арийская раса, то в Румынии, как отмечал видный румынский историк М. Роллер, имелись собственные «валахи»⁶.

Легионеры вели разнузданную антикоммунистическую пропаганду, разжигали национальную рознь и вражду к Советскому Союзу, чтобы под прикрытием

громких фраз о «возрождении Румынии» подстрекать к захвату территорий на Востоке.

В арсенале демагогических приемов, использовавшихся «Железной гвардией» для привлечения масс, видное место занимали лозунги борьбы против коррупции, воровства и взяточничества, ставших буквально бичом страны. «Не подмажешь, не поедешь!» — эта поговорка как нельзя лучше передает порядки, господствовавшие во всех звеньях государственного аппарата Румынии того времени. «Бакшиш, взятка и воровство уничтожили моральное здоровье румынской нации. Легионер будет всемерно стремиться к тому, чтобы искоренить эти вредные наклонности»⁷, — говорилось в легионерской брошюрке. Идеалом провозглашались скромность и воздержанность во всем, на словах говорилось о презрении легионера к роскоши. «Железная гвардия» грозила привлечь к ответственности всех обогатившихся незаконным путем.

Проповедь насилия и террора уживалась в фашистской «Железной гвардии» с идеями христианского смирения и готовности к страданиям, с призывами к самосовершенствованию и воспитанию в труде. Легионеры, верные толстовской идее о том, что физический труд укрепляет душу, вместе с крестьянами работали на ремонте дорог, мостов, строительстве церквей и т. п. Они создавали «трудовые лагеря» и мастерские во главе с командирами. Чтобы показать себя организацией, якобы пекущейся о прогрессе страны и благосостоянии народа, «Железная гвардия» решила построить плотину на реке Бузэу, разливы которой причиняли бедствия окрестным селениям.

На заседаниях легионерских ячеек ставились как политические, так и хозяйственные проблемы. В деревнях, например, рекомендовалось вести обсуждение путей повышения урожайности, выгодного сбыта крестьянской продукции, благоустройства села и др. В специально создававшихся женских ячейках «Железной гвардии» подлежали обсуждению на заседаниях такие вопросы: «Роль легионерской женщины в новой Румынии», «Как сделать более питательным семейный стол?», «Поддержание чистоты в доме и уход за детьми» и т. п., недвусмысленно указывавшие румынской женщине ее место при господстве фашизма. Только в интеллигентской и студенческой секциях дискутировались социальные и политические

проблемы, сводившиеся в основном к антисемитизму и антикоммунизму.

Легионерское фашистское движение рассматривало себя непримиримым борцом против коммунизма и его всепобеждающих принципов пролетарского интернационализма. Лозунг международной солидарности трудящихся «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» вызывал животную ненависть у румынских фашистов. Клеветой на Коминтерн и Коммунистическую партию Советского Союза они стремились подорвать веру румынских рабочих в международную пролетарскую солидарность. «Коммунизм требует, чтобы пролетарии всех стран соединялись. Таким путем нация раскалывается изнутри, а часть ее членов объединяется с врагами страны и предателями нации. В результате этого чужестранцы смогут вмешиваться в наши внутренние дела, а ты, как румынский коммунист, будешь получать приказы из Москвы», — внушали румынские фашисты. Интернационализм, так же как и классовая борьба, утверждали идеологи легионерского движения, якобы не имеет ничего общего с интересами румынского рабочего класса⁸.

Железнодорожные вожаки заявляли, что «Румыния со всеми ее квадратными километрами есть румынская страна, а не многонациональное государство». От национальных меньшинств, проживавших в Румынии, они требовали «быть лояльными». Румынская фашистская газета «Акса» 15 октября 1933 г. писала, что национальные меньшинства могут иметь те же права, что и румыны, только в том случае, «если это не угрожает существованию Румынского государства».

По своему социальному составу легионерское движение не было однородным, в нем принимали участие люди, принадлежавшие к различным слоям общества. Основным компонентом «Железной гвардии» была мелкая буржуазия города и деревни — ремесленники, мелкие землевладельцы, процесс разорения которых резко усилился в годы экономического кризиса (не случайно начало активной деятельности «Железной гвардии» падает на 1930 г.). Переходя в разряд люмпен-пролетария, разорявшаяся мелкая буржуазия искала выход в экстремистских, анархистских движениях. Фашистская идеология и практика отвечали настроениям взбесившегося мелкого буржуа, терявшего надежды на обогащение и становив-

шегося объектом прямой эксплуатации монополистической буржуазии. Легионерский антисемитизм привлекал мелкую буржуазию, которая, сталкиваясь с еврейской конкуренцией, укреплялась во мнении, что все беды от евреев, хотя в действительности мелкая еврейская буржуазия находилась в более худшем состоянии, подвергаясь национальному притеснению.

Наряду с мелкобуржуазными городскими элементами ядро легионерского движения составляли представители разорившейся земельной аристократии — потомки тех, кто не смог после аграрной реформы перестроить хозяйство на капиталистический лад, промотав остатки бывшего богатства. Эти разорившиеся и потерявшие прежнее политическое влияние аристократы находили в «Железной гвардии» то, что им было нужно: реакцию и антидемократизм, строгую иерархию, близкую их сердцам. Активными участниками легионерского движения были студенты и молодежь буржуазного происхождения, дети кулаков, деревенских торговцев, спекулянтов и ростовщиков. Ударные силы железногвардейцев, террористические группы и отряды формировались из деклассированных элементов — бандитов, воров, сутенеров, профессиональных картежников и т. п.

Зрелость румынского рабочего класса, находившегося под влиянием коммунистической партии, не позволила румынским фашистам привлечь его на свою сторону. В этом деле им не помогли ни демагогические обещания, ни заигрывания с рабочими, ни показная солидарность и демонстративное выражение возмущения правительственным расстрелом рабочих-железнодорожников в феврале 1933 года. Лишь небольшая часть отсталых, неквалифицированных рабочих оказалась подверженной влиянию демагогической легионерской пропаганды. Основные массы крестьянства также не пошли за «Железной гвардией».

В конце 20-х — начале 30-х годов возникли и другие фашистские организации, в том числе румынская национал-социалистская партия, руководителем которой выступал Ш. Татареску, брат румынского премьера Г. Татареску. Осенью 1933 года Ш. Татареску посетил Берлин, чтобы добиться от Гитлера материальной помощи. Главарь румынских национал-социалистов просил поставить оборудование для печатания своих партийных газет. Он

хотел, чтобы ему выделили типографские машины, конфискованные у германской коммунистической и социал-демократической прессы. Граф Шуленбург, работавший в МИД Германии, выразил сомнение в целесообразности поддержки румынских национал-социалистов: «Татареску не является подходящей персоной, через которую Германия может получить влияние (в Румынии.—*Авт.*), ибо на него нельзя положиться политически и у него нет последователей в стране». Шуленбург полагал, что финансовую помощь следует оказать Никифору Крайнику, издателю «Календарула», «который, хотя и является убежденным национал-социалистом и другом Германии, известен как не принадлежащий ни к одной политической партии»⁹.

В силу своей чрезвычайной малочисленности национал-социалистская партия Ш. Татареску слилась с национально-аграрной партией, возглавлявшейся известным поэтом, но крайне реакционным националистическим политиком Октавианом Гогой. Позднее произошло объединение партий О. Гоги и А. Кузы, в результате чего возникла вторая по значению после «Железной гвардии» фашистская национал-христианская партия. К разряду фашистских организаций следует отнести также «Крестовый поход румынизма», почетным председателем которой являлся генерал Н. Радеску. Эта организация была тесно связана с легионерским движением.

Деятельность всех без исключения фашистских организаций в Румынии основывалась на воинствующем антикоммунизме, разнузданном национализме и антисемитизме. Имелись между ними и известные различия. «Железная гвардия», например, открыто стремилась к установлению диктатуры по гитлеровскому образцу и прямо говорила, что, придя к власти, свяжет страну военным союзом с германским рейхом. В своей деятельности она подражала немецким национал-социалистам, от которых зависела в политическом и финансовом отношении, но ее вожаки при всяком удобном случае разглагольствовали о своей независимости от фашистской Германии. Летом 1933 года, например, И. Моца, соратник Кодряну, заявил: «Да, мы откровенно аплодируем канцлеру Гитлеру... Но это никак не означает капитуляции перед его возможной враждебностью (намек на вероятную поддержку Гитлером венгерских требований.—*Авт.*)»¹⁰.

Национал-христианская партия Гоги — Кузы признавала возможность частичного сохранения буржуазного парламентаризма и деятельности политических партий, а в области внешней политики она объявляла себя сторонницей определенных связей с Англией и Францией, необходимых для сохранения существующих границ Румынии. Что касается организации «Крестовый поход румынизма», то она предпочитала ориентироваться на фашистскую Италию. Официально отказываясь от установления фашистского режима, эта организация в то же время объявляла своей целью борьбу против «старой демократии», то есть против буржуазного парламентаризма. Руководители «Крестового похода румынизма» являлись сторонниками монархической диктатуры.

Между фашистскими группировками в Румынии велась ожесточенная борьба. «Железная гвардия», претендуя на ведущую роль в румынском фашистском движении, предлагала партии Кузы объединиться с ней. В газете «Акса» Моца писал, что это объединение является желанием всех румынских фашистов. Он выражал сожаление, что кузисты нелояльно ведут себя в отношении легионеров, называя их «кучкой скоморохов», «донкихотствующими легионерами» и т. д. Особенным нападкам кузистов подвергался главарь «Железной гвардии» Кодряну, которого за его фанатизм называли «божьим придурком», «глупым телком в польском обличии» (намек на его польское происхождение) и т. п.

Фашистское движение получило распространение и приобрело значительное число сторонников, как отмечает один американский исследователь, по причине банкротства буржуазно-помещичьих партий¹¹. Массы разочаровались в национал-либеральной и особенно национал-царанистской партиях, которые, находясь у кормила государственного правления, показали себя верными слугами монополистической буржуазии и крупных аграриев. «Исторические партии» не обеспечили проведения широких экономических и социальных реформ, в которых нуждалась страна. Между этими партиями не было принципиального различия. Обе они являлись партиями привилегированных классов Румынии.

Правящие румынские круги хотели направить движение недовольных народных масс в русло фашизма. Грызня между соперничающими фашистскими группировка-

ми мешала этому. Считая «Железную гвардию» более способной справиться с процессом радикализации масс, усилившимся в годы мирового экономического кризиса, румынские правители решили отдать ей предпочтение. Это определило их политику поддержки данной фашистской организации, оказание ей политической, финансовой и всякой другой помощи. Большую заинтересованность в деятельности «Железной гвардии» проявили также германские фашисты, связывавшие с ней реализацию своих планов подчинения Румынии гитлеровскому рейху.

Находясь у власти в годы мирового экономического кризиса, национал-царанистская партия с 1928 года финансировала из правительственных фондов деятельность «Железной гвардии», ориентируя ее на борьбу против коммунизма, против растущего революционного движения, угрожавшего господству капитализма в стране. Тогдашний министр внутренних дел национал-царанист А. Вайда говорил железногвардейскому главарю: «Вы должны немедленно организовать отряды и выступить против коммунизма, который начал укореняться в нашей стране...» Такую же позицию занимала национал-либеральная партия. Как отмечает английский историк-балкановед Х. Сетон-Уотсон, начиная с 1930 года премьер Вайда, министр внутренних дел Инкулец и премьер Татареску по инициативе Кароля финансировали «Железную гвардию»¹². Из секретных правительственных фондов, предназначавшихся для поддержки антикоммунистических сил, ей были выданы только в годы мирового экономического кризиса огромные средства. «Железная гвардия» стала тесно сотрудничать с румынской сигуранцей, которая использовала ее для ведения террора против коммунистов-подпольщиков и других представителей демократических сил.

Помимо общих интересов борьбы против коммунизма, защиты господства буржуазии и помещиков, определявших политику поддержки фашистской «Железной гвардии», национал-царанистское и национал-либеральное правительства преследовали при этом еще и узкопартийные цели: они натравливали легионеров на оппозицию, чтобы удержаться у власти.

Румынский король связывал с «Железной гвардией» планы утверждения своей диктатуры, для которой легионерское движение явилось бы массовой опорой. С по-

мощью железногвардейцев он намеревался сломить сопротивление «исторических партий», объявлявших себя защитниками парламентского строя, а в действительности вынашивавших планы установления собственных партийных диктатур. Представители монополистического капитала М. Аушнит, Н. Малакса и др., входившие в королевскую «камарилью», широко субсидировали деятельность «Железной гвардии».

При политической и финансовой поддержке румынских правящих кругов, а также германских фашистов «Железная гвардия» стала превращаться в существенную политическую силу.

Но, усиливаясь, «Железная гвардия» во главе с Кодряну совсем не была склонна выступать в роли послушного орудия монархии или буржуазно-помещичьих партий. Она рвалась к установлению собственной легионерской диктатуры, чтобы осуществить свои внешнеполитические и внутривнутриполитические цели.

Эти устремления железногвардейцев представляли опасность экономическим и политическим интересам подавляющего большинства румынской буржуазии и помещиков, сотрудничавших с англо-французскими монополистическими кругами. Господствующие классы Румынии были также обеспокоены диким легионерским террором, направлявшимся не только против коммунистов, но и против румынских буржуазно-помещичьих деятелей, в чем-либо не согласных с «Железной гвардией». В правительственных кругах Англии и Франции также выражали недовольство в связи с деятельностью в Румынии гитлеровской агентуры — «Железной гвардии».

Чтобы обуздать «Железную гвардию» и сделать ее верной исполнительницей воли румынских правителей, король и послушные ему правительства прибегали к репрессиям в отношении легионерских террористов. В январе 1931 года было отдано распоряжение о запрете этой организации. Но будучи формально распущенной, она продолжала существовать и бесчинствовать. На парламентских выборах в том же году она выступила под новым названием — «Группировка Корнелиу Кодряну» — и выставила 17 кандидатов, но, собрав всего лишь 30 тыс. голосов, не получила ни одного мандата. Однако уже в следующем году железногвардейцы получили 5 мест в парламенте.

Приход Гитлера к власти в Германии ободрил румынских фашистов-железнодорожников, вызвав заметную активизацию их деятельности, направленной на реализацию внутривластных и внешнеполитических целей легионерского движения. На этой основе возник тогда их конфликт с национал-царанистским правительством. Поводом послужил следующий факт. В июле 1933 года 800 легионеров собрались в Вишани под предлогом строительства плотины. Несмотря на то что премьер Вайда дал разрешение легионерам на строительство плотины, министр внутренних дел А. Калинеску, этот «до неистовства преданный Каролю II человек»¹³, распорядился разогнать их «трудовой лагерь». Главарь легионеров, взбешенный действиями министра внутренних дел, направил премьер-министру письмо, в котором заявлял, что железнодорожники «скорее погибнут, чем потерпят унижения». Однако Калинеску твердо стоял на своем, будучи противником «Железной гвардии» и ориентируясь во внешней политике на западные державы.

Несмотря на действия А. Калинеску, национал-либералы обвиняли правительство национал-царанистов в попустительстве легионерскому движению. Лидер национал-либеральной партии И. Дука в интервью одной парижской газете сказал, что, став главой румынского правительства, он уничтожит «Железную гвардию».

Вскоре после этого Дука получил от короля полномочия на формирование национал-либерального правительства. Первым актом нового премьера было опубликованное в правительственном вестнике «Мониторул официал» решение кабинета о роспуске «Железной гвардии». Принятое в момент, когда истекали сроки выдвижения кандидатов на предстоявших в то время парламентских выборах, оно поставило легионерских руководителей в тяжелое положение. «Железная гвардия» уже не имела времени для маневров (объединиться с другой группировкой и т. п.) с целью сохранения своих кандидатов, к тому же по распоряжению Дуки были арестованы некоторые ее активисты.

На принятие правительством национал-либералов этого решения оказала определенное влияние позиция тогдашнего министра иностранных дел Н. Титулеску. Он выдвинул условием своего вхождения в кабинет Дуки роспуск «Железной гвардии», деятельность которой ме-

шала проведению им политики ориентации на западные державы.

Интересно отметить, что по поручению премьера Дуки министр иностранных дел ставил этот вопрос перед Каролем II, но тот не захотел королевским декретом запрещать деятельность «Железной гвардии»¹⁴. Кароль II предпочел, чтобы меры против легионерского движения, надежды на использование которого в своих целях он все еще не оставлял, были делом рук правительства Дуки. Таким шагом король и его окружение одним выстрелом убивали двух зайцев: во-первых, наносили удар по Кодряну, чтобы сделать его более сговорчивым; во-вторых, возлагали всю ответственность на лидера «старых либералов», отдавая его на расправу легионерам. Расчет оказался верным.

29 декабря 1933 г. железнодорожники учинили расправу над Дукой. Убийство произошло при таких обстоятельствах, которые заставляют думать, что королевская «камарилья» являлась его соучастницей. Трое убийц ожидали возвращения Дуки с аудиенции у короля на перроне железнодорожной станции Синайя, где находилась загородная резиденция румынского короля, с 11 час. утра и до 8 час. вечера и почему-то никто не обратил на них внимания. В момент покушения по странной небрежности или совпадению на перроне не горел свет, не было ни одного из 8 полицейских, призванных обеспечивать безопасность премьер-министра. «Не будет слишком смелым утверждать,— пишет в этой связи французский автор,— что убийство Дуки было совершено при участии министра внутренних дел Инкульца и префекта полиции Маринеску. Король и его любовница ненавидели Дуку, который в июне 1930 года выступал против возвращения Кароля на престол»¹⁵.

Помимо трех студентов, убивших Дуку, правительство арестовало много железнодорожников. Был также арестован связанный с «Железной гвардией» генерал Кантакузино-Граничеру, 64-летний аристократ, выходец из старинного княжеского рода. Испуганный реакцией общественного мнения, требовавшего сурового наказания руководителей террористической легионерской организации, Кодряну, по свидетельству биографа румынского короля, решил укрыться в безопасном месте. Он явился на виллу любовницы Кароля II и заявил, что,

если его арестуют, то железнодорожники убьют ее. Мадам Лупеску спрятала его от полиции, переправив в дом своего отца, где произошла затем встреча Кодряну с королем. «Они до поздней ночи обсуждали политические вопросы,— сообщает упомянутый автор.— И хотя Кароль предлагал ему фактическое партнерство, Кодряну не мог уступить требованию поставить «Железную гвардию» под личный контроль короля. Беседа ничего не дала, кроме того, что Кодряну было гарантировано Каролем оправдание на суде»¹⁶. При этой встрече было достигнуто также соглашение, в результате которого легионеры в обмен на поддержку со стороны королевской «камарильи» обязались не нападать на нее. Убедившись, что ему безнаказанно сойдет очередной террористический акт «Железной гвардии», Кодряну отдал себя в руки румынской юстиции, которая и на этот раз оставила его на свободе, тем более что легионерские убийцы не сознались в связях со своим главарем.

В марте 1934 года в военном трибунале Бухареста состоялся процесс над тремя убийцами Дуки, которые были приговорены к пожизненному заключению. Остальные арестованные железнодорожники, в том числе Кодряну, были освобождены: правительственный комиссар воздержался от выдвижения обвинений против них. Свидетелями защиты на суде выступали национал-царанисты Вайда, Маниу и другие лидеры буржуазных партий. Руководствуясь интересами партийной борьбы против национал-либерального правительства, а также соображениями использования фашистского легионерского движения против демократических сил, руководимых коммунистами, они выступили фактически с осуждением роспуска «Железной гвардии», назвав этот акт «неумным». На суде Вайда заявил, что, будучи у власти, он поддерживал «Железную гвардию», оправдывая это стремлением направить разрушительную энергию румынской молодежи на борьбу с коммунизмом.

После убийства Дуки «Железная гвардия» вновь была запрещена принятием так называемого закона о защите государства, однако деятельности своей не прекратила. Королевская «камарилья» продолжала оказывать поддержку легионерскому движению в интересах борьбы против коммунистов, антифашистов-демократов и оппозиционных буржуазных группировок. Через

премьера Татареску и министра внутренних дел Инкульца король по-прежнему субсидировал «Железную гвардию»¹⁷. При благоприятном отношении Кароля II и его министра юстиции В. Попа легионерское движение после принятия этого закона реорганизовалось и начало выступать под вывеской партии «Все для отечества». Как утверждают, это название было придумано самим королем. Официально главой партии «Все для отечества» выступал князь Кантакузино-Граничеру, но фактическим руководителем оставался Кодряну.

В 1934—1936 годах легионерское движение, поддерживаемое правящей верхушкой, приобретало все большую силу, а его действия становились более вызывающими. Этому способствовали также внешнеполитические успехи фашистских государств, в первую очередь гитлеровской Германии. Кодряну и его сторонники стремились к установлению собственной диктатуры, не соглашаясь быть лишь орудием в руках королевской «камарильи». Напряженность в отношениях между «Железной гвардией» и Каролем II росла.

Внутри легионерского движения в это время обострилась борьба за власть между Кодряну и Стелеску, являвшимся правой рукой «капитана». Чтобы избавиться от соперничества Стелеску, Кодряну поручал ему самые опасные дела. Во время выполнения одного из них Стелеску был арестован и посажен в тюрьму. Находясь там, он написал 12 октября 1935 г. письмо-завещание, в котором обвинил Кодряну в стремлении подчинить легион личным целям и честолюбивым замыслам. По выходе из тюрьмы Стелеску официально порвал с «Железной гвардией». Вскоре после этого последовала зверская расправа над ним.

Незадолго до своей гибели Стелеску сделал разоблачительное заявление относительно обстоятельств убийства премьер-министра Дуки, в связи с чем правительство под давлением общественности назначило судебный пересмотр дела. В ответ на это легионеры провели съезд (апрель 1936 г.) в Тыргу-Муреше, на котором вынесли смертные приговоры ряду своих противников.

Кароль II и его окружение помогали в устройстве этого съезда. Правительство предоставило бесплатно специальный поезд для железнодорожников, отправлявшихся из Бухареста в Тыргу-Муреш. Королевская «кама-

рилья» рассчитывала направить ненависть железногвардейцев против левых сил, в разряд которых они зачисляли даже буржуазно-помещичьи партии Ю. Маниу и Д. Братиану. Румынский премьер Татареску в одной из речей в 1936 году так разделил оппозицию: национал-христианская партия во главе с О. Гогой и А. Кузой, а также «Румынский фронт» во главе с Вайдой, стоящие на фашистских позициях, представляют «оппозицию порядка»; национал-царанисты и все, что левее — «оппозиция анархии». Кароль II надеялся также, что железногвардейцы проявят благодарность к нему и воздержатся от нападок на мадам Лупеску.

Но железногвардейцы не соблюли договоренность. По пути в Тыргу-Муреш они сделали остановку в Синае, где находилась загородная королевская резиденция, и организовали там бесчинства, выкрикивая: «Смерть Елене Лупеску!». Они надругались над памятью убитого ими премьера Дуки, осквернив мемориальную доску, установленную на синайском вокзале. На самом съезде произошли новые демонстрации железногвардейского произвола: были утверждены списки приговоренных к смерти, где первой стояла фамилия любовницы короля, второй—Н. Титулеску, затем—В. Маджару, М. Гелемеджану, А. Калинеску (все они—деятели национал-царанистской партии) и др. За подписью генерала Кантакузино-Граничеру, номинального руководителя партии «Все для отечества», после конгресса были направлены письма противникам «Железной гвардии» из числа буржуазных политиков с требованием уйти с арены политической деятельности, в противном случае их ждет смерть.

Кароль II, разгневанный упоминанием имени Лупеску, все же не пошел на принятие решительных мер против железногвардейцев, которые были нужны ему для борьбы с демократическими силами, против коммунистов. Когда железногвардейские письма с угрозами убить А. Калинеску и др. явились предметом разбирательства, то прокурор не нашел в них состава преступления. Показательно также, что королевский суд вынес довольно мягкий приговор железногвардейцам, зверски убившим Стелеску. Самого Кодряну, по приказу которого совершались эти и другие чудовищные преступления, также не тронули. Это не могло не поощрить легионеров на новые бесчинства и террористические акты.

В августе 1936 года группа железногвардейцев из «трудового лагеря», расположенного в Предаэле на королевских землях, явилась в Синаюю на виллу В. Маджару, генерального секретаря национал-царанистской партии, и пригрозила убить его, если будет совершено покушение на жизнь их «капитана». Дело в том, что в целях охраны своей безопасности и защиты от легионерского террора руководители национал-царанистской партии решили создать «крестьянскую гвардию».

29 августа 1936 г. под предлогом борьбы с анархией правительство Татареску реорганизуется и принимает решение распустить так называемые гвардии, укрепить дисциплину в университетах и т. п. Несмотря на кажущуюся антилегионерскую направленность названных мер, это было сдвигом вправо, ибо в действительности правительство Татареску повело решительную атаку на демократические силы. О том, что это был сдвиг вправо, говорит также факт устранения Н. Титулеску из правительства, означавший отказ румынских правящих кругов от политики коллективной безопасности, отход от англо-французской ориентации.

Правительство Татареску совершенно открыто, без стеснений поддерживало железногвардейцев, кузистов и других фашистов в период избирательных кампаний. Оно предоставляло широкие возможности для их пропаганды и агитации. В то время как все демократические и рабочие газеты запрещались (только в 1936 г. правительство закрыло более 30 антифашистских газет), крайне правая, фашистская и профашистская печать процветала: лишь в один день, 14 февраля 1937 г., было выдано разрешение на выпуск 13 ежедневных газет и нескольких десятков других периодических изданий. Для создания популярности железногвардейцам и разжигания антикоммунистической истерии румынская реакция широко использовала факт участия 11 легионеров в гражданской войне в Испании на стороне монархо-фашистов Франко. Тела двух погибших легионеров были торжественно доставлены из Испании. От румынской границы их везли в специальном поезде, останавливавшемся на каждой станции для проведения митинга. В Бухаресте была собрана огромная толпа, в присутствии которой патриарх Мирон Крестя и 400 священников отслужили торжественный молебен. В манифестации приняли актив-

ное участие дипломатические представители Германии и Италии, которые возложили венки от имени Гитлера и Муссолини.

Упрекая правительство Татареску в использовании им железногвардейцев и других румынских фашистских организаций для подавления буржуазно-помещичьей оппозиции, видный деятель национал-царанистской партии Вирджил Маджару говорил: «Будучи не в состоянии противостоять напору масс... правительство в целях сохранения своей власти прибегло к диверсии и, не учитывая опасности анархии, покровительствовало анархии, покровительствовало правому (фашистскому.— Авт.) движению».

Результатом поддержки фашистских организаций явилось усиление их, в особенности «Железной гвардии», которая выдвинулась на первый план среди реакционных политических партий Румынии. По некоторым сведениям, ее численность доходила до 50 тыс. человек, в основном за счет реакционной интеллигенции, духовенства, студенчества, отставного офицерства и подонков общества¹⁸.

1937 год был объявлен главарем железногвардейцев К. Кодряну «годом борьбы и жертв» — годом перехода румынского фашизма в решительное наступление на демократические силы. К этому подстрекали «Железную гвардию» успехи германского и итальянского фашизма на международной арене, а также политика румынских господствующих классов, обеспокоенных перспективой победы демократических сил и установления правительства Народного фронта в Румынии. При попустительстве, а порой и при соучастии властей происходило поголовное вооружение железногвардейцев и других румынских фашистов.

Однако бандиты Кодряну отказывались служить послушным орудием королевской «камарильи» и лидеров буржуазно-помещичьих партий. Они продолжали свою террористическую деятельность не только в отношении коммунистов, но и тех лиц из имущих классов, кто по различным причинам выступал против «Железной гвардии». В феврале 1937 года железногвардейские бандиты учинили расправу над руководителями организации национал-либеральной молодежи, выпустившей антилегионерскую листовку. Вслед за этим они совершили поку-

шение на ректора Ясского университета, известного своими антифашистскими взглядами.

В апреле 1937 года железногвардейцы, установив связь с братом короля принцем Николае, пытались организовать государственный переворот. С этой целью они добивались того, чтобы Николае, занимавший пост генерального инспектора румынской армии, стал главнокомандующим румынской армией и одновременно возглавил их партию «Все для отечества». Используя свое служебное положение, принц Николае разослал в воинские части циркулярное письмо с рекомендацией офицерам вступать в железногвардейские формирования и подчиняться его командованию. За эти действия он был подвергнут домашнему аресту и решением коронного совета исключен из королевской семьи. Официальная версия гласила, что решение о лишении принца Николае прав члена румынской королевской семьи было вызвано его отказом разорвать брачный союз, заключенный в 1931 году без согласия королевской семьи.

Железногвардейцы объявили тогда, что выступают на борьбу против короля. Они предприняли попытку освободить принца Николае, но были рассеяны полицией. В результате последовавших арестов среди железногвардейцев, а также тайных переговоров Кароля II с Кодряну возможность путча на этот раз была устранена. Король, все еще надеявшийся подчинить себе «Железную гвардию», предпринимал соответствующие шаги. К. Аржетояну, выступавший посредником между королем и железногвардейцами, сообщает в своих мемуарах, что Кароль II прямо говорил ему, что не хочет уничтожения «Железной гвардии», а, наоборот, предполагает использовать ее. Он добивался поста главы этой фашистской организации, стремясь оттеснить Кодряну на второй план. Противоречивые интересы и конкурентная борьба за установление фашистской диктатуры делали невозможным сколько-нибудь прочное соглашение между железногвардейцами и монархией.

* *
*

Опыт истории свидетельствует, что буржуазия Румынии оказалась не способной выступить руководителем борьбы масс за демократию и прогресс, за национальные

интересы своей страны. У румынской буржуазии не было сильных традиций революционной борьбы за демократию, а имелась исторически сложившаяся склонность к компромиссам. Когда на повестку дня стал вопрос о ликвидации эксплуататорского строя, румынская буржуазия, боясь социальной революции, пошла на союз с самыми реакционными силами. Поэтому даже те слои господствующих классов Румынии, которые по различным причинам не проявляли симпатии и даже осуждали фашистское движение, не могли стать на путь решительной борьбы против него, на путь объединения всех антифашистских сил румынского народа. При всех его минусах фашизм казался буржуазно-помещичьим кругам Румынии наименьшим злом по сравнению с коммунизмом. Буржуазно-помещичьи партии всеми средствами стремились затормозить нарастающую в стране борьбу за завершение буржуазно-демократической революции, переплетавшуюся теперь с борьбой против фашизма. В этих условиях знамя антифашистской борьбы в Румынии подняли пролетариат и его революционная партия.

Коммунистическая партия Румынии возглавила борьбу демократических антифашистских сил против политики монополистических кругов буржуазии и помещиков, направленной на установление фашистской диктатуры в стране. После революционных боев румынского пролетариата (февраль 1933 г.) в широких массах населения наблюдался рост антифашистских настроений, усиление борьбы против опасности фашизма и войны. Успех антифашистской борьбы зависел от единства действий демократических сил. Компартия, действуя в тяжелейших условиях подполья, вела героическую работу по мобилизации и объединению этих сил в антифашистский фронт.

В конце 1934 года ЦК КПР принял решение «О немедленных задачах партии в связи с фашизацией страны», в котором выдвигал на первый план организацию массовых выступлений в целях развития широкого антиимпериалистического и антифашистского движения.

Формами этих выступлений могли быть: экономическая борьба пролетариата, крестьянства и мелкой буржуазии; борьба против разжигания румынского шовинизма, осадного положения и «чрезвычайных законов», ликвидировавших конституционные свободы, против попыток развязывания империалистической войны. В том же году

компартией был выпущен манифест под заглавием «Против нищеты, фашизма и войны — единый фронт борьбы».

Для ведения антифашистской работы в массах под руководством КПР создавались многочисленные легальные демократические организации (молодежные, женские, просветительные и т. п.). Общее число таких организаций, действовавших в 1933—1938 годах, достигало трех десятков. Правительство Татареску преследовало и запрещало деятельность этих организаций.

В июне 1933 года возник Национальный антифашистский комитет, имевший свои секции в Браиле, Галаце, Ботошанах, Питешти, Каракале, Рымнику-Сэрате, Крайове и других городах. Комитет издавал «Бюллетень антифашистского движения», в котором разоблачались фашистская демагогия, правительственная политика покровительства железногвардейцам и другим румынским фашистам, указывался путь борьбы с фашистской опасностью и др.¹⁹ «Мы призываем всех обеспокоенных ростом фашистской опасности присоединиться к нашему движению...», — говорилось в одном из номеров бюллетеня. В ноябре 1934 года деятельность Национального антифашистского комитета была запрещена специальным приказом военных властей.

Летом 1934 года было организовано общество «Друзья СССР», которое, выступая за развитие румыно-советских связей, в то же время показывало огромную роль СССР во всемирной борьбе против фашизма и угрозы войны. В конце 1934 года оно было распущено по распоряжению властей. Но уже в первой половине 1935 года образовалось «Общество по поддержанию культурных связей между Румынией и Советским Союзом», которое продолжило дело «Друзей СССР». Под разными названиями это общество существовало вплоть до 1938 года.

В целях развертывания культурной работы среди масс и борьбы против предрассудков и суеверий, являвшихся питательной средой для реакционной и фашистской пропаганды, в феврале 1935 года была создана «Лига борьбы с предрассудками». Первые же успехи в ее работе навлекли гонения со стороны правительственных органов и привели к ее закрытию. Под руководством компартии в марте 1935 года возникла «Лига борьбы против грубого обращения». Целью лиги являлась защита заключенных в тюрьмы коммунистов и антифашистов от зверств и тер-

рора, оказание им моральной и материальной помощи, борьба с рукоприкладством в семье, школе, на заводе и т. п. В июне 1935 года правительство запретило и эту организацию. По инициативе КПР был создан в начале 1935 года «Комитет защиты антифашистов», но в июле 1937 года распоряжением главной дирекции полиции деятельность этого комитета была запрещена.

Активно действовала с 1935 по 1938 год «Группа адвокатов-демократов», секции которой имелись в 52 уездах страны. Вместе с другими антифашистскими организациями она защищала борцов за демократию, их печать. Члены этой организации выступали на процессах антифашистов, инсценированных правящими кругами в целях подавления демократических сил, руководимых коммунистической партией. Наиболее крупными процессами в 1933—1937 годах, в которых выступали адвокаты-демократы, были процессы над руководителями революционной борьбы румынского пролетариата Георге Георгиу-Дежем, Киву Стойкой, Илие Пинтилие, Георге Василики и др., процесс в Брашове над Николае Чаушеску и 24 другими антифашистами-коммунистами, процессы в Галаце, Бухаресте, Крайове и Клуже, во время которых были осуждены Георге Апостол, Александру Могиораш, Григоре Преотьяса, Петре КонстантINESКУ-Яшь, Теодор Бугнариу и др. Защитниками на процессах коммунистов и антифашистов выступали адвокаты-демократы, такие как Ион Георге Маурер, Михаил Маковей, Стелиан Ницелеску, Михаил Кручану и др. Возникшие в начале 1936 года «Гражданские комитеты», в которых активное участие приняла левая группировка национал-царанистской партии, ставили своими задачами борьбу против угрозы фашизма, в защиту демократии, за равноправие граждан независимо от национальности, вероисповедания и социального положения, за равноправие женщин, против дороговизны и спекуляции, за контроль над расходованием общественных средств и т. п.

Организуя борьбу национальных меньшинств, Коммунистическая партия Румынии добилась создания в августе 1934 года «Союза венгерских трудящихся Румынии» (МАДОС), который выступал против капиталистической эксплуатации, реакционной политики румынских и венгерских капиталистов и помещиков, против фашизма, шовинизма и расизма, в защиту демократических свобод.

Отделения МАДОС имелись в Бухаресте, Клуже, Одорхее, Сфынту-Георге, Хунедоаре, Брашове, Араде, Тимишоаре, Сату Маре, Турде и других местах. Организации «Союза венгерских трудящихся Румынии» под руководством компартии активно участвовали в крестьянском восстании в Валя Гимешулуе. После того как в марте 1938 года деятельность МАДОС была запрещена законом, он перешел на нелегальное положение, тесно сотрудничая с КПР.

Демократической организацией трудящегося крестьянства являлся Фронт земледельцев, созданный П. Грозу в начале 1933 года. Легально действуя в период до установления королевской диктатуры в феврале 1938 года, эта организация принимала активное участие во всех попытках компартии создать Народный антифашистский фронт. В 1935 году Фронт земледельцев заключил соглашение с МАДОС о совместной антифашистской борьбе.

Коммунистическая партия Румынии вела большую работу по вовлечению масс в антифашистскую борьбу, используя нелегальную и легальную печать. В 1933 году ею издавались 72 издания, в 1934 году — 65 изданий и в 1935 году — 70 изданий. Сигуранца с беспокойством отмечала рост тиража изданий компартии: нелегальные издания расходились тиражом в 5—6 тыс. экземпляров, а тираж используемых компартией легальных изданий доходил до 25—30 тыс. экземпляров²⁰.

ЦК КПР в феврале 1935 года принял решение добиваться создания Народного антифашистского фронта. «Чтобы помешать фашистским мероприятиям правительства, бьющим по всем слоям трудящегося населения Румынии, и чтобы преградить путь установлению военно-фашистской диктатуры, — говорилось в решении, — необходимо мобилизовать вокруг рабочего класса и под его руководством всех союзников... создать вокруг пролетарского ядра широкий Народный антифашистский фронт». Этот фронт должен отличаться от антифашистского движения последних лет, подчеркивалось в решении, как широтой и конкретностью целей, так и методами действий. Он должен стремиться объединить не только рабочих, но и все слои трудящейся мелкой буржуазии города, ремесленников, интеллигенцию, мелких торговцев и в особенности все трудящееся население деревни, то есть всех недовольных правительственными мероприятиями²¹.

В упомянутом решении еще не говорилось прямо о возможности вовлечения в Народный антифашистский фронт других слоев буржуазии, в том числе средней, интересы которых ущемляла королевская «камарилья». Но уже ставился вопрос о необходимости применения более гибкой тактики и установления единства действий с массовыми буржуазными партиями, в частности с национал-царанистской. Несмотря на то что руководители национал-царанистской партии, указывалось в решении ЦК КПР, входят в число проповедников фашизма, рядовые члены этой партии не хотят ни фашистского террора, ни фашистской диктатуры. В другом партийном документе начала 1936 года также подчеркивалось, что, хотя национал-царанистское руководство представляет интересы части финансового капитала и в программе этой партии проскальзывают элементы фашизма, рядовые члены этой партии настроены антифашистски.

Борьба против фашизма вступила в новую фазу после VII конгресса Коминтерна, который четко определил расстановку политических сил в этой борьбе и выработал стратегию и тактику мирового коммунистического и рабочего движения, направленную на предотвращение прихода к власти фашизма. «Руководствуясь ценными указаниями VII конгресса Коммунистического Интернационала, партия усилила свою работу по обеспечению единства действий рабочего класса и сплочения вокруг пролетариата всех общественных слоев и категорий, заинтересованных в демократическом развитии страны, в защите мира и национальной независимости в целях создания широкого Народного антифашистского фронта»²².

Раскол румынского рабочего движения создавал огромные трудности в работе по объединению антифашистских сил страны. В Румынии было три социалистические партии: социал-демократическая во главе с Т. Петреску, левосоциалистическая партия К. Поповича и так называемая унитарная социалистическая партия. Коммунистическая партия неоднократно предпринимала шаги к достижению соглашения о совместных действиях в борьбе против фашизма. В ноябре 1935 года она еще раз обратилась к социал-демократической партии, но правосоциалистические лидеры отвергли это предложение.

Одновременно с борьбой за создание Единого рабочего фронта КПР направила усилия на создание под сво-

им руководством массовой легальной антифашистской организации, вокруг которой сплотились бы другие антифашистские, демократические группировки. Такой организацией должен был стать созданный в 1935 году «Блок защиты демократических свобод», или, как его сокращенно называли. «Демократический блок».

«Демократический блок» развил большую активность по мобилизации рабочих, крестьян, мелких ремесленников, интеллигенции, служащих и др. на борьбу против фашистской опасности, за улучшение жизненных условий, в защиту демократических свобод, национальной культуры и мира. В сентябре 1935 года он начал переговоры о единстве действий с левосоциалистической партией К. Поповича, Фронтом земледельцев и МАДОС. После того как руководство национал-царанистской партии отклонило его предложение о сотрудничестве в борьбе против фашизма, «Демократический блок» стал на путь сотрудничества с рядом низовых организаций этой партии. Авторитет «Демократического блока» рос, с ним стали сотрудничать некоторые буржуазно-демократические группировки — царанистская (крестьянская) партия Н. Лупу, радикально-царанистская партия Г. Юниана и др. Накануне выборов в парламент (ноябрь — декабрь 1935 г.) было заключено соглашение о единстве действий между «Демократическим блоком», Фронтом земледельцев, МАДОС и левосоциалистической партией Поповича. Тем самым были заложены основы Народного антифашистского фронта. Социал-демократические организации также решили на предстоящих выборах голосовать за кандидатов Народного антифашистского фронта. В феврале 1936 года на частичных выборах в парламент в уездах Хунедоара и Мехединц единение демократических сил нанесло сокрушительное поражение реакции, обеспечив победу кандидатов Народного антифашистского фронта.

Успех на частичных выборах наглядно показал, что имелись объективные условия для создания широкого Народного антифашистского фронта по всей Румынии. Развивая этот успех, КПР усилила борьбу за объединение демократических сил. Под давлением масс съезд социал-демократической партии в апреле 1936 года проголосовал за резолюцию, призывающую на борьбу с фашизмом, а 1 мая 1936 г. несколько тысяч рабочих, собравшихся в Народном доме, высказались за Единый рабочий фронт

и Народный антифашистский фронт. Ряд организаций национал-царанистской партии (в Бухаресте, Яссах и других городах) также выступил за создание Народного антифашистского фронта. 22 апреля 1936 г. состоялось пленарное заседание руководства «Демократического блока», на котором было представлено 14 организаций, в том числе от национал-царанистской и социал-демократической партий, МАДОС, демократического студенчества, железнодорожников, металлургов и т. д. Участники решили немедленно приступить к созданию широкого Народного антифашистского фронта на основе программы-минимум: борьба против дороговизны, высоких налогов, цензуры, осадного положения и подготовки войны, за роспуск фашистских организаций, политическую амнистию и создание народного правительства.

Руководство национал-царанистской партии попыталось использовать рост антифашистских настроений широких масс для своей борьбы против правительства королевской «камарильи», назначив с этой целью манифестацию на 31 мая 1936 г. Компартия призвала трудящихся Бухареста участвовать в этом собрании, чтобы превратить его в мощную демонстрацию румынского народа и национальных меньшинств против фашизма, войны, национального угнетения, капиталистической эксплуатации, за правительство Народного антифашистского фронта. Рабочие Бухареста вместе с десятками тысяч крестьян, пришедшими из 11 уездов Мунтении, прошли по улицам столицы с лозунгами компартии: «Долой фашизм!», «Хотим мира!», «Требуем освобождения борцов-антифашистов!», «Землю крестьянам!». С трибуны, установленной на Пиаца Ромына, представители коммунистической партии обратились с речью к демонстрантам.

Успехи демократических сил на частичных выборах в парламент и в деле создания Народного антифашистского фронта явились тревожным сигналом для румынской реакции. Ответом на них было усиление правительственного террора против коммунистов и антифашистов. 29 апреля 1936 г. «Демократический блок» был объявлен распущенным, а над его руководителями был инсценирован суд. Фашистские элементы, поощряемые властями, стали с еще большим ожесточением расправляться с представителями демократических сил. В целях самозащиты под руководством коммунистов стали создаваться специальные

группы антифашистов, которые давали отпор вооруженным фашистским бандитам.

Борясь против фашизма в собственной стране, румынские коммунисты выполняли также свой интернациональный долг. По призыву компартии около 500 румынских антифашистов отправились добровольцами на помощь испанским республиканцам, написав на своем знамени такие слова: «За вашу и нашу свободу». Румынские коммунисты и антифашисты героически сражались на фронтах республиканской Испании. В самой Румынии были созданы «Комитеты защиты Испании», проводился сбор денежных средств и т. п., несмотря на то что полиция подвергала жестоким гонениям тех, кто вел кампанию в поддержку испанских республиканцев.

В августе 1936 года состоялся V расширенный пленум ЦК Коммунистической партии Румынии, который детально обсудил проблему борьбы против фашизма в стране. Пленум отметил проделанную работу по организации выступлений рабочих единым фронтом в защиту своих политических и экономических прав, а также деятельность созданных под руководством компартии массовых легальных антифашистских демократических организаций. «Все это, — указывалось в резолюции пленума, — элементы Народного антифашистского фронта, частичные успехи нашей борьбы за Народный антифашистский фронт. Проникновение в сознание широких масс трудящихся, крестьян, мелкой буржуазии и интеллигенции идеи необходимости единства рабочего класса и создания Народного антифашистского фронта, принятие другими партиями наших лозунгов, терминологии и аргументации свидетельствуют об успехах нашей борьбы за единый пролетарский фронт и Народный антифашистский фронт. Но мы еще далеки от осуществления Народного антифашистского фронта, который смог бы остановить наступление фашизма и помешать установлению военно-фашистской диктатуры»²³.

Фашизм в Румынии не имел корней в народных массах. Как отмечалось в решениях VI пленума ЦК КПР, Румыния страдала не от провозглашенной конституцией парламентской системы, а оттого, что фактически отсутствовал режим парламентаризма. Широкие народные массы — рабочие, крестьяне, ремесленники, торговцы, мелкая буржуазия, интеллигенция, служащие, большинство студенчества и значительная часть военных — выступали

против фашизации страны, отстаивая буржуазно-парламентский режим. «На опыте фашистских диктатур в Германии и Италии и политики преследования всех демократических элементов правительством Татареску широкие круги румынской буржуазии убеждаются, что фашистская диктатура направлена экономически и политически не только против пролетариата, крестьянства и угнетенных национальностей, но и против экономических и политических интересов той части буржуазии, которая не принадлежит к господствующей верхушке финансового капитала»²⁴. Таким образом, имелась возможность вовлечь в Народный антифашистский фронт и эту часть румынской буржуазии.

Принятая V пленумом ЦК КПр «Платформа борьбы Народного антифашистского фронта за мир, хлеб, землю и свободу» включала в себя следующие основные пункты: борьба против приготовлений к войне на стороне гитлеровской Германии, за последовательную мирную политику и немедленное заключение договора о взаимной помощи с СССР; защита конституционного режима, гражданских свобод и демократических учреждений, прекращение деятельности фашистских организаций; борьба за национальное равноправие, против политики разжигания национальной вражды; обеспечение экономического и культурного подъема народных масс; борьба за 8-часовой рабочий день, достаточную заработную плату, за снижение налогов, против засилья монополий, диктовавших свои цены на внутреннем рынке под прикрытием таможенных барьеров (в этой связи выдвигалось требование национализации военной промышленности и Национального банка, являвшихся экономической базой господства королевской «камарильи», которая выступала в то время главным претендентом на установление фашистской диктатуры в стране); улучшение положения трудящегося крестьянства, установление справедливых цен на сельскохозяйственные продукты, предоставление дешевого государственного кредита крестьянам, уменьшение размера арендной платы, джммы и т. п.

Коммунистическая партия Румынии выражала готовность вести переговоры с другими партиями и организациями относительно общей борьбы на базе этой платформы или отдельных ее пунктов за Народный антифашистский фронт, за мир, против опасности войны и военно-фа-

шистской диктатуры, за сохранение режима буржуазного парламентаризма, против профашистского правительства Татареску, за правительство Народного антифашистского фронта.

Летом 1937 года вместо запрещенного «Демократического блока» компартия создала новую легальную массовую организацию — «Демократический союз». Эта организация, ставившая своей задачей защиту демократических свобод, национальной независимости и мира, борьбу против фашистской опасности и войны, за улучшение жизни румынского народа, обратилась к национал-царанистской, социал-демократической и другим партиям с призывом объединиться в общий фронт борьбы против фашизма. Однако они не откликнулись на этот призыв.

Создать Народный антифашистский фронт в Румынии накануне второй мировой войны не удалось из-за позиции, занятой правосоциалистическими лидерами и руководством буржуазных партий, выступавших против идеи Народного антифашистского фронта, который они изображали как «маневр» коммунистов.

Неудача в создании Народного антифашистского фронта объяснялась также тяжелыми условиями подполья, в котором действовала компартия, и ее собственными слабостями. Она была сравнительно малочисленна. В антифашистской деятельности румынских коммунистов, как, впрочем, и коммунистов других стран, были ошибки. Компартия вовремя не оценила фашистскую опасность со стороны «Железной гвардии» и родственных ей организаций, полагая, что главная и непосредственная угроза фашизма исходит от королевской «камарильи» и его правительства, возглавляемого Татареску²⁵.

Руководство национал-царанистской партии, отказавшись от сотрудничества с компартией в деле создания Народного антифашистского фронта, весной 1937 года вступило на путь предательства демократических сил, к которым оно себя причисляло. Ю. Маниу начал тогда переговоры с железногвардейским главарем К. Кодряну и в принципе согласился на заключение избирательного соглашения между национал-царанистской партией и фашистской партией «Все для отечества» на предстоящих парламентских выборах. Само соглашение, названное «Пактом о ненападении», было подписано в конце ноября 1937 года, после того как Ю. Маниу стал председателем

национал-царанистской партии. По этому соглашению национал-царанистское руководство признало террористическую фашистскую «Железную гвардию» в качестве легальной политической силы, достойной управлять страной. Не ограничиваясь этим, Ю. Маниу в своих выступлениях того времени восхвалял «успехи» режимов Гитлера и Муссолини, способствуя тем самым росту политического авторитета румынских фашистских организаций, добываясь установления диктаторского режима в Румынии.

Кодряну высоко оценил поддержку со стороны лидера национал-царанистской партии, поднявшую политический престиж «Железной гвардии» и способствовавшую распространению ее влияния в массах. В своем завещании, перечислив вожаков, которым он поручал руководство «Железной гвардией» после своей смерти, К. Кодряну сказал: «Если и они погибнут, тогда следует обратиться к Юлиу Маниу»²⁶. Он завещал легионерскому движению во всем слушаться советов этого лидера национал-царанистской партии.

«Демократический союз» через свою делегацию потребовал объяснений от Ю. Маниу причин заключения соглашения с «Железной гвардией». Как писала газета «Диминяца» 29 ноября 1937 г., пакт Маниу — Кодряну разочаровал и дезориентировал массы, требовавшие единства действий сил демократии, а «не избирательного пакта о ненападении с фашистами, который логикой вещей превращается в идеологический пакт, выгодный только крайне правым». Компартия отмечала, что ссылки Ю. Маниу на опасность установления фашизма в стране в случае победы на выборах правительства королевской «камарильи» не могут оправдать чудовищного акта предательства демократии, совершенного руководством национал-царанистской партии. В центральном органе компартии — нелегальной газете «Скынтейя» подчеркивалось, что «главную опасность представляет собой фашизм, независимо от того, исходит он от правительства (Татареску.— Авт.) или от „Железной гвардии“»²⁷.

Парламентские выборы в декабре 1937 года прошли под знаком активизации реакционных сил. В то время как национал-царанистская партия, руководимая Ю. Маниу, имела «пакт о ненападении» с «Железной гвардией», к которому присоединилась группа национал-либералов во

главе с Г. Братиану, Г. Татареску от имени национал-либеральной партии заключил избирательные соглашения с фашистским «Румынским фронтом» и партией немецкого национального меньшинства, являвшейся прямой агентурой гитлеризма в Румынии. Румынские фашисты вели избирательную кампанию под знаком антикоммунизма и оголтелого национализма. Не отставали от них и буржуазно-помещичьи партии. Национал-царанисты, например, отказавшись от принципа национального равноправия, выступили с шовинистическими лозунгами — «Румыния для румын», «Защита национального труда», и т. п. На страницах своей газеты они стали даже упрекать правительство Татареску в том, что оно «проеврейское». На выборах 1937 года руководство национал-царанистской партии сняло лозунг «крестьянского государства», считая его, по-видимому, слишком революционным.

На выборах 21 декабря 1937 г. фашистские партии сумели собрать значительное число голосов. Если на выборах 1931 года железногвардейцы получили немногим более 30 тыс. голосов (1,2%), то на выборах 1937 года за них было подано около 480 тыс. голосов (16,5%). Более 9% голосов получила другая фашистская организация — национал-христианская партия. Число голосов, поданных за национал-царанистскую партию, уменьшилось более чем в два раза: в 1931 году она получила 45%, а в 1937 году — 20% голосов всех избирателей. Национал-либеральная партия, несмотря на всяческую фальсификацию выборов и широкое использование в своих целях административного государственного аппарата, не сумела набрать те 40% голосов избирателей, которые по мажоритарной системе, установленной румынской конституцией 1923 года, давали абсолютное большинство мест в парламенте. По официальным данным, число поданных за нее голосов составило около 36%. Это был первый случай в истории Румынии, когда буржуазно-помещичья партия, находившаяся у власти, не смогла обеспечить себе необходимого большинства голосов.

Силы фашизма в Румынии заняли исходные позиции для решающего наступления с целью установления режима диктатуры. Верхушка румынских господствующих классов должна была решить, какой из фашистских группировок доверить судьбу буржуазно-помещичьего государства.

ТИТУЛЕСКУ ВОЗГЛАВЛЯЕТ МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Вступление Кароля II на престол ознаменовалось усилением антисоветской кампании в стране. Уже при коронации он заявил о необходимости готовиться к возможному вооруженному конфликту с Советским Союзом. Антисоветская истерия доходила до анекдотичности. Призванное Каролем II к власти правительство «твердой руки» во главе с Йоргой приняло решение, например, конфисковать закупленную в СССР партию галош под тем предлогом, что марка «Серп и молот» на подошвах галош является средством ведения советской пропаганды в Румынии, в особенности на территории, захваченной у Советского Союза¹. Следуя своему антисоветскому курсу, румынские правящие круги в 1931 году подтвердили военный союз с Польшей, возобновив «гарантийный пакт» и подписав секретную военную конвенцию на случай войны с «восточным соседом».

Однако рост экономического могущества и международного авторитета СССР, а также меняющаяся обстановка в Европе заставляли румынских правителей отходить от прежнего открыто враждебного Советскому Союзу внешнеполитического курса. В 1931 году, когда Советский Союз повел переговоры о заключении пактов о ненападении с Францией и Польшей, румынское правительство выразило желание заключить такой же пакт с СССР. Советское правительство было заинтересовано в устранении военной опасности на границах СССР, возросшей в годы мирового экономического кризиса. Поэтому оно приняло румынское предложение, тем более что Франция и Польша обусловливали подписание пактов о ненападении с СССР заключением им такого же пакта с Румынией. В ходе советско-румынских переговоров обна-

ружилось, однако, что правящие круги Румынии меньше всего интересовались пактом о ненападении, а были озабочены тем, как под предлогом этого пакта получить от Советского правительства хотя бы в косвенной форме признание аннексии советской территории.

В интервью 16 октября 1932 г. народный комиссар иностранных дел СССР сказал по поводу этих неудачных переговоров: «Если бы Румыния действительно стремилась... к заключению пакта о ненападении, а не преследовала побочных целей, то соглашение не требовало бы столь длительных переговоров и было бы давно достигнуто. Но систематическое дезавуирование собственных уполномоченных и представителей союзных с Румынией стран обнаруживает следы... борющихся между собой в Румынии влияний, будь то внешнего или внутреннего характера. Ход переговоров заставлял иногда сомневаться в серьезности и искренности стремлений Румынии к заключению пакта. Мы имеем откровенное заявление ответственных политических деятелей Румынии о ненужности для Румынии пакта. От таких деятелей трудно ожидать, чтобы они направляли и вели переговоры с целью соглашения, сколько бы они ни говорили о своем стремлении к сближению между Румынией и СССР»². Что касается Советского правительства, подчеркивалось в интервью, то оно по-прежнему воодушевлено искренним стремлением к скорейшему заключению пакта о ненападении с Румынией и другими странами.

Вследствие позиции, занятой правящими кругами буржуазно-помещичьей Румынии, румыно-советский пакт о ненападении не был заключен. Так в жертву захватническим интересам господствующих классов Румынии была принесена наметившаяся тогда нормализация отношений с Советским Союзом.

Как заявил позднее Н. Титулеску в интервью корреспонденту французской газеты «Эпок», подобный исход переговоров о заключении пакта о ненападении между Румынией и Советским Союзом был следствием его демаршей перед Каролом II³. Титулеску, в то время являвшийся посланником в Лондоне и одновременно представителем Румынии в Лиге наций, повел кампанию против подписания договора о ненападении, в котором не содержалось советского признания аннексии части молдавской территории СССР. Общественное мнение, понимавшее

значение нормализации отношений с СССР и развития сотрудничества с ним для укрепления международных позиций Румынии, осуждало в прессе действия Титулеску. Король же назначил его тогда министром иностранных дел.

Принимая назначение, Титулеску поставил условия, о которых он позднее напомнил королю: «Я сказал Вашему Величеству, что если речь идет о том, чтобы мне быть министром иностранных дел в кабинете Вайды, то мне там делать нечего. Я хотел быть министром иностранных дел Вашего Величества, то есть постоянно во всех кабинетах. Ваше Величество согласилось... «Постоянно» означает, что я буду министром иностранных дел до тех пор, пока Ваше Величество будет доверять мне». Национал-царанисты отрицательно отнеслись к девизу Н. Титулеску: «Внешняя политика не есть политика правительства, это политика короля». По их мнению, утверждение Титулеску о том, что румынская внешняя политика является прерогативой короля, а не правительства, «завершило разращение Кароля II, начатое Татареску», укрепив его в намерении управлять страной, не считаясь с институтами буржуазного парламентаризма.

В сформированном 19 октября 1932 г. правительстве во главе с Маниу пост министра иностранных дел занял Титулеску. Выступив месяцем позже в парламенте, он назвал проект румыно-советского пакта о ненападении неприемлемым и добился принятия решения прекратить переговоры об этом пакте. В одном из своих заявлений он сказал, что пакт «не должен ослаблять нашу позицию на Востоке»⁴.

Срыв переговоров о пакте о ненападении в конце 1932 года был очередной попыткой румынских правящих кругов оказать давление на Советский Союз. Не подписав согласованного пакта с СССР, Титулеску в целях укрепления румынской позиции в отношении восточного соседа и оказания на него нового давления стал добиваться того, чтобы другие страны Малой Антанты воздерживались от сближения с Советским Союзом. Вот что он сам об этом рассказывает: «Посмотрев на карту Европы, я увидел, что все страны установили или предполагали в ближайшее время установить отношения с СССР. Только на две я имел возможность оказать влияние — на Чехословакию и Югославию. Нужно было любой ценой до-

стигнуть того, чтобы эти страны не признавали СССР до тех пор, пока не будут обеспечены условия»⁵, удовлетворяющие румынское правительство. На конференции Малой Антанты в Белграде (декабрь 1932 г.) Титулеску внес предложения о координации и согласовании внешней политики трех стран и добился того, что другие участники Малой Антанты обязались не устанавливать дипломатических отношений с СССР до тех пор, пока этого не сделает Румыния⁶.

В годы мирового экономического кризиса произошли большие изменения в международной обстановке, оказавшие влияние на политику румынских правящих кругов. Во-первых, в то время как капиталистический мир бился в тисках кризиса, Советский Союз успешно развивал свою экономику и, последовательно выступая за сохранение и упрочение мира, приобретал все больший вес на мировой арене. Во-вторых, с приходом гитлеровцев к власти в Германии усилились реваншистские настроения, призывы к ревизии границ, установленных после первой мировой войны. В-третьих, Англия и Франция, которых Румыния рассматривала в качестве гарантов версальской системы, проявляли готовность к сговору с фашистскими державами, выступавшими за ревизию Версаля. Об этом свидетельствовал подписанный в июле 1933 года «пакт четырех» — Англии, Франции, Германии и Италии, предусматривавший возможность пересмотра мирных договоров, признание равенства прав Германии в области вооружений и принятие аналогичного решения в отношении Австрии, Венгрии и Болгарии. «Пакт четырех» был попыткой сделки двух империалистических группировок (Англии и Франции, с одной стороны, Германии и Италии — с другой) за счет интересов малых европейских стран, а также Советского Союза. В этих условиях стала очевидной угроза фашистской агрессии для Румынии, заинтересованной в сохранении послевоенного статус-кво.

Правительство Румынии под воздействием Титулеску, правильно оценившего опасность фашистской агрессии, встало тогда на путь сближения с СССР, который развернул борьбу за создание системы коллективной безопасности, за принятие мер, препятствующих развертыванию агрессии. Так, на конференции по разоружению СССР выдвинул проект конвенции об определении агрессии, который своей ясностью и точностью не оставлял фашист-

ским государствам никакой возможности для дипломатической маскировки и оправдания их агрессивных действий. Румынский министр иностранных дел горячо поддержал этот проект и по поручению своего правительства 3 и 4 июля 1933 г. в Лондоне поставил свою подпись под двумя аналогичными конвенциями об определении агрессии: в первом случае Румыния выступала вместе с пограничными СССР странами, во втором — в числе членов Малой Антанты. Подписывая конвенцию об определении агрессии, Титулеску высоко оценил советскую инициативу, продиктованную интересами укрепления всеобщего мира.

В правящих кругах буржуазно-помещичьей Румынии этот документ пытались трактовать как молчаливый отказ СССР от борьбы за возврат отторгнутых от него территорий. В действительности же подписание конвенции не меняло позиции Советского правительства в территориальном вопросе: оно означало лишь, что СССР не будет прибегать к силе оружия, к войне для разрешения этого вопроса. Не случайно крайне реакционные антисоветские политики упрекали Н. Титулеску за подписание этой конвенции, считая, что она ничего не дает для закрепления аннексированной советской территории. Попытка же представить ее в таком свете не без основания называлась не более чем «юридической тонкостью».

Чтобы заручиться дипломатической поддержкой СССР, выступавшего против агрессивных действий тех государств, которые силой оружия намеревались добиться ревизии установленных после первой мировой войны границ, румынское правительство по инициативе Титулеску приняло решение восстановить дипломатические отношения с Советским государством, прерванные еще в 1918 году. К сближению с СССР толкала румынское правительство и борьба демократических сил, понимавших, что только путем дружбы и тесного сотрудничества с Советским Союзом Румыния может отстоять целостность своей территории, защитить национальную независимость.

9 июня 1934 г. в Женеве произошел обмен письмами между наркомом иностранных дел СССР М. Литвиновым и министром иностранных дел Румынии Н. Титулеску о восстановлении дипломатических отношений между странами. Правительство Советского Союза и Румынии по этому случаю взяли на себя обязательство гарантиро-

вать государственный суверенитет каждой из стран и воздерживаться «от всякого прямого или косвенного вмешательства во внутренние дела и развитие другой стороны, и в частности от всякой агитации, пропаганды и всякого рода интервенций, либо их поддержки»⁷. Восстановление дипломатических отношений ни в коей мере не означало признания румынской аннексии советских территорий.

Румынская реакция критиковала действия Титулеску, приведшие к установлению дипломатических отношений между Румынией и СССР. На заседании парламента А. Куза говорил: «Г-н Титулеску 9 июня 1934 г. заключил с Россией соглашение, в котором ничего не говорится о Бессарабии. В результате он совершил ошибку, которую сам осуждал два года назад»⁸. Определенное недовольство высказывали также К. Аржетояну, А. Вайда, Г. Братиану и др. В ответ Титулеску заявил в парламенте, что лично он удовлетворен уже самим отказом со стороны Советского Союза прибегнуть к разрешению территориального вопроса путем вооруженного вторжения, ибо, по его словам, «никто не оставляет свою территорию по доброй воле».

Народные массы и прогрессивная общественность Румынии радостно восприняли возобновление отношений с Советским Союзом. Социал-демократическая партия одобряла этот акт как способствующий поддержанию мира в Юго-Восточной Европе и развитию экономических связей между Румынией и Советским Союзом. ЦК КПр в специальном заявлении приветствовал восстановление дипломатических отношений с СССР. Вместе с тем в этом заявлении указывалось, что политика правящих кругов королевской Румынии по отношению к Советскому Союзу лишена последовательности и искренности и что господствующие классы по-прежнему ставят препятствия на пути развития дружбы румынского и советского народов. КПр призывала народные массы к дальнейшей борьбе за разоблачение политики правящих кругов и установление действительно дружеских отношений с СССР.

«...Установление нормальных дипломатических отношений между СССР и Румынией и СССР и Чехословакией, — подчеркивала передовая статья газеты «Известия» от 10 июня 1934 г., — имеет бесспорно крупное международное политическое значение, поскольку оно является значительным вкладом в арсенал средств, которыми бу-

дут располагать государства, борющиеся за всемирную отсрочку военной развязки...». Советский Союз исходил из того, что налаживание отношений со странами Малой Антанты, тесно связанной с Францией, будет способствовать включению их в создаваемую усилиями нашей дипломатии систему коллективной безопасности в Европе.

Н. Титулеску рассматривал восстановление дипломатических отношений между Румынией и Советским Союзом в качестве одного из важнейших актов своей политической карьеры. Он подчеркивал, что дружба Румынии с СССР, наряду с дружбой Франции с СССР, является самой большой гарантией мира на юго-востоке Европы. Для него важность и необходимость налаживания отношений с Советским Союзом определялись прежде всего тем, что краеугольным камнем политики французского министра иностранных дел Барту было сотрудничество с СССР в организации коллективной безопасности. Н. Титулеску одобрял проект «восточного пакта», над осуществлением которого работали французская и советская дипломатия.

После восстановления дипломатических отношений благодаря усилиям Советского правительства и тех румынских кругов, которые понимали важность сближения с СССР, начали развиваться добрососедские отношения между странами. В начале 1935 года были возвращены румынскому правительству его архивы, вывезенные в Россию в 1916 году эталоны метра и килограмма, принадлежавшие румынской палате мер и весов, и другое имущество румынской казны. «Я считаю своим долгом,— заявил по этому поводу в румынском парламенте заместитель министра иностранных дел Румынии 21 февраля 1935 г., — выразить от имени румынского правительства особую благодарность правительству СССР за его дружественный жест, который должен укрепить благоприятное развитие отношений между двумя странами». В сентябре 1935 года было установлено прямое железнодорожное сообщение между Румынией и СССР. Вслед за этим был отменен декрет, дискриминирующий Советский Союз в области внешней торговли, и было подписано платежное соглашение с приложением к нему протокола о взаимном предоставлении режима наиболее благоприятствуемой нации. Румыния дала согласие на пролет над ее территорией самолетов авиалинии Москва—Прага. В октябре 1935 года наши летчики и парашютисты по

приглашению румынского королевского аэроклуба принимали участие в авиационном празднике на аэродроме Бэняса близ Бухареста.

Но влиятельные круги антисоветски настроенной буржуазии и помещиков всячески препятствовали развитию румыно-советских отношений. Объем торговли между странами был незначительным, достигнув в 1936 году по закупкам 5,8 млн. лей и по вывозу в СССР — 4,1 млн. лей. Антисоветские происки господствующих классов Румынии не прекратились, временами переходя в открытые военные приготовления против СССР. Компартия писала в этой связи: «Маска миролюбия служит эксплуататорским классам Румынии для еще большего разжигания шовинизма и прикрытия бешеной гонки вооружения»⁹.

Титулеску, по его собственному выражению, считал вступление СССР в Лигу наций одной из важнейших гарантий мира. В лице СССР Лига наций приобретала последовательного борца за коллективную безопасность. Растущая мощь Советского государства могла придать должный авторитет решениям Лиги наций по вопросам обеспечения мира и безопасности. При активном участии румынского министра иностранных дел Советскому Союзу было направлено приглашение, подписанное 30 государствами — членами Лиги наций, обеспечивавшее автоматически его прием в эту международную организацию. Говоря о необходимости занятия Советским Союзом места постоянного члена в Совете Лиги наций, Титулеску аргументировал это большим международным весом СССР, размерами его территории и численностью населения.

Борьба Н. Титулеску против реваншистских государств за сохранение территориального статус-кво шла по различным линиям, в том числе по линии укрепления Малой Антанты. 16 февраля 1933 г. был подписан так называемый организационный пакт, который продлил на неограниченный срок действие всех соглашений, лежавших в основе Малой Антанты, а для проведения общей внешней политики трех стран был создан Совет Малой Антанты. Пактом предусматривалось общее представительство стран Малой Антанты в Совете Лиги наций, поочередно осуществляемое одним из участников этого блока.

Председателем Совета Малой Антанты был избран

Н. Титулеску, сыгравший важную роль в выработке организационного пакта, он же стал представителем Малой Антанты в Совете Лиги наций.

С подписанием организационного пакта Малая Антанта приобрела наряду с прежней антивенгерской направленностью определенную антигерманскую и антиитальянскую направленность. Гитлеровская Германия, фашистская Италия и хортистская Венгрия, провозгласившие в 1933 году годом пересмотра договоров, направляли свои усилия на подрыв Малой Антанты. Германский министр иностранных дел фон Нейрат сообщал в начале 1933 года германскому послу в Италии, что «общей целью, преследуемой нами..., является постепенное ослабление и, если возможно, последующий развал Малой Антанты»¹⁰.

Незадолго до подписания организационного пакта Малой Антанты Титулеску заявил югославской прессе, что слухи об антисоветском характере этого союза «являются абсурдом, который даже не заслуживает опровержения». Однако спустя несколько лет Титулеску сам признал определенную антисоветскую направленность мероприятий по укреплению Малой Антанты в 1933 году. В одном из своих интервью он сказал, что страх Чехословакии перед Германией и Югославии перед Италией наряду якобы со «страхом Румынии перед СССР» заставил страны Малой Антанты заключить организационный пакт¹¹. Румынские правящие круги намеревались использовать Малую Антанту в целях удержания захваченной советской территории. Организационный пакт должен был не только обеспечить границы стран Малой Антанты, но и дать гарантии против революционного движения, резко обострившегося в этих странах под влиянием мирового экономического кризиса 1929—1933 годов.

Стремление использовать Малую Антанту в целях, противоречивших интересам мира, подрывало ее позиции, вело к изоляции стран Малой Антанты от Советского Союза, являвшегося главной силой в борьбе против агрессии фашистских государств, их насильственных действий по перекройке политической карты Европы. И наоборот, шаги Малой Антанты к сотрудничеству с СССР усиливали ее роль в международных отношениях, делая ее одним из звеньев системы коллективной безопасности.

В период пребывания Н. Титулеску на посту министра иностранных дел Румыния приняла активное участие в

создании еще одного антиревизионистского блока — Балканской Антанты в составе Югославии, Румынии, Турции и Греции. Согласно пакту Балканской Антанты, подписанному 9 февраля 1934 г., ее участницы взаимно гарантировали границы, «как отдельные, так и все свои общие балканские границы». Они брали на себя обязательство не нападать друг на друга, а в случае нападения на одну из них со стороны какого-либо балканского государства (имелись в виду Болгария и Албания, не вошедшие в Балканскую Антанту.—*Авт.*) прийти ей на помощь. Оказание взаимной помощи предусматривалось также и в случае нападения со стороны небалканской державы, выступающей в союзе с каким-либо балканским государством. Государства Балканской Антанты заявляли о своей решимости обеспечить соблюдение существующих договорных обязательств и поддержать сохранение настоящего территориального положения на Балканах.

По образцу Малой Антанты румынский министр иностранных дел Н. Титулеску выработал политический и экономический уставы Балканской Антанты. Был создан постоянный Совет Балканской Антанты из министров иностранных дел, которые поочередно председательствовали в нем в течение года. Этот совет должен был собираться не менее двух раз в год, все его решения могли быть приняты лишь единогласно. Из специалистов в области экономики, торговли и финансов был создан консультативный орган — Экономический совет с задачей развития хозяйственного сотрудничества между странами Балканской Антанты. Этот совет способствовал некоторому росту связей между Грецией, Румынией, Турцией и Югославией: была заключена воздушная конвенция, облегчавшая внутрибалканские воздушные сообщения, подписан почтово-телеграфный союз, состоялось соглашение о развитии туризма, имели место конференции управляющих национальными банками Балканской Антанты и т. п. Но, как констатировал Экономический совет на своем заседании в Афинах (март 1937 г.), «относительно одинаковый характер экономики» балканских стран (все они были по преимуществу аграрными отсталыми странами, выступавшими на внешнем рынке поставщиками сельскохозяйственных продуктов и сырья.—*Авт.*) очень ограничивал возможности экономического сотрудничества в рамках Балканской Антанты. Была создана также «антанта

балканской прессы», оживился культурный обмен и т. д.

В рамках Балканской Антанты была подписана 5 июня 1934 г. румыно-турецкая конвенция, гласившая: «Если одно из двух государств, подписавших настоящую конвенцию, в каких бы то ни было условиях явится объектом агрессии со стороны балканского государства, действующего в одиночку или совместно с другим балканским или небалканским государством, то другая договаривающаяся сторона также будет считать себя жертвой агрессии и немедленно предпримет военные действия против одного или нескольких балканских государств, совершивших агрессию, территории которых соприкасаются с ее территорией». В конвенции указывалось также, что в случае если одна из договаривающихся сторон, выполняя вышеизложенное обязательство, явится объектом военных действий со стороны небалканского государства, то другая сторона должна вступить в войну против этого государства. Но эта статья не распространялась на возможный румыно-советский конфликт, о чем румынское правительство по просьбе Турции было вынуждено сделать письменное заявление. В нем говорилось, что в случае военного конфликта с СССР румынское правительство не будет требовать помощи от Турции.

Малая и Балканская Антанты были теснейшим образом связаны между собой. Румыния и Югославия входили в обе Антанты. Н. Титулеску являлся председателем Советов Малой и Балканской Антант. Он полагал, что, находясь в Малой и Балканской Антантах, малые страны Центральной и Юго-Восточной Европы смогут противостоять проискам реваншистов и их пособников, приобретут самостоятельность и независимость по отношению к великим империалистическим державам. Благодаря Балканской Антанте, говорил он, эти державы не смогут более противопоставлять нас друг другу. Но это была иллюзия. «Решающими аспектами международных отношений на Балканах в межвоенный период, — как верно подметил известный американский балкановед Л. Ставрианос, — были скорее политические акции великих держав, чем отношения между самими балканскими странами»¹². Балканская Антанта оказалась по существу игрушкой в руках империалистических держав, стремившихся к укреплению и расширению своих позиций в этой части Европы. Отсутствие сотрудничества с Совет-

ским Союзом делало ее неспособной обеспечить мир на Балканах.

Тот факт, что Балканская Антанта, так же как и Малая Антанта, выступала открыто антиревизионистским блоком, не мог не вызывать враждебного отношения к ней со стороны гитлеровской Германии и фашистской Италии. Правда, германское правительство пыталось внешне демонстрировать свою якобы незаинтересованность в развитии политических отношений на Балканах. Но в циркулярном письме германским представителям за границей указывалось, что пакт Балканской Антанты «будет способствовать усилению политической напряженности на Балканах», а потому его следует рассматривать «как рецидив старых политических методов»¹³.

Если в отношении политического развития на Балканах гитлеровские правящие круги проявляли, как они говорили, «незаинтересованность» или «ограниченный интерес», то экономические связи балканских стран с Англией и Францией явно волновали их, ибо мешали планам экономической экспансии германского рейха в Юго-Восточной Европе. Гитлеровцы считали Титулеску одним из препятствий на пути своего экономического проникновения в Румынию. После подписания пакта Балканской Антанты фон Нейрат в письме германскому послу в Риме заметил, что, пока во главе румынской внешней политики будет стоять Титулеску, у Германии нет надежд на укрепление своих экономических позиций в Румынии¹⁴.

Действия Н. Титулеску по предупреждению венгерских и болгарских попыток ревизии версальского мирного урегулирования получали одобрение всех группировок румынских правящих кругов. Но возраставшая в этой связи антигерманская и антиитальянская направленность румынской внешней политики вызывала недовольство значительной части буржуазии и помещиков, заинтересованных в сбыте нефти и сельскохозяйственных продуктов в Германию и Италию. В правящих кругах преобладало мнение, что Румынии не следует проявлять нетерпимость в отношении германских и итальянских требований пересмотра версальской системы, которые прямо не затрагивают Румынию. В одном из своих выступлений в парламенте премьер-министр Г. Татареску говорил: «С точки зрения Румынии, венгерский ревизионизм является преступлением. Итальянский же ревизионизм — это

всего-навсего лишь заблуждение. Поэтому, как бы ни были печальными для нас итальянские выступления за ревизию договоров, они никак не могут подорвать уз дружбы, связывающих Румынию с Италией»¹⁵. Отказ от противодействия германскому и итальянскому ревизионизму шел вразрез с интересами Чехословакии и Югославии, являвшихся союзницами Румынии по Малой и Балканской Антантам.

Румынские и германские фашисты нападали на Титулеску за его солидарность с политикой, направленной на создание системы коллективной безопасности в Европе с участием Франции и Советского Союза путем заключения региональных пактов о взаимной помощи («восточный пакт» и др.). С целью срыва этой опасной для агрессивных государств политики гитлеровцы прибегли к террору против ее сторонников и проводников. Первой жертвой этого террора пал румынский премьер И. Дука, придерживавшийся внешнеполитической ориентации на Францию. Не случайно официоз германского правительства газета «Фолькишер беобахтер» писала, что выстрелы в Дуку симптоматичны, что они предназначались для Франции. После убийства Дуки германский посол в Париже Кёстер говорил французской журналистке Женевьеве Табуи, что с помощью пяти или шести подобных убийств гитлеровцы рассчитывают добиться осуществления своих планов в Европе. В октябре 1934 года в Марселе был убит французский министр иностранных дел Л. Барту. Фамилия Титулеску фигурировала в черном списке, составленном «Железной гвардией». В итальянской фашистской прессе не без ведома Чиано появилась статья с открытой угрозой в адрес румынского министра иностранных дел: «Наступит день, когда какой-нибудь студент влепит пулю... и мы покончим таким образом с Титулеску»¹⁶. Не страшась угроз фашистов, Титулеску резко выступил против фашистских террористов, потребовав сурового наказания для них. Титулеску подчеркивал, что политические убийства не являются обычными преступлениями против жизни отдельных людей, а представляют собой действия, направленные против безопасности народов и их борьбы за сохранение мира.

Следуя в целом за внешней политикой Франции и Англии, правительство Румынии в период, когда его ми-

нистром иностранных дел был Титулеску, нередко занимало позицию, расходившуюся с позицией этих великих держав. Дело в том, что, выступая против фашистских планов передела мира, английские и французские правящие круги в то же время шли на определенные уступки Гитлеру и Муссолини, уступки, которые создавали угрозу территориальной целостности и национальной независимости Румынии и других малых стран Центральной и Восточной Европы.

Румынский министр иностранных дел решительно сопротивлялся принятию «пакта четырех». По уполномочию постоянного Совета Малой Антанты он посетил в апреле 1933 года Лондон и Париж, чтобы выразить несогласие с проектируемым пактом. Критикуя утверждение английского премьер-министра, что «пакт четырех» имеет целью устранить возможность насильственного пересмотра границ фашистской Германией, Титулеску сказал Макдональду, что уступки фашистским государствам могут привести лишь к увеличению их appetitов. В качестве аргумента для защиты территориального статуса-кво в Европе он использовал также угрозу революции. «Ревизия договоров будет означать войну, за которой последует большевизация Европы»¹⁷, — говорил Титулеску, сам боявшийся свержения капиталистического строя. Под давлением малых стран, входивших во французскую систему военно-политических союзов, Франция изменила свою позицию в отношении «пакта четырех», который, хотя и был подписан, но так и не вступил в силу, ибо не был ратифицирован французским парламентом.

С таких же антиревизионистских позиций выступал румынский министр иностранных дел в австрийском и венгерском вопросах. От имени государств Малой Антанты он добивался от правительств Англии и Франции отказа от поддержки идеи восстановления династии Габсбургов, ибо эта мера стала бы первым этапом воссоздания Австро-Венгерской империи в качестве еще одной реваншистской державы в Европе. В беседе с английским королем Эдуардом VIII, склонявшимся к возвращению Отто Габсбурга на австрийский престол, Титулеску заявил, что Румыния, Чехословакия и Югославия не могут согласиться с этим. Более того, он так поставил перед ним вопрос: «Государь, что вы предпочитаете для оказания сопротивления Германии и аншлюсу: одного челове-

ка или три армии (румынскую, югославскую и чехословацкую. — *Авт.*)?».

В марте 1935 года гитлеровская Германия ввела обязательную военную службу и приступила к формированию 12 армейских корпусов, а также к созданию сильной авиации. На это вопиющее нарушение версальского мирного договора западные державы реагировали лишь словесным осуждением. Малая и Балканская Антанты через посредство Титулеску заявили свой протест. Вскоре Англия сделала новую уступку гитлеровской Германии, заключив с ней 18 июня 1935 г. морское соглашение, по которому мощь германского флота увеличивалась и достигла 35% по отношению к совокупной морской мощи Британской империи. Титулеску увидел в этом английском жесте больше чем простую уступку в вопросе вооружения. При встрече с английским премьер-министром Болдуином в июле 1935 года он сказал о широко распространившемся мнении, «пусть даже ошибочном», что Германия дала обещание Англии сохранять мир на западе Европы, «получив взамен свободу действий на востоке».

В период итальянской агрессии против Эфиопии румынский министр иностранных дел разделял позицию Советского Союза, требовавшего от Лиги наций принятия действенных решительных мер для защиты жертвы агрессии. Англия и Франция, как известно, шли на сделку с итальянскими фашистами. Муссолини перед вторжением в Эфиопию спросил Макдональда, какова будет реакция Англии на этот шаг, и получил такой ответ: «Англия — леди. Женщинам нравятся активно-наступательные действия мужчин, но при условии соблюдения секретности. Поэтому действуйте тактично, и мы не будем вмешиваться»¹⁸. Премьер Франции Лаваль в декабре 1935 года подписал секретное соглашение с Муссолини, означавшее ликвидацию независимости Эфиопии. В противоположность капиталистическим державам СССР решительно выступил в защиту прав и суверенитета эфиопского народа.

При обсуждении вопроса об экономических санкциях Титулеску выразил несогласие с точкой зрения Англии и Франции на возможность продолжения торговли с Италией (стран, отказавшихся применять эти санкции против агрессора): «Сожалею, что не могу быть согласным ни с делегатом Англии, ни с делегатом Франции. Это не часто случается со мной. Но когда это случается, я не пе-

рестаю настаивать на своем мнении с тем упорством, которое вам всем знакомо». Он призывал не откладывать применение экономических санкций под тем или иным предлогом. Под его воздействием румынское правительство уже 19 октября, то есть спустя меньше недели после принятия Лигой наций решения об экономических санкциях, приняло декрет о запрещении прямых или косвенных кредитов итальянскому правительству, подписку на займы, выпущенные в Италии, и т. п. Одновременно запрещался экспорт оружия и военных материалов для Италии. Еще через месяц запрет был распространен на ввоз из Италии всякого рода товаров (за исключением слитков золота, золотых и серебряных монет). От имени Румынии Титулеску заявил в декабре 1935 года о готовности участвовать в «нефтяных санкциях». Эффективность этих санкций не заставила бы себя ждать: Италия зависела целиком от ввоза нефти, а на 10 стран, выразивших согласие прекратить ввоз нефти в Италию (в их числе были СССР и Румыния), приходилось 74,5% итальянского импорта нефти. Английские и французские представители в Лиге наций приняли все меры, чтобы затянуть обсуждение о «нефтяных санкциях» против Италии.

Правда, румынское правительство не очень было склонно соблюдать экономические санкции против Италии. В этом вопросе позиции министра иностранных дел и премьер-министра заметно расходились. Как свидетельствует А. Прост, который в начале 30-х годов был вице-председателем франко-румынского нефтяного треста «Колумбия» и финансовым советником румынского правительства, снабжение Италии не прекратилось: румынские поставки пошли через Австрию и Венгрию. В Бухаресте, пишет он, не захотели пожертвовать даже частично торговыми выгодами ради того, чтобы помешать Муссолини продолжать завоевание Эфиопии¹⁹.

Король и члены правительства Татареску проявляли явное недовольство той решительной позицией, которую занимал румынский министр иностранных дел в отношении агрессии фашистской Италии. Король в беседе с чехословацким посланником в Бухаресте (октябрь 1936 г.) сказал: «Не было надобности действовать так, как действовал Титулеску в качестве румынского министра иностранных дел, когда он выступил открыто выразителем этой политики и поставил Румынию в число первых стран,

выступивших за применение санкций. Если мы и должны выступить в группе таких стран, было бы очень хорошо находиться где-нибудь в середине или в конце, а отнюдь не впереди, куда нас поставил г-н Титулеску вопреки моей воле и членов правительства». Г. Братиану, национал-либеральный деятель прогерманского толка, критикуя Титулеску в этой связи, писал: «Мы всегда стараемся быть больше католиками, чем сам римский папа, и склонны к санкциям больше, чем сама британская империя»²⁰.

Коммунистическая партия и демократические силы Румынии положительно оценивали деятельность тогдашнего румынского министра иностранных дел по организации отпора реваншистским государствам. «В современных условиях,— писал проф. КонстантINESКУ-ЯШЬ в газете «Кувынтул либера» от 12 октября 1935 г.,— единственная политика может обеспечить мир — это политика, проводимая в последнее время Титулеску: присоединение к антиревизионистским и миролюбивым странам, таким, как Франция и др.».

На позиции защиты версальских договоров оставалась Румыния и в марте 1936 года, когда гитлеровская Германия совершила новый агрессивный акт, введя свои войска в Рейнскую область. Англия и Франция внешне бурно реагировали на германскую акцию. Это создало впечатление, что Франция даст решительный отпор Германии, опираясь на союз с восточноевропейскими странами, в первую очередь на союз с СССР. 8 марта 1936 г. состоялось совещание членов румынского правительства во главе с Татареску, на котором после информации Титулеску была выражена солидарность с французской нотой протеста. Премьер заявил, что Франция должна ответить на действия Гитлера концентрацией части своей армии на границе с Рейнской областью. Как можно заключить из архивного румынского документа, правительство Румынии тогда собиралось сохранить нейтралитет в случае возникновения военного конфликта Франции, Чехословакии и Советского Союза с Германией. Думая, что румынское правительство намерено разрешить транспортировку советских войск по румынским железным дорогам в Чехословакию, «Железная гвардия» во главе со своим «капитаном» Кодряну и генералом Кантакузино готовилась организовать путч²¹. Однако необходимость в нем отпала: румынскому правительству не пришлось

решать вопроса о пропуске советских войск через свою территорию, ибо французские правящие круги не захотели препятствовать развивающейся гитлеровской агрессии, надеясь в дальнейшем направить ее на Восток, против Страны Советов.

При обсуждении в Лиге наций вопроса о ремилитаризации Рейнской области Советский Союз осудил тенденцию Запада к капитуляции перед агрессором и призвал к решительным действиям по обузданию тех сил, которые толкали мир к новой войне. Этот призыв был поддержан Титулеску, который, выступая от имени Малой Антанты на заседании Совета Лиги наций в Лондоне (17—19 марта 1936 г.), сказал: «Если одностороннее нарушение договоров будет оставаться без последствий, то это будет концом коллективной безопасности и Лиги наций». Дело идет к тому, что мир будет управляться не силой закона, а законом силы, предупреждал Титулеску, требуя положить конец безнаказанности нарушения международных договоров.

Отказ Франции и Англии от применения санкций к Германии в соответствии с Уставом Лиги наций был большим ударом для Титулеску, опасавшегося, что Франция не выступит в защиту малых стран от гитлеровской агрессии. «Успокойте нас, господин председатель совета министров Франции,— заклинал Н. Титулеску Леона Блюма летом 1936 года,— или по крайней мере скажите нам правду! Ибо мы не забываем, что 7 марта (когда войска германского вермахта вступили в Рейнскую область.— *Авт.*) вы не защищали самих себя. Так каким же образом вы будете защищать нас от агрессора?» Ответа на это не последовало. Призывы Н. Титулеску к борьбе против агрессора встречали все более холодный прием у французских дипломатов, постепенно отходивших от политики коллективной безопасности ради достижения сговора с фашистскими державами за счет малых стран и СССР. Здания Малой и Балканской Антант, возведенные усилиями Н. Титулеску и его сторонниками в других странах, начали рушиться, теряя одну из своих главных опор — Францию. Н. Титулеску в это время пришел к выводу, который он сообщил королю: в будущем со стороны Англии и Франции нельзя ожидать большего, чем моральное осуждение агрессора.

В условиях, когда фашистские государства перешли к

открытым актам агрессии, а в определенных кругах западных держав намечалась тенденция к сговору с ними за счет восточноевропейских стран, особо важное значение приобретала для Румынии позиция Советского Союза. Неудача с созданием «восточного пакта» не привела к отказу от идеи создания коллективной безопасности в Европе. В мае 1935 года Советский Союз заключил договоры о взаимной помощи с Францией. Титулеску, принимавший участие в подготовке франко-советского договора, назвал его событием огромной важности для дела мира, «базой будущей организации безопасности в Европе». Румынский министр иностранных дел считал, что франко-советское сближение создавало благоприятные условия для заключения странами Малой Антанты договоров о взаимной помощи с Советским Союзом, которые могли гарантировать мир в Центральной и Юго-Восточной Европе. 16 мая 1935 г. Чехословакия подписала с СССР договор о взаимной помощи, связанный с советско-французским союзом.

Обострение международной обстановки в связи с ростом агрессивности государств, выступавших за ревизию версальских границ, заставляло румынские правящие круги думать о союзе с СССР. К тому же, как отмечал Титулеску, страна не могла не последовать примеру Франции и Чехословакии, не создавая «парадоксальной ситуации, когда Румыния, будучи другом Франции и союзницей Чехословакии, выступала бы врагом России, являвшейся союзницей двух названных государств». Однако предложение Титулеску заключить по примеру Чехословакии договор о взаимной помощи с СССР первоначально встретило сопротивление со стороны короля и правительства буржуазно-помещичьей Румынии. Это объяснялось боязнью, что союз с СССР приведет к росту влияния коммунистических идей в стране, а также опасениями, что этот союз вызовет усиление враждебности Германии к Румынии и ухудшит румыно-польские отношения. «Министр Титулеску,— писал Ян Шеба, чехословацкий посланник в Бухаресте,— стремился к тому, чтобы сближение Румынии с Советским Союзом шло в ногу со сближением Праги с Москвой. Его положение в этом отношении было тяжелее, чем Бенеша. Румынская общественность, а именно ее решающая часть — привилегированная буржуазия, с трудом приспособлялась к новой

ориентации, страшась перспектив отношений с соседом, который устранил старые привилегии».

Проблема развития отношений с СССР в 1935 году стала в центре внутривосточной борьбы в Румынии. Сближение с СССР, отвечавшее жизненным интересам румынского народа, было не по нутру румынской реакции, ориентировавшейся на фашизм во внутренней и внешней политике. Патриотические антифашистские силы, выступая за безоговорочную ориентацию на антиревизионистский блок, требовали установления союзнических отношений с Францией и СССР, с помощью которых можно было обезопасить страну от агрессии германского фашизма и его союзников в Европе.

Монархия и правительство Татареску в конце концов были вынуждены согласиться с точкой зрения Титулеску, который привел целый ряд аргументов в пользу заключения договора о взаимной помощи с СССР. Он указывал, например, на недостаточную подготовленность румынской армии, которая одна не в состоянии дать отпор ревизионистским устремлениям. «В случае каких-либо осложнений единственно реальная помощь, на которую мы можем рассчитывать, придет к нам не из Франции и не из Англии, а только из СССР», — подчеркивал Н. Титулеску. Договор о взаимной помощи с СССР, говорил он, необходим Румынии при любом развитии событий в Европе. В случае войны с Германией этот договор даст Румынии могучего союзника, способного оказать эффективную помощь против фашистской агрессии... Союз с СССР защитит Румынию от требований территориальной ревизии²².

В июле 1935 года Кароль II и его правительство предоставили министру иностранных дел полномочия для ведения переговоров с СССР о договоре о взаимной помощи, а в сентябре Титулеску затронул этот вопрос при встрече с Литвиновым.

Сведения о намерении Румынии присоединиться к франко-советско-чехословацкой системе безопасности вскоре просочились в печать и вызвали бурную реакцию недовольства со стороны фашистских государств, а также тех стран, которые склонялись к ним. Хортисты стали называть Румынию «агентом Советского Союза в Европе», пугая капиталистический мир последствиями румыно-советского сближения. Польские правящие круги заявляли о возможности денонсации «гарантийного догово-

ра» между Польшей и Румынией в случае заключения Румынией союза с СССР. Польский посланник в Бухаресте Арцишевский специально посетил румынский МИД, чтобы заявить, что ст. 5 договора, заключенного между Польшей и Румынией, якобы запрещает румынам вести переговоры или подписывать пакт о взаимопомощи с СССР без предварительного согласия поляков. Там его заверили, что Румыния не ведет никаких переговоров с СССР. Но при этом подчеркнули, что если бы даже велись переговоры о таком пакте, то это не было бы нарушением Румынией ст. 5, гласящей: «Ни одна из Высоких Договаривающихся Сторон не может заключить союз с третьим государством, не посоветовавшись предварительно с другой стороной. Этому не подлежат союзы, заключенные в целях поддержания договоров, уже подписанных сообщами Польшей и Румынией...». Пакт о взаимной помощи с СССР подпадал бы под действие второй части ст. 5, будучи подтверждением обязательств по пакту Лиги наций, подписанному в свое время и Польшей, и Румынией.

«Настойчивые слухи относительно переговоров между Советской Россией и Румынией о предстоящем заключении румыно-советского пакта,— отмечалось в документе, направленном из Берлина в германскую миссию в Бухаресте,— создали впечатление в Германии, что румынское правительство, вопреки многочисленным опровержениям, готово участвовать в той или иной форме во франко-руско-чехословацкой системе взаимной безопасности»²³. Гитлеровцы враждебно относились к идее советско-румынского союза, ибо вместе с франко-советским и советско-чехословацким союзами он мог быть непреодолимым препятствием для фашистской агрессии.

Внутри Румынии прогермански настроенные реакционные круги оказывали ожесточенное сопротивление сближению с СССР. Против заключения договора о взаимной помощи с Советским Союзом выступали фашистские и крайне правые буржуазно-помещичьи деятели: К. Кодряну, А. Куза, Г. Братиану, А. Вайда, К. Аржетояну, О. Гога и др. Лидеры национал-христианской партии опубликовали специальное заявление, где в самых резких выражениях протестовали против идеи пакта о взаимной помощи с Советской Россией, который, по их словам, «превратит Румынию в авангард большевистских армий со всеми вытекающими последствиями». В октябре 1935 года

Г. Братиану внес запрос в парламент. В нем говорилось, что в течение последних недель в иностранной прессе чрезвычайно настойчиво твердят о приближающемся заключении договора между Румынией и СССР, а также военной конвенции, открывающей при определенных возможностях северо-восточные границы страны для прохода советских армий. Братиану заявлял, что союз с СССР «несовместим с завтрашней безопасностью страны, как внутренней, так и внешней», и требовал отказа от самой идеи такого союза. Прогерманские круги румынской буржуазии обвиняли Н. Титулеску в том, что его политика союза с Францией, Чехословакией и СССР втянет Румынию в войну против Германии.

16 октября 1935 г. МИД Румынии опубликовал коммюнике, в котором опровергались слухи относительно предстоящего заключения союзного договора с СССР. Заявление министерства иностранных дел Румынии не успокоило противников внешнеполитического курса Н. Титулеску, считавших, что он хочет поставить своих противников перед свершившимся фактом. В конце ноября 1935 года Г. Братиану вновь сделал запрос министру иностранных дел. Резко нападая на Н. Титулеску, он обвинял его в покушении на румынскую конституцию, специальной статьей запрещающую проход иностранной армии через румынскую территорию²⁴. Титулеску, отвечая на запрос Г. Братиану в парламенте, заявил, что никаких официальных переговоров по этому вопросу не было. Он особо подчеркнул, что никогда не велись и сейчас не ведутся переговоры о проходе советских войск через румынскую территорию. Позднее, в связи с утверждениями о том, что между Бенешем и Титулеску будто было достигнуто соглашение, по которому Румыния соглашалась пропустить советские войска на помощь Чехословакии, румынский министр иностранных дел счел необходимым сказать: «Я никогда не подписывал с Бенешем никакого договора о пропуске советских войск через Румынию на помощь Чехословакии, более того, я никогда не обсуждал с ним этого вопроса».

Широкие круги румынской общественности выступали за тесное сотрудничество с Советским Союзом в деле обеспечения безопасности страны. Коммунистическая партия считала заключение договора о взаимной помощи с СССР единственным путем защиты национальной неза-

висимости и территориальной целостности Румынии. Она подчеркивала, что союз с СССР диктуется не только общими интересами мира, но и чисто национальными интересами Румынии, интересами ее спасения от угрозы фашистского порабощения. Компартия предупреждала, что отказ от заключения договора о взаимной помощи с Советским Союзом лишит Румынию ее естественного союзника, приведет к опасной изоляции на международной арене. В выработанной ЦК КГР платформе Народного антифашистского фронта говорилось о необходимости вести борьбу за последовательную мирную политику, за стабильную политику сближения с Советским Союзом и немедленное заключение пакта о взаимной помощи с ним, за укрепление связей с Францией, Малой Антантой и Балканской Антантой²⁵. Демократическая пресса Румынии, выступая в пользу союза с СССР, писала, что он явится «мощной гарантией мира», «залогом мира на востоке Европы и безопасности нашего народа». Целый ряд буржуазных политиков активно поддерживали курс Н. Титулеску на сотрудничество с СССР в целях защиты страны от агрессии фашистских государств.

В силу ряда внутренних и внешних обстоятельств румынское правительство всячески оттягивало переговоры о заключении договора о взаимной помощи с СССР. Осенью 1935 года франко-советский договор еще не был ратифицирован, положение фашистской Германии укрепилось в связи с начавшейся итальянской агрессией против Эфиопии, и Франция не хотела обострять отношений с ней. Это не могло не сказаться на румынской позиции. Лишь после марта 1936 года, когда Германия оккупировала Рейнскую область, вновь стал чрезвычайно срочным для Франции и Румынии вопрос о заключении румыно-советского пакта о взаимной помощи.

Внутриполитическое положение Румынии в 1936 году характеризовалось быстрым ростом крайне правых сил во главе с фашистской «Железной гвардией». Поддержка, оказываемая Каролом II и правительством Татареску легионерскому движению, открыто заявлявшему о своем намерении связать Румынию союзом с гитлеровской Германией, вызывала вполне обоснованное недоверие к внешнеполитическому курсу румынского правительства. Французский министр иностранных дел И. Дельбос вы-

сказывал Н. Титулеску серьезные упреки по поводу внутреннего положения в стране. Рост фашистских сил в Румынии мог сделать невозможным не только заключение союза с СССР, но и сохранение связей с Францией.

Отдавая отчет в том, что внутренняя политика правительства препятствует проведению внешнеполитического курса, Титулеску в июле 1936 года вручил премьеру Татареску заявление об отставке. Румыния, указал Н. Титулеску, теряет доверие своих союзников из-за очевидной поддержки, оказываемой правительством крайне правым группировкам, ориентирующимся на немцев. Но король не принял его отставки, которая могла бы быть расценена в Лондоне и Париже как отход Румынии от западной ориентации. Объясняя ему причины покровительства железногвардейцам и другим фашистам, Кароль II сказал, что для борьбы против коммунизма в стране необходимо использовать помимо государственной полиции еще и другие силы: одних легальных средств, находящихся в распоряжении правительства, недостаточно. Для борьбы против левых надо привлечь, как выразился Кароль II, «общественность», то есть фашистское движение. Но Кароль II заверял Титулеску, что покровительство фашистским организациям якобы не изменит внешнеполитической линии страны.

Тогда Титулеску потребовал одобрения проводившегося им курса, который в последнее время вызывал споры в правительстве Татареску. Это требование было принято. На заседании совета министров в середине июля 1936 года было подтверждено, что главной целью румынской внешней политики является заключение пакта о союзе между Францией и Малой Антантой, как это было установлено на встрече глав государств Малой Антанты 6 июня 1936 г. «Мы — противники коммунизма внутри страны и ни один член правительства не является его сторонником...», — говорилось в решении совета министров Румынии от 16 июля 1936 г. — Но в области внешней политики мы — за соглашение с СССР, союзником наших союзников Франции, Чехословакии и Турции, соглашение, единственно способное сделать эффективными эти союзы. Мы не можем быть одновременно союзником Франции и недругом России, ее союзницы»²⁶. Тогда же были обновлены полномочия Титулеску на заключение договора о взаимной помощи с СССР. Было решено также пре-

кратить нападки в печати на СССР, опубликовать ряд статей, благоприятных Советскому Союзу, и осуществить другие меры, способствующие сближению между двумя странами. В то же время Титулеску постарался в известной степени успокоить оппонентов курса на сближение с СССР. Временный поверенный в делах Польши в Румынии Понинский сообщал в Варшаву о своих беседах с румынскими политическими деятелями следующее: «Аржетояну и Тиля сказали, что Титулеску принял в отношении ряда правых политиков, в том числе Авереску и Гоги, обязательство не заключать никакого соглашения с Советами, которое разрешило бы проход советских войск или предусматривало бы военное сотрудничество».

21 июля 1936 г. во время конференции в Монтрё румынский министр иностранных дел Н. Титулеску сообщил советскому наркому иностранных дел М. Литвинову о своих полномочиях на ведение переговоров и заключение договора, согласно которому страны оказывали бы помощь в случае агрессии со стороны любого государства. Он считал, что выполнение каждой из стран своих обязательств по оказанию взаимной помощи может иметь место лишь в том случае, если Франция окажет помощь жертве агрессии. Далее Титулеску предлагал включить в советско-румынский договор статью, согласно которой вступление войск на территорию страны для оказания ей помощи в отражении агрессии могло иметь место лишь по получении официальной просьбы правительства этой страны, а после окончания военных действий они должны вернуться за линию, откуда пришли.

Позиция румынского правительства не способствовала заключению эффективного военного союза между Румынией и СССР. Дело в том, что у Румынии не было договора о взаимной помощи с Францией, а надежды на скорое заключение союза Франции со всей Малой Антантой были очень слабыми по многим причинам. Одна из них — нежелание югославского правительства связывать себя военно-политическим сотрудничеством с Францией и СССР. Еще в марте 1936 года румынский посланник в Белграде информировал Титулеску, что Стоядинович зачитал на секретной сессии югославского парламента письмо Лавалья, который рекомендовал Югославии не нормализовать отношений с СССР и «оставаться

барьером в Центральной Европе против атак коммунизма». Летом 1936 года югославское правительство, держа курс на сближение с гитлеровской Германией, возражало против заключения Румынией договора о взаимной помощи с СССР.

Во время встречи Титулеску с Литвиновым вновь проявилось стремление румынского правительства утвердить «права» на аннексированные советские земли. Не отказываясь от своих законных требований, Советский Союз вместе с тем не настаивал на немедленном разрешении территориального конфликта, в котором он уже проявил большое терпение и стремление урегулировать его мирным путем. Советское правительство считало первоочередным делом организацию отпора фашистской агрессии и этой задаче подчиняло всю свою внешнеполитическую деятельность.

Румынское правительство вскоре, однако, прервало переговоры, удалив из своего состава Н. Титулеску, и в дальнейшем не возвращалось к вопросу о заключении договора о взаимной помощи между Румынией и СССР. Обнаружилось, что румынские правящие круги больше интересовались закреплением захваченной советской территории, чем самим пактом о взаимной помощи, направленным против развивавшейся гитлеровской агрессии.

Подобный исход румыно-советских переговоров о договоре о взаимной помощи становится особенно понятным, если учесть, что правящие круги Румынии в то же самое время стремились заключить такой же договор с гитлеровской верхушкой, хотя она выступала застрельщиком агрессии в Европе.

Румынская внешняя политика 1933—1936 годов отличалась явной непоследовательностью. Выступая против попыток пересмотра версальского договора и ставя страну в лагерь государств, борющихся против фашистской агрессии, румынские правители одновременно искали сближения с гитлеровской верхушкой. Лавирование между противоборствующими великими державами было характерной чертой внешней политики буржуазно-помещичьей Румынии, как, впрочем, и других малых стран.

На внешнеполитический курс румынского правительства оказывали влияние различные факторы. Не последнюю роль сыграло нарастание кризиса буржуазного строя и вытекавшая из этого фашизация политической жизни Румынии. В этом нашла свое проявление неразрывная связь внешней политики с внутренней, которую подчеркивал В. И. Ленин, указывавший, что внешняя политика является продолжением внутренней и определяется ею²⁷. Развернув наступление против революционных и демократических сил румынского народа, ведя дело к ликвидации буржуазного парламентаризма и установлению диктаторского режима, правящая румынская верхушка была заинтересована в сотрудничестве с германскими и итальянскими фашистами, провозгласившими своей целью борьбу с коммунизмом.

Кроме того, реакционные силы Румынии считали, что в случае румыно-германского сближения гитлеровцы будут выступать в защиту территориальной целостности Румынии, окажут сдерживающее влияние на Венгрию и Болгарию и, конечно, поддержат Румынию в ее стремлении сохранить захваченные у СССР территории. Гитлеровская верхушка, заинтересованная в привлечении Румынии на свою сторону, не рассеивала этих надежд румынской реакции. Еще в 1933 году Гитлер в беседе с румынским посланником сказал, что германское правительство готово воздействовать на Венгрию и свести к минимуму ее возможности вооружаться, если Румыния и другие страны Малой Антанты «будут благосклонны к Германии». Видный деятель национал-социалистской партии А. Розенберг заявил тогда же посланнику Румынии в Берлине, что Германия считает непременным условием сближения с Румынией ее отход от французской системы военно-политических союзов и «вступление в зону политического влияния Германии»²⁸.

Важным побудительным фактором сближения с Германией была заинтересованность Румынии в развитии экономических связей. В то время как доля Англии и Франции во внешней торговле Румынии после кризиса 1929—1933 годов сокращалась, удельный вес Германии, ведшей торговлю на клиринговой основе, неуклонно рос. Заключив в 1931 году торговый договор с Румынией, Германия стала увеличивать свои закупки зерна и нефти. В 1932—1935 годах германские закупки нефти в Румынии

возросли с 296 млн. до 1540 млн. лей, а английские закупки уменьшились с 2018 млн. до 1077 млн. лей и французские — с 1797 млн. до 512 млн. лей. Аналогичные изменения произошли и в экспорте румынского зерна, закупки которого Англией и Францией в рассматриваемый период резко сократились. Общий объем румыно-германской торговли в 1933—1936 годах увеличился в два раза. Рост экономической зависимости от Германии (в этот период отмечалось также проникновение германского капитала в румынскую промышленность и финансы)²⁹ являлся причиной, заставлявшей румынскую буржуазию и помещиков, связанных экономическими интересами с германским империализмом, добиваться политического сближения с ним.

Отмеченные выше факторы не могли не сказываться в дипломатической деятельности Н. Титулеску, несмотря на то что в принципе он со всей непримиримостью относился к попыткам ревизии версальской системы. В германских архивных документах, опубликованных в США и Великобритании после второй мировой войны, содержится соответствующий материал.

В марте 1933 года руководитель румынских национал-социалистов сообщил германской миссии в Бухаресте о беседе с Н. Титулеску, который якобы просил его передать по частным каналам следующее секретное заявление для правительства германского рейха: «1. Титулеску считает официальное сближение с Германией желательным и необходимым. 2. Польская проблема (германские территориальные требования к Польше.— *Авт.*) не является препятствием для реализации вышеуказанного желания. Поляки совершенно безразличны Титулеску. 3. До тех пор, пока нет ясности в отношениях между Германией и Румынией, последняя, естественно, не может оторвать себя от Франции...»³⁰. При этом румынский министр иностранных дел якобы просил ответить не по дипломатическим каналам, а через специального эмиссара, чтобы избежать разглашения секретности румыно-германского обмена мнениями.

В том же месяце германское министерство иностранных дел получило сообщение о беседе корреспондента газеты «Фолькишер беобахтер» Вебера с румынским королем. В этой беседе Кароль II заявил, что «в связи с новым развитием в Германии (приходом гитлеровцев к

власти.— *Авт.*) Румыния придает большую важность укреплению отношений с Германией» и что польский вопрос не является препятствием в этом деле. Германская миссия в Бухаресте, проявляя определенную осторожность к полученной информации, высказала следующее мнение: «Вполне возможно, что заявление Вебера верно во всех основных пунктах. Это совпадает с политическими методами Титулеску». Руководство германского МИД расценило эти румынские демарши как «попытку Титулеску ослабить плохое впечатление от официальной румынской политики в вопросах разоружения и ревизии договоров»³¹. Тем не менее гитлеровские заправилы сочли необходимым продолжить диалог с Румынией. В апреле 1933 года румынский министр иностранных дел, выражавший желание встретиться с Гитлером, получил такое приглашение, но не использовал его, сообщив в Берлин, что не знает, когда сможет приехать в Германию.

Гитлеровское правительство стремилось использовать желание Кароля II и его окружения сблизиться с Германией в целях изменения самого внешнеполитического курса Румынии. 26 мая 1933 г. Гитлер в присутствии министра иностранных дел фон Нейрата принял румынского посланника Комнена и сказал ему, что позиция Румынии, которая «во всех случаях постоянно противилась равноправию Германии» (т. е. выступала против германской ревизии версальской системы), мешает развитию германо-румынской торговли. Гитлер резко оборвал Комнена, когда тот заявил, что Титулеску и румынское правительство придают большое значение хорошим отношениям с Германией, и сказал, что «это — общие фразы», расходящиеся с позицией Румынии.

Особый интерес представляют мысли, высказанные румынским министром иностранных дел в беседе с фон Нейратом летом 1933 года. Титулеску сказал, что он антиревизионист и потому выступал против «пакта четырех». Румыния, подчеркивал он, никогда не согласится с венгерским ревизионизмом, поддерживаемым Италией, но не будет возражать против аншлюса Австрии Германией. Если германское правительство не поддержит ревизионистские устремления Венгрии, то у Титулеску не будет причин противодействовать германским пожеланиям пересмотра версальской системы³². Титулеску вновь говорил о желании Румынии увеличить экспорт в Германию.

Откровенно шантáжируя, фон Нейрат сказал, что не видит, каким образом это может осуществиться, поскольку «Румыния своими действиями мешает восстановлению Германии» как великой державы.

В августе 1933 года председатель совета министров Г. Татареску направил в Германию своего эмиссара Рудольфа Брандша, представителя немецкого меньшинства в румынском парламенте, с целью выяснения возможности «восстановления прежних дружеских отношений между Германией и Румынией в экономической и политической областях». Брандш в беседе с директором экономического департамента германского МИД Риттером заявил, что румынский король недоволен ориентацией только на французскую политику. Эта профранцузская ориентация, сообщил эмиссар главы румынского правительства, определяется тремя факторами: во-первых, личностью Титулеску; во-вторых, финансовой зависимостью от Франции; в-третьих, боязнью, что Германия поддержит хортистские территориальные требования. Риттер сказал Брандшу для передачи в Бухарест, что германский рейх не может верить многочисленным дружественным заявлениям Румынии, которая последние 10 лет была на стороне политических противников Германии, что германо-румынское сближение невозможно до тех пор, пока Румыния не предпримет шагов, ясно показывающих на изменение ее политической позиции в отношении Германии.

Гитлеровцы, будучи сами заинтересованы в румынской нефти и зерне, хотели, однако, использовать румынскую заинтересованность в развитии торговли с Германией, для того чтобы сдвинуть Румынию с позиции противодействия пересмотру мирных договоров. Они использовали различные средства для оказания влияния на румынские правящие круги. В сентябре 1933 года «ИГ Фарбениндустри» заключил контракт на закупку румынского зерна на сумму 17 млн. рейхсмарок взамен поставок своей продукции на сумму 13,6 млн. рейхсмарок. В связи с подписанием этого контракта представитель концерна Шварте сообщал в германский МИД, что румынские должностные лица делают заметные усилия для достижения лучших экономических отношений с Германией, однако Национальный банк, находящийся под французским влиянием, по-прежнему является главным препятствием на этом пути. После заключения сделки «ИГ Фарбениндустри»

выделил румынскому правительству 250 тыс. рейхсмарок на расходы по его усмотрению. Кроме того, 125 тыс. марок было выделено для национал-социалистской партии Румынии, а еще 125 тыс. марок — германской миссии в Бухаресте для финансирования румынской прессы и политиков, выступавших за развитие германо-румынских экономических отношений.

В 1934 году румынские правящие круги предприняли новые шаги к сближению с Германией. 25 мая Комнен и министр финансов В. Маджару посетили фон Нейрата, чтобы получить ответ на меморандум об улучшении румыно-германских отношений, направленный в Берлин правительством Румынии еще в феврале 1934 года. Составившись на недавно заключенный торговый договор между Германией и Югославией, Комнен выразил желание видеть такими же германо-румынские отношения. На это фон Нейрат заявил, что Румыния требует от Германии жертв, которые она может принести лишь друзьям.

Продолжая упрекать румынское правительство в недружественном отношении к Германии, гитлеровцы, однако, видели, что оно начинает тяготиться своей исключительной профранцузской ориентацией. Германский посланник в Бухаресте писал в июне 1934 года, что Кароль II организовал с большой помпой прием Барту в Румынии, вылившийся в демонстрацию румыно-французского союза, только с одной целью — получить от Франции кредиты на вооружение. Состояние отношений между Германией и Румынией весной 1934 года дало основание Комнену сообщить о возможности заключения пакта о ненападении между странами³³.

Гитлеровская верхушка решила в этих условиях сделать благожелательный жест в адрес румынских правителей. В октябре 1934 года Геринг от имени Гитлера заявил, что Германия якобы не заинтересована в поддержке венгерских требований ревизии Трианонского договора. Румынский посланник в Берлине Комнен, придя к статс-секретарю германского МИД Бюлову за подтверждением этого заявления, подчеркнул, что «оно расчистило путь для политического сближения между Румынией и Германией». Однако через полтора месяца фон Нейрат внес существенную поправку в это заявление. Он сказал, что Геринга неправильно поняли, ибо Германия не против ревизии Версаля вообще, а против осуще-

ствления Венгрией своих требований силой. Хортисты проявили открытое недовольство заигрыванием Гитлера с румынскими правителями, поэтому понадобились такие разъяснения германского министра иностранных дел.

В этот период Титулеску решил предложить гитлеровцам свои услуги в посредничестве между Германией и Францией. Буржуазно-помещичьи правители Румынии полагали, что выступление в роли посредника укрепит их положение на международной арене, обеспечив расположение как Франции, так и Германии.

Идею посредничества Румынии в германо-французском конфликте Титулеску подал 12 ноября 1934 г. в беседе с германским посланником в Бухаресте. Румынский министр иностранных дел заявил тогда, что Франция стремится к соглашению с Германией, поскольку германопольское сближение лишает ее возможности полагаться на Польшу как на один из факторов французской системы союзов. Отсутствие политического (территориального) спора в отношениях между Румынией и Германией, продолжал Титулеску, «усилило позицию Румынии в отношении ее союзниц», дав ей возможность выступать арбитром в определенных вопросах.

Румынский министр иностранных дел назвал себя противником аншлюса. Но, если выбирать между аншлюсом и восстановлением Габсбургов, подчеркнул он, Румыния предпочтет аншлюс. Другими словами, румынские правящие круги не будут против аншлюса, который устранил опасность воссоздания Австро-Венгерской империи. По мнению Титулеску, Германия вновь займет на Балканах позицию ведущей державы в экономическом плане, какой она располагала перед первой мировой войной: Италия не способна заменить Германию в этой части Европы. Что касается румыно-германских отношений, то правительство Румынии, сказал он, принимая во внимание растущее экономическое влияние Германии на страну, заинтересовано в их улучшении.

Титулеску вновь выразил сожаление, что его позицию считают в Германии недружественной. «Как раз наоборот», — заявил румынский министр иностранных дел. В заключение своей беседы с германским посланником Титулеску попросил передать благодарность германскому правительству за «активное вмешательство в дело против лиц, которые планировали покушение на него». 10 де-

кабря 1934 г. Комнен, возвратясь из Бухареста, передал германскому министру иностранных дел заверения Титулеску, что он не является «антигерманцем» и что он «готов в любое время действовать посредником в деле мирения» Германии с Францией.

В дипломатических кругах гитлеровской Германии было стремление поощрить Румынию к сближению с Великобританией, тенденция к которому проявилась в 1935 году. Германский поверенный в делах считал необходимым поддерживать румыно-английское сближение, которое, по его убеждению, приведет к отказу Румынии от «опасной опоры на Францию» и явится шагом к ее сближению с Германией³⁴.

Центральной проблемой в отношениях между Германией и Румынией в 1935 году стал вопрос о румынском участии в системе коллективной безопасности, основу которой составили договоры о взаимной помощи, подписанные СССР, Францией и Чехословакией. Гитлеровцы ополчились против этих договоров, назвав их политикой окружения Германии, и стали добиваться, чтобы Румыния не присоединялась к франко-советско-чехословацкому союзу, ставившему преграду фашистской агрессии в Европе. Румынское правительство поспешило успокоить Берлин. Титулеску в марте 1935 года сказал германскому поверенному в делах, что в свое время Румыния приняла приглашение Барту участвовать в «восточном пакте», но когда узнала, что Германия и Польша не вступят в этот пакт, она также отказалась, взяв обратно свое согласие. Румынский министр иностранных дел заверил германское правительство, что «без Германии и Польши Румыния никогда не присоединится к „восточному пакту“». В связи с замечанием гитлеровского дипломата о том, что «обязательство о взаимной помощи с большевиками по «восточному пакту» нетерпимо для Германии», Титулеску, согласившись с ним, добавил, что лично он предпочел бы «факкультативную помощь», но русские настаивают на обязательном характере.

В ходе беседы министр иностранных дел Румынии подчеркивал, что его правительство принимает во внимание и учитывает германскую позицию в том или ином вопросе. В частности, он сказал, что будет поддерживать создание «черноморского пакта» в составе СССР, Турции и Румынии лишь в том случае, если не будет возраже-

ний со стороны Германии и Польши. Обратило на себя внимание заявление Титулеску, что в случае войны между Германией и Францией Румыния обязана соблюдать благожелательный нейтралитет в отношении Франции. Румыния вступит в войну только в случае венгерского вмешательства и будет вести военные действия против Венгрии. До этого о Франции всегда говорилось как о союзнице и подразумевалось, что Румыния будет на ее стороне в случае возникновения военного конфликта.

Из всего сказанного министром иностранных дел Румынии германский поверенный в делах сделал следующие выводы: хотя Титулеску настроен в пользу «восточного пакта» и считает Россию лучшей гарантией антиревизионистской политики, Румыния будет держаться в стороне от этого пакта; сдвиги в румынской позиции объясняются «быстрым ростом мощи новой Германии» и желанием по этой причине укрепить связи с ней, чтобы играть на «антагонизме между Москвой и Берлином»³⁵.

В связи с заключением франко-советско-чехословацкого союза стали усиленно распространяться слухи о том, что румынское правительство якобы подписало договор с СССР, разрешающий проход советских войск через румынскую территорию в случае германского нападения на Францию и Чехословакию. 23 мая 1935 г. германский военный атташе получил от Кароля II заверения, что Румыния не даст разрешения на проход советских войск. 20 июня 1935 г. с опровержением слухов о румыно-советском договоре и разрешении на проход советских войск через территорию Румынии выступил Комнен, заявивший фон Нейрату, что «Титулеску и все румынские правящие круги никогда ничего не предпримут без или против Германии».

Оправдываясь перед гитлеровской кликой, румынские правящие круги следующим образом объясняли необходимость сближения Румынии с СССР. Румыния не имеет территориального спора с Германией, но имеет с Россией, говорил Титулеску германскому поверенному в делах в Бухаресте весной 1935 года, и он (Титулеску) пытается всеми возможными путями покончить с этим конфликтом, лишив Россию возможности претендовать на «спорную территорию». Титулеску заявил, что якобы имеет соответствующие документы. Такими документами он считал подписание СССР совместно с Румынией протокола о

досрочном введении в действие пакта Бриана — Келлога, а также советско-румынское соглашение о восстановлении дипломатических отношений. Очередным шагом в этом направлении, заявлял Титулеску, может явиться заключение договора о взаимной помощи.

В гитлеровских кругах стремление Румынии к сближению с Советским Союзом расценивалось примерно так же: оно продиктовано желанием румынских правителей удержать захваченные советские территории. «Титулеску,— отмечалось в политическом донесении германской миссии в Румынии 15 октября 1935 г.,—выступает в пользу пакта с Россией, даже жертвуя союзом с Польшей, ибо венгерский ревизионизм более непосредственно угрожает, чем мировая большевистская революция, к тому же он считает Румынию в военном отношении настолько слабой, что даже в союзе с Польшей она не в состоянии защитить себя от России,— по крайней мере, до тех пор, пока перевооружение Германии не достигнет такого уровня, когда она сможет присоединиться (к Румынии.— *Авт.*), развернув войска на Пруте».

Далее в донесении указывалось, что Кароль II, осведомленный о слабости своей армии, больше обеспокоен «внутренней опасностью, которую влечет за собой пакт с Россией», боится за свой трон и потому не хочет сжигать мосты, связывающие его с антибольшевистскими государствами — Германией и Польшей, тем более, что в тайне он надеется на германскую поддержку против венгерского ревизионизма, которую ему обещал Геринг в 1934 году при встрече в Бледе.

Титулеску заявил германскому поверенному в делах весной 1935 года, что хочет разрушить «легенду об его антигерманской позиции». Через румынского посланника в Берлине Комнена он неоднократно передавал заверения германскому министерству иностранных дел, что он никогда не заключит соглашения с СССР, если не будет в состоянии заключить точно такое же соглашение с Германией. 9 ноября 1935 г. Титулеску сказал германскому поверенному в делах, что «никогда не давал согласия русским на проход войск», что «заключит с ними пакт о взаимной помощи только при условии, что он не будет направлен против Германии».

24 февраля 1936 г. германский МИД получил еще одно заверение румынского правительства, что «если в силу

обстоятельств Румыния будет вынуждена заключить договор (о взаимной помощи с СССР.— *Авт.*), то ни король, ни какое бы то ни было румынское правительство не дадут согласия на разрешение прохода русских войск через румынскую территорию». Одновременно Титулеску и румынское правительство вновь предложили свое посредничество в переговорах с великими державами. Н. Титулеску считал себя особенно подходящим для этой цели ³⁶.

Весной 1935 года в Бухаресте был подписан румыно-германский торговый договор, который был дополнен конвенцией, предусматривавшей германские капиталовложения в румынскую промышленность, особенно в нефтяную. Кроме того, Германия предоставила 600 стипендий для румынских студентов. «Переговоры, начавшиеся три недели назад,— писал 26 мая 1935 г. германский поверенный в делах,— имели неожиданно благоприятный эффект на отношение к Германии со стороны правящих кругов Румынии, и создалась необычно дружественная атмосфера». Обращалось внимание в этой связи на поведение Титулеску, который, «признавая глубоко обоснованными наши требования, говорил так, будто он был нашим адвокатом» ³⁷. Но этот договор подвергся критике со стороны Национального банка, находившего, что он не отвечает интересам накопления свободной валюты, крайне необходимой Румынии для выплаты долгов и закупок оружия. По этой причине договор не был представлен на утверждение румынскому парламенту. В ноябре 1935 года Титулеску обратил внимание германского поверенного в делах на то, что он выполнил ряд его пожеланий: во-первых, были успешно завершены переговоры с фирмой Отто Вольфа, и, во-вторых, газета «Лупта» прекратила публикацию оскорбительных заметок о Гитлере.

В политическом отчете германской миссии в Румынии за 1935 год отмечалась определенная противоречивость румынской позиции в отношении Германии: как страна, выступающая за сохранение статус-кво, Румыния находится в лагере противников Германии; но ее правители, враждебно настроенные к СССР, не прекращают смотреть на Германию как на возможного партнера или, по крайней мере, считаться с возможностью возвращения перевооруженной Германии на поле балканской политики. Правительство Румынии, говорилось в отчете, не может не воспользоваться предоставляющейся теперь

возможностью вести «политику качелей» — балансировать между двумя группами держав³⁸.

Германская миссия в Румынии далее указывала, что со стороны румынского министра иностранных дел помимо заверений о дружбе с Германией, делавшихся в частном порядке, были также официальные манифестации. К числу таких манифестаций она относила его тост за «рейхсфюрера» (вместо «канцлера») в апреле 1935 года, а также то, «как он принял наше перевооружение, молчаливо признав в феврале 1935 года наше требование на равные права» и стремясь убедить других в определенной обоснованности германской точки зрения. Благодаря вмешательству Титулеску из румынских газет исчезли нападки на Гитлера. Имевший место срыв в экономических отношениях с Германией, по твердому убеждению германской миссии в Румынии, «ни в коем случае не следует приписывать каким-то «антигерманским» тенденциям», ибо он является результатом финансово-экономических трудностей и неспособностью румынского правительства преодолеть их. У румынского правительства имеется «искреннее желание укреплять торговые связи с Германией». На это желание не оказывают никакого влияния внешнеполитические связи с западными державами, а возникающие трудности в румыно-германских экономических отношениях связаны с потребностями румынского правительства в свободной валюте.

Критерием в оценке румынской политики являлось для гитлеровцев отношение правительства Румынии к Советскому Союзу. Германская миссия в Бухаресте считала, что румынское сближение с СССР не преследует антигерманских целей, что оно является вынужденным: Германия своим отказом втягиваться в балканские дела «толкнула Румынию в объятия России». Правительство Румынии решило сблизиться с СССР лишь после того, как увидело, что в Румынии нет достаточно сильного союзника против Советского государства. Польша отходила от нее, сближаясь с Германией. К тому же Румыния не могла не считаться с тем, что ее союзницы Франция и Чехословакия пошли на союз с СССР. Румынию, по мнению германской миссии в Бухаресте, не следует осуждать за ее русскую политику, ибо она ставит своей задачей «ухаживанием за Россией» обезопасить владение

приобретенной советской территорией и воспрепятствовать проходу советских войск через страну в случае возобновления войны.

Отсюда делался вывод, что правительство Румынии будет следовать курсу на сближение с СССР до тех пор, пока не увидит, что Германия стала политическим фактором в Юго-Восточной Европе. Чтобы не допустить перехода Румынии в русский лагерь, Германия должна показать себя политической силой в Юго-Восточной Европе. Тогда румынские правители, если и не перейдут полностью в германскую группировку, то «по крайней мере возобновят политику балансирования, которая... является их методом самоутверждения и которая столь соответствует их характеру»³⁹.

Германская миссия рекомендовала своему правительству проводить в отношении румынских правящих кругов следующую политическую линию: подчеркивать общность интересов, выражая недовольство «диктатом западных стран», их разочарование в Лиге наций и т. п. «Мы должны заинтересовать румынских политиков, даже таких, как Титулеску, в Германии как важном факторе их политики, — говорилось в политическом отчете германской миссии в Румынии за 1935 год, — показать, что Германия является «козырной картой» в их игре с друзьями и врагами... Если мы проявим необходимую осторожность, мы сумеем убедить даже Титулеску в том, что в его интересах иметь сильным этот козырь. Позиция, которую он занял по отношению к нашему перевооружению, свидетельствует о наличии таких возможностей».

В румыно-венгерском территориальном конфликте предлагалось вести более гибкую линию. «До тех пор пока мы придерживаемся точки зрения, что мы не желаем втягиваться в политические ссоры румын с их соседями, — подчеркивалось в названном документе, — мы лишаем себя всяких шансов оказать влияние на них». Дело в том, что осенью 1935 года переданная германской миссией в Бухаресте просьба О. Гоги сделать заявление в пользу Румынии встретила отказ со стороны правящей гитлеровской верхушки. Гога хотел, чтобы германское правительство, выступая за ревизию версальской системы, сделало бы заявление о том, что румынские границы не подлежат пересмотру. МИД Германии в телеграмме от 26 октября 1935 г. дал отрицательный ответ на это

предложение, указав, что такого рода заявление вызовет обострение отношений с Венгрией и что «в румынских интересах как можно меньше говорить о своих границах»⁴⁰.

В январе 1936 года Г. Братиану, приехав с чтением лекций в Берлин, был принят германским министром иностранных дел фон Нейратом, а также Герингом. Учитывая рекомендацию германской миссии в Румынии, фон Нейрат в беседе с румынским эмиссаром счел необходимым подчеркнуть, что Германия не имеет союза с Венгрией и «не связывает себя никоим образом активной поддержкой венгерских ревизионистских устремлений». Братиану с огромным удовлетворением воспринял это заявление, сказав, что оно «будет очень ценным в его борьбе против русско-румынского союза», ибо защитники этого союза аргументируют его необходимостью предупреждения германо-венгерских агрессивных планов в отношении Румынии⁴¹. Для объяснения своей позиции в отношении Румынии гитлеровцы говорили венгерскому правительству следующее: политика Германии по отношению к Венгрии остается неизменной, но хорошие отношения желательны также с Румынией, особенно если принять во внимание важность удержать Румынию в стороне от франко-советско-чехословацкого союза и любой другой антигерманской коалиции.

В своих отношениях с Румынией в то время Германия не пошла дальше заявления, сделанного фон Нейратом Г. Братиану, хотя со стороны румынского правительства делались неоднократные предложения о заключении румыно-германского союзного договора. В июле 1935 года Титулеску поручил Комнену заявить, что Румыния готова предложить Германии пакт о взаимной помощи на тех же условиях, на которых она предложит такой пакт Советскому Союзу. В начале 1936 года вторично было сделано румынским министром иностранных дел предложение Берлину о заключении пакта о взаимной помощи между Румынией и Германией⁴². В феврале 1936 года румынский посланник в Берлине заверил германского министра иностранных дел, что в отношениях Румынии с Советским Союзом «не наступило никаких изменений и что если однажды Румыния почувствовала бы необходимость заключения пакта с Россией, то, во-первых, она сочла бы необходимым, чтобы подобный пакт не был

направлен против Германии; во-вторых, Румыния была бы расположена заключить подобный же пакт с рейхом, и, в-третьих, Румыния не допустит даже предположения о проходе советских войск через свою территорию»⁴³. Фон Нейрат выслушал его и заявил, что подписание Румынией пакта о взаимной помощи с СССР произвело бы неблагоприятное впечатление в Германии. Сама же Германия якобы не намерена заключать подобных пактов с какой бы то ни было страной.

В меморандуме о германской политике в отношении Румынии, составленном 21 февраля 1936 г. после совещания у статс-секретаря МИД Германии, указывалось, что рейх не может связывать себя какими-либо обязательствами, соглашениями и договорами с Румынией по той причине, что, «во-первых, Венгрия в своей ревизионистской политике преследует цели, одинаковые с нашими, во-вторых, потому что Венгрия даже с географической точки зрения более важна для нас, чем Румыния, этот бескомпромиссный противник ревизионизма».

Гитлеровская Германия оказывала давление на Румынию, чтобы не допустить заключения договора о взаимной помощи между СССР и Румынией. Она широко пропагандировала создание в Европе блока из Германии, Польши, Австрии, Венгрии, Югославии и Румынии и, возможно, Болгарии, в рамках которого, как утверждали гитлеровцы, Румыния обеспечит свою безопасность, не нуждаясь более в соглашении с СССР. Розенберг в марте 1936 года продолжал пугать румынских дипломатов в Берлине «опасностью, которую несут в себе соглашения с СССР»⁴⁴. Вполне понятно, что непоследовательность румынского правительства и его министра иностранных дел, отражавшая стремление буржуазно-помещичьих кругов Румынии лавировать между борющимися силами на международной арене, затрудняла переговоры о заключении пакта о взаимной помощи с Советским Союзом и в конечном итоге обрекала их на неудачу, оставляя Румынию в стороне от франко-советско-чехословацкого союза, имевшего целью борьбу с фашистской агрессией.

Компартия Румынии указывала на опасность для страны внешнеполитической ориентации на гитлеровскую Германию. В резолюции расширенного пленума ЦК КПР (август 1936 г.) говорилось: «Румыния имеет для герман-

ского империализма колоссальное значение. Как источник зерна и нефти и как страна, расположенная по соседству с Советским Союзом, она может стать базой снабжения Германии в подготовке войны, а в случае войны может облегчить нападение германского империализма на Советский Союз активным участием в войне или же разрешением прохода германских войск через ее территорию. Как страна, состоящая из многих чужих территорий и национальностей, Румыния может послужить германскому империализму объектом территориальной компенсации его союзников». Компартия предупреждала, что Румыния может сохранить свою независимость перед лицом фашистских агрессоров только путем тесного сотрудничества и союза с СССР. Румынские фашисты и реакционеры, выступающие против заключения договора о взаимной помощи с СССР, предают национальные интересы страны. Кто поднимает руку на Советский Союз, тот роет могилу национальной независимости Румынии, готовит раздел ее империалистами ⁴⁵.

Но румынские правящие круги не вняли этим пророческим словам. Они решили отказаться от внешнеполитического курса, который вел страну в лагерь антифашистских государств — СССР, Франции и Чехословакии. Тем самым они показали, что не желают связывать себя союзом с СССР, предпочитая иметь в дальнейшем в качестве своего союзника гитлеровскую Германию, военная мощь и влияние которой в европейских делах росли с головокружительной быстротой благодаря позиции, занятой западными империалистическими кругами. В свое время германский поверенный в делах дал правильную оценку возможному решению румынских правящих кругов заменить Титулеску другим человеком: когда Титулеску перестанет быть министром иностранных дел Румынии, это будет означать, что «принято решение против России» ⁴⁶.

МЕЖДУ ПАРИЖЕМ И БЕРЛИНОМ

Антиревизионистский внешнеполитический курс Титулеску вызывал озлобление в правящих кругах агрессивных фашистских государств. Гитлеровцы стремились добиться изменения румынской позиции. Однако между внешнеполитическими учреждениями фашистской Германии не было единства в вопросе о методах, с помощью которых можно было бы перетянуть королевскую Румынию в лагерь держав «оси». Внешнеполитический отдел национал-социалистической партии, возглавляемый Розенбергом, считал, что, только устранив Титулеску, германский рейх сможет осуществить свои планы в отношении Румынии. Поэтому ведомство Розенберга выступало за грубое вмешательство в румынские внутренние дела путем поощрения террористической деятельности легионеров-железнодорожников. Германское министерство иностранных дел, возглавляемое дипломатом старой формации фон Нейратом, считало более подходящими методы экономического воздействия на румынские правящие круги с целью подчинения их интересам развития гитлеровской агрессии в Европе¹. Это экономическое давление фашистской верхушки Германии, сочетаемое с политическим шантажом, отчетливо проявилось в отношениях между гитлеровским рейхом и королевской Румынией.

Фашистская клика Германии требовала от королевского правительства Румынии устранения Титулеску с поста министра иностранных дел и изменения внешнеполитического курса. В противном случае германское правительство угрожало свернуть свою торговлю с Румынией. Гитлер в беседе с О. Гогой летом 1936 года прямо сказал: «Тормозящим фактором является непримиримость Титулеску... Если сила его сопротивления будет сломлена, то

Германия и Румыния легко договорятся по политическим и экономическим вопросам». В таком же духе сделал заявление Риббентроп, предупредивший О. Гогу, что не может быть и речи об улучшении германо-румынских отношений, пока королевское правительство не докажет своего желания «перейти на другой путь». Министр иностранных дел фон Нейрат заявил, что Титулеску является главным препятствием для нормализации германо-румынских политических отношений и дальнейшего развития экономических связей, что после его устранения с поста министра иностранных дел Румынии можно будет договориться по всем вопросам².

Непримиримую позицию в отношении Титулеску заняли итальянские фашисты, озлобленные его выступлением по эфиопскому вопросу в Лиге наций, а также противодействием итальянскому экспансионизму в Юго-Восточной Европе в результате создания Балканской Антанты. Рупор итальянских фашистов газета «Джорнале д'Италия» писала: «До тех пор, пока во главе румынской внешней политики будет оставаться Титулеску, Италия не возобновит дружественных связей с Румынией». В июле 1936 года Муссолини принял редактора румынской профашистской газеты «Курентул» П. Шейкару и высказал ему крайнее недовольство румынской позицией в европейских делах, подчеркнув свое враждебное отношение к министру иностранных дел Румынии. Сообщая об этом Аржетояну, известному прогерманцу, Шейкару сказал: «Дуче любит нас и не путает нас с Титулеску, которого он ненавидит сильнее, чем ты»³. Итальянский посланник в Бухаресте Уго Солла довел до сведения румынского премьера Татареску заявление Муссолини о невозможности развивать отношения с Румынией, пока Н. Титулеску будет оставаться ее министром иностранных дел.

Против Титулеску велась кампания и плелись интриги также польскими реакционными политиками. Министр иностранных дел Польши Бек питал личную неприязнь к Титулеску. Вот как характеризовалась политика Титулеску в документе, составленном для главы польского государства: «Официальная политика Румынии, проводимая министром Титулеску, человеком, стремящимся к внешним эффектам, вот уже около года не развивается параллельно политике союзной с ней Польши. Это особенно проявилось в отношении двух государств к француз-

ской системе коллективной безопасности в Восточной Европе, которую Титулеску полностью принял, имея намерение заключить пакт о взаимной помощи между Румынией и Советами». Бек считал румыно-польское сближение нарушением Румынией своих обязательств по румыно-польскому союзу. Он добивался, чтобы румынское правительство последовало примеру польского правительства в отношениях с гитлеровской Германией.

Польские правители на правах «верных друзей и союзников» Румынии твердили с германского голоса, что румынская внешняя политика идет по неправильному пути. Титулеску, по их мнению, оторвавшийся от своей страны и приносящий в жертву интернациональным интересам ее национальные задачи, дает гибельные советы своему правительству и королю. Франция, а тем более Англия не оказывают и не окажут никакой экономической или военной поддержки Румынии. Нужно сближаться с Германией: ведь и Польша, и Румыния живут сейчас за счет торговли не с Францией, не с Советами, а за счет торговли с Германией. «Ужас охватывает при одной только мысли, что случилось бы с польским и румынским народами, если бы для них закрылся германский рынок»⁴, — пугали своих румынских собратьев польские правители. Призывая отвергнуть политику союза с СССР, они клеветнически утверждали, что Советский Союз слаб в экономическом и военном отношениях и не может быть союзником.

Политика ориентации на Францию и сближение Румынии с СССР подвергались резкой критике со стороны югославских правителей, отказавшихся от коллективной безопасности. Югославский министр иностранных дел заявлял, что действия Титулеску якобы подрывают единство Малой Антанты.

С других позиций критиковали политику румынского министра иностранных дел хортисты, стремившиеся настроить гитлеровскую клику против Румынии. «До тех пор, пока иностранными делами Румынии будет руководить Титулеску, политика этой страны все больше будет ориентироваться на сотрудничество с русскими», — внушал Хорти германскому фюреру.

Давление на румынскую правящую верхушку из Берлина, Рима, Варшавы и Белграда не могло не оказывать своего влияния. Но не это решило судьбу Титулеску. В самой Румынии в это время отмечался рост влияния

фашистов, считавших, что союзником Румынии должна стать не Франция, «разъедаемая Народным фронтом», а «покончившая у себя с коммунизмом» Германия.

Против внешнеполитического курса, проводившегося Титулеску, объединились все недовольные им, в том числе буржуазно-помещичьи круги, заинтересованные в развитии торговли с гитлеровским рейхом. Они требовали от Кароля II и его правительства отставки Титулеску, поскольку его действия «причиняют вред стране». Внутри румынского правительства также усилилась оппозиция к министру иностранных дел. Зарубежная пресса писала тогда, что в Румынии ведется ожесточенная борьба против Титулеску, обвиняемого в дружественном отношении к Франции и Советскому Союзу, тогда как, по мнению правящей румынской верхушки, следовало бы раз и навсегда повернуться к Германии. 23 мая 1936 г. подпольная коммунистическая газета «Скынтейя» выступила с разоблачением тех, кто саботировал в Румынии деятельность Титулеску. Газета подчеркнула, что широкие массы румынского народа одобряют его курс, видя в союзе с СССР единственное средство защиты от гитлеровской угрозы.

Большую активность в деле устранения Титулеску проявлял О. Гога, который неоднократно обращался по этому вопросу к Каролю II. В июле 1936 года после поездки в Берлин, где он имел беседы с Гитлером и Риббентропом, Гога направил королю письмо, в котором указывал, что сохранение Румынией прежней ориентации не соответствует развитию международной обстановки и новому соотношению сил, создавшемуся в Европе. Он утверждал, что Франция в силу своего внутривосточного положения утратила международный престиж и не может выступать в роли покровителя малых стран. По вине Титулеску, говорил О. Гога, за последние годы ухудшились отношения с Италией, наступило явное охлаждение в румыно-польском союзе, а политика по отношению к Германии «провоцирует» ее на антирумынские акции.

Национал-христианский лидер считал необходимым заблаговременно подготовить запасные позиции, с тем чтобы перегруппировка сил на международной арене не застала Румынию связанной по рукам и ногам ее традиционными союзами. Верность традиционным внешнеполитическим связям Румынии он называл «жестким догматизмом», несовместимым с самосохранением румынского го-

сударства. «Смею надеяться, — писал О. Гога королю, — что непримиримость, которую мы проявляли до самого последнего времени, прекратится и будут начаты осторожные прощупывания с целью выяснить возможности нашего включения в новую обстановку»⁵. Под этим он понимал переориентацию Румынии на гитлеровскую Германию и Италию, сближение с которыми должно укрепить в стране антикоммунистические силы. По мнению О. Гоги, задача внешнеполитической переориентации страны не может быть осуществлена Титулеску, ибо он не пользуется доверием Берлина и Рима.

Лидер одной из группировок национал-либеральной партии Г. Братиану на словах выступал за необходимость сохранения Румынией ее союзов, опиравшихся на Францию. Однако он считал опасным заключение румыно-советского пакта о взаимной помощи, ибо это будет способствовать, по его словам, росту коммунистических сил внутри страны, а на европейской арене вызовет еще большее сближение Германии и Венгрии. Отказ же от заключения союза с СССР означал отказ от коллективной безопасности и, следовательно, отход Румынии от Франции и Чехословакии, имевших договоры о взаимной помощи с Советским Союзом.

Другие буржуазные политические деятели считали необходимым устранение Титулеску по той причине, что он в ряде случаев шел дальше, чем того хотели король и правительство. Показателен в этом отношении документ, представляющий собой своеобразный обвинительный акт, составленный одним из «старых либералов». В этом документе Титулеску обвинялся в проведении «провокационной политики» в отношении Германии и Италии. На конференции в Монтрё поведение румынского министра иностранных дел вызвало «возмущение союзных стран, и в особенности Англии». Продолжая перечень проступков Н. Титулеску, документ сообщает: «...До 10 сентября 1936 г. должны были прибыть в Румынию 100 пушек и три эскадрильи самолетов (15 самолетов), заказанные румынским правительством на заводах Франции. В начале сентября 1936 года был направлен на эти заводы статс-секретарь Каранфил, который с удивлением констатировал, что пушки и самолеты, заказанные Румынией, были давно изготовлены, но Титулеску, лично посетив заводы, заявил, что Румыния не нуждается в этом вооружении,

что оно может быть послано в Испанию, которая просила такие материалы. Эти пушки и самолеты, как явствует из сообщений агентов германской и английской разведки, были якобы выгружены частично в Барселоне, а в основном в Бильбао и отправлены на коммунистический фронт Испании»⁶. Это было сделано, указывает составитель документа, без консультации с другими членами правительства.

Обвинения в адрес Титулеску находили благоприятный отклик у Кароля II, который уже тяготился его политикой и искал подходящий момент, чтобы отказаться от его услуг. Французский автор так пишет об обстановке, сложившейся в Румынии к середине 1936 года: «В то время как страна катится к режиму, вызванному фашизмом, ее министр иностранных дел продолжает выступать перед западными правительствами и прессой поборником демократии, прав человека и свободы народов. Но эта позиция не отвечает чувствам тех, от имени которых он уполномочен говорить и действовать. В Бухаресте меньше заботятся о благах, которых можно ожидать от коллективной безопасности. Там считают, что страна должна любой ценой избегать занятия определенной позиции в назревающем мировом конфликте»⁷.

Устранение Н. Титулеску с поста руководителя румынской внешней политики становилось неизбежным также по причине усилившейся личной неприязни Кароля II к своему министру иностранных дел. Международная известность и популярность Н. Титулеску задевали за живое честолюбивого румынского короля. Он хотел освободиться от слишком самостоятельного министра иностранных дел, противопоставившего себя остальным членам правительства Татареску.

Последние недели дипломатической деятельности Н. Титулеску были связаны с проведением им внешнеполитического курса румынского правительства на конференции в Монтрё и в испанском вопросе. При пересмотре режима черноморских проливов румынский министр иностранных дел солидаризировался с французской и советской делегациями, руководствуясь интересами укрепления безопасности черноморских государств и борьбы против фашистской агрессии. Его позиция вызвала недовольство в английских правящих кругах. Газета «Таймс» упрекала Титулеску за то, что он «открыто стал на сторону Фран-

ции и Советов», а газета «Ивнинг стандарт», говоря о его выступлениях против английского проекта, писала, что в Монтрё деликатность Титулеску сменилась «яростью и дерзостью». Титулеску симпатизировал борьбе испанского народа и, вопреки позиции короля и правительства, решил поддержать борьбу антифашистских патриотических сил против мятежников-франкистов. В августе 1936 года он согласился на передачу республиканской Испании 100 пушек и 15 самолетов, которые были заказаны румынским правительством во Франции.

«29 августа 1936 г. в 5 час. из Бухареста потребовали сообщить мое мнение об интервенции в Испании, — рассказывал позднее Н. Титулеску о том, как он был выведен из состава национал-либерального правительства Г. Татареску. — Я ответил, что мы должны следовать за Францией и Англией. В 8 час. мне сообщили, что я перестал быть министром иностранных дел Румынии». Под предлогом создания однородного партийного кабинета Н. Титулеску, единственный министр, не входивший в национал-либеральную партию, был выведен из правительства Г. Татареску.

Удаление Титулеску из правительства в конце августа 1936 года не было просто уступкой Кароля II и премьера Татареску давлению крайне реакционных, фашистских сил. Оно соответствовало интересам самой королевской «камарильи», считавшей Титулеску пережитком политики коллективной безопасности, от которой отказывались сами западные державы, переходя на путь «умиротворения» фашистской агрессии. Как отмечается в исследовании английского королевского института международных отношений, падение Титулеску было «результатом смены политического ветра»⁸. Его попытка идти против этого «политического ветра» оказалась безуспешной. Шаги к сближению с СССР и укреплению связей с Францией не соответствовали замыслам королевской «камарильи», которая после ремилитаризации Рейнской области гитлеровцами потеряла веру в силу и способность Франции воспрепятствовать ревизии версальских договоров. К тому же Франция в 1934—1935 годах проявила в известной степени свое нежелание противодействовать Германии на Балканах. Подписанный в мае 1935 года договор о взаимной помощи между Францией и Советским Союзом, по-видимому, не принимался всерьез румынскими правящими

кругами: сами французские генералы объясняли его заключение стремлением предупредить, разрушить любые связи между СССР и Германией, а отнюдь не намерением совместно с Советским Союзом противодействовать агрессивным планам немецких фашистов. В свое время Лаваль заявил румынскому министру иностранных дел, что франко-советский договор о взаимной помощи «мертв». Это заявление Титулеску тогда же довел до сведения короля.

Но даже в условиях, когда западные державы, в том числе Франция, отказывались вести борьбу с агрессией фашистских государств и готовились вступить в сделку с ними за счет интересов малых стран Восточной Европы, у этих стран имелась возможность отстаивать свои интересы путем союза с СССР. Однако правящая верхушка Румынии, руководствуясь интересами борьбы против революционных и демократических сил в стране, пошла по другому пути — по пути сближения с гитлеровской Германией.

Немаловажную роль в подобном исходе борьбы в румынских правящих кругах по вопросу внешнеполитической ориентации сыграли экономические интересы той части буржуазии и помещиков, которая оказалась в зависимости от торговли с Германией. Кстати сказать, к середине 30-х годов гитлеровский рейх стал главным внешнеторговым партнером Румынии. Румынских правителей толкали к сближению с гитлеровской Германией также их захватнические антисоветские планы, стремление не только удержать оккупированные, но и аннексировать новые земли у СССР.

Устранение Н. Титулеску было отражением кризиса довоенной румынской внешней политики, возникшего в прямой связи с кризисом версальской системы и внутриполитическим кризисом в Румынии. Именно это определяло необходимость сближения буржуазно-помещичьей Румынии с фашистскими державами, начавшими с согласия «западных демократий» играть решающую роль в европейских делах. Как писала 1 октября 1936 г. газета «Скынтейя», устранение Титулеску было победой реакционных феодально-монархических сил Румынии, которые почувствовали себя более сильными. «И хотя они не могут еще открыто провозгласить военно-фашистскую диктатуру и открыто перейти на сторону фашистской Германии, они сумели в результате внутренних маневров на-

нести удар по внешней политике союза Румынии с Францией, Малой Антантой и укреплению отношений с СССР, удалив Титулеску из правительства».

Имя Титулеску неразрывно связано с борьбой против фашистской агрессии, за сохранение мира и безопасности народов. Но, как подчеркивает автор недавно вышедшей в Социалистической Республике Румынии монографии об этом выдающемся дипломате, «следует с самого начала сказать, что Титулеску восставал против фашизма не по социальным соображениям»⁹. В течение всей своей политической и дипломатической карьеры он выступал выразителем и защитником интересов румынских господствующих классов. Оставаясь буржуазным политиком, Титулеску не мог не преследовать целей сохранения и укрепления буржуазно-помещичьего строя, обеспечения интересов господствующих классов Румынии на международной арене. Поэтому неправильно утверждать, что вся его политика являлась отражением требований «всей страны». Румынскому народу были чужды захватнические антисоветские устремления правящих кругов Румынии, к которым принадлежал и Н. Титулеску. Его отличие как буржуазного румынского политика от других заключалось в выборе средств для достижения внутривнутриполитических и внешнеполитических целей господствующих классов Румынии. Веря еще в силу буржуазного парламентаризма, Титулеску отвергал фашизм как средство сохранения капиталистических порядков. На международной арене он ориентировался на страны, выступающие против ревизии версальских договоров, и верил в возможности Лиги наций в деле обеспечения коллективной безопасности и организации отпора агрессивным государствам.

Несмотря на вполне понятную ограниченность политических концепций Титулеску, его деятельность по мобилизации сил противников фашистской агрессии способствовала борьбе против развязывания новой мировой войны. Отстранением Титулеску королевская «камарилья» нанесла серьезный удар по фронту антиревизионистских государств, по делу сохранения и обеспечения мира. В связи с отставкой румынского министра иностранных дел газета «Известия» 1 сентября 1936 г. писала, что «в лице Титулеску Румыния теряет самого авторитетного государственного деятеля, а дело мира теряет одного из самых активных своих друзей».

Отставка Титулеску не была свидетельством того, что румынские правящие круги, как утверждает в своих мемуарах Н. Йорга, решили остаться на старых позициях традиционной опоры на Францию, Малую и Балканскую Антанты. Ведь именно сотрудничество с СССР, от которого отказалось правительство Татареску, и было развитием «румынской опоры» на Францию. Югославский историк Живко Аврамовски пишет, что отставкой Титулеску был совершен серьезный поворот в румынской внешней политике. Правительство Румынии, подчеркивает он, окончательно отреклось от политики союза с СССР, что означало ослабление системы коллективной безопасности и усиление германских позиций в Юго-Восточной Европе; внутри Малой Антанты она приблизилась к югославской, а не чехословацкой точке зрения, то есть стала на позицию неприсоединения к системе коллективной безопасности¹⁰. Аврамовски отмечает в румынской внешней политике после Титулеску явную двойственность, проистекавшую из стремления не порывать с западными державами и в то же время налаживать тесные связи с Германией.

Устранение Титулеску не способствовало и обеспечению единства внутри Малой Антанты: если Стоядинович был доволен им, то на Бенеша оно произвело удручающее впечатление. Румыния в это время начинает все больше удаляться от своих партнеров по Малой Антанте. Не имея общих границ ни с Германией, которую Чехословакия считает своим врагом № 1, ни с Италией, которую Югославия считает своим врагом № 1, Румыния внутри Малой Антанты предпочитает выступать в роли посредника, что объективно было на руку фашистским агрессорам, стремившимся ослабить Малую Антанту.

Отставка Титулеску была не просто сменой министра иностранных дел: она являлась поворотным пунктом во внешней политике королевской Румынии, которая отказывалась от коллективной безопасности, направленной против держав «оси». Одновременно с устранением Титулеску Кароль II принял решение о замене румынских представителей в Берлине, Риме, Варшаве и Москве. Таким образом, производилась чистка дипломатического аппарата от тех, кто был связан с проведением внешнеполитического курса Титулеску.

Несмотря на то что отставка Титулеску означала победу германофильской профашистской группировки в

правых румынских кругах, открытого перехода на сторону гитлеровской Германии сразу не произошло. Вступив на пост министра иностранных дел, В. Антонеску счел необходимым успокоить общественное мнение заявлением, что «внешняя политика Румынии будет той же, что была до настоящего времени». Сближение с фашистской Германией стало осуществляться постепенно и к тому же в замаскированной форме. Отказ от внешнеполитического курса Титулеску проводился румынской реакцией под лозунгом «восстановления самостоятельности» Румынии в международных отношениях. «До последнего времени внешняя политика Румынии была политикой безвольного придатка чужого организма,— заявляли кузисты.— Наша внешняя политика должна стать самостоятельной...»¹¹.

Образцом «самостоятельности» во внешней политике служила для румынских реакционеров панская Польша, которая, отказываясь от сотрудничества с Францией, сближалась с гитлеровской Германией и в то же время для укрепления своих позиций стремилась создать в Восточной Европе так называемый нейтральный блок. Но этот блок, куда Польша хотела привлечь Румынию и некоторые другие страны, создавая лишь иллюзию независимого поведения этих стран, по справедливому замечанию английских исследователей, «в действительности служил германским целям ослабления существующей дипломатической структуры Восточной Европы»¹². С его помощью наносился удар по французской системе военно-политических союзов в Восточной Европе, по Малой и Балканской Антантам. «Нейтральный блок» создавался на ярко выраженной антисоветской основе, что особенно располагало в его пользу румынскую реакцию.

Румыно-польское сотрудничество, по словам английского историка А. Тойнби, «прозябавшее при Титулеску», стало расширяться и укрепляться с первых же дней пребывания В. Антонеску во главе министерства иностранных дел Румынии. В октябре 1936 года был подписан румыно-польский торговый договор, ожививший экономические связи между странами. 27 ноября 1936 г. было заключено соглашение о культурном сотрудничестве, а затем последовала ратификация соглашения, подписанного еще в мае 1935 года, об уточнении румыно-польской границы. До конца 1936 года состоялись визиты в Варшаву В. Антонеску, управляющего Национальным банком М. Кон-

стантинеску, начальника румынского генерального штаба генерала Самсоновича. Тогда же произошла замена румынского посланника в Польше: вместо К. Вишоюну, известного своими профранцузскими взглядами, был назначен Замфиреску. Польские газеты приветствовали «решительный поворот», наступивший в румынской внешней политике после отстранения Н. Титулеску.

В апреле 1937 года с официальным визитом в Румынию прибыл польский министр иностранных дел Бек. В беседе с румынским министром иностранных дел В. Антонеску он высказал следующее. В настоящее время великие державы перекраивают за кулисами сферы влияния в Европе. Англия и Франция, желая расколоть «ось Берлин—Рим» и обеспечить мир на западе Европы, готовы уступить Германии сферу влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе. При этом большом политическом торге «полукоммунистическая Франция» готова продать интересы своих союзников. И если в данный момент она делает кое-какие уступки для Польши, Румынии и даже Югославии, то только, чтобы увеличить цену за отказ Франции в дальнейшем покровительствовать этим государствам. В этих условиях, говорил Бек, Румыния и Польша не должны оставаться инертными и ждать, пока состоится продажа их интересов Францией. Он предлагал проводить «политику неприсоединения» ни к одному из блоков великих держав, от которой Польша и Румыния только выиграют, ибо оба блока будут стремиться привлечь их на свою сторону. Правильность такой политики, мол, подтвердила сама Румыния, которая в годы нейтралитета 1914—1916 годов заняла позицию, приведшую к созданию «Великой Румынии». В коммюнике о визите Бека в Румынию было подчеркнуто намерение всесторонне развивать румыно-польское сотрудничество. Кроме того, он получил от Румынии обещание не заключать пакта о взаимной помощи с Францией и Чехословакией.

Через два месяца после этого визита в Бухарест на празднование седьмой годовщины возвращения Кароля II на престол приехала польская правительственная делегация в составе президента Мосьцицкого, министра иностранных дел Бека и высших военных чинов польской армии. Гвоздем всего явилось посещение Польши в конце июля 1937 года румынским королем, который вел долгие переговоры с главным инспектором польской армии мар-

шалом Рыдз-Смиглы, знакомился с военным производством, наблюдал военные маневры и др. Этот визит продемонстрировал антисоветскую направленность возобновляющихся тесных румыно-польских отношений. По случаю пребывания в Польше Кароля II, с его согласия, провозгласили почетным командиром польского полка, отличившегося во время войны, которую польские правители вели против Советской России в 1920 году. Сразу же после отъезда Кароля II в Бухарест направился начальник польского генерального штаба генерал Стахевич «с целью практического осуществления польско-румынского военного сотрудничества». Упомянутые визиты свидетельствовали о попытке восстановления «санитарного кордона» против СССР. Чтобы подчеркнуть усилившееся сотрудничество, Румыния и Польша объявили о предстоящем преобразовании своих дипломатических миссий в посольства.

Новый внешнеполитический курс вызвал осуждение не только со стороны демократических сил Румынии. Против него выступали также и некоторые правые круги, считавшие необходимым сохранить прежнюю ориентацию на Францию. Официоз румынских консерваторов газета «Эпока» писала 2 апреля 1937 г. о политике «нейтрального блока»: «То, что предлагают под формулировкой нейтралитета, является не чем иным, как заменой наших союзников другими. Считая, что теперешние недостаточно сильны, они хотят их заменить другими — более слабыми».

Руководство национал-царанистской партии выступало за сохранение ориентации на западные державы. Ю. Маниу, одобрявший политику Титулеску, считал, что Румыния должна быть верна своим традиционным союзам и бороться за коллективную безопасность в рамках Лиги наций. Он осуждал польскую политику сближения и заигрывания с гитлеровцами, называя ее «игрой с огнем». Он высказывался также в пользу союза Румынии с СССР¹³. Маниу сетовал на то, что Франция уступала в Центральной Европе, подчеркивая необходимость «организовать дунайский бассейн под эгидой Франции и Англии». Но в то же самое время национал-царанистский лидер делал заявления, свидетельствовавшие о его примиренческом отношении к актам фашистской агрессии, непосредственно не затрагивавшим интересы королевской Румынии. На одном из митингов летом 1936 года он вы-

разил понимание «справедливых требований Италии в отношении Абиссинии». Вряд ли стоит принимать на веру заявления Маниу о его приверженности идее тесного политического сотрудничества между Румынией и СССР, ибо хорошо известны антисоветские настроения в рядах его партии. Как сообщала румынская газета «Диминяца» 30 марта 1937 г., руководитель местной организации национал-царанистской партии в уезде Влашка, не делая никакой разницы между политикой миролюбивого Советского Союза и агрессивной гитлеровской Германией, заявил: «Национал-царанистская партия не глядит в сторону Москвы и не протягивает руки Берлину».

Что касается откровенных румынских фашистов и прогермански настроенных политиков, то их также не удовлетворяла политика «нейтрального блока». Глава фашистской национал-христианской партии О. Гога требовал открытого сближения с гитлеровской Германией, аргументируя это тем, что германские фашисты ведут борьбу за уничтожение коммунизма.

С таким же требованием выступали в румынском парламенте и другие реакционные политические деятели. А. Вайда, критикуя предшествующую внешнюю политику Румынии, заявил в апреле 1937 года: «За последние два года наша политика скользила по опасному уклону. Мы дошли до того, что Литвинов стал нашим оплотом. Теперь положение вполне определилось. Идет борьба между национализмом и коммунизмом. Поэтому мы должны сделать выбор. Я выбираю Муссолини и Гитлера».

Прогерманские группировки господствующих классов Румынии ориентировались на фашистскую Германию как на «лучшую гарантию» защиты румынских границ от венгерского ревизионизма, усилившегося в то время при открытой поддержке итальянских фашистов. Нашумевшее заявление Муссолини от 1 ноября 1936 г. о «миллионах поработанных венгров в Румынии» вызвало переполох среди румынских правителей.

Гитлеровцы, заинтересованные в сотрудничестве с правящими кругами Румынии, без нефти и сельскохозяйственных продуктов которой Германия, по признанию Геринга, не могла начать никакой военной кампании, выступали на словах в поддержку Румынии. Чтобы успокоить румынские правящие круги и поощрить их на сближение с фашистской Германией, один из идеологов гитлеровской

внешней политики — А. Розенберг назвал венгерские ревизионистские устремления фантастическими и сказал, что «собрание сил против большевизма важнее, чем создание ревизионистского блока». Розенберг заявил О. Гоге во время его очередного посещения Берлина, что Германия не будет поддерживать требования Венгрии к Румынии. Подобные заверения делались неоднократно гитлеровской кликой, дававшей при этом понять, что германская поддержка может быть оказана Румынии только в случае ее сближения с фашистскими державами и окончательного отказа от ориентации на «западные демократии», не говоря уже об отказе от сближения Румынии с СССР. 15 ноября 1936 г. Комнен сообщал в Бухарест: «От Румынии Германия хочет одного: прекращения заигрывания с Советами». Несколько позже Геринг заявил румынскому посланнику, что Германии необходима уверенность в прочной прогерманской позиции Румынии. «Мы предлагаем вам дружбу. Если вы отвергнете ее, — пугал он, — ...мы, возможно, будем укреплять наши связи с Болгарией и Венгрией»¹⁴. Это, подчеркнул Геринг, официальная точка зрения германского правительства.

В ноябре 1936 года Г. Братиану совершил поездку в Германию, чтобы выяснить условия, на которых могло основываться сотрудничество гитлеровской клики с буржуазно-помещичьей верхушкой Румынии. Несмотря на то что Г. Братиану не был официальным лицом, выступающим от имени румынского правительства, в Берлине ему было оказано большое внимание. Он удостоился встреч с Гитлером и Герингом. В Берлине не без оснований полагали, что Г. Братиану использовался правительством Татареску и Каролем II для дипломатического зондажа и подготовки официальных шагов к сближению Румынии с Германией.

7 ноября 1936 г. состоялась беседа Г. Братиану с Г. Герингом, показавшая, что германские фашисты проявляли особое беспокойство в связи с проблемой румыно-советского военного союза, который мог привести к срыву гитлеровских планов на Балканах. «Окончательно ли устранена проблема пакта Румынии с СССР?» — это был первый вопрос, который задали румынскому представителю. Выслушав заверения Братиану, Геринг сказал, что Германия готова дать гарантии территориальной целостности Румынии. Но это будет возможно лишь при следу-

ющих условиях: во-первых, устранение всякой возможности сближения с Советским Союзом; во-вторых, заключение долгосрочного (на 5—6 лет) румыно-германского экономического соглашения; в-третьих, политическое сближение Румынии с Германией. «Что для вас лучше: германская гарантия границ с Венгрией или же гарантия этой границы странами Малой Антанты, Францией и СССР?» — демагогически спрашивал Геринг.

Призывая к сближению с Германией, Геринг успокаивал правящие круги заверением, что это сближение будет проходить исключительно на антисоветской основе и ни в коей мере не будет направлено против Англии и Франции. Он говорил также, что в случае войны против СССР Германия не будет требовать участия Румынии в ней, ибо румынский нейтралитет будет более выгодным для гитлеровского рейха. Чтобы не вызывать ненужной реакции со стороны Франции, следует проявлять, по мнению Геринга, скрытность в вопросе организации румыно-германского экономического сотрудничества¹⁵.

Во время встречи с Гитлером 16 ноября 1936 г. Братиану, отметив свои заслуги в борьбе против заключения договора о взаимной помощи с Советским Союзом, остановился на характеристике нового внешнеполитического курса Румынии. Остатки старой политики времен Н. Титулеску дают себя знать, говорил он, но сейчас в руководящих кругах Румынии пришли к выводу, что укреплению румынских позиций будут способствовать тесные связи с Польшей и Югославией, следование их примеру на международной арене. «Румыния хочет быть нейтральной в конфликте, как Бельгия. Эта позиция не разрывает наших связей с Францией, с которой у нас договор о дружбе и консультациях в вопросах внешней политики, но показывает, что мы не хотим себя подчинять ни советскому, ни французскому пакту». Для гитлеровской клики было совершенно ясно, что «нейтралитет» Румынии в международных делах означал ее отход от политики коллективной безопасности, выход из французской системы военно-политических союзов в Восточной Европе, отказ от опасного для судьбы гитлеровской агрессии в Юго-Восточной Европе союза Румынии с СССР.

Одобрив новый курс румынских правителей, Гитлер твердил о необходимости полностью «освободиться от тенденций большевистского влияния (от политики Титу-

леску. — *Авт.*)». Большевизм угрожает Румынии и всей Европе, говорил он. «Но если Румыния захочет стать форпостом европейского порядка (т. е. подчинит себя интересам антисоветской борьбы гитлеровцев. — *Авт.*), то ни одно государство не будет более, чем Германия, заинтересовано в ее поддержке»¹⁶. Другим условием румыно-германского сближения Гитлер ставил «улучшение экономических отношений, говоря точнее, требовал подчинения румынской экономики. При соблюдении этих условий румынскими правящими кругами Гитлер обещал не поддерживать Венгрию в трансильванском вопросе. «Я прошу вас, — заявил он Г. Братиану, — передать королю, что мы не только готовы гарантировать границы современной Румынии, но и поддерживать всеми силами требования, которые она имела бы за пределами своих границ».

Сообщение о содержании разговоров Братиану с Гитлером и Герингом было с удовлетворением встречено королем и правительственными кругами Румынии. Кароль II дал указания действовать в направлении развития румыно-германского сближения. Малакса, Бужою и другие представители финансово-экономических кругов приняли с этой целью поездки в Германию. По указанию министерства иностранных дел Румынии Комнен встретился 4 декабря 1936 г. с Герингом и обсудил некоторые вопросы политического и экономического сотрудничества между двумя странами. 20 марта 1937 г. он вручил Герингу памятную записку, в которой излагалось содержание этой беседы и давались ответы на вопросы, поставленные германской стороной. В этом документе, по сути дела, излагалась основа, на которой румынское правительство могло согласиться на подписание договора о дружбе с Германией: Румыния остается верной заключенным до сего времени союзам; Румыния обязуется не подписывать никакого соглашения, которое могло бы быть истолковано как направленное против Германии; Румыния не допустит, чтобы армии какого-либо иностранного государства проходили бы через ее территорию; Германия гарантирует неприкосновенность всех румынских границ; Германия окажет Румынии содействие в экономическом развитии, как она это сделала в отношении Югославии; Румыния остается членом Лиги наций.

В апреле 1937 года Геринг сообщил румынскому представителю, что он уполномочен Гитлером заявить о при-

нятии Германией всех вышеизложенных пунктов. Но при этом было обращено внимание на то, что, оставаясь членом Лиги наций, Румыния может оказаться вовлеченной в действия этой международной организации против Германии, например, в случае принятия ею экономических санкций против Германии. Не ставя прямо вопроса о выходе Румынии из Лиги наций, Геринг добивался, чтобы румынское правительство взяло на себя обязательство (в открытой форме или тайно) не участвовать в санкциях, которые могли быть приняты Лигой наций против Германии¹⁷. Румынское правительство не могло удовлетворить этого требования, и поэтому подготовленный уже текст договора о дружбе между Германией и Румынией тогда не был подписан.

В апреле 1937 года румынский представитель А. КонстантINESКУ, ведущий переговоры по финансово-экономическим вопросам, сказал Герингу, что в Бухаресте ведется сильная кампания против сближения с Германией, а немецкие дипломаты в Румынии явно настроены в пользу венгерского ревизионизма. «Поэтому желательно было бы, — продолжал он, — чтобы вы нашли способ дать понять румынскому общественному мнению, что предложения, сделанные в ноябре 1936 года через Г. Братиану и подтвержденные в декабре 1936 года румынскому посланнику в Берлине Комнену, остаются в силе». Геринг обещал сделать это, но не выполнил своего обещания: гитлеровская Германия не пожелала открыто взять на себя обязательство, которое осложнило бы ее отношения с хортистской Венгрией.

После одной из своих довольно частых поездок в Берлин для встреч с германскими руководителями О. Гога летом 1937 года заявил о срочной необходимости для Румынии тесного союза с Германией, подчеркнув, что ему даны заверения германского правительства в таком случае не поддерживать венгерских притязаний на румынскую территорию. Кароль II и его правительство, предпринимая шаги к сближению с Германией, не решились все же подписать договор о дружбе с Германией в 1937 году. Заключение этого договора привело бы фактически к тому, что Румыния окончательно отошла бы от Франции и оказалась бы в полной зависимости от фашистской Германии. Правящая румынская верхушка решила, что в складывавшейся международной обстановке

лучшей политикой является политика балансирования между двумя империалистическими блоками до тех пор, пока не станет ясным, на чьей стороне будет перевес.

«Двойная игра» — так определил внешнюю политику Румынии после отставки Титулеску фашистский диктатор И. Антонеску в письме к лидеру национал-либералов Д. Братиану от 29 октября 1942 г. В 1936—1937 годах, чтобы расположить к себе Германию, указывал И. Антонеску, румынские правители отказались заключить пакты о взаимной помощи с Францией и Чехословакией, а также с Советским Союзом, но в то же время по случаю визита Кароля II в Париж была подчеркнута «полная солидарность с Францией». Не было недостатка в жестах солидарности также с Чехословакией, но одновременно делались заявления, находившие отклик в Польше и свидетельствовавшие о политике сближения с Германией, враждебной Чехословакии. «Двойная игра, — писал И. Антонеску, — погубила нас: мы проиграли и на одном и на другом столе». Он осуждал Кароля II и его окружение за то, что они сразу не связали судьбу страны с гитлеровской Германией и якобы тем самым сделали неизбежным территориальные потери Румынии в 1940 году.

Двойственная политика румынского правительства во главе с Татареску привела к резкому ослаблению международных позиций страны после отставки Титулеску. Это вызывало серьезную озабоченность румынской общественности. Деятели «исторических партий», преследуя свои цели, усиленно спекулировали на этой озабоченности. «Редко случалось, — говорил на съезде национал-царанистской партии в апреле 1937 года один из ее лидеров Н. Михалаке, — чтобы наше государство было в таком положении, как сейчас... Во внешней политике мы не знаем, кто наши союзники и кто уже перестал ими быть... Мы живем на вулкане внутри страны, а во внешней политике царит неопределенность, дезориентация и хаос».

Малая и Балканская Антанты, над укреплением которых в свое время трудился Н. Титулеску, стремясь превратить их в звенья коллективной безопасности, оказались в кризисном состоянии: действия стран-участниц, в том числе Румынии, по сближению с фашистскими державами подрывали основу, на которой держались эти антиревизионистские блоки. Еще в мае 1936 года на конференции стран Малой Антанты в Братиславе было приня-

то решение, предоставившее полную свободу членам этого военно-политического союза в определении ими собственной позиции по отношению к Германии и Италии. Румыния и Югославия продемонстрировали нежелание защищать Чехословакию, которой стала угрожать германская агрессия. Они отвергли в апреле 1937 года предложение Чехословакии распространить обязательства оказания взаимной помощи по Малой Антанте также на случай агрессии со стороны Германии и Италии. Удар по Малой и Балканской Антантам был нанесен заключением Югославией пактов с Болгарией и Италией. «Государства Малой и Балканской Антант,— писала 10 апреля 1937 г. румынская газета «Мишкаря»,— взяли курс в различных направлениях»¹⁸. Процесса распада Малой Антанты не могло остановить создание в апреле 1937 года под председательством Кароля II военного совета этого блока, который призван был укрепить сотрудничество стран-участниц.

Румыно-чехословацкие отношения, неся на себе отпечаток двойственности позиции Румынии в международных делах, ее непримиримости в вопросе налаживания сотрудничества с СССР, в это время значительно ухудшились. В феврале 1937 года в румынском парламенте была устроена форменная демонстрация против внешнеполитической линии Чехословакии. Поводом послужила вышедшая в январе того же года книга чехословацкого посланника в Румынии Я. Шеба «Россия и Малая Антанта в мировой политике», на страницах которой делался упрек правящим кругам Румынии, отказывавшимся от сотрудничества с Советским Союзом в деле обеспечения коллективной безопасности в Европе. Чехословацкий посланник подвергся резким нападкам в выступлениях членов румынского парламента и был отозван своим правительством из Румынии.

Но в то же самое время румынское правительство заверяло Прагу, что оно будет верно Уставу Лиги наций, обязывающему всех ее членов разрешить проход иностранных войск через свою территорию для защиты страны, подвергшейся нападению. Это давало основание полагать, что в случае нападения фашистской Германии на Чехословакию и принятия Лигой наций мер против агрессора Румыния пропустит через свою территорию советские войска, идущие на помощь Чехословацкой республике. Кро-

ме того, оставалось в силе заключенное еще при Титулеску соглашение, по которому румынское правительство при финансовой помощи Чехословакии обязалось улучшить железнодорожные коммуникации на севере страны на случай возможного использования их для перевозки советских войск через румынскую территорию в Чехословакию. Правда, реконструкция этих железнодорожных путей, находившихся в отвратительном состоянии, как констатировали периодически посещавшие Румынию чехословацкие контрольные миссии, проходила очень медленно.

Давая обещания Чехословакии пропустить в случае необходимости советские войска, румынские правители не собирались их выполнять. Этими обещаниями преследовалась, по-видимому, цель получения ими новых кредитов в Чехословакии. Помимо оказания финансовой помощи в реконструкции железных дорог на севере Румынии Чехословакия предоставила в январе 1937 года Румынии кредит в размере 500 млн. крон для закупки оружия.

В отношении Чехословакии и Франции Кароль II вел двойственную политику. «Он заверял Чехословакию и Францию в своей лояльности и продолжал строительство железной дороги Буковина — Трансильвания, по которой... советские войска могли бы прийти через Северную Румынию в Чехословакию. Но в то же время он держался в отдалении от русских и беспокоился о том, чтобы не вызвать недовольства Берлина»¹⁹, — так определил внешнеполитическую линию румынского короля английский историк Сетон-Уотсон.

Сближение с фашистскими державами, в первую очередь с гитлеровской Германией, открыто призывавшей к войне против СССР, придало румынской внешней политике открытую антисоветскую направленность. Румынская реакционная пресса в 1937 году нередко публиковала статьи, призывавшие к расширению румынских границ за счет Советского Союза. Демонстрацией враждебности к СССР явилось награждение Каролем II бывшего царского посланника в Румынии Поклевского-Козела румынским орденом. Газета «Правда» в связи с этим писала 15 декабря 1936 г.: «Этот бывший царский дипломат не прекратил и после восстановления нормальных дипломатических отношений между Румынией и СССР своей активной антисоветской деятельности на территории Румы-

нии. Вот этого-то диверсанта, охранника и спекулянта румынское правительство наградило орденом... Как это вяжется с заверениями румынского правительства о дружественных отношениях с Советским Союзом? Как это правительство при наличии официального советского представителя в стране может принимать и награждать бывшего царского посланника, враждебная деятельность которого против Советского Союза в Румынии хорошо известна? Не является ли это прямым поощрением тех элементов в Румынии, которые вкупе с фашистской агентурой ведут антисоветскую кампанию и работают против мира?» Румынские правящие круги заняли позицию срыва сотрудничества с Советским Союзом. В феврале 1937 года В. Антонеску заявил, что правительство Румынии не намерено вести переговоры о заключении пакта о взаимной помощи с СССР.

В прямой связи с новым внешнеполитическим курсом находились рост военных расходов и увеличение численности армии Румынии. По данным военного ежегодника Лиги наций за 1937 год, румынская армия состояла из 22 пехотных дивизий, 2 легких и 4 кавалерийских дивизий. Кроме того, имелось 65 легких артполков, 28 тяжелых артдивизионов и 16 саперных полков. Авиация насчитывала 850 самолетов, а флот — 8 эсминцев, подлодки и сторожевые суда. По тем же данным, Румыния могла мобилизовать в армию около 2 млн. человек.

Отказ от политического сотрудничества с СССР в борьбе против фашистской агрессии и антисоветские действия правительства встречали осуждение со стороны тех румынских кругов, которые пытались реально оценить складывавшуюся международную обстановку и определить в ней место своей страны. На совместном заседании комиссий по иностранным делам палаты депутатов и сената 13 декабря 1936 г. подчеркивалось, что выпады против СССР и сотрудничество со странами, готовящими войну против Советского Союза, не есть правильный путь для Румынии. Газета «Репортер» 11 апреля 1937 г. указывала, что Франция и Чехословакия, являющиеся союзницами Румынии, связаны договорами о взаимной помощи с СССР, которые укрепили их положение на международной арене. «Наша страна,— продолжала газета,— с этой точки зрения находится в неблагоприятном отношении, которое она может исправить лишь заключением

взаимных обязательств с СССР». Однако ослепленные классово́й ненавистью к СССР Кароль II и его окружение отвергали сотрудничество с Советским Союзом, двигаясь по гибельному для Румынии пути сближения с фашистскими державами. «Правительство Татареску, — писала 8 апреля 1937 г. газета «Диминяца», — поддерживает гитлеровские группировки и находится на службе у ревизионистских государств».

Стремление СССР развивать торгово-экономические связи с Румынией натолкнулось на сопротивление правящих румынских кругов. Румынский национальный банк встал на путь саботажа торговых отношений с СССР, игнорируя платежное соглашение, заключенное в феврале 1936 года. Текущий счет Госбанка СССР был открыт лишь в ноябре 1936 года, и баланс торговых отношений через год после заключения платежного соглашения сократился до мизерной суммы — 2 млн. лей. Торговый представитель СССР в Румынии сообщил о заинтересованности определенной части румынских деловых кругов в развитии торговли с Советским Союзом. В советское торгпредство приходили представители румынских фирм, прося «помочь им избавиться от немецкого засилья на рынке». СССР готов был продавать Румынии нужные ей товары: сельскохозяйственные машины и инвентарь, тракторы ХТЗ 15/30, грузовики и легковые автомашины, химические товары и красители, асбест, медикаменты, швейные машины, смазочные масла, чугун и железные заготовки и др. Советский Союз вывозил из Румынии семена люцерны, подошвенную кожу. Он готов был закупать в Румынии крупный рогатый скот и свиней, лучшие сорта текстильных и трикотажных изделий, а также некоторые другие товары с целью дальнейшего реэкспорта²⁰. Но правительственные круги Румынии не пожелали развивать экономическое сотрудничество с СССР. Правда, находясь в тяжелом положении осенью 1937 года, румынская металлургическая промышленность воспользовалась возможностью получения сырья и полуфабрикатов из СССР, но затем прекратила их ввоз.

Новый внешнеполитический курс Румынии после отставки Титулеску имел своим результатом значительное ослабление ее традиционных связей с Францией. Кароль II продемонстрировал это во время своего визита в Париж и Лондон летом 1937 года. По свидетельству Н. Иорги, ру-

мынский король выступил ярким противником франко-советско-румынского сотрудничества в целях борьбы с фашистской агрессией, заявив французским правящим кругам следующее: «Россия остается Россией, и какие бы то ни было союзы с ней, если Франция попыталась бы их нам навязать, мы порвем»²¹. Кароль II отказался от заключения союза, предложенного Францией. В Лондоне он искал более тесных политических и экономических связей с Великобританией, правительство которой, по его мнению, занимало более реалистическую позицию в германском вопросе, чем Франция. Кароль II заявил в 1937 году: «Нынешняя политика Англии в отношении Франко и Германии очень приемлема для Румынии».

В состоявшейся 25 июля 1937 г. беседе с английским экспертом по международным делам В. Сидом румынский король заявил: «Говорят, что малая заинтересованность Великобритании в румынских делах объясняется тем, что Румыния выглядит французской колонией». Он хотел бы изменить это мнение и установить прямую «ось Лондон — Бухарест». Кароль II подчеркнул, что Румыния не является сателлитом Франции. «Важно, чтобы на англо-румынские отношения, — сказал он, — в Лондоне не смотрели через французские очки». Румынский король заверил, что Румыния не собирается сближаться с Германией или Советским Союзом, но счел нужным выразить свое восхищение успехами Гитлера. Кароль II подчеркивал общность румынской и английской политики в германском вопросе, чтобы оправдать развитие сотрудничества Румынии с Германией. Чехословацкому премьеру Ходже он говорил: «Если я допускаю некоторую видимость (?) сближения с Германией, то ведь, как теперь оказалось, я веду такую же политику, какую ведут Чемберлен и Иден. Они пошли даже дальше меня, пригласив фон Нейрата к себе для переговоров, тогда как я неоднократно отклонял домогательства Геринга приехать ко мне для личных переговоров».

Идя по пути сближения с фашистской Германией и странами, находившимися под ее влиянием — Польшей и Югославией, румынские правящие круги в то же время стремились сохранить в определенной степени сотрудничество с государствами антиревизионистского блока: это балансирование в международной политике в тот момент было выгодно румынским правителям. Отсюда — поиски

к укреплению отношений с Англией, приведшие к оживлению румыно-английской торговли, увеличению английских займов Румынии и т. п. В своих официальных заявлениях представители румынского правительства всячески подчеркивали «неизменность» румынской внешней политики, ее «верность существующим союзам». Начальник французского генерального штаба генерал Гамелен по окончании своего визита в Румынию увез заверения ее политических и военных руководителей, что Франция может всегда полагаться на румынскую армию. Ему даже пообещали разрешить проход советских войск через северную Румынию в Чехословакию «в случае необходимости»²². Но, как показали последующие события, румынские правители и не собирались делать этого.

В декабре 1937 года Бухарест посетил французский министр иностранных дел И. Дельбос. Совместное румыно-французское коммюнике, опубликованное по этому поводу, известило о полном совпадении взглядов, а румынский министр иностранных дел В. Антонеску заявил, что «Румыния является сторонником коллективной безопасности, означающей одно и то же как в Западной, так и в Восточной Европе». В действительности дело обстояло иначе, ибо не только румынские, но и французские правящие круги в это время резко отошли от политики коллективной безопасности, предпочитая ей проведение курса на «умиротворение» агрессора, то есть на достижение сговора с ним на антисоветской основе.

Дельбос оказался посредником, ускорившим подписание румыно-германского торгового соглашения, которое усиливало зависимость Румынии от гитлеровской Германии. Глава германской делегации Вольфат, ведший в Бухаресте со 2 ноября 1937 г. переговоры о заключении торгового соглашения, сообщал 13 декабря 1937 г. Герингу: «Из-за оппозиции румынского Национального банка я не мог добиться подписания румынами этого соглашения до прибытия французского министра иностранных дел Дельбоса». Представитель англо-французского блока дал понять румынским правящим кругам, что западные державы выступают за соглашение и определенные уступки германскому империализму и потому одобчительно относятся к румыно-германскому сближению. Дельбос встречался в Бухаресте не только с официальными представителями румынского правительства, но и

с оппозиционными политическими деятелями (Маниу и др.), выступившими за сохранение англо-французской ориентации. Из визита Дельбоса румынские правители вынесли убеждение, что Франция не склонна к оформлению союза со странами Малой Антанты и что вообще политика коллективной безопасности мертва. Еще раньше Дельбос в беседе с румынским министром иностранных дел В. Антонеску умолял воздерживаться от всяких актов, которые могли быть истолкованы как направленные против Германии и Италии.

Но эти просьбы были лишними, ибо королевское правительство Румынии всячески заискивало перед гитлеровской кликой. Министр иностранных дел В. Антонеску в беседе с германским посланником Фабрициусом в октябре 1937 года заверял, что румынское правительство «преисполнено решимости идти с Германией». На вопрос Фабрициуса о возможности возрождения старого проекта союза Румынии с Францией он ответил: «Никаких союзов больше». В. Антонеску обратил внимание германского посланника на тот факт, что королевское правительство отрицательно отнеслось к чехословацкому плану организации экономического сотрудничества дунайских стран. «Урегулирование в Дунайском бассейне, которое не включает участие Германии, невыгодно Румынии»²³, — сказал он.

Заинтересованность Румынии в германском рынке являлась в руках гитлеровцев сильным средством давления на политику румынских господствующих классов. Румынский экспорт в Германию и Австрию составил в 1936 году 5,7 млрд. лей, а в 1937 году — 8,2 млрд. лей. Румынский экспорт в Великобританию, стоявшую на втором месте после Германии по размерам своих закупок в Румынии, составлял в те же годы, соответственно, 3,1 млрд. и 2,8 млрд. лей²⁴.

В конце 1937 года было подписано соглашение между румынским и германским межправительственными комитетами о торговле и платежах на 1938 год. Объем румыно-германской торговли возрастал на $\frac{1}{3}$ по сравнению с предшествующими годами. Правда, Германия сделала некоторые уступки Румынии в области цен, но они, по определению гитлеровских компетентных учреждений, не шли «ни в какое сравнение с уступками другим юго-восточным странам». Со стороны Национального банка

Румынии в течение всего 1937 года были попытки повернуть румынскую торговлю с Германии на другие страны, где он мог бы получать свободно конвертируемую валюту. Вольтат объяснял эти действия также боязнью прозападных румынских кругов, что «германское господство становится слишком сильным».

Румынские правящие круги, продолжая балансировать во внешней политике, все еще не желали полностью подчиниться германскому империализму. Но это не могло долго продолжаться. Фабрициус в своем донесении в германское министерство иностранных дел 18 ноября 1937 г. выражал твердую уверенность, что развитие экономических связей приведет к тому, что экономически зависимая Румыния будет в международных отношениях все больше и больше ориентироваться на Германию, уходя «от прошлой восточной политики, которая при Титулеску склонялась к Советской России».

Как признавали западные дипломаты, главным фактором, сдерживавшим и замедлявшим переориентацию румынских правящих кругов на гитлеровскую Германию, был Советский Союз. В период, когда во главе внешней политики Румынии находился Титулеску, выступавший за коллективную безопасность, Советское правительство проявляло исключительное терпение, не требуя немедленного разрешения затянувшегося территориального конфликта. Но было ясно, что СССР не станет безучастно смотреть на включение в гитлеровский блок Румынии, продолжавшей удерживать захваченные советские земли. Румынские правящие круги не могли в 1937 году решиться следовать германской политике также в силу других обстоятельств. Они зависели в вопросе вооружения от Франции и Чехословакии, питали надежду на получение вооружения из Англии. В Париже и Лондоне не одобряли тех решительных шагов, которые были сделаны румынской внешней политикой после отставки Титулеску, ибо они ослабляли англо-французские империалистические позиции перед лицом фашистских держав. Этим объясняется холодный прием, оказанный Каролу II в 1937 году во время его визита в Великобританию и Францию.

Переход фашизма в наступление внутри страны, сигналом для которого послужило заключение пакта о ненападении между национал-царанистами и железногвар-

дейцами на парламентских выборах в конце 1937 года, дал новый толчок политике сближения с гитлеровской Германией. Определяя внешнюю политику своей фашистской партии, К. Кодряну сказал, что через 48 часов после прихода к власти «Железная гвардия» заключит союз с Германией. Он резко нападал на внешнеполитический курс Титулеску и приветствовал национал-царанистов, которые отходили от этого курса. Если с Маниу «мы заключаем пакт о взаимном ненападении, то с Титулеску мы могли бы заключить лишь пакт о взаимном нападении», говорил вожак железногвардейцев.

Заключение избирательного пакта выявило определенную общность внешнеполитических программ румынской рекции. «Я против великих демократий Запада, против Малой и Балканской Антант, я не питаю никакой приверженности к Лиге наций, в которую я не верю. Я за внешнюю политику Румынии вместе с Римом и Берлином...», — говорил К. Кодряну при подписании пакта о ненападении между «Железной гвардией» и национал-царанистской партией. Под стать ему были слова Ю. Маниу с выражением открытой симпатии к Гитлеру и Муссолини, призывы последовать их примеру.

В фашистских кругах была радостно встречена статья «Путь Маниу» в газете национал-царанистской партии «Ромыния ноуа» от 17 октября 1927 г., в которой излагались «основы внешней политики Румынии». Статья призывала к отказу от политики коллективной безопасности, считая «большой ошибкой» участие Румынии в санкциях против Италии. Газета считала необходимым проведение политики «нейтрального блока», означавшей постепенный переход в лагерь фашистских держав.

КОРОЛЕВСКАЯ ДИКТАТУРА

Парламентские выборы в декабре 1937 года в определенной степени продемонстрировали кризис румынского буржуазного парламентаризма, не способного обеспечить стране стабильное правление той или иной политической партии. Ни одна из партий и группировок не получила необходимого большинства мест в парламенте. Такой исход выборов не был случайным, ибо в них выступали с отдельными списками 13 партий и 53 мелкие политические группировки. За 1920—1940 годы в Румынии сменилось у власти 35 правительств и 27 парламентских группировок или коалиций. Министерская чехарда, отражавшая кризис буржуазного парламентаризма, особенно проявилась в 1930—1940 годах, когда произошло 25 смен председателей совета министров и 390 перемещений министров.

Верхушка монополистической буржуазии и помещиков, группировавшаяся вокруг Кароля II, считая буржуазный парламентаризм помехой своему неограниченному господству и полагая, что он окончательно дискредитировал себя, уже накануне парламентских выборов со всей категоричностью поставила вопрос об установлении диктаторского режима. «Единственная возможность выхода из болота, в котором мы находимся, — писал в своем дневнике К. Аржетояну, — это создание тоталитарного правительства, правительства авторитета и порядка, которое будет свободно от какой-либо избирательной или клубной тирании, правительства из лиц, указанных королем»¹. Кароль II в беседе с представителями английских правящих кругов в Лондоне летом 1937 года прямо сказал о своем намерении еще больше усилить ко-

ролевскую власть. Он заявил, что буржуазно-помещичьи политические партии в стране бесплодны, а их лидеры способны лишь на критиканство: «Моей задачей, как короля, является научить их дисциплине и включить их в созидательный труд». Образцом для себя Кароль II считал положение в фашистской Германии, правителями которой — Гитлером, Геббельсом и др. — он открыто восхищался.

Поражение правительства Г. Татареску на выборах означало срыв планов Кароля II использовать это правительство в целях установления своей диктатуры. Тогда было решено пойти по другому пути: поставить у власти правительство, которое формально было бы независимым от королевской «камарильи», но, не имея большинства в парламенте, фактически зависело бы от Кароля II и его окружения.

Первоначально Кароль II хотел создать военное правительство во главе с генералом И. Антонеску. Но затем он отказался от этой мысли, испугавшись его связей с «Железной гвардией». Формирование правительства было поручено национал-христианской партии, собравшей на выборах менее $\frac{1}{10}$ голосов избирателей. Эта партия была сторонницей абсолютной монархии, опираясь на которую она намеревалась осуществить свою реакционную националистическую программу. Кароль II надеялся поэтому на национал-христианское правительство, в состав которого он добился включения А. Калинеску и других политиков, отколовшихся от национал-царанистской партии и перешедших на сторону королевской «камарильи». Ставленники короля получили наиболее важные посты, возглавив министерства внутренних дел, юстиции и т. д.

29 декабря 1937 г. лидером национал-христианской партии О. Гогой было сформировано новое правительство. Он проводил политику оголтелого национализма и антисемитизма, «румынизации» государственной жизни страны. «Патриарх» румынских фашистов А. Куза вошел в правительство в качестве министра без портфеля, его сын Г. Куза возглавил министерство труда. Будущий фашистский диктатор генерал И. Антонеску был приглашен на пост военного министра. И. Мическу занял пост министра иностранных дел. Во главе министерства внутренних дел стал А. Калинеску, а во главе министерства

промышленности и торговли — И. Джигурту. Отъявленные реакционеры были назначены и на другие ответственные посты в правительстве Гоги — Кузы.

Кароль II считал правительство Гоги—Кузы исполнителем воли румынской монархии. Об этом он во всеуслышание заявил в интервью корреспонденту английской газеты «Дейли геральд» Истерману в январе 1938 года: «Я — хозяин страны. Это правительство — мое правительство. Оно должно иметь мое одобрение. Когда я буду недоволен его ведением дел, я потребую его смены». Таким образом, создание правительства Гоги—Кузы явилось подготовкой к установлению королевской диктатуры.

Обосновывая необходимость установления своей диктатуры, Кароль II утверждал, что демократия в Румынии «еще молода», не имеет парламентских традиций и потому «не способна обеспечить порядок в стране». Вместе с тем он делал попытку представить передачу власти в руки национал-христианского правительства, целиком зависящего от него, в качестве меры, препятствующей приходу к власти фашизма в Румынии. Этим же он объяснил и свое стремление установить режим королевской диктатуры. Подобная трактовка не выдерживает никакой критики. Она продиктована намерением замаскировать намеченный королевской «камарильей» государственный переворот, заручиться поддержкой тех сил, которые боролись против прихода к власти фашистской «Железной гвардии».

Сам факт передачи власти в руки фашистской национал-христианской партии говорил о том, что правящая верхушка монополистической буржуазии и помещиков намерена установить фашистскую диктатуру. «Призывая к власти фашистскую национал-христианскую партию, король открыто продемонстрировал, что он... замышляет фашистский переворот...»², — писала коммунистическая пресса. В номере от 31 января 1938 г. газета «Скынтейя» расценила создание этого правительства как шаг к установлению военно-фашистской диктатуры, указав, что за спиной правительства Гоги—Кузы стоят не только Кароль II и наиболее реакционные представители монополистического капитала и крупных румынских помещиков, но и фашистские державы.

Вывешенные в честь нового правительства флаги со

свастикой красноречиво говорили о его политическом курсе. Внешнеполитическая программа нового правительства была определена еще накануне парламентских выборов. Тогда руководство национал-христианской партии заявило, что оно борется «против всякого сотрудничества с Советской Россией», призвав одновременно без всякого отлагательства приступить к «нормализации» отношений с гитлеровской Германией, то есть заключить румыно-германский союз.

Не случайно поэтому формирование правительства национал-христианской партии было расценено как важный успех германской политики в Юго-Восточной Европе. Гитлеровский министр иностранных дел фон Нейрат в секретном циркулярном письме отметил, что оно имеет исключительное значение для фашистской Германии «как из-за склонности Гоги к национализму во внутренних делах, так и из-за дипломатических позиций страны, являющейся, в частности, соседом Советской России»³.

Претворяя в жизнь свой внешнеполитический курс, правительство Гоги — Кузы сразу же дало резкий крен в сторону фашистских государств. 1 января 1938 г. новый премьер телеграфировал Гитлеру о своей «непоколебимой решимости поддерживать хорошие и сердечные отношения с Германией», выразив пожелание выслушать от германского фюрера «справедливую концепцию естественных отношений между двумя странами и жизненных прав Румынии, нынешние границы которой бесспорно оправданы национальным принципом». Но Гитлер воздержался от заявления по вопросу о румынских границах, ограничившись выражением «сердечной благодарности» за новогоднее поздравление.

Через два дня Гога принял Фабрициуса и заверил его, что «Германия может быть очень довольна его правительством». Опасаясь конкуренции со стороны «Железной гвардии», он просил, чтобы Германия не поддерживала эту организацию. Дело в том, что противоречия и вражда между румынскими фашистами — гого-кузистами и железногвардейцами — обострились, после того как Кароль II отдал предпочтение национал-христианской партии, поручив ей сформировать правительство, хотя легионеры собрали на выборах значительно больше голосов. Главарь железногвардейцев Кодряну всячески

поносил лидеров национал-христианской партии, презрительно называл Гогу дилетантом в политике, королевским лакеем, демонстрирующим верноподданнические чувства, и т. п.

Правительство Гоги—Кузы в угоду гитлеровской Германии поставило во главе ряда дипломатических миссий Румынии за границей сторонников ориентации на державы «оси». Заместитель премьера А. Куза сказал тогда, что Румыния переживает момент, означающий полное и совершенное изменение ее внешнеполитической ориентации, стремясь установить дружбу с Германией и Италией. Через своего посланника в Риме Кароль II заявил об официальном признании захвата Абиссинии Италией. Принося Муссолини извинения за участие Румынии в экономических санкциях против Италии, он оправдывался: «Нас вынудили к этому».

Основным моментом в области румынской внешней политики являлось немедленное сближение с фашистской Германией и укрепление отношений с фашистской Италией. «Заявления о верности и о сохранении прежних соглашений и союзов,— подчеркивалось в корреспонденции из Бухареста,— остаются пустыми заявлениями, прикрывающими истинную устремленность правительства Гоги — политику немедленного сближения с фашистскими государствами»⁴. В конце января 1938 года О. Гога сообщил о намерении в ближайшее время заключить «пакт дружбы» с гитлеровской Германией.

Гитлеровская верхушка выражала румынскому правительству свое удовлетворение развитием событий в Румынии и ее внешнеполитической позицией. В телеграмме румынского посланника о его беседе с Гитлером и Герингом 21 января 1938 г. указывалось, что «фюрер, как обычно, проявил особый интерес к нашей стране», выразив удовлетворение положением в Румынии. «Он заявил,— говорилось далее,— что эволюция Румынии является первым радостным событием этого года». В целях борьбы с «внутренним коммунизмом» германское правительство предлагало румынскому правительству организовать соответствующее сотрудничество, придав ему «технический характер» и строгую секретность⁵.

В период краткого пребывания у власти национал-христианской партии Румыния еще больше отошла от традиционного сотрудничества с Францией и странами Малой

и Балканской Антант. Румынские правители не скрывали того, что они не окажут помощи союзной Чехословакии в случае нападения на нее Германии. Военный министр генерал И. Антонеску в беседе с польским посланником Арцишевским прямо сказал об этом, сославшись на то, что румыно-чехословацкий договор о взаимной помощи в рамках Малой Антанты действителен только против агрессии со стороны Венгрии. Допуская, что Франция выступит в защиту и что это повлечет за собой выступление СССР на помощь Чехословакии, он заявил: «Тогда Румыния окажется под угрозой со стороны СССР (который будет стремиться пройти через румынскую территорию для оказания помощи Чехословакии.— Авт.)... Поэтому я приложу все силы, чтобы укрепить армию и должным образом ее вооружить»⁶. Этим заявлением, предназначенным для передачи гитлеровцам, румынский военный министр обещал, что Румыния в период германской агрессии против Чехословакии займет благоприятную им позицию, фактически выступит на их стороне, оказывая сопротивление проходу советских войск.

Резкий поворот в сторону фашистского блока сопровождался дальнейшим усилением антисоветской направленности румынской внешней политики. В стране оживилась деятельность белоэмигрантских элементов, которым правительство Гоги оказало поддержку. «Теперь нам, наконец, здесь созданы благоприятные условия для работы»,— заявил прибывший в Бухарест из Берлина руководитель «Вольного казачества» атаман Билый. С разрешения румынских властей он произнес речь, в которой призвал к «крестовому походу» против Советского государства. Из Румынии поступали сведения, что германский посланник Фабрициус и итальянский посланник Сола вели переговоры с Гогой, добиваясь прекращения фортификационных работ на венгерской границе, чтобы усилить такие работы по Днестру. Италия предлагала в этой связи своих инженеров для производства расчетов, составления чертежей и наблюдения за ходом работ.

Западные державы, хотя и шли по линии «умиротворения» агрессивных государств, добиваясь сделки с ними за счет своих малых союзников в Центральной и Юго-Восточной Европе, чтобы направить фашистскую агрессию против СССР, все же не одобряли решительных

шагов правительства Гоги — Кузы в сторону сближения с державами «оси». Румыния занимала видное место в экономических и военно-стратегических планах англо-французских и американских империалистических кругов, которые хотели подороже запродать ее гитлеровской Германии. Откровенно прогерманские действия правительства Гоги—Кузы ослабляли позиции западных держав в их торге с германскими и итальянскими империалистами.

По этой причине с первых же дней существования правительства национал-христианской партии представители Англии и Франции стали выражать свое недовольство. В конце декабря 1937 года советник французской миссии в Бухаресте Бонкур в беседе с румынским придворным политиком И. Пангалом заявил, что в Париже возмущены передачей власти в руки национал-христианского правительства, которое равнозначно правительству «Железной гвардии». «Всякое доверие к политике Румынии подорвано..,— предупреджал он.— Первые отклики скажутся в экономической и финансовой областях. В настоящее время Румыния не получит никакого кредита или финансовых и торговых льгот во Франции, Англии и Соединенных Штатах».

В английской и французской прессе развернулась кампания против правительства Гоги — Кузы, подкрепленная мерами экономического и дипломатического давления. Французское правительство поставило в известность румынского министра иностранных дел И. Мическу, что намеченный на январь 1938 года его визит во Францию в нынешней обстановке состояться не может. В связи с отказом Франции гарантировать платежи Румынии по закупкам ею оружия в Чехословакии, последняя прекратила военные поставки в Румынию. В начале января 1938 года Румыния подписала соглашение с фирмой Круппа, по которому ей передавались все румынские военные заказы, размещенные ранее во Франции и Чехословакии. Еще в декабре 1937 года Германия заключила торговое соглашение с Румынией на сумму 8 млрд. лей, из которых 1,5 млрд. лей было выделено на оплату заказанных в Германии артиллерии, самолетов, оптики и др.

Курс на немедленное безоговорочное сближение и подчинение страны германскому фашизму, проводившийся национал-христианским правительством, оказался непри-

емлемым для королевской «камарилы», считавшей, что еще не наступило время для отказа от политики балансирования. К тому же западные империалистические круги продолжали оказывать сильное политическое влияние в Румынии, где на долю французских, английских и американских монополий приходилось около 50% капитала промышленных предприятий, 30% банковского капитала и более 70% капитала страховых обществ страны.

Лишь фашистская «Железная гвардия» поддерживала внешнеполитическую линию правительства Гоги—Кузы, считая, однако, что она проводится недостаточно энергично.

Недовольство основных кругов румынской буржуазии и помещиков вызвала демагогическая внутренняя политика национал-христианского правительства. Как отмечала пресса, Румыния в период правления Гоги—Кузы оказалась охваченной лихорадкой фашистской демагогии, испугавшей господствующие классы. Для завоевания крестьянских масс на свою сторону национал-христианское правительство понизило цены на соль, керосин, табак, текстильные изделия, ликвидировало некоторые виды штрафов и т. п. Был отменен также сельскохозяйственный налог (вместо него вводился налог на продажу сельскохозяйственных продуктов). Эти меры были продиктованы отнюдь не заботой о крестьянстве, а стремлением, как официально заявило правительство Гоги—Кузы, успокоить крестьянство. Таким образом оно надеялось обеспечить голоса крестьян на предстоящих 2 марта 1938 г. новых парламентских выборах. Фашистская демагогия наложила отпечаток также на правительственную политику в рабочем вопросе. Министр труда Г. Куза заявил о своем намерении объединить рабочих и предпринимателей в корпорации по итальянскому образцу.

Экономическая политика национал-христианского правительства очень быстро привела к хаосу в хозяйственной жизни страны. Этому способствовали также их злоупотребления властью, использование государственного аппарата в целях наживы, массовые хищения и коррупция. Сторонники Гоги в провинции преследовали своих противников, открыто вымогая у них деньги. После отставки этого правительства обнаружилась растрата 500 млн. лей, которые правительство Чехословакии предоставило Румынии на финансирование строительства и

реконструкции стратегических железных дорог в северной части страны.

Непрочность положения и недоверие к политике правительства Гоги—Кузы вызвали массовое изъятие вкладов из банков, а также падение курса акций на бирже. Только за первые дни июля сумма вкладов в банках сократилась на 2 млрд. лей. За короткий срок финансовое положение Румынии катастрофически ухудшилось. Менее чем за неделю курс лея понизился почти на 25% по отношению к курсу фунта стерлингов и доллара. В стране резко возросла инфляция. Цены на предметы первой необходимости с 29 декабря 1937 г. по 4 января 1938 г. повысились на 40%. Проведенное в демагогических целях уменьшение цен на некоторые товары сократило поступления государственного дохода на 1,5 млрд. лей. Отражением нарушения хода экономической жизни страны было сокращение промышленного производства, а также уменьшение в январе 1938 года объема румынского экспорта почти вдвое против января предыдущего года.

Резко ухудшилось экономическое положение страны, возросли безработица и дороговизна, тяжелее стала жизнь трудящихся города и деревни. Чтобы отвлечь массы от революционной освободительной борьбы, правительство прибегло к разжиганию национализма и антисемитизма. Создавая видимость заботы о преимущественном положении трудящихся румынской национальности, оно приняло закон о проверке румынского гражданства и дало указание о составлении предпринимателями списков рабочих и служащих нерумынского происхождения, подлежащих увольнению. Однако рабочие ряда предприятий выступили против националистической диверсии фашистов, имевшей цель расколоть рабочий класс и увести его с пути революционной борьбы.

Недовольство рабочих, крестьян, интеллигенции и ремесленников росло. «Уволенные рабочие,—доносила сигуранца,—собираются ежедневно у бирж труда и подстрекаются коммунистическими элементами к манифестациям на улицах и перед зданием министерства труда»⁷. На многих предприятиях возникали трудовые конфликты, перераставшие в забастовки, как, например, на текстильных фабриках Крайовы, Галаца и Лугожа. В деревне недовольство приняло угрожающий характер, крестьяне с невиданной дотоле настойчивостью стали

требовать проведения новой аграрной реформы. В ряде коммун имели место столкновения крестьян с жандармами и налоговыми агентами.

Надежды королевской «камарильи» на то, что национал-христианское правительство будет послушным ей, не оправдывались. Как это часто случалось в истории, орудие вышло из повиновения. Гого-кузисты проявляли все большую независимость от королевской «камарильи», поставившей их у власти. Встретившись с огромными трудностями, вызванными, с одной стороны, враждебным отношением народных масс, с другой — оппозицией основных буржуазно-помещичьих кругов, национал-христианское правительство вступило на путь объединения с другими фашистскими группировками, в первую очередь с «Железной гвардией», стремившейся к установлению в Румынии диктатуры без Кароля II. Секретные переговоры между гого-кузистами и легионерами продолжались весь январь 1938 года и закончились достигнутым избирательного соглашения. Румынские фашисты объединялись, для того чтобы на новых парламентских выборах одержать полную победу. Национал-христианская партия заключила такое же соглашение с партией немецких национал-социалистов Румынии.

Следует отметить, что «Железная гвардия» сделала для себя определенные выводы из того, что господствующие классы не вручили ей управление страной после парламентских выборов в декабре 1937 года, и пошла на отказ от своих наиболее демагогических лозунгов. В частности, Кодряну заявил, что «Железная гвардия» не предполагает проводить какой-либо новой экспроприации земли, и снял лозунг «На каждую душу — полгектара земли». Железнодорожники пытались укрепить свою организацию и завоевать доверие правящей верхушки Румынии путем привлечения на свою сторону генерала И. Антонеску, пользовавшегося авторитетом в реакционных буржуазно-помещичьих кругах. Они вели переговоры с ним, предлагая ему пост главы их партии, а в случае прихода «Железной гвардии» к власти еще и пост главы правительства. Но генерал И. Антонеску, являвшийся военным министром в национал-христианском правительстве, не принял этого предложения.

Стремясь любыми средствами обеспечить победу на парламентских выборах, правительство Гоги—Кузы уси-

лило террор против демократических сил, в первую очередь против рабочего класса и его организаций. Были закрыты многие газеты, которые не придерживались правительственного курса, в том числе такие буржуазные газеты, как «Диминьяца», «Адевэрул» и др. Так называемым законом «румынизации» прессы были запрещены выходившие в оккупированной Бессарабии газеты на русском языке. Декретом от 5 января 1938 г. были распущены уездные и коммунальные советы, вместо которых были созданы «временные комиссии», где большинство мест заняли ставленники гого-кузистов. Одновременно с этим по всей стране были организованы вооруженные национал-христианские отряды «ланчиеров», начавшие подменять деятельность полицейских органов государства. 25 января 1938 г. правительством Гоги—Кузы были одобрены так называемые меры обеспечения порядка на выборах, запрещавшие ведение предвыборной агитации не кандидатами, предусматривавшие использование оружия «для поддержания порядка», и т. п. Все это говорило о намерении правительства национал-христианской партии с помощью полицейско-террористических методов подавить своих противников, фальсифицировать волю избирателей, чтобы расчистить путь к установлению своей диктатуры.

Коммунистическая партия Румынии предупреждала массы об угрозе и призывала их к объединению, чтобы сорвать планы установления фашистской диктатуры. «Отправным пунктом и основным содержанием единого фронта борьбы,— писала 1 января 1938 г. газета «Скынтейя», — является воспрепятствование любой попытке установления фашистской диктатуры в стране, заключения союза с блоком фашистских государств». Тот факт, что основные буржуазные партии официально осудили передачу управления страной в руки национал-христианской партии, считая опасной ее внутреннюю и внешнюю политику, создавал предпосылки для объединения антифашистских сил. Действуя через «Демократический союз» — массовую легальную организацию, созданную и руководимую компартией, руководство КПр продолжало настойчивые попытки создать Народный антифашистский фронт, который смог бы нанести поражение фашизму на предстоящих парламентских выборах.

В начале января 1938 года делегация «Демократичес-

кого союза» направила меморандум по этому вопросу в исполнительный комитет национал-царанистской партии. Предложение о сотрудничестве было сделано также руководству национал-либеральной партии. Однако «исторические партии» и на этот раз заняли враждебную позицию в отношении Народного антифашистского фронта. Правда, формально они не отвергли предложения о сотрудничестве на период выборов, но повели бесконечные дискуссии с делегациями КПр и других демократических групп, откладывая со дня на день принятие решения.

25 января 1938 г. состоялось совещание с участием представителей коммунистической, радикал-царанистской, социал-демократической и социалистической партий, а также МАДОС и Фронта земледельцев, на котором было решено предпринять новые демарши перед национал-царанистской партией с целью создания широкого фронта борьбы против фашизма. Однако добиться успеха в этом деле не удалось. Единственно важным результатом было заключение избирательного картеля между национал-царанистской и социал-демократической партиями, а также то, что руководство национал-царанистской партии взяло на себя формальное обязательство не возобновлять пакта о ненападении с железногвардейцами.

Буржуазно-помещичьи партии боялись создания Народного антифашистского фронта и его победы на выборах. Сами же они были не в силах противостоять «Железной гвардии», национал-христианской партии и другим фашистским организациям. В своих мемуарах А. Калинеску записал 31 января 1938 г., что все буржуазно-помещичьи партии потеряли «динамизм» и не могли быть «факторами управления ситуацией, ни тем более подъема страны». Единственным выходом из тупика, в котором находился буржуазно-помещичий режим, по его мнению, являлось установление королевской диктатуры, не дожидаясь парламентских выборов в марте 1938 года. Новый режим должен был сохранить парламент, резко ограничив его права и лишив возможности контролировать правительство, «отправить на каникулы политические партии», выработать втайне новую конституцию и т. п.

Руководство «исторических партий» также считало необходимым отказаться от проведения парламентских

выборов. Д. Братиану и его окружение предлагали временно ликвидировать конституционные права и, усилив исполнительную власть, перейти к авторитарному режиму, чтобы «успокоить умы» и «восстановить порядок». На путь установления диктатуры толкал румынскую господствующую верхушку все усиливавшийся социальный и политический кризис, растущее недовольство и борьба народных масс⁸.

В целях подготовки к государственному перевороту и установлению королевской диктатуры А. Калинеску предложил Каролю II под видом обеспечения безопасности и порядка в стране во время избирательной кампании провести концентрацию полицейских сил и жандармерии, снабдив их авто- и мототранспортом и вооружив пулеметами и боевыми газами. Он советовал также распустить отряды национал-христианских «ланчиеров». Особые меры предлагалось принять против «Железной гвардии», бандитско-террористические выходы которой вызывали крайнюю обеспокоенность как королевской «камарильи», так и других буржуазно-помещичьих группировок. В начале февраля 1938 года Ю. Маниу направил Каролю II меморандум, в котором просил обратить внимание на опасную деятельность «Железной гвардии». Тогда же короля посетил лидер национал-либеральной партии Д. Братиану. После этих демаршей у Кароля II, по свидетельству А. Калинеску, созрело решение устранить правительство Гоги—Кузы, приняв одновременно меры против легионерского движения. По договоренности с королем министр внутренних дел А. Калинеску отдал распоряжение о расстреле нескольких железногвардейцев, вызвавших опасные беспорядки.

Испуганные разнузданной демагогией и бандитскими методами «Железной гвардии», ее безоговорочной ориентацией на гитлеровскую Германию, буржуазно-помещичьи круги были против передачи власти в ее руки. В газете «Вииторул» 8 февраля 1938 г. Д. Братиану писал: «Методами, применяемыми легионерским движением, сеются семена революции... Что может произойти в случае прихода к власти «Железной гвардии», которая не имеет опытных людей для управления государством, не может обуздать аппетиты, вызванные ее неосуществимыми обещаниями!»

Однако буржуазно-помещичьи группировки не могли

договориться между собой относительно того, кому из них поручить установление диктатуры, призванной сохранить и укрепить их господство, подавить недовольство и революционную борьбу масс. Спорам по этому вопросу был положен конец 9 февраля 1938 г., когда монополистические магнаты, собравшиеся на совещание в «Ассоциации финансов и крупной промышленности», уполномочили Малаксу заявить королю, что они согласны на установление королевской диктатуры. Это решение фактически признало господствующее положение монополистической группы Малаксы, Аушнита, Джигурту, Аржетояну и других во главе с Каролом II, ее право установить свою диктатуру. Лидеры «исторических партий» полностью согласились с ним, не оказав никакого сопротивления установлению королевской диктатуры.

Важную роль в разрешении политического кризиса в Румынии путем установления королевской диктатуры сыграли западные монополистические круги и англо-французская дипломатия. В связи с действиями правительства Гоги—Кузы, расцененными как первый шаг к переходу Румынии в лагерь «оси», министр иностранных дел Великобритании Иден сообщил министру иностранных дел Румынии Мическу, что государственный визит Кароля II в Великобританию не может иметь место, если так будут идти дела в Румынии. Лондон и Париж выразили неодобрение политике правительства Гоги—Кузы, еще раз напомнив об обязательствах Румынии по мирным договорам в национальном вопросе. 3 февраля 1938 г. английский посланник Р. Хор передал К. Аржетояну, что Англия и Франция решили добиваться устранения правительства Гоги—Кузы, подчеркнув при этом, что необходимо избежать впечатления вмешательства извне.

В этих условиях 9 февраля 1938 г. король созвал во дворце совещание с участием Г. Татареску, А. Қалинеску и Э. Урдаряну, на котором была завершена подготовка к установлению королевской диктатуры, составлены документы об отставке национал-христианского правительства и прекращении парламентского режима в стране. 10 февраля 1938 г. правительство Гоги—Кузы королевским декретом было устранено от управления страной под тем предлогом, что во время его администрации «анархия стала наводнять страну». Было сформировано «личное правительство» Кароля II во главе с послушным

ему патриархом Мироном Кристей, положившее начало периоду открытой королевской диктатуры.

Национал-христианские лидеры расценили устранение их партии от управления страной как отказ от курса на фашизм.

В таком же духе трактуют это событие и некоторые буржуазные исследователи, считающие, что 10 февраля 1938 г. был нанесен «удар по фашизму» в Румынии. Истерман, например, пишет, что Кароль II в свое время призвал к власти национал-христиан, чтобы «дискредитировать фашизм» в глазах румынского населения, «вызвать отвращение к нему», и, когда эти цели были достигнуты, монархия, мол, прекратила «фашистский фарс». Таким образом, установление королевской диктатуры представляется как бы актом спасения демократии от «фашистского кошмара». Тот же автор утверждает, что Кароль II действовал решительно, чтобы «раздавить фашизм»⁹. В действительности же государственный переворот 10 февраля 1938 г. привел к господству фашизма в Румынии.

Королевская диктатура являлась, как подчеркивал в свое время ЦК Коммунистической партии Румынии, диктатурой «наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее агрессивных слоев монополистического капитала и крупных помещиков во главе с королевской „камарильей“». По своей сущности она была фашистской диктатурой, но выступала в своеобразной форме, обусловленной конкретной исторической обстановкой в Румынии. Это был монархо-фашистский режим, иллюстрировавший собой вывод VII конгресса Коминтерна о том, что на пути к фашизму реакционнейшие круги финансовой буржуазии используют различные формы открытой фашистской диктатуры. «Отныне Румыния имеет фашистский режим, объединяющий все силы в руках главы государства», — так, судя по сообщению румынской прессы, расценили изменения в румынском государственном устройстве итальянские правящие круги.

Правительство во главе с М. Кристей было послушным орудием королевской диктатуры. Ставленники крупной буржуазии и помещиков, связанные с королевской «камарильей», заняли места в этом правительстве. Заместителем председателя совета министров был назначен Г. Татареску, который вместе с группой «молодых

либералов» окончательно порвал с национал-либеральной партией Д. Братиану. Председатель «клуба миллиардеров» — ассоциации финансов и крупной промышленности Румынии — К. Аржетояну стал министром промышленности и торговли. Генерал И. Антонеску возглавил два министерства, связанные с военными делами. Министром внутренних дел остался А. Калинеску. Министерские посты заняли Н. Йорга, И. Авереску, Г. Маринеску, А. Вайда и другие реакционнейшие политики.

Как указывалось в политическом отчете ЦК Коммунистической партии Румынии, «королевская диктатура означала уничтожение последних демократических, профсоюзных и политических свобод, что обеспечило установление фашистского режима в нашей стране, ослабило наше национальное сопротивление все более серьезным угрозам со стороны германского фашистского империализма и создало условия для оккупации нашей страны фашистскими захватчиками»¹⁰.

Идя по пути ликвидации буржуазного парламентаризма и демократических свобод, Кароль II с помощью подчиненного ему правительства принял меры к полной фашизации страны. Первым актом королевской диктатуры было издание декрета о распространении на всю страну осадного положения, существовавшего до этого в крупных городах. Командиры гарнизонов заменили собой уездных префектов. В руки военных властей перешло фактически все управление страной, а их юрисдикция заменила гражданское судопроизводство. Предоставлением чрезвычайных полномочий военным властям Кароль II стремился обеспечить «умиротворение» страны — подавить недовольство и выступления народных масс.

Специальным распоряжением короля было запрещено участие в политической деятельности государственных служащих, церковнослужителей, преподавателей учебных заведений и вообще всех, кто получает в какой-либо форме заработную плату от государства, уезда или общины. Демократическая пресса закрывалась как «ненужная» и «вредная» для интересов румынского государства. Выпуск какой бы то ни было литературы на русском, украинском и других языках национальных меньшинств не разрешался.

Правительство королевской диктатуры с первых дней

своего существования жесточайшими мерами обрушилось на коммунистическое движение. В феврале — марте по всей стране были произведены многочисленные политические аресты, во время которых были захвачены активные деятели компартии — К. Давид, М. Роллер и др. Правосоциалистические предатели румынского рабочего движения выражали удовлетворение тем, что королевская диктатура, по их мнению, направлена исключительно против коммунистов и всех тех, кто «выступает против порядка и государственной безопасности»¹¹. В действительности же эти мероприятия являлись шагом к упразднению политических партий вообще.

Кароль II отменил румынскую конституцию 1923 года. Вместо нее была выработана новая конституция, официально устанавливавшая тоталитарный режим, олицетворявший всеилием королевской власти. 21 февраля 1938 г. был опубликован проект этой конституции, а уже 24 февраля был проведен «плебисцит», призванный придать вид законности государственному перевороту Кароля II. Проходивший в обстановке осадного положения и террора военных властей «плебисцит» вылился в гнусный фарс, в издевательство над волей народа. Каждый голосовавший должен публично заявить, согласен или нет с бесповоротным решением румынского короля. Ответы регистрировались с указанием фамилии, домашнего адреса и места работы голосовавшего. В этих условиях население не могло не «одобрить» новой конституции: «за» проголосовали 4 283 395 человек, «против» — только 5413 человек.

Конституция, введенная в действие в феврале 1938 года, была конституцией фашистского типа, законодательно оформившей режим королевской диктатуры. В руках Кароля II сосредоточивалась вся полнота законодательной и исполнительной власти; ему принадлежала законодательная инициатива, которой лишились палата депутатов и сенат. Члены парламента допускались к осуществлению своих мандатов только после принесения присяги, которая как бы подчеркивала, что они служат не народу, а монарху. Статья 46 новой конституции прямо говорила, что «король назначает и смещает своих министров», которые ответственны лишь перед ним, а не перед парламентом, фактически превращавшимся в совещательный орган¹².

Выборы в палату представителей производились от трех корпоративных гильдий — сельского хозяйства и ручного труда, торговли и промышленности и свободных профессий. Сенат состоял наполовину из лиц, назначавшихся королем сроком на 9 лет. Провозглашением принципа корпоративности подчеркивался фашистский характер нового режима. Статья 7 гласила: «Запрещается устная и письменная агитация за изменение государственного правления, за раздел или распределение частной собственности, за освобождение от налогов или за классовую борьбу». Шовинизм возводился в принцип государственной политики. Только лица румынской национальности допускались на правительственные посты, только румыны имели право владеть недвижимым сельским имуществом, то есть землей и т. п. Королевская диктатура резко сужала круг избирателей, установив высокий возрастной ценз в 30 лет; безработные лишались избирательных прав.

В июне 1939 года королевская диктатура инсценировала выборы в парламент. Членами палаты депутатов стали 55 адвокатов, 39 торговцев, 37 помещиков, 30 профессоров и преподавателей, 22 промышленника, 8 директоров банков, 5 высших офицеров, 2 владельца ресторана и др. В число избранных 258 депутатов входили, по официальным данным, 29 крестьян и 12 рабочих. Сенаторами были избраны от сельского хозяйства и ручного труда 44 человека, от промышленности и торговли 22 человека, от свободных профессий также 22 человека. 5 июня 1939 г. указом короля был назначен еще 71 сенатор.

Но даже формальное наличие парламента не могло скрыть фактической ликвидации института буржуазного парламентаризма в Румынии после установления королевской диктатуры.

В развитие фашистской конституции был издан декрет о роспуске всех политических партий и организаций. Новым законом «О защите порядка в государстве» еще раз под страхом смертной казни запрещалась пропаганда изменения формы государственного правления, призывы к классовой борьбе и т. п. Проведение каких бы то ни было собраний могло иметь место только с разрешения полицейских властей. Министерству внутренних дел предоставлялось право насильственной высылки лиц,

считавшихся «опасными для порядка и спокойствия» в государстве. Этими мерами королевская диктатура стремилась подавить не только революционное движение трудящихся масс, но и оппозицию тех кругов румынской буржуазии, которые не были связаны с ведущими монополистическими объединениями, господствовавшими в управлении страной. Лидеры «исторических партий» Маниу и Братиану в этой связи направили Каролю II меморандум, в котором, ставя себе в заслугу, что их «политические партии не оказывали активного сопротивления» действиям короля, спрашивали, почему же их распустили¹³. Но это отнюдь не было протестом против диктаторского режима, к установлению которого они сами подталкивали короля. Пытаясь расположить к себе руководителей национал-либералов и национал-царанистов, Кароль II сделал Д. Братиану, Ю. Маниу, И. Михалаке и др. «почетными сенаторами».

Королевская диктатура запретила деятельность рабочих профсоюзов, распустив Всеобщую конфедерацию труда. Следуя примеру фашистских режимов Италии и Португалии, вместо профсоюзов она стала создавать цеховые корпорации, которые должны были обеспечить «гармонию труда и капитала», стать «фактором сотрудничества» рабочих и предпринимателей. В опубликованном 13 ноября 1938 г. в «Мониторул официал» списке устанавливались три категории цеховых корпораций: рабочая категория, состоявшая из 16 корпораций (шахтеров, металлистов и рабочих электропромышленности, кельнеров и пекарей и т. п.); категория частных служащих, состоявшая из 4 корпораций; категория ремесленников, состоявшая из 4 корпораций. Деятельность цеховых корпораций осуществлялась под непосредственным контролем министерства труда, которое, само собой разумеется, выступало защитником интересов предпринимателей. Всякая попытка рабочих отстоять свои экономические и политические права жестоко подавлялась фашистским режимом Кароля II.

Откровенно фашистской была политика королевской диктатуры в национальном вопросе. По статистическим данным, население Румынии к началу 1940 года достигло более 20 млн. На долю румын приходилось 14,6 млн. (сюда включались и молдаване Бессарабии), венгров — 1,5 млн., немцев — 780 тыс., евреев — 730 тыс., украин-

цев — 630 тыс., русских — 450 тыс., болгар — 400 тыс. и т. д. В целях отвлечения трудящихся масс от революционной борьбы королевская диктатура выдвинула лозунг «Румыния для румын» и повела политику жесточайшего притеснения национальных меньшинств. Румынская фашистская печать твердила о засилье иностранцев и национальных меньшинств; по ее утверждению, румыны составляли лишь 40% общего числа рабочих и 10% количества инженерно-технических работников в промышленности.

Под шум разнузданной националистической пропаганды проводился пересмотр гражданства, начатый еще правительством Гоги—Кузы. Правительство королевской диктатуры повело переговоры с другими государствами о выселении евреев из Румынии. «Жестокие антиеврейские законы были выработаны в 1938 году, — пишет один из исследователей истории балканских стран, — и только отчаянная нужда в дружбе с западными державами в то время заставила румынское правительство оставить осуществление идеи. Но когда в июне 1940 года Франция пала, Кароль II изгнал евреев из армии, гражданской администрации и правления акционерных обществ»¹⁴. В августе 1940 года было принято «положение о евреях», каравшее браки между евреями и румынами тюремным заключением сроком до 5 лет.

Как уже отмечалось, особенностью фашизма в Румынии было то, что он шел сверху, а не снизу. Фашистская диктатура, установленная Каролем II, не имела массовой базы, была лишена не только поддержки народных масс, но и поддержки широких слоев буржуазии. Теоретический и политический орган ЦК КПр журнал «Лупта де класа» в августе 1938 года писал о ней как о диктатуре узкого круга наиболее реакционных представителей монополистического капитала и крупного помещичьего землевладения Румынии. Поэтому проблема подведения массовой фашистской базы под королевскую диктатуру приобрела особую важность.

Кароль II все еще не терял надежды на возможность подчинения себе легионерского движения. Хотя все политические партии и организации были запрещены, железногвардейцы продолжали свою деятельность под видом проведения «культурных» и «национальных» кампаний, не встречая противодействия со стороны королев-

ской диктатуры. Их вожаки открыто не выступали против фашистских мероприятий нового режима, которые соответствовали существу «Железной гвардии» (крайний национализм, антикоммунизм и т. п.). Правда, некоторые действия королевского правительства вызвали недовольство легионерских руководителей. В частности, они были недовольны новым избирательным законом, который лишал избирательных прав молодежь в возрасте до 30 лет, наиболее подверженную влиянию фашистской демагогии «Железной гвардии». Недовольство легионеров было вызвано также решением правительства распустить их кооперативы. В этой связи Кодряну направил министру Н. Иорге письмо с протестом, явившееся наглядным свидетельством нежелания легионерского фашистского движения подчинять себя режиму королевской диктатуры.

Чтобы сделать железногвардейских вожаков послушными Каролю II, правительство прибегло к организации процесса над Кодряну. В качестве повода был использован конфликт, вызванный решением закрыть легионерские кооперативы. Дело в том, что Н. Иорга возвратил письмо Кодряну, написав, что не может принять его «от человека, который, вспомнив сколько было пролито крови им и его окружением, должен был бы опуститься на колени в раскаянии». Тогда Кодряну осыпал Н. Иоргу резкими упреками, напомнив, что он не всегда был столь враждебен легионерскому движению, как хочет теперь это показать. После этого Н. Иорга по настоянию А. Калинеску написал жалобу в военный трибунал на действия Кодряну, обвинив его в нанесении оскорбления министру при исполнении служебных обязанностей. На основе этой жалобы суд приговорил Кодряну к шести месяцам тюрьмы.

Вскоре обнаружилось, что железногвардейцы вели усиленную подготовку к путчу с целью установления своей фашистской диктатуры. Они создали военизированные подразделения, названные именами двух погибших в Испании железногвардейцев, «Моца и Марин», «Легионерский корпус бывших военных» и другие террористические формирования. Были составлены списки лиц, которые подлежали истреблению после прихода к власти «Железной гвардии». Раскрытие железногвардейского заговора привело к тому, что вместе с другими легионер-

скими главарями Кодряну вновь предстал перед королевским судом.

На публичном процессе, начавшемся 23 мая 1938 г. в военном трибунале второго армейского корпуса, Кодряну и его сообщникам были предъявлены обвинения «в заговоре против общественного порядка путем связи с заграницей и совершения революции», создании вооруженных групп, разглашении секретных документов сигуранцы и т. п. В своей речи прокурор заявил, что К. Кодряну является якобы чужестранцем, не имеющим ни капли румынской крови (его отец — поляк Зелинский, только в 1901 году изменивший фамилию на Кодряну, мать — немка Браунер). «И этот человек, — патетически восклицал королевский прокурор, — хотел стать национальным спасителем... Кодряну является человеком, который отравил румынскую молодежь террористическими доктринами и заразил страну чувствами и идеями, чуждыми румынскому духу и темпераменту!» Обвинитель сообщил, что найдены письма Кодряну к Гитлеру. В одном из них, посланном в начале 1935 года, говорится о намерении железногвардейцев произвести революцию по примеру германских национал-социалистов и содержится просьба к Германии оказать поддержку в этом деле. В другом письме, направленном в германскую миссию, Кодряну просил помощи и инструкций Берлина, предлагая гитлеровской Германии политический и экономический союз¹⁵.

27 мая 1938 г. был вынесен приговор Кодряну и другим железногвардейским вожакам. Их осудили на десять лет каторжных работ. Через несколько месяцев после этого королевская диктатура ликвидировала неподчинившихся ей руководителей «Железной гвардии»: в ночь с 29 на 30 ноября 1938 г. Кодряну вместе с 13 осужденными железногвардейцами были расстреляны и захоронены во дворе жилавской тюрьмы. В официальном сообщении по этому поводу говорилось, что они были убиты «при попытке к бегству».

Организация процесса над руководителями «Железной гвардии» и их ликвидация не могут рассматриваться в качестве доказательства борьбы Кароля II против фашистского движения. Королевская диктатура не вела такой борьбы, ибо сама в сущности была фашистской, и по этой причине демократические силы во главе с КПР

решительно выступали против нее. Кароль II не имел намерения уничтожить легионерское движение, выросшее при его благосклонном внимании и поддержке в качестве орудия борьбы против революционных сил в стране. Он хотел одного — подчинить это движение себе любыми средствами.

«Утверждать о «расправе» правительства с железногвардейским движением, — говорилось в корреспонденции из Румынии летом 1938 года, — равносильно отрицанию фашистской сущности нынешнего правительства». В действительности правительство не заинтересовано в подавлении фашистского движения в стране в лице «Железной гвардии». Под ширмой борьбы с железногвардейцами правительство громит антифашистов, арестовывает руководителей рабочего класса. Об этом выбалтывает фашистская печать, говоря, что «Железная гвардия» ни в чем не повинна, что она действовала под руководством коммунистов. Если рядовой железногвардеец подвергается за незаконное хранение оружия смехотворному наказанию — 1—3 месяцам тюрьмы, то представителей рабочего класса за обнаружение у них газеты «Известия», продаваемой в Румынии легально, осуждают на 10 лет тюрьмы¹⁶.

Устраняя в лице Кодряну и его сообщников опасных конкурентов своей диктатуре, Кароль II стремился наладить сотрудничество с новыми руководителями «Железной гвардии». Еще до окончания процесса над Кодряну он послал к его преемнику Хориа Сима, укrywшемуся в гитлеровской Германии, своего эмиссара, для того чтобы договориться об условиях этого сотрудничества. Но попытка сговора с железногвардейской верхушкой окончилась тогда неудачей. Действуя под диктовку гитлеровцев, новый легионерский вожак потребовал немедленного и безоговорочного сближения с Германией, полного отказа от связей с Францией и Англией, на что румынские правящие круги в тот период согласиться не могли.

Потерпев неудачу в попытке превратить легионерское движение в массовую социальную базу своей диктатуры, Кароль II объявил 16 декабря 1938 г. об организации единой фашистской партии под названием «Фронт национального возрождения» (ФНВ). Она создавалась вместо других партий и организаций, объявленных неле-

гальными, и получала монополию на политическую деятельность. Только Фронт национального возрождения имел право выдвигать кандидатов на парламентских, административных и других выборах. По примеру фашистских партий Германии и Италии румынский Фронт национального возрождения имел свою униформу: голубой английского покроя френч, белая рубашка с галстуком, особый пояс, трехцветная нарукавная повязка и кепка.

Королевская «камарилья» пыталась представить эту фашистскую партию, так же как и диктатуру Кароля II, якобы стоящей над классами и руководствующейся интересами «нации в целом». Председатель Фронта национального возрождения писал в брошюре «Новый режим», что эта организация выражает не интересы какого-либо социального класса или группы лиц, а «коллективные интересы государства и собственно нации»¹⁷. В действительности же Фронт национального возрождения призван был укрепить королевскую диктатуру, олицетворяющую господство верхушки монополистической буржуазии и помещиков в Румынии.

Запись в ФНВ осуществлялась почти поголовно, целыми организациями и объединениями псаломщиков, фармацевтов, кельнеров, таксистов, предпринимателей и т. д. Здесь можно было видеть рядом социал-демократа, железногвардейца, национал-цараниста, национал-христианина, национал-либерала и др. После переговоров А. Калинеску с руководителями немецкого и венгерского национальных меньшинств они также вошли в «обшчу королевскую семью».

Лидеры «старых либералов» во главе с Д. Братиану и национал-царанистские руководители (Маниу, Михалаке, Лупу) не примкнули к Фронту национального возрождения, в рамках которого они потеряли бы свой политический вес.

Играя в «оппозицию» к монархо-фашистскому режиму, руководящие деятели этих партий в то же время оказывали ему поддержку: они призывали демократические силы воздерживаться от решительной борьбы против королевской диктатуры, поскольку она падет, мол, сама собой. На почве такой «оппозиции» летом 1939 года возник их конфликт с Н. Йоргой, который, будучи избран председателем сената, неумеренно проявлял свои верно-

подданнические чувства к королю-диктатору. Н. Йорга поставил условием допуска в сенат принесение присяги королю и ношение формы Фронта национального возрождения. Когда же Маниу и другие деятели, являвшиеся сенаторами по праву как бывшие премьеры, отказались выполнить это требование, то Йорга распорядился не пускать их в сенат. Но тут с ним вышел конфуз: сенат тайным голосованием отверг выработанный им регламент. Оскорбленный этим, Йорга, хлопнув дверью, покинул заседание. Однако девять сенаторов, не принесшие присягу, были исключены из парламента.

В королевском декрете от 16 декабря 1938 г. об «организации единой политической партии Фронт национального возрождения» предусматривалось создание при нем военизированных формирований «национальной гвардии». 24 апреля 1939 г. было утверждено положение о «национальной гвардии», предписывавшее ей информировать органы Фронта национального возрождения о настроениях в стране, сотрудничать с военными органами в целях поддержания общественного порядка и др.

Интересам создания социальной опоры королевской диктатуры в массах была подчинена деятельность молодежной организации «Стража цэрий», созданная еще в начале 30-х годов. Членство в ней было обязательно для всех мальчиков от 7 до 18 лет и для всех девочек от 7 до 21 года. Это была организация фашистского типа, родственная итальянскому фашистскому молодежному движению и германскому «Гитлерюгенд». Верховным командиром «Стража цэрий» являлся король, при нем имелся совещательный орган — «Верховный руководящий совет» в составе премьер-министра, патриарха румынской православной церкви, министра просвещения, министра национальной обороны и других официальных лиц. В марте 1939 года «Стража цэрий» подписала с министерством просвещения соглашение относительно разграничения сфер деятельности в школе: обучение, образование молодежи возлагалось на министерство просвещения, а воспитание молодежи, формирование детской души — на организацию «Стража цэрий»¹⁸.

Но ни Фронт национального возрождения, ни «Стража цэрий» не смогли подвести сколько-нибудь прочную массовую базу под королевскую диктатуру. Организация Фронта национального возрождения оказалась неудачной

попыткой объединения всех политических группировок буржуазии и помещиков под королевской эгидой. Несмотря на запрещение, правые партии продолжали жить своей жизнью, ибо королевская диктатура терпела их и заигрывала с ними. Фронт национального возрождения не имел ни авторитета, ни влияния среди населения: он был механическим собранием враждовавших между собой политических сил.

«Железная гвардия», которую после смерти Кодряну возглавил Х. Сима, продолжала свою террористическую деятельность. Совместно с германским гестапо легионеры, находившиеся в Берлине, разрабатывали планы уничтожения своих политических противников, в первую очередь А. Калинеску, которого считали ответственным за расстрел железнодорожников в тюрьме Жилавы. Весной 1939 года сорвалась попытка покушения на Калинеску: легионеры-террористы не решились действовать без уверенности в собственную безопасность. После того как гитлеровская Германия нападением на Польшу завязала вторую мировую войну, было осуществлено покушение на жизнь Калинеску, к тому времени являвшегося премьер-министром, военным министром и министром внутренних дел. 21 сентября 1939 г. он был убит в Котрочени. После этого, ворвавшись на радиостанцию, легионеры-убийцы передали в эфир: «Смертный приговор А. Калинеску приведен в исполнение, погибшие легионеры отмщены».

Однако «Железной гвардии» не удалось осуществить свои планы захвата власти в Румынии. Королевская диктатура приняла жесточайшие меры против очередного террористического выступления «Железной гвардии», становившейся все более опасным конкурентом в борьбе за власть в стране. В течение нескольких часов после известия об убийстве Калинеску по всей Румынии были произведены массовые аресты железнодорожников. Был схвачен также главарь легионерских террористов, который для организации убийства Калинеску прибыл из Германии в Румынию, смешавшись с толпой польских беженцев. В стране было объявлено чрезвычайное положение, введенные в Бухарест войска взяли под охрану правительственные учреждения.

22 сентября 1939 г. по распоряжению правительства в каждом из 55 уездов Румынии были организованы

публичные расстрелы трех железногвардейских заложников. Таким путем были расстреляны 147 человек (в некоторых уездах вместо трех железногвардейцев были расстреляны один-два). Кроме этого, тогда же было убито еще 95 легионеров. Показательные казни совершались на местах, где в свое время жертвами железногвардейского террора пали И. Дука, А. Калинеску и др. — на вокзале в Синае, на мосту в Бухаресте и т. д. По данным официальной румынской Белой книги, королевская диктатура уничтожила за период своего господства в 1938—1940 годах 292 активиста «Железной гвардии».

В январе 1940 года был издан королевский декрет о реорганизации Фронта национального возрождения, девизом которого стали слова: «король, нация, труд и вера». Реорганизация свелась к усилению власти назначаемых королем высших руководящих лиц в этой партии и в государственном управлении. Генеральными секретарями партии были назначены Корнецану (от сельского хозяйства и ручного труда), Волкович (от торговли и промышленности) и профессор Сильвиу Драгомир (от лиц свободных профессий). В директорате такими же корпоративными представителями были Ионеску-Сисешть, Жебеляну и др. (от сельского хозяйства и ручного труда), Гафенку, Бужою, М. Константинеску и др. (от торговли и промышленности), Канчиков, М. Раля и др. (от лиц свободных профессий). Командиром «национальной гвардии» стал Григореску, а начальником организации «Стража цэрий» Сидорович.

Усиление власти назначаемых королем руководящих лиц Фронта национального возрождения являлось предварительным условием включения в него железногвардейцев. К этому королевская диктатура стала особенно стремиться после разгрома Польши, желая продемонстрировать свое услужничество перед гитлеровской Германией. Подлаживание под гитлеровское фашистское движение проявлялось во многом, в том числе в заимствовании организационных форм и т. п. Статья 3 королевского декрета о реорганизации Фронта национального возрождения устанавливала, что приветствие членов этой организации «производится поднятием правой руки с простертой ладонью над головой и произнесением слова «Санатате!» (равнозначно немецкому «Хайль!»— *Авт.*)». Вливая железногвардейцев в единую фашистскую политиче-

скую организацию, Кароль II намеревался, исключив возможность их самостоятельного политического выступления, сохранить в своих руках всю полноту власти.

Кароль II, предпринимая шаги ко все большему сближению с фашистской Германией, создавал почву для примирения с легионерами, требовавшими заключения союза с державами «оси». Переговоры с «Железной гвардией» велись представителями королевской диктатуры Э. Урдаряну, М. Манойлеску. В период после убийства А. Калинеску и последовавших ответных репрессий правительства «Железная гвардия», понеся значительные потери, стала также проявлять склонность к примирению с Каролем II. Ее влияние в это время сильно упало. Железнодорожники оказались беспомощными, когда королевское правительство и полиция обрушились на них с репрессиями. Флёр «героизма» и «всемогущества» слетел с «Железной гвардии», показав, что она могла безнаказанно действовать лишь тогда, когда власти опекали и оберегали ее.

К весне 1940 года была достигнута договоренность о восстановлении сотрудничества между королевской диктатурой и «Железной гвардией». Возвратившийся из Германии легионерский главарь Хориа Сима встретился с начальником румынской сигуранцы Морозовым, который передал ему несколько миллионов лей на финансирование деятельности «Железной гвардии» в уездах страны¹⁹. В середине марта было объявлено, что легионерское движение и его руководство заявили о верности трону и присоединении к Фронту национального возрождения. Королевское правительство решило амнистировать всех железнодорожников. Уже 17 марта из тюрем было выпущено более 100 видных членов этой фашистской организации. Поток легионеров двинулся в Румынию из Германии, где они укрывались от ответственности за совершенные преступления. Реабилитация железнодорожников и связанных с ними лиц развернулась вовсю. На прежних должностях восстанавливались служащие, уволенные ранее за членство в «Железной гвардии» или связь с ней.

Примирение с «Железной гвардией», походившее на капитуляцию Кароля II, было продиктовано внутренней слабостью режима королевской диктатуры, не сумевшего создать себе массовой опоры и державшегося только на

штыках. Королевская фашистская диктатура все больше чувствовала свое бессилие и неспособность подавить освободительное движение, угрожавшее господству реакции в стране. Она решила пойти на уступки «Железной гвардии», чтобы превратить ее в своего открытого союзника в борьбе против демократических и революционных сил. С другой стороны, примирение с легионерским движением вызывалось растущей изоляцией королевской диктатуры на международной арене, стремлением преодолеть эту изоляцию установлением тесного политического сотрудничества с гитлеровской Германией, агентурой которой выступала в Румынии «Железная гвардия». Эти мотивы читаются между строк королевского декрета об амнистии, в котором говорилось: «Положение требует полного внутреннего единства и абсолютной гармонии всех сынов страны. Убежденное в этой необходимости, правительство предприняло инициативу к внутреннему умиротворению в стране»²⁰. Теми же соображениями руководствовался Кароль II, включая в состав своего правительства Х. Симу и еще четырех железногвардейцев в качестве заместителей министров, и т. п.

Дальнейшее обострение внутривнутриполитической и внешнеполитической обстановки потребовало новых мер для укрепления королевской диктатуры. Фронт национального возрождения в июне 1940 года был преобразован в «Партию нации», руководителем которой Кароль II объявил себя. В эту партию вошли железногвардейцы и члены других буржуазных партий. В нее вступили национал-либералы во главе с Д. Братиану, надеявшиеся защитить таким образом свои финансово-экономические интересы и желавшие вместе с королевской диктатурой бороться против освободительного движения народа. Что касается Маниу, то он предоставил своим сторонникам полную свободу вступления в «Партию нации», но сам по тактическим соображениям отказался присоединиться к ней. Членам преобразованной единой фашистской партии Румынии предоставлялись исключительные права занятия всех руководящих административных постов в государстве. Чиновники, не являвшиеся членами этой партии, увольнялись со службы.

Железногвардейцы вступили в «Партию нации», следуя призыву своего «капитана» Х. Симы «верой и правдой служить стране и королю как преданные солдаты».

Но, как вскоре показали события, они преследовали другие цели. Войдя в «Партию нации», легионеры сохранили и укрепили свою организационную и политическую самостоятельность. «Железная гвардия» оказалась фактически единственной легально действующей партией. В начале июля 1940 года, действуя, очевидно, по указаниям Берлина, Х. Сима вышел из состава королевского правительства. Сформированное 4 июля 1940 г. так называемое национальное правительство во главе с Джигурту сохранило в своем составе трех легионерских деятелей — Видяну, Новяну и Ништяну, но их немедленно исключили из «Железной гвардии». Тогда Кароль II попытался ввести в правительство лидера немецкого национального меньшинства в Румынии Ганса Рогу, предложив ему пост министра по делам национальностей. Но последний, посоветовавшись с Берлином, не принял этого предложения.

Итак, королевская диктатура на всем протяжении своего существования с февраля 1938 до сентября 1940 года не сумела выйти из внутривластной изоляции, потерпев неудачу в попытках создать себе массовую социальную базу. В то же время усилились ее противоречия с кругами буржуазии, не входившими в группировку, возглавляемую Каролем II. Эти круги были недовольны тем, что правительство королевской диктатуры руководствовалось экономическими интересами верхушки монополистической буржуазии и помещиков, которой она предоставляла всевозможные льготы и привилегии. Часть румынской реакции критиковала королевскую диктатуру за якобы недостаточную твердость и последовательность в проведении фашистского курса во внутренней и внешней политике. Господствующие классы в целом проявляли озабоченность тем, что фашистскому режиму королевской диктатуры не удалось покончить с революционным движением в стране.

Отражением нараставшего кризиса королевской диктатуры были столкновения в правящих румынских кругах. Летом 1938 года генерал И. Антонеску вышел из состава правительства, сменив пост военного министра на пост командующего военным округом. Его конфликт с Каролем II был вызван несогласием с некоторыми аспектами политики королевской диктатуры. И. Антонеску не удовлетворяло внешнеполитическое балансирование Кароля II. «Правление страны не имеет компаса», —

писал И. Антонеску в своем заявлении об отставке, требуя ориентации исключительно на Германию. Летом 1940 года он направил Каролю II резкое письмо, в котором обвинял короля в непоследовательности при проведении фашистской политики «румынизации», в результате чего, как утверждал генерал, «в руководство страной проникли этнические элементы, чуждые румынской нации». И. Антонеску пугал опасностью революционного взрыва в Румынии, сравнивая положение в столице и в других крупных городах с сидением на вулкане, который вот-вот начнет извергаться. Конфликт между Каролом II и И. Антонеску завершился тем, что под предлогом непочтительного тона письма к румынскому монарху генерал был подвергнут аресту в Быстрицком монастыре, откуда в начале сентября 1940 г. он вышел уже фашистским диктатором страны.

В ПЕРИОД МЮНХЕНА

Сразу же после государственного переворота Кароль II поспешил заверить фашистскую Германию, что отставка правительства Гоги—Кузы не повлечет изменений в отношениях с рейхом. Назначение в марте 1938 года посланника в Берлине Комнена румынским министром иностранных дел указывало на намерение королевской диктатуры идти по пути сближения с гитлеровцами.

В циркуляре министерства иностранных дел Германии говорилось, что устранение национал-христианского правительства не следует рассматривать как свидетельство отказа королевской Румынии от сближения с Германией. Изменения в Румынии вызваны внутривнутриполитическими обстоятельствами, а отнюдь не стремлением изменить внешнеполитический курс, благоприятный рейху, указывалось в документе: «Румыния нуждается в политической реформации любой ценой, а Гога недостаточно силен, чтобы быть реформатором». Его отставку не следует квалифицировать как поражение, понесенное там германской политикой. Напротив, королевская диктатура продемонстрировала, что она не хочет мешать осуществлению германских планов в Центральной Европе, включив в новую конституцию статью, фактически запрещающую проход советских войск через румынскую территорию на помощь Чехословакии. «Это особенно важно, — подчеркивалось в циркуляре, — принимая во внимание неоднократно проявленное Советской Россией желание добиться для себя права прохода через Румынию в Чехословакию. Статья 91 (конституции. — *Авт.*), как это представляется, имеет целью блокировать такие попытки»¹.

Так же спокойно отнеслось германское министерство

иностранных дел к мерам, принятым королевской диктатурой в отношении легионерского движения. «Несмотря на то что против идеологически близкой нам „Железной гвардии“ ведется борьба, — говорилось в упомянутом циркуляре, — у нас нет причин беспокоиться за поворот событий. Напротив, надо надеяться, что в своей внешней политике король Кароль будет упорствовать в реализации неоднократно высказанного желания войти в более тесные отношения с Германией».

Одним из первых внешнеполитических актов правительства королевской диктатуры было признание включения Австрии в состав германской фашистской империи. Реакционная румынская пресса выступила с заявлениями, что Австрия была «искусственно созданным государством», а деловые круги Бухареста прямо выражали свое удовлетворение аншлюсом, улучшавшим, по их мнению, перспективы торговли с Германией. Правда, представители буржуазных кругов, поддерживавших тесные связи с западными державами, не разделяли этих восторгов.

Кароль II в беседе с германским посланником Фабрициусом 18 марта 1938 г. заявил, что приветствует захват Австрии Германией, ибо издавна считал аншлюс неизбежным. Тогда же он высказался еще раз за «теснейшие отношения с Германией», оговорившись, что их установление должно проходить постепенно, чтобы не вызвать реакции внутри и за пределами Румынии. Дело в том, что в широких кругах румынского населения были сильны антигерманские настроения, сохранившиеся со времени немецкой оккупации Румынии в годы первой мировой войны. Кароль II боялся также резким поворотом в сторону фашистской Германии ослабить свои внешнеполитические позиции. В складывавшейся международной обстановке он считал наиболее выгодным проводить политику балансирования между враждующими империалистическими группировками.

Идя на дальнейшее сближение с гитлеровской Германией, диктовавшееся экономическими и политическими интересами наиболее реакционных кругов монополистической буржуазии и помещиков Румынии, Кароль II хотел выторговать ряд уступок. Он добивался от гитлеровцев официального отказа от поддержки ими легионерского движения. В середине марта 1938 года в Берлин

была направлена просьба сделать заявление об отсутствии у германского правительства всякого интереса к Кодряну и его фашистской организации. Однако гитлеровская клика отказалась удовлетворить эту просьбу под предлогом, что такое заявление могло быть расценено как признание германского вмешательства в румынские внутренние дела. Истинной причиной было то, что фашистская верхушка Германии хотела сохранить свое влияние на «Железную гвардию», чтобы использовать ее в качестве средства давления на Кароля II.

В инструкции, направленной дипломатическому представительству Германии в Бухаресте в апреле 1938 года, предписывалось проводить осторожную политику в отношении румынского короля. Гитлеровская клика считала, что положение в Румынии «очень смутно, неопределенно», а потому незачем стремиться к усилению политических связей с этой страной. Необходимо развивать лишь экономические отношения, которые «складываются в нашу пользу», подчеркивало германское министерство иностранных дел. Главная задача состояла в том, чтобы «Румыния по причине какого-либо охлаждения в наших отношениях не заключила бы других, нежелательных связей»². Речь шла о предупреждении любой возможности сближения между Румынией и Советским Союзом. «Вот уже несколько лет Германия единственно заботится о том, чтобы Румыния не связала себя с Советами, в особенности взятием обязательства разрешить свободный проход русских войск через Румынию»³, — сообщал в Бухарест из Берлина румынский посланник.

Придавая исключительно большое значение позиции Румынии в связи с возникшим весной 1938 года чехословацким кризисом, гитлеровская Германия стала откровенно ухаживать за ней. 22 апреля 1938 г. Гитлер заявил новому румынскому посланнику Джуваре в связи с вручением им верительных грамот, что Германию якобы не интересуют территориальные споры между балканскими странами. Это был довольно прозрачный намек на то, что гитлеровцы якобы готовы отказаться от поддержки территориальных требований Венгрии и Болгарии к Румынии, если последняя будет проявлять «лояльность» к германскому рейху в европейских делах. Риббентроп, принимая 25 апреля Джувару, высказался относительно общности экономических и политических интересов Гер-

мании и Румынии. При этом он затронул наиболее чувствительную струну — антисоветскую политику румынских правителей, выразив полную солидарность с ней. «Мы вместе с Румынией осуществляем общую оборону против большевизма, — говорил Риббентроп. — Поэтому германо-румынские отношения не могут не быть превосходными». Как отметил гитлеровский министр иностранных дел в своей записи беседы с посланником Румынии, Джуvara поддержал это заявление и сказал, что его миссия заключается в еще большем укреплении румыно-германских отношений.

Осторожность и заигрывание германских политиков с Румынией, продиктованные стремлением создать наиболее благоприятные условия мюнхенскому сговору империалистов, определили отношение гитлеровской клики к суду над «Железной гвардией», организованному королевской диктатурой в мае 1938 года. Фабрициусу было дано указание доказывать и настаивать на том, что Германия не оказывала официальной помощи легионерскому движению в Румынии. Германский посланник строго придерживался этой директивы, несмотря на усиленные попытки железногвардейцев добиться поддержки от него.

20 мая 1938 г. он пишет директору политического департамента германского МИД Вейцзекеру, что процесс над Кодряну и другими руководителями «Железной гвардии» ставит Германию в затруднительное положение, ибо, во-первых, обнаружены документы о связях Кодряну с Гитлером, а во-вторых, «преследуются те самые члены «Железной гвардии», которые идеологически наиболее близки нам». В таких условиях, указывал Фабрициус, германскому посланнику трудно быть посторонним наблюдателем. Поскольку открытое выступление в защиту «Железной гвардии», по его мнению, могло привести лишь к ослаблению германских позиций в Румынии на длительное время и к тому же не принесло бы пользы, Фабрициус предлагал принять другие меры с целью предотвращения полной ликвидации легионерского движения. Он просил министерство иностранных дел Германии привлечь для этой цели принца Фредерика Гогенцоллерна, дядю румынского короля. Принц имеет большое влияние на своего племянника. Нужно, чтобы он предупредил Кароля II от «большой ошибки» — решительной борьбы с «Железной гвардией», которая является «противояди-

ем от коммунизма в Румынии». Если «Железная гвардия» исчезнет или станет озлобленным врагом Кароля II и его правительства, то «возникнет затруднительное положение для европейской цивилизации»⁴. Так, прикрываясь заботой о «европейской цивилизации», об интересах борьбы против коммунизма, гитлеровская Германия стремилась сохранить свою легионерскую агентуру в Румынии.

22 мая 1938 г. румынский министр иностранных дел Комнен обратился к германскому посланнику с официальной просьбой о том, чтобы германские учреждения и организации прекратили свои связи с железногвардейцами, ибо король рассматривает эти контакты как направленные против него. Будучи крайне заинтересовано в том, чтобы Румыния занимала благожелательную Германии позицию в период обострения чехословацкого кризиса, германский МИД поручил Фабрициусу заявить румынским властям, что Берлин «не поддерживает никаких отношений с Кодряну». Более того, германский МИД заготовил 25 мая 1938 г. письмо во внешнеполитическое бюро национал-социалистской партии, министерство пропаганды, «Гитлерюгенд», заграничные организации национал-социалистской партии и т. п., требуя прислать информацию о всех контактах с «Железной гвардией». В нем говорилось об «абсолютной необходимости немедленно разорвать эти отношения». Но это письмо так и не было послано в вышеназванные организации. По-видимому, гитлеровская верхушка сочла излишним даже на время приносить такую жертву. Достаточно было устных заверений для Кароля II, а также того, что германская пресса в период процесса легионерских руководителей по распоряжению сверху ни в малейшей мере не выразила симпатии к «Железной гвардии» и Кодряну. В начале июня Фабрициусу было предложено при удобном случае заявить, что Германия не поддерживает никаких отношений с Кодряну.

Гитлеровская верхушка считала, что в правящих кругах Румынии имеются и другие силы, выступающие за тесное политическое и экономическое сотрудничество с Германией, а потому было бы неправильно ориентироваться исключительно на легионерское движение. В инструкции Фабрициусу указывалось, что в Румынии не одна только «Железная гвардия» противостоит коммунизму и отказы-

вается от установления каких-либо отношений с Советской Россией, что есть и другие круги, настроенные подобным образом, — король, национал-христиане, национал-либералы и пр.

Но официально отмежевываясь от «Железной гвардии» и ее подрывной деятельности против румынского короля, гитлеровцы тайно продолжали оказывать ей всевозможную поддержку. В своих мемуарах Комнен сообщает, что осенью 1938 года он обращал внимание посланника Фабрициуса на имевшие место контакты работников германской миссии с железногвардейцами и факты провоза в германском дипломатическом багаже автоматического оружия для румынских легионеров⁵. О мерах, принимавшихся фашистской Германией в целях активизации деятельности ее «пятой колонны» в Румынии, сообщало 2-е разведывательное управление румынского генерального штаба. По его данным, только в течение одного 1938 года Германия израсходовала на финансирование деятельности «Железной гвардии», национал-христианской партии и других прогерманских организаций более 800 млн. лей⁶.

Надежды гитлеровцев на то, что Кароль II и его правительство займут в чехословацком вопросе позицию, благоприятную Германии, оказались не напрасными. Следуя англо-французскому империалистическому курсу «умиротворения» агрессии, королевское правительство не стало препятствовать гитлеровской агрессии против Чехословакии. Более того, оно заняло позицию, способствовавшую успеху этой агрессии.

На заседании Совета Малой Антанты в Синае 4—5 мая 1938 г. румынская делегация согласилась с югославской трактовкой судетского вопроса как «внутреннего дела» Чехословакии, отказавшись поддержать чехословацких представителей, настойчиво добивавшихся превращения Малой Антанты в фактор, с которым Германия должна считаться в данном случае. Комментируя это, германский посланник в Бухаресте писал о фактическом распаде Малой Антанты, две участницы которой проявили полнейшее равнодушие к конфликту, затрагивавшему третью участницу — Чехословакию. Прогермански настроенные круги в Румынии высказывались за участие в гитлеровском разделе Чехословакии. В дни майского кризиса бухарестская газета «Универсул» выступила

со статьей, в которой наряду с поддержкой германских требований содержалось многозначительное напоминание о наличии румынского национального меньшинства в Чехословацком государстве.

В конце мая 1938 года Кароль II заявил Бенешу, что Румыния не будет вмешиваться в возможный вооруженный конфликт между Чехословакией и Германией. Германские архивные документы говорят о том, что Румыния, которую английские представители информировали о всех стадиях чехословацкого кризиса, употребляла свое влияние в Праге, чтобы убедить чехословацкое правительство уступить германским требованиям.

Политика румынских правящих кругов в чехословацком кризисе не была прямолинейной, для нее были характерны крайняя непоследовательность и противоречивость, являвшиеся отражением двойственности внешнеполитического курса. Румынские правители лавировали, стараясь угодить обеим сторонам, вовлеченным в чехословацкий конфликт. Они пытались продать подороже свой благожелательный «нейтралитет». Все это проявилось в том, какую позицию они заняли в вопросе о разрешении прохода советских войск через румынскую территорию на помощь Чехословакии.

«Советский Союз, — отмечается в «Истории Коммунистической партии Чехословакии», — вел интенсивные переговоры с Румынией о пропуске советских войск, идущих на помощь Чехословакии через румынскую территорию, и о разрешении пролета над ней советских военных самолетов»⁷. Уже в марте 1938 года, когда после захвата Австрии гитлеровская угроза нависла над Чехословакией, советские представители в Бухаресте и Женеве повели переговоры с румынскими представителями по этому вопросу. Ставя в известность Москву о результатах переговоров 25 мая 1938 г., народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов был сдержан в оценке: «...В настоящий момент Румыния ничего предлагать нам не может, но могут наступить обстоятельства, когда она к нам обратится...»⁸. В беседе с чехословацкими парламентариями весной 1938 года румынский министр иностранных дел Комнен сказал, что Румыния не может взять на себя прямого обязательства пропустить советские войска. В то же время он дал понять, что хотел бы оставить вопрос открытым с учетом возможной необходимости таких

его практических решений, которые открывали бы в будущем дорогу для оказания помощи Чехословакии со стороны СССР. Некоторое время спустя чехословацкого посланника в Бухаресте заверили, что «в случае действительной необходимости» будет принято благоприятное решение вопроса.

Если в переговорах с советскими и чехословацкими правительствами Кароль II считал нужным намекать на возможность положительного решения вопроса, то представителям других правительств прямо говорилось, что Румыния никогда и ни при каких условиях не согласится на пропуск советских войск. Поверенный в делах США телеграфировал из Парижа 2 апреля 1938 г., что посланник Румынии заявил ему об отказе своего правительства разрешить проход советских войск. Он критиковал Францию за давление на Румынию в этом вопросе, а о Чехословакии говорил как о «конченной», указывая американский дипломат⁹. В середине мая 1938 года Комнен официально заявил французскому министру иностранных дел Бонне, что Румыния никогда не разрешит прохода советских войск или пролета советских самолетов над своей территорией. Он в категорической форме сказал, что всякая попытка русских войск пройти через румынскую территорию на помощь Чехословакии будет иметь результатом немедленное объявление румынским правительством войны Советскому Союзу¹⁰.

«...Никто не может требовать от Румынии, чтобы она заранее согласилась на пропуск советских войск. Румыния знает, на чьей стороне она будет в случае войны»¹¹, — заявил летом 1938 года румынский министр иностранных дел. Это заявление, полное двусмысленности, свидетельствовало о нежелании Кароля II и его правительства раскрывать карты в той большой политической игре, которую вели империалистические державы. Королевская «камарилья» ждала дальнейшего развития событий в Европе.

Касаясь противоречивости румынской позиции в вопросе разрешения прохода советских войск, английский историк Э. Ротштейн пишет, что в условиях, когда английское и французское правительства стремились не столько сопротивляться Гитлеру, сколько прийти к соглашению с ним за счет расчленения Чехословакии, «маневрирование со стороны такого малого государства, как Ру-

мыния, было вполне естественным». Он указывает также, что английское и французское правительства неоднократно играли на нежелании румынского правительства заранее связывать себя какими-либо обещаниями¹². Было бы, однако, неправильно объяснять позицию румынских правителей в период чехословацкого кризиса исключительно их боязнью, что предоставление права прохода советским войскам вызовет нападение гитлеровцев на Румынию. Главной причиной было то, что ослепленные антисоветской ненавистью румынские правители не хотели сотрудничать с СССР; они опасались, что это сотрудничество окажет революционизирующее воздействие на трудящиеся массы, усилит их борьбу против королевской диктатуры и буржуазно-помещичьего господства вообще. Поведением западных империалистических держав можно объяснить, но отнюдь не снять ответственность с румынского королевского правительства за его позицию, благоприятствовавшую гитлеровской агрессии против Чехословакии, которая в результате этого лишалась возможности получения советской помощи в любой обстановке. Хорошо известно, что СССР был готов оказать помощь Чехословакии своими вооруженными силами даже в том случае, если Франция откажется от выполнения своих обязательств.

Как сообщает в своих мемуарах З. Фирлингер (в то время посланник Чехословакии в СССР), Советское правительство не упустило ни малейшей возможности для достижения соглашения с Румынией о проходе советских войск через ее территорию. 18 июня 1938 г. он имел беседу с наркомом иностранных дел СССР Литвиновым и послом Франции в Советском Союзе Кулондром, на которой обсуждалась позиция Румынии. Французский посол сказал тогда, что Кароль II и его правительство проявляют «крайнюю неуступчивость» в вопросе разрешения прохода советских войск, которая объясняется румынами отказом СССР признать захват советской территории. Если Советское правительство откажется от претензий на эту территорию, заявил Кулондр, то румынское правительство якобы разрешит проход советских войск. Таким образом, за право оказать вооруженными силами помощь Чехословакии, жертве гитлеровской агрессии, румынские правители требовали от СССР, чтобы он отказался от части своей территории!

В течение мая — августа 1938 года все попытки добиться от румынского правительства разрешения на проход советских войск оказались безуспешными, отмечает французский министр иностранных дел Бонне. 9 июля посланник Франции Тьерри докладывал из Бухареста, что позиция Румынии не изменилась: она категорически против пропуска советских войск. В советско-румынских переговорах по этому вопросу также не было отмечено существенных сдвигов.

В августе 1938 года Комнен заявил, что Румыния могла бы согласиться на транзит советских войск через свою территорию, если Франция будет на стороне Чехословакии и Лига наций осудит немецкую агрессию. В конце того же месяца Тьерри, отмечая некоторый сдвиг в румынской позиции, сообщил в Париж, что румынское правительство готово закрыть глаза на перелеты советских самолетов над Румынией, но по-прежнему противится проходу войск по суше. Однако официального разрешения на перелеты советских самолетов румынское правительство, как заявил Комнен, давать не собиралось¹³. Имевший место перед этим перелет над румынской территорией 40 самолетов, закупленных Чехословакией в СССР, как пишет Фирлингер, вызвал протест со стороны румынского правительства.

С целью оказать давление на польские и румынские правящие круги и преодолеть их сопротивление в вопросе пропуска советских войск на помощь Чехословакии Советское правительство предложило 2 сентября 1938 г. обсудить в Совете Лиги наций угрозу, нависшую над Чехословакией, и принять соответствующие меры. Признание Советом Лиги наций того, что Чехословакия является жертвой неспровоцированной агрессии, если это признание было единодушным, обязывало все страны — члены Лиги наций в силу ст. 11 ее Устава прийти на помощь Чехословакии. Если же это признание не было бы единодушным, оно тем не менее давало право каждому члену Лиги наций возможность принять меры в пользу неспровоцированного нападения. В этом случае создавалось не только моральное, но и юридическое право требовать от правительств Польши и Румынии разрешения на проход войск на помощь Чехословакии: признание Чехословакии жертвой агрессии обязывало удовлетворить это требование. Подчеркивая важность принятия такого решения

в Совете Лиги наций, М. Литвинов говорил французскому послу в Москве: «... Даже решение большинства будет иметь огромное моральное значение, в особенности если с большинством стала бы согласна и сама Румыния»¹⁴.

Англия и Франция отказались от советского предложения обсудить чехословацкий вопрос в Лиге наций, пытаясь при этом дискредитировать его. Позиция западных держав избавила Румынию от необходимости заявить о своем несогласии с решением Лиги наций по вопросу об оказании помощи Чехословакии путем предоставления советским войскам права пройти через румынскую территорию. Тем не менее 11 сентября 1938 г. Комнен предупредил французского министра иностранных дел: «Румынское правительство не может разрешить проход русских войск по своей территории, и рекомендация Совета Лиги наций не сможет изменить нашего решения».

Правда, Комнен обратил внимание Бонне на слабость румынской противовоздушной обороны: она не в состоянии помешать перелету советских самолетов, высота полета которых превышает 9 тыс. футов. «Он уполномочил меня, — сообщает Бонне, — передать это заявление Литвинову».

15 сентября Тьерри доложил, что Бухарест якобы отказался от всякого противодействия перелетам. Вслед за этим последовало сообщение французского военного атташе в Румынии генерала Делма о том, что советскому самолету, совершившему вынужденную посадку на румынской территории, было разрешено продолжать полет в Чехословакию¹⁵.

В чехословацких правительственных кругах не было сомнения в том, что СССР выполнит свои обязательства по договору о взаимной помощи. Американский посланник в Праге сообщал в Вашингтон о своей беседе 18 сентября с министром иностранных дел Чехословакии: «В связи с советской помощью он сказал, что все зависит от инициативы Франции, но в частном порядке (это было сделано и в официальном порядке. — *Авт.*) его информировали о том, что в случае необходимости СССР придет на помощь независимо от Франции». Далее, чехословацкий министр иностранных дел подчеркнул, что Советский Союз подготовил войска для оказания помощи Чехословакии через румынскую территорию: «Все готово для прохода русских войск через Румынию». Амери-

канский посол во Франции Буллит отмечал также, что Даладье в беседе с ним 8 сентября 1939 г. подтвердил концентрацию советских войск на румынской границе в целях оказания помощи Чехословакии через румынскую территорию. В то же время было высказано твердое убеждение в непреклонности румынской позиции в вопросе о проходе советских войск на помощь Чехословакии. «Я заявил ему,— докладывал Буллит,— что, по моему мнению, такое действие (проход советских войск через Румынию.— Авт.) вызовет немедленное объявление войны со стороны Румынии и Польши. Он (Даладье) сказал, что считает это в высшей степени возможным»¹⁶.

В период Мюнхена королевская диктатура «шла по линии предательства своего чехословацкого союзника, противилась проходу через румынскую территорию советских вооруженных сил на помощь Чехословакии»¹⁷. Эта позиция вызывала осуждение со стороны румынских патриотов, понимавших, что после Австрии и Чехословакии их собственная страна станет объектом империалистической агрессии. В брошюре ЦК КППР, выпущенной летом 1938 года, говорилось: «Все балканские страны, и в первую очередь Румыния, должны эффективно поддерживать Чехословакию в борьбе за защиту ее национальной независимости и целостности. Необходимо установить тесный военно-политический союз с Советским Союзом, государством, которое своей мирной политикой защищает независимость всех малых государств Центральной и Юго-Восточной Европы... Необходимо заставить румынское правительство проявить солидарность с Чехословацкой республикой».

Насколько лицемерным является утверждение румынского министра иностранных дел Комнена, что только буржуазно-помещичья Румыния встала на защиту Чехословакии в трагические для нее дни! В изданной после войны книге он пишет: «В то время как Европа трепетала при звуках голоса Гитлера, склонилась перед всеми его требованиями и расчленила в Мюнхене Чехословакию, Румыния одна, я подчеркиваю, одна осмелилась поднять голос в пользу несчастной союзницы». В действительности же правящие круги Румынии создавали огромные трудности в деле оказания помощи Чехословакии. Лишь широкие народные массы и общественность Румы-

нии проявляли солидарность с чехословацким народом в те дни.

Правящие румынские круги были против сотрудничества в деле организации отпора германской агрессии. В одной из бесед румынский король заявил, что «он предпочел бы видеть в своей стране немцев в качестве врагов, нежели русских в качестве друзей»¹⁸. Выступления румынской прессы против Германии в защиту Чехословакии не одобрялись румынским правительством и ни в коей мере не отражали его позицию, как об этом свидетельствует разъяснение, сделанное германскому посланнику в Бухаресте 27 сентября 1938 г. В период мюнхенского сговора румынская дипломатическая миссия в Германии рекомендовала отбросить «сентиментализм» и «соображения чести» при подходе к чехословацкой проблеме, поскольку Чехословакия времен Малой Антанты «окончательно и бесповоротно вычеркнута из мира европейской реальности».

Веда двойную игру, румынские правители многое сделали для успеха гитлеровцев в период чехословацкого кризиса. В зашифрованной телеграмме, полученной 21 сентября 1938 г. от румынской миссии в Берлине, строго секретно сообщалось, что германское правительство удовлетворено «четкой позицией, занятой Румынией, относительно возможности прохода русских войск и ее пожеланием тесного румыно-германского сотрудничества».

29 сентября румынский посланник в Риме Замфиреску сделал сугубо конфиденциальное заявление итальянскому министру иностранных дел Чиано. В нем было подчеркнуто, что румынское королевское правительство проявило твердость, отвергнув попытки тех, кто хотел привлечь Румынию к осуществлению мер в защиту Чехословакии. «...Румыния была объектом очень сильного давления с целью разрешить свободный проход советских войск через ее территорию в случае германского нападения на Чехословакию. Румыния сопротивлялась и будет сопротивляться подобным требованиям. ...Румыния осведомлена, что Венгрия скоро может получить обратно те части ее территории, которые были под властью пражского правительства. Принимая во внимание нынешнее развитие событий, румынский посланник считает это логичным и естественным. Он просит, однако, итальянское правительство использовать свое влияние на Будапешт,

чтобы с венгерской стороны не было импульсивных действий, которые сделали бы трудной позицию Румынии в связи с ее обязательствами по соглашениям Малой Антанты...»¹⁹.

Чиано сказал румынскому посланнику, что, как ему кажется, Румыния может с сегодняшнего дня считать себя освобожденной от обязательств по Малой Антанте, ибо одна из ее участниц — Чехословакия «существенно изменилась, сделав несуществующим и недействительным пакт Малой Антанты». Замфиреску заявил, что румынское правительство придерживается такого же мнения.

Это и другие заявления румынских официальных лиц со всей очевидностью показывают, что Румыния не собиралась выполнять своих обязательств по договору Малой Антанты, если бы Венгрия напала вместе с Германией на Чехословакию. Французский генерал Виллелюм, давая свидетельские показания парламентской комиссии, занимавшейся расследованием причин поражения Франции во второй мировой войне, сказал: «Ни Югославия, ни Румыния не вмешались бы, даже если Венгрия присоединилась бы к Германии; это видно из заявлений, которые делало румынское министерство иностранных дел»²⁰.

Правительство Кароля II заняло благоприятную гитлеровцам позицию, ибо стремилось к сближению с ними по политическим и экономическим мотивам, о которых ниже будет сказано подробно. Сейчас же отметим один из этих мотивов: путем сближения с фашистской Германией румынские круги пытались подстраховать свои позиции в вопросе о Трансильвании, на которую претендовали хортисты. Гитлеровская клика спекулировала на румыно-венгерских противоречиях, чтобы заставить Румынию занять в период чехословацкого кризиса позицию, выгодную Германии. И это ей удавалось. 22 сентября 1938 г. румынский посланник в Берлине сообщал, что германские правящие круги полностью удовлетворены позицией Румынии и что они более чем когда-либо якобы расположены к разрешению румыно-венгерских споров в пользу Румынии. Геринг заявил 28 сентября 1938 г., что Германия гарантирует территории Румынии и Югославии от венгерских притязаний, если эти страны займут «нейтральную позицию» в чехословацком вопросе.

Г. Братиану в статье, опубликованной 22 мая 1939 г. в газете «Универсул», так писал о румынской политике в период Мюнхена: «Позиция, занятая Румынией во время сентябрьского кризиса, была достаточно ясной. Она твердо сопротивлялась всякой попытке превратить ее в путь для прохода Советской Армии». Поведение румынских правящих кругов, способствовавших мюнхенскому сговору империалистических держав, было по достоинству оценено мировой реакцией. Правительства Англии и Франции в октябре 1938 года направили румынскому правительству телеграмму с благодарностью за ее позицию в период Мюнхена. По-своему признательность Каролю II выразил и Гитлер. 14 октября 1938 г. он впервые прислал поздравления румынскому королю по случаю его дня рождения. А 4 ноября 1938 г. впервые после войны 1914—1918 годов с «дружеским визитом» прибыл в Констанцу германский крейсер «Эмден».

Королевское правительство Румынии заняло благоприятную позицию не только в отношении германских требований к Чехословакии. Вместе с югославским правительством оно не оказало решительного противодействия венгерским правящим кругам, потребовавшим тогда же отторжения от Чехословакии и передачи им всей Словакии и Закарпатской Украины. Позиция Румынии в вопросе организации вооруженного отпора в случае венгерской атаки на Чехословакию имела важное значение. Летом 1938 года в Бухаресте понимали, писал германский посланник Фабрициус, что если Румыния покажет готовность сражаться, то Югославия присоединится к ней²¹.

В принципе соглашаясь с хортистскими территориальными претензиями к Чехословакии, считая их вполне «логичными и естественными», правительство королевской диктатуры стремилось, однако, ограничить их размеры, чтобы не допустить значительного усиления Венгрии. В связи с намерениями правительства Венгрии аннексировать всю Словакию и Закарпатскую Украину Комнен предложил югославскому министру иностранных дел Стоядиновичу сделать заявление в Будапеште, Варшаве и западных столицах о том, что в этом случае Румыния и Югославия не смогут оставаться в стороне. 25 сентября 1938 г. румынский и югославский министры иностранных дел решили обратиться к Германии, чтобы

она оказала «сдерживающее воздействие» на Венгрию. Гитлеровцы пообещали им, но попросили не предпринимать демаршей в упомянутых столицах. Польское правительство также оказало давление на Бухарест и Белград. Министр иностранных дел Польши Бек поручил 28 сентября 1938 г. своим посланникам там заявить, что Польшу поразило бы, если Румыния и Югославия создавали бы осложнения венгерским требованиям, поддержанным великими державами.

На Мюнхенской конференции не рассматривались притязания хортистов к Чехословакии. Для их удовлетворения было решено провести так называемый арбитраж. Чехословацкое правительство предлагало включить Румынию в число арбитров, но венгерское правительство отклонило эту кандидатуру. Накануне арбитража Бек посетил Румынию. Кароль II в то время находился в Галаце, где проводил маневры румынской армии. Встретившись с ним и Комненом в Галаце 19 октября 1938 г., Бек предложил, чтобы Румыния выдвинула требование о передаче ей северо-восточной части Закарпатской Украины. Здесь проходила железная дорога, которая явилась бы дополнительной линией коммуникаций между Польшей и Румынией, связанных союзным договором. Румынское правительство отказалось от участия в расчленении Чехословакии, начатом Мюнхенским соглашением. Это было расценено как проявление солидарности с Чехословакией, румынской союзницей по Малой Антанте. Кароль II и Комнен объяснили свой отказ иначе: «Мы не хотим удлинять еще на 100 миль нашу границу с Венгрией»²². Английская газета «Глазго Геральд» следующим образом комментировала тогда румынскую позицию: «Несомненно, Кароль понравился господину Гитлеру, когда отказался предпринять что-либо для выполнения схемы Бека относительно достижения общей границы Венгрии с Польшей. Он, Кароль, не мог не знать, что оставшаяся у Чехословакии часть Рутении (Закарпатской Украины.— *Авт.*) дает Германии проход (через Чехословакию.— *Авт.*) не только на Украину, но и в Румынию...»

Румынские правящие круги всевозможными аргументами пытались склонить гитлеровцев на свою сторону, чтобы не допустить опасного усиления Венгрии за счет территорий, входивших в состав Чехословакии. 28 октября

ря 1938 г. Г. Братиану и А. Константинеску по поручению Кароля II и Комнена посетили германского посланника Фабрициуса. «Как друг Германии,— говорится в записи этой беседы,— он (Г. Братиану.— *Авт.*) хочет обратить внимание на важность сохранения коридора, отделяющего Польшу от Венгрии и гарантирующего наиболее безопасную связь между Германией и Румынией через Чехословакию. Если Польша и Венгрия будут иметь общую границу, то таким образом они отрежут нас»²³.

2 ноября 1938 г. состоялся первый Венский арбитраж, по которому хортистам были переданы южные районы Словакии и Закарпатской Украины (с городами Кошице, Мукачево, Ужгород). Германия, выступившая вместе с Италией арбитрами, формально сохранила Закарпатскую Украину в качестве «автономной республики» в рамках Чехословакии. Одной из причин такого решения была потребность в коридоре, который связал бы Германию с Румынией. Англия самоустранилась от этого арбитража, предоставив полную свободу рук Германии, планы которой в этой части Европы она одобряла. Галифакс писал в инструкции, посланной английскому послу в Берлине в конце октября 1938 года, что он доволен германскими намерениями использовать Чехословакию для распространения своего влияния вплоть до Румынии и что немцы рассматривают Западную Украину как трамплин для нападения на Советскую Украину и повод для разжигания «украинского националистического движения»²⁴.

Расчленение Чехословакии ослабило внешнеполитические позиции Румынии. Хортистское правительство стало настойчиво добиваться передачи ей Трансильвании, опираясь на поддержку не только фашистских держав, но и английских правящих кругов. Уже весной 1938 года английские дипломаты в Бухаресте, Белграде и Праге вели переговоры об уступках Венгрии в трансильванском и других вопросах. Румынский народ, обеспокоенный за судьбу страны и ее территориальную целостность, требовал заключения союза с СССР, единственно способного защитить Румынию от фашистской агрессии.

В те дни советское дипломатическое представительство в Бухаресте получало многочисленные письма от румынского населения, в которых одобрялась миролюбив-

вая внешняя политика СССР, выступавшего в защиту малых стран. Миссия СССР в Румынии сообщала 31 октября 1938 г. в Москву: «Начиная с визита Бека в наш адрес поступило 17 заявлений от групп рабочей молодежи и отдельных румынских граждан с просьбой оказать Румынии помощь... и заключить военный союз». В одном из писем молодые рабочие Бакэу выражали солидарность с политикой СССР, который решительно защищает мир и целостность территории малых государств». Румыния, писали они, нуждается в поддержке и помощи Советского Союза, поэтому правительство должно заключить военный пакт с СССР. В другом письме, полученном советской миссией в Бухаресте, говорилось: «Мы считаем вас единственным нашим союзником..., который борется за справедливость, уничтожение хищного фашизма, за мир и целостность каждой страны»²⁵.

Правительство королевской диктатуры, предавая национальные интересы страны, отказывалось от сотрудничества с СССР и все больше сближалось с гитлеровской Германией. 27 сентября 1938 г. Кароль II через своего приближенного Флондора высказал Фабрициусу пожелание «установить с Германией отношения более тесные, чем они были до сих пор». Но теперь, когда чехословацкий кризис был позади, гитлеровцам не было необходимости заигрывать с румынскими правителями в целях предотвращения пропуска советских войск через Румынию на помощь Чехословакии. Поэтому Фабрициус повел себя иначе, чем весной — летом 1938 года. Он сказал Флондору, что, кроме развития экономических отношений, Румыния пока не дала доказательств того, что ее пожелания о сближении с Германией могут стать реальностью. Оправдывая позицию короля, Флондор дал понять Фабрициусу, что сдерживающим моментом сближения Румынии с Германией является соседство с Советским Союзом. В Румынии очень велико опасение, что «Россия предпримет вторжение», сказал он и попросил Фабрициуса в «частном порядке» ответить, может ли Германия оказать Румынии помощь в этом случае. Фабрициус завил, что «фюрер всегда рассматривал Румынию в качестве бастиона против Советской России и такого же мнения министр иностранных дел». Мы, продолжал он, были бы рады укрепить этот бастион, но я не могу ничего сказать о том, как это сделать.

«По моему мнению,— сообщал Фабрициус в Берлин,— этот демарш является предварительным зондированием Каролом вопроса о том, намерены ли мы и до каких пределов помогать Румынии против Советской России (т. е. помогать в удержании захваченных советских земель. — *Авт.*). Кароль все чаще убеждается, что помощь со стороны Франции все больше становится маловероятной и что хорошие отношения с Германией могут также защитить его от венгерского ревизионизма. Но он не верит, что может сделать решительный шаг к установлению более тесных отношений с Германией, пока мы не защитим Румынию от Советской России. Он еще не склонен нарушить свои отношения с Францией и, особенно, с Англией слишком резким сближением с Германией».

Через три дня после этой беседы Фабрициус докладывал, что в среде королевской «камарильи» очень усилилось стремление к тесному сближению с Германией. Румыния, по мнению ее правящих кругов, должна иметь с Германией «по крайней мере такие же хорошие отношения, какие имеет Венгрия». Сближение с Германией облегчается для Кароля II сейчас тем, что Англия и Франция находятся в хороших отношениях с ней, отмечал германский посланник в Румынии. Кароль II хочет иметь германские гарантии, но мы, писал Фабрициус, не можем их дать, не можем допустить, чтобы наши войска проливали кровь на Днестре. К тому же гарантии Румынии были бы восприняты как «недружественный акт» правительствами Венгрии и Болгарии. «Но мы можем, и это укладывается в нашу современную программу,— указывал германский посланник,— помочь Румынии в ее перевооружении в более значительных размерах, чем мы делали до этого, снабжая ее самолетами и противотанковыми орудиями, оборудованием и поставками для промышленности»²⁶. Таким образом, румыно-германское сближение происходило на базе общности агрессивных замыслов правящих кругов Германии и Румынии, готовившихся к войне против СССР.

Развивающееся на этой основе сближение с гитлеровской Германией после Мюнхена усилило антисоветские настроения в правящих румынских кругах, разжигая их захватнические аппетиты в отношении СССР. Премьер-министр М. Кристя в речи, произнесенной в конце нояб-

ря 1938 года, довольно открыто заявил о претензии на Советскую Молдавию. Румынская реакция связывала реализацию своих антисоветских захватнических планов с осуществлением аналогичных планов германского фашизма в отношении Советской Украины.

Мюнхен, явившийся большим успехом фашистских держав, усилил позиции прогерманских элементов в Румынии. Реакционный буржуазный политик Г. Гафенку в своей газете «Тимпул» 10 октября 1938 г. так ставил вопрос: «У Германии есть планы. Имеют ли их другие страны? Если другие страны не имеют планов, то мы должны по необходимости шагать с Германией». С фактическим призывом к сближению с державами «оси» на страницах той же газеты выступил генерал И. Антонеску. В статье под многозначительным заголовком «Мы научились» он писал, что после расчленения Чехословакии нужно отказаться от приверженности Женеве и духу коллективной безопасности, а рассчитывать только на себя, то есть приспосабливаться к Германии.

Излагая политические впечатления от своего пребывания в октябре 1938 года в Бухаресте, заместитель директора департамента экономической политики германского МИД Клодиус 13 декабря 1938 г. писал: «События 1938 года привели к глубокому изменению политической позиции в Румынии. Убеждение в том, что необходимо в определенных пределах сотрудничать с Германией, завоевало общее признание. Это изменение может быть приписано закату политического престижа Франции, росту германского могущества в 1938 году, убеждению, что только Германия сможет обеспечить эффективную защиту против России (т. е. гарантировать сохранение территории, аннексированной у СССР.— *Авт.*), а также убеждению, что Румыния во все возрастающей степени экономически зависит от Германии». Клодиус довольно верно указал на те моменты, которые определили дальнейший сдвиг в румынских правящих кругах в сторону гитлеровской Германии.

После Мюнхена, показавшего, что западные империалистические державы предоставляют свободу рук германскому фашизму в Центральной и Юго-Восточной Европе, Кароль II через своего министра иностранных дел заявил гитлеровскому правительству 7 октября 1938 г., что «решительно выступает за изменения в нынешней румынской

внешней политике». Фабрициус, которому Комнен передал эти слова короля, не ответил на них, поскольку, как он пишет, «эта информация исходила от человека, который всего несколько недель назад говорил в Женеве: „Мы еще теснее объединены с Францией“». Гитлеровцы не хотели, чтобы румынские правители вели «игру на двух столах». В середине октября 1938 года Фабрициусу было предложено заявить румынскому правительству, что Берлин готов занять позицию, способствующую германорумынскому сближению, но румынское правительство должно четко сказать, как оно понимает развитие политических отношений с рейхом. 22 октября 1938 г. Комнен строго конфиденциально сообщил германскому посланнику о намерении Кароля II посетить рейх и встретиться с германскими руководителями. Комнен подчеркнул, что король желает ориентировать свою политику на Германию. Фабрициус ответил, что его правительство, несомненно, будет приветствовать это.

Чтобы подготовить почву для визита Кароля II, было решено направить в Германию Г. Братиану, пользовавшегося расположением гитлеровской клики. Перед отъездом в Берлин он посетил германского посланника в Бухаресте, которому сообщил о сдвигах во внешнеполитической позиции румынских правящих кругов после Мюнхена. По его словам, лидер «старых национал-либералов» Д. Братиану пришел к выводу, что прежняя позиция, выражавшаяся словами «чего бы это ни стоило, но только с Францией», неправильна, ибо Франция может покинуть Румынию точно так же, как покинула Чехословакию. Лидер национал-царанистской партии Ю. Маниу тоже пересмотрел свои взгляды: он отказался от своих возражений национал-социализму и стал выступать за сотрудничество с Германией. В совместном меморандуме лидеры этих буржуазно-помещичьих партий потребовали от короля «равнения на Берлин». Что касается позиции самого Г. Братиану, то он, по его собственному признанию, всегда выступал за твердую ориентацию румынской внешней политики на Германию и по этой причине склонялся одно время к Кодряну и легионерскому движению, но затем отвернулся от него, придя к выводу, что политика «Железной гвардии», собравшей в своих рядах «всех недовольных», может привести к катастрофе.

В начале ноября 1938 года Г. Братиану в сопровождении своего политического друга А. Константинеску прибыл в Берлин и начал проводить зондаж с целью выяснения условий, на которых могло произойти дальнейшее сближение с гитлеровской Германией. Его первая встреча была со статс-секретарем Вейцзекером, которого он спросил, какова будет позиция Германии и Италии в случае выдвижения Венгрией территориальных требований к Румынии. Вейцзекер дал успокоительный ответ: Германия не будет поощрять венгерский ревизионизм в отношении Румынии.

6 ноября румынские эмиссары были приняты Герингом, который счел нужным выразить серьезное недовольство двойственной политикой Румынии. Отметив, что Румыния не дала официального согласия на проход Красной Армии через свою территорию в Чехословакию, Геринг все же сказал, что румынская позиция была недостаточно ясна в период чехословацкого кризиса. Эта позиция продолжает оставаться неясной и сейчас. Мы должны быть уверенными, подчеркнул он, что «Румыния не окажется противником (Германии. — Авт.) ни в силу связей с Лигой наций, ни путем какой-либо другой комбинации или системы союзов». Геринг не скрыл недовольства и тем, что Кароль II устранил с открытой политической арены прогермански настроенную «Железную гвардию», а ее вожakov посадил в тюрьму. Поучая короля-диктатора, Геринг говорил, что «отсутствие связи между королем и общественным мнением» можно преодолеть только с помощью фашистской партии. Эта партия («Железная гвардия») призвана обеспечить «связь между диктатурой и народом».

Неудовлетворение было высказано также в связи с тем, как развивались румыно-германские экономические отношения, в которых, по утверждению Геринга, за последнее время не произошло большого прогресса, хотя Англия и Франция признали приоритет германских интересов в экономике придунайских стран. «В Мюнхене я лично обсуждал этот вопрос с Даладье, который подтвердил мне это»²⁷. Ссылка на Мюнхенскую конференцию лишней раз подтверждает, что на ней была достигнута тайная сделка между Гитлером и англо-французскими правящими кругами, согласно которой германская фашистская агрессия направлялась на Восток, против СССР.

Заявление Геринга об отсутствии прогресса в области экономических отношений между Румынией и Германией требует некоторого разъяснения. Дело в том, что гитлеровцы в то время стремились добиться полного подчинения румынской экономики интересам германского рейха. Захват Австрии и части Чехословакии привел к резкому усилению позиций Германии в экономике и внешней торговле Румынии. Сразу же после Мюнхена фашистская Германия перешла в решительное наступление с целью установления своей монополии в румынской внешней торговле.

Румыния в то время испытывала исключительно большие трудности со сбытом зерна и нефти, экспорт которых в Англию, Францию и другие страны неуклонно падал. В стране накопилось большое количество нереализованного зерна — около миллиона тонн. Переговоры румынских представителей с английскими деловыми кругами о крупных поставках румынского зерна и нефти в обмен на английские промышленные товары летом 1938 года не дали желаемого результата. Посетивший Румынию лорд Ллойд оф Долорбан не нашел возможностей расширения англо-румынской торговли. Англичане отказались также предоставить кредиты Румынии.

Германский посланник в Бухаресте Фабрициус, сообщая о безрезультатности англо-румынских экономических переговоров, рекомендовал своему правительству воспользоваться тяжелым финансово-экономическим положением Румынии и «дружески помочь» ей, закупив 400 тыс. т румынского зерна. Это предложение было принято, и в октябре 1938 года в Бухарест прибыла германская делегация, которая в связи с заключением очередного ежегодного торгового соглашения поставила вопрос о резком увеличении германских закупок в Румынии, в первую очередь нефти и зерна. При этом Германия поставила условием расширения торговли повышение курса немецкой марки с 38 до 43 лей при поставках германских товаров в Румынию и с 39 до 44 лей при покупке румынских товаров²⁸.

Принять германское требование означало согласиться на полное внешнеторговое закабаление Румынии германским империализмом, усилить невыгодность клиринговой торговли для нее, исключить возможности ведения торговли с другими странами. Поэтому королевское прави-

тельство, хотя и было заинтересовано в сбыте румынских товаров в Германию, стало упорно торговаться и затягивать переговоры. Ясно, что германское правительство было крайне недовольно их ходом, о чем Геринг не преминул упомянуть при встрече с Г. Братиану.

Затягивая переговоры, правительство королевской диктатуры с лихорадочной поспешностью пыталось выявить возможности укрепления экономических связей с Англией и Францией, которые позволили бы ему выторговать более выгодные условия у Германии. С этой целью Кароль II решил отправиться с государственным визитом в Лондон и Париж, взяв с собой наследного принца Михая, министра иностранных дел П. Комнена, министра двора Э. Урдаряну и группу финансово-экономических экспертов.

Стремление английских и французских империалистов использовать Румынию в качестве разменной монеты в торге с германскими соперниками обрекло на провал попытки румынских правящих кругов заручиться поддержкой западных держав перед лицом решительного наступления Германии. «Географически Германия уже занимает преобладающее положение в Центральной и Юго-Восточной Европе. Поэтому я не вижу причины, почему мы должны ожидать каких-либо решающих изменений в этой области,— заявил глава английского правительства Чемберлен на заседании парламента 1 ноября 1938 г.— Что касается Англии, то мы не намерены чинить препятствий Германии в этих странах или блокировать ее экономически». В день прибытия Кароля II в Лондон 15 ноября 1938 г. газета «Таймс» писала, что расширение немецкой торговли в бассейне Дуная представляет собой естественное и желательное явление.

Во время переговоров Кароля II в Лондоне был поставлен вопрос об активизации англо-румынских экономических связей и предоставлении Румынии займа на приобретение, английского оружия, переоборудование военно-морских баз на черноморском побережье и строительство стратегических шоссе и железных дорог. Еще в мае 1938 года румынское правительство подготовило меморандум о растущей экономической экспансии Германии в Румынии и неизбежных политических последствиях ее. Этот меморандум был вручен Англии и Франции, которых просили усилить конкуренцию Германии на

румунском рынке. Но, как пишет А. Крецяну, бывший генеральный секретарь румынского МИД, западные державы не приняли эффективных мер²⁹.

17 ноября 1938 г. румынский король в беседе с министром иностранных дел Великобритании лордом Галифаксом сказал, что Германия установит монополию в румынской внешней торговле, если Англия не расширит размеров своих закупок в Румынии. Кароль II хотел, чтобы Великобритания по примеру Германии согласилась снабжать Румынию товарами в кредит и получать румынские товары в оплату за английские поставки. Галифакс ответил Каролю II, что Великобритания не может покупать румынские товары по ценам, превышающим мировые, как это делает на клиринговой основе Германия, что торговля между двумя странами должна осуществляться по его выражению, на «здоровой основе». Английское правительство не желало идти на расширение торгово-финансовых отношений с Румынией по причине, которую следующим образом изложил министр иностранных дел Великобритании в беседе со своим румынским коллегой: «Мы должны проявлять осмотрительность и осторожность, другими словами, мы не должны ни в коем случае создавать впечатления, что Великобритания пытается поставить барьер германской экспансии на Восток».

В Париже, куда Кароль II прибыл из Лондона, французское правительство проявило такое же отношение к румынским предложениям о развитии и укреплении связей между Францией и Румынией. Французские правящие круги готовились к подписанию франко-германской декларации о взаимном ненападении, являвшейся частью мюнхенского сговора империалистов, и потому, как писала английская газета «Таймс» 22 ноября 1938 г., Бонне выразил ясно «свою решимость избежать какого-либо шага, который мог создать в Берлине впечатление, будто предпринимаются меры к ограничению торговой деятельности Германии в Юго-Восточной Европе».

К. Аржетояну в своих мемуарах констатировал тогда: «...До тех пор, пока премьер-министром останется Чемберлен, соглашение между Румынией и Германией будет приветствоваться». О поведении французского правительства он с удивлением писал: «Как все меняется в мире! До сих пор французы говорили нам: «Договаривайтесь с немцами экономически, а не политически, оставайтесь

верными своим договорам!» Теперь же шлют противоположные советы, поощряя нас договариваться политически (разве подстраховка означает что-либо другое), но избегать экономического подчинения, и потому посылают нам теперь не политических пропагандистов, а комиссии банкиров, промышленников и экономистов»³⁰.

Но удивляться здесь было нечему. До мюнхенского сговора западные державы уступали страны Дунайского бассейна Германии как сферу ее экономического господства, чтобы заставить германский империализм отказаться от выдвижения колониальных требований. При этом Франция и Англия стремились оставить в своей политической орбите эти страны, чтобы оказывать на Германию давление. После мюнхенского сговора, когда была достигнута договоренность о том, что фашистская агрессия будет направлена на Восток, против СССР, англо-французские правящие круги сами стали проявлять заинтересованность в политическом соглашении стран Восточной и Юго-Восточной Европы с гитлеровской Германией, чтобы включить их в предстоящий антисоветский поход германского фашизма. Декларация же о необходимости помешать экономическому закабалению этих стран германским империализмом имела своей целью успокоить английское и французское общественное мнение, возмущенное капитулянтской политикой своих правительств. К тому же правящие круги Англии и Франции надеялись использовать торговлю с Румынией в качестве одного из козырей своего дальнейшего диалога с гитлеровской Германией, которую они подталкивали против Советского Союза.

После посещения Лондона и Парижа Кароль II направился в гитлеровскую Германию под предлогом навестить своего дядю князя Фредерика Гогенцоллерна. 24 ноября 1938 г. в Берхтесгадене состоялась сугубо конфиденциальная беседа румынского короля с Гитлером, длившаяся более полутора часов. Раболопствуя перед фашистским главарем Германии, румынский король заверил его в своей антисоветской позиции. «Румыния, — сказал Кароль II, — всегда была настроена антисоветски, но по причине того, что огромное русское государство было ее соседом, не могла заявлять об этом открыто». Он еще раз опроверг утверждения, будто давались обещания пропустить советские войска через румынскую террито-

рию в Чехословакию: «Королевское правительство никогда не разрешало и не разрешит этого»³¹.

Кароль II выразил желание укреплять «дружественные отношения и сотрудничество» между Румынией и Германией, то есть полностью подчинить свою страну германскому империализму.

В целях развития тесных экономических связей он предлагал построить через Чехословакию железную дорогу, которая обеспечила бы румыно-германские коммуникации, минуя Венгрию. Выслушав его, Гитлер заявил, что строительство такой дороги обойдется очень дорого, к тому же она в случае войны представит опасность: русские используют ее для продвижения к Германии с Юга. Кароль II еще раз заверил Гитлера, что он никогда не позволит использовать румынскую территорию для прохода Красной Армии. Румынский король, чтобы подчеркнуть значение, которое он придает развитию отношений между Румынией и Германией, предложил преобразовать дипломатические миссии в Бухаресте и Берлине в посольства. Но и это предложение не нашло сочувствия у гитлеровской клики, не питавшей доверия к Каролю II.

Особое внимание Кароль II уделил выяснению позиции Германии в трансильванском вопросе. Но Гитлер дал уклончивый ответ, заявив, что румыно-венгерский конфликт прямо не затрагивает Германию. После этой беседы Риббентроп записал, что Гитлер оставил трансильванский вопрос открытым, считая, что «мы не должны связывать себя перед Румынией обязательством сопротивляться оккупации этой территории венграми. Основная идея нашей политики в отношении Венгрии и Румынии в настоящий момент должна состоять в том, чтобы держать оба эти утюга в раскаленном состоянии и разрешать вопросы в германских интересах в соответствии с развивающейся обстановкой».

Само собой разумеется, что вопрос о «Железной гвардии» не мог быть обойден в беседе Гитлера с румынским королем. Фашистский фюрер заступился за К. Кодряну, попросив Кароля II принять во внимание «слабое здоровье» осужденного легионерского главаря и перевести его из соляных копей в более здоровую обстановку. Кароль II пообещал исполнить эту просьбу, не преминув подчеркнуть свою готовность к примирению с железногвардейцами и сотрудничеству с ними на определенных

условиях. «Если бы он был с головой, — говорил Кароль II о Кодряну, — я не поколебался бы пригласить его в правительство».

Через два дня после беседы с Гитлером румынский король имел встречу с Герингом, которого всячески пытался убедить в своей лояльности к фашистскому рейху. Кароль II заявил, что у Германии нет оснований беспокоиться за наличие румыно-польского союза, ибо, как он подчеркнул, этот союз действителен только против Советского Союза. Таким образом, румынские правящие круги фактически заверили, что они не будут мешать осуществлению агрессивных планов Германии в отношении Польши. Румынский король одобрительно отнесся к изложенному ему плану создания в Закарпатье «свободного украинского государства», которое явилось бы исходным пунктом гитлеровской агрессии против Советского Союза. Он выразил готовность немедленно начать переговоры с целью углубления экономического сотрудничества между Румынией и Германией на основе германских предложений и высказался в пользу длительного плана (на 5—10 лет), выделив для этой цели нескольких министров своего правительства, в том числе М. Константинуеску. С германской стороны вести эти переговоры Геринг поручил Вольтату.

Как и в беседе с Гитлером, румынский король высказался против расширения Венгрии за счет Закарпатской Украины. Общая венгеро-польская граница, говорил он, лишит Румынию и Германию связи по железной дороге, минуя Венгрию. Сообщения же по Дунаю между Германией и Румынией могут быть прерваны итало-венгеро-польской коалицией, пугал Кароль, пытаясь играть на германо-итальянских империалистических противоречиях.

Геринг выразил еще раз недовольство действиями румынского правительства против Кодряну и «Железной гвардии» вообще. Оправдываясь, румынский король говорил, что все попытки привлечь легионеров к политическому сотрудничеству потерпели неудачу, поскольку у Кодряну «нет высшего интеллекта», а его движение основано «на примитивном и частично мистическом влиянии на массы». Вместе с тем Кароль II в несколько завуалированной форме упрекнул фашистскую Германию за поддержку румынских железногвардейцев: он выразил удивление, откуда железногвардейцы берут деньги, и добавил,

что «для него трудно провести разграничение между тем, что есть партия и что есть правительство в Германии». (Это по поводу заявления официальных германских лиц, что правительственные организации не имеют связей с «Железной гвардией», что эти связи, в крайнем случае, мог иметь внешнеполитический отдел германской национал-социалистской партии.)

Визит Кароля II в гитлеровскую Германию показал, что румынские правящие круги после Мюнхена стали на путь полного подчинения экономики своей страны интересам фашистского рейха, готовившегося к войне против Советского Союза. Он свидетельствовал также об их готовности пойти на политическое сотрудничество с гитлеровской кликой на базе общности антисоветских замыслов и при условии выступления Германии против притязаний хортистов на Трансильванию.

Фашистская Германия поощряла румынских правителей в этом, давала различные обещания: «Германия готова гарантировать Румынии ее границы не только с Россией, но и с Венгрией. У нас (немцев. — *Авт.*) нет никаких связей с Венгрией, нет никакого интереса усиливать Венгрию. Территории, которые мы ей дали в Чехословакии, были даны, чтобы удовлетворить самолюбие Муссолини, завидовавшего успехам фюрера. Во всяком случае мы им дали меньше, чем они требовали. Чехословакия должна рассматриваться отныне как германский доминион, и мы целиком заинтересованы в сохранении ее новых границ. Мы немедленно построим автостраду через Чехословакию с запада на восток, чтобы могли быстрее добраться до вас (!). Мы предлагаем вам гарантию ваших границ, не требуя взамен того, чтобы вы пришли к нам на помощь. Мы также не требуем от вас выхода из ваших теперешних союзов. Мы довольны, что вы являетесь союзниками Польши и Югославии, и нисколько не возражаем против вашей дружбы с Францией и Англией — странами, с которыми мы хотим сблизиться сами. Мы требуем от вас только двух вещей: заявления о дружбе, которое заверило бы нас, что вы не примите участия в нападении на нас, и экономического соглашения на основе многолетнего плана...»³².

Но гитлеровская клика проявляла по-прежнему сдержанность и даже недоверие к румынскому королю, объясняемые политикой Кароля II в отношении «Железной

гвардии» и его тесными связями с Лондоном и Парижем. Сразу же после королевского визита в Германию это недоверие возросло, перейдя во враждебное отношение гитлеровской клики к Каролю II. Причиной ухудшения, казалось бы, налаживавшихся отношений Кароля II с правителями фашистской Германии явились его новые репрессивные меры в отношении легионеров.

Дело в том, что, воспользовавшись поездкой Кароля II за границу, «Железная гвардия» организовала путчистские выступления, распространив слухи о готовящемся убийстве легионерских вожаков. В железногвардейской листовке, выпущенной по этому поводу, говорилось: «Информация, полученная от ответственных лиц, показывает, что подготавливается убийство К. Кодряну. Арманд Калинеску, чьи намерения убить Кодряну нам известны давно, утверждает, что он имеет разрешение короля совершить этот гнусный поступок во время отсутствия короля в стране по случаю поездки в Лондон». Имели место вооруженные столкновения с легионерами. На обратном пути в Базеле Кароль II получил сообщения от своего министра внутренних дел о новых беспорядках, организованных «Железной гвардией», а также о фактах неподчинения и бунтовщических настроениях в 3-й армии, часть солдат и офицеров которой оказалась зараженной железногвардейской пропагандой. Командовал этой армией генерал И. Антонеску, находившийся в тайной связи с заключенными в тюрьму лидерами «Железной гвардии». По возвращении в Бухарест 28 ноября 1938 г. король провел совещание с министрами о мерах подавления выступлений «Железной гвардии». На следующий день стало известно о смещении И. Антонеску, затем последовал арест генерала князя Кантакузино, являвшегося номинальным руководителем легионерского движения в период его легальной деятельности. А 30 ноября газеты объявили о том, что «при попытке к бегству» были убиты К. Кодряну и 13 его сообщников.

Ликвидацией К. Кодряну и его сообщников королевская диктатура стремилась укрепить свое положение, избавиться от опасного конкурента, стремившегося захватить власть. Кароль II, по-видимому, расценил в целом благожелательный прием, оказанный ему гитлеровской верхушкой, и достигнутую в принципе договоренность о развитии политических и экономических отношений меж-

ду Румынией и Германией как свидетельство того, что Берлин не будет делать ставку на «Железную гвардию».

Расправа над железногвардейскими вожаками вызвала, однако, бешеную реакцию германской прессы и официальных лиц германского рейха: гитлеровцы не хотели лишаться своей верной агентуры в Румынии. Газеты «Ангрифф», «Берлинер тагеблат» и др. развернули кампанию против румынского короля. Возмущенный до предела Геринг сказал югославскому послу в Берлине, что убийство Кодряну похоронило возможность политического соглашения с Румынией.

Что особенно возмутило фюрера, подчеркнул Геринг, так это создавшееся впечатление прямой связи между убийством Кодряну и визитом короля к Гитлеру за несколько дней до этого³³.

Маршал Геринг и другие германские военные и гражданские лица демонстративно в организованном порядке вернули недавно полученные от румынского короля награды. Германский посланник был отозван из Бухареста в Берлин якобы «для доклада». Гитлеровская пресса угрожала суровой карой тем, кто посягнул на жизнь руководителей «пятой колонны» Германии в Румынии. Румынские правители боялись, что вот-вот последует разрыв дипломатических отношений Германии с Румынией. Однако этого не произошло. Гитлеровцы воспользовались обострением отношений с Румынией, чтобы добиться от нее более выгодного торгового договора на 1939 год, переговоры о котором были возобновлены после возвращения Кароля II из поездки в Англию, Францию и Германию.

Как писал заместитель директора департамента экономической политики германского министерства иностранных дел Клодиус, убийство Кодряну «скорее помогло, чем помешало» торговым переговорам, ибо румынское правительство не хотело иметь еще и в экономической области разногласия с Германией³⁴. 10 декабря 1938 г. этот договор был подписан. По словам Клодиуса, договор принимал во внимание все важнейшие интересы Германии. Курс немецкой марки повышался с 39 до 40,5 лея при покупке румынских товаров и с 38 до 41,5 лея при продаже германских товаров, что значительно удешевляло стоимость румынских поставок в Германию. Объем торговли увеличивался в полтора раза против 1939 года, до-

ведя долю Германии в румынской внешней торговле до 45%. Румыния обязывалась поставить Германии в 1939 году 400 тыс. т пшеницы, 500 тыс. т фуражного зерна, 200 тыс. свиней и 12 тыс. голов крупного рогатого скота. Увеличивались также поставки горючего, в результате чего на долю Германии стало приходиться более четверти румынского вывоза нефти и нефтепродуктов.

В декабре 1938 года Румыния подписала также торговое соглашение с Италией, по которому товарооборот в румыно-итальянской торговле на 1939 год был установлен в размере 7 млрд. лей. Италия закупила у Румынии 350 тыс. т пшеницы, значительное количество нефти и др.³⁵ Итальянские фашистские правители, рассматривавшие балканские страны как сферу своего влияния, ревниво относились к успехам германской экономической экспансии в Румынии и желали укрепления собственных позиций в этой стране. В зашифрованной телеграмме из Рима румынский посланник Замфиреску 9 января 1939 г. сообщал, что Чиано в беседе с ним выражал надежду, что Румыния «будет больше глядеть на Рим». Германская миссия в Бухаресте проявляла обеспокоенность в связи с попытками румыно-итальянского сближения.

Обострение румыно-германских отношений совпало с заключением 6 декабря 1938 г. франко-германской декларации о ненападении. В результате двойственной политики международная изоляция страны усиливалась, заставляя господствующие классы искать выхода из нее. Таким выходом могло быть установление тесного сотрудничества с СССР, которое обеспечило бы национальную независимость и территориальную целостность страны. Однако правящая верхушка Румынии была против сближения с Советским Союзом. Румынские правящие круги предпочитали другой путь — подчинение страны интересам гитлеровской Германии.

Суммируя свои впечатления о пребывании в Румынии в связи с экономическими переговорами в конце 1938 года, Клодиус отмечал, что представители политических и деловых кругов, высшее офицерство и другие влиятельные группы в Румынии все больше склонялись в сторону Германии. Даже открытые противники Германии, указывал он, ныне говорят другим языком. Нет сомнения, что в большинстве случаев эти изменения объясняются не

симпатией к Германии, а лишь реальной оценкой политического положения, «часто даже страхом перед Германией. Но намерение достичь соглашения с Германией не может по этим мотивам быть поставлено под сомнение. Безусловно, «Железная гвардия» приветствует всякое усиление германского влияния в Румынии»³⁶.

14 декабря 1938 г. был созван коронный совет для обсуждения опасного положения, в котором оказалась Румыния. На коронном совете были намечены меры по улучшению отношений с Германией, а также по сохранению связей с западными державами. Это была та же двойная игра — политика балансирования между двумя империалистическими блоками, при которой сохранялась в любом случае антисоветская направленность внешней политики Румынии.

Чтобы подчеркнуть желание укреплять сотрудничество с Германией, коронный совет был намерен направить туда послом известного прогерманца А. Вайду. С этой же целью была произведена 23 декабря 1938 г. замена Комнена на посту министра иностранных дел Г. Гафенку, политическая физиономия которого могла вполне удовлетворить гитлеровцев. В свое время Гафенку был заместителем министра иностранных дел, но в 1933 году из-за несогласия с Титулеску вышел в отставку. Политическое кредо Гафенку, изложенное им весной 1938 года, было кратким, но предельно ясным: «Не питаю доверия к коллективной безопасности, опасаясь взаимопомощи, не верю в демократию, ненавижу большевистскую диктатуру».

В то же самое время коронный совет решил направить «прозападников» Г. Татареску и В. Тилю посланниками в Париж и Лондон с задачей добиваться англо-французской помощи и поддержки.

Стремясь отмежеваться от тех, кто по его же приказу осуществил расправу над железногвардейцами, Кароль II сместил руководителей сигуранцы и полиции. В результате неоднократно проводившихся перетасовок позиции германофилов в румынском правительстве усилились: И. Бужою стал министром экономики, В. Славеску — министром вооружений и т. д. Эти изменения были расценены в Берлине как доказательство того, что Кароль II стремится создать благоприятную обстановку для улучшения отношений с Германией. Некоторые высокопоставленные гитлеровские чиновники, в частности

Клодиус, считая «Железную гвардию» слабо организованной и неспособной «нанести решающий удар», как бы предлагали сделать выбор в пользу короля-диктатора.

Неудовлетворенные этими половинчатыми мерами прогерманцы из числа представителей господствующих классов Румынии требовали от короля немедленного заключения союза с гитлеровской Германией. 21 декабря 1938 г. А. Вайда направил Каролю II меморандум, в котором призвал к подписанию союза с фашистским рейхом. Он подчеркивал, что в этом случае «опасность большевизации не будет больше угрожать будущему страны», то есть гитлеровцы не допустят победы революции в Румынии.

Новый румынский министр иностранных дел Г. Гафенку в беседе с итальянским посланником в Бухаресте заявил о своем намерении вести политику на сближение Румынии с «осью». 19 января 1939 г. он сделал разъяснение от имени короля германскому временному поверенному в делах Штецлеру о событиях 30 ноября 1938 г. Это разъяснение сводилось к тому, что Кароль II, мол, не был осведомлен о серьезности положения в стране, когда находился с визитом в Германии, и потому не стал обсуждать с германскими руководителями мер против «Железной гвардии». Но, вернувшись в Бухарест, он столкнулся с необходимостью немедленно принять суровые меры, чтобы предупредить распространение анархии и насилия. Неправильно думать, продолжал он, будто репрессии в отношении железногвардейцев были предприняты под влиянием западных держав или России, так же как нет никакой правды в распространяемых слухах, будто Гитлер ответствен за события 30 ноября 1938 г. в Румынии. Гафенку подчеркнул, что король и его правительство искренне желают сотрудничать с Германией и намерены предпринять шаги к улучшению отношений с ней. Помощник статс-секретаря Воерман сообщал Фабрициусу из Берлина 31 января 1939 г.: «По многим каналам мы получили четкие сведения о том, что румыны попытаются достичь лучших отношений с нами»³⁷.

Гитлеровская клика, в свою очередь, решила сделать благожелательный румынскому правительству жест. Она не проявила интереса к предложению венгерского министра иностранных дел графа Чаки создать «независимое Трансильванское государство». Германский МИД

на вопрос Чиано о позиции гитлеровского рейха в румыно-венгерском споре заявил, что венгры своими предложениями об урегулировании «не убедили нас выступать на их стороне. Кроме того, мы заинтересованы в постепенном переводе Румынии в более тесную связь с державами оси. Однако нам представляется целесообразным подождать развития непрочной внутренней обстановки в Румынии».

2 февраля 1939 г. Фабрициус вернулся в Бухарест «из отпуска». Гафенку с радостью обнял его, считая, что германское правительство решило забыть дело Кодряну. Он почти дословно повторил Фабрициусу объяснение, данное Штецлеру. Румынский министр иностранных дел еще раз подчеркнул «чистосердечное желание» сотрудничать с Германией и, сославшись на создание Фронта национального возрождения, сказал, что эта единственная в Румынии политическая партия будет следовать курсу фашизма и национал-социализма, особенно в еврейском вопросе. Фабрициус ответил, что, «хотя доверие было подорвано», устранение еврейских элементов (в этой связи он упомянул об Аушните, Кауфмане и Е. Лупеску) могло бы несколько успокоить Берлин.

Газета «Фолькишер беобахтер» писала в начале февраля 1939 года, что румынская внешняя политика стала «более эластичной», что, по мнению этой газеты, вызвано изменившимся географическим положением Германии и позицией министра Гафенку, «учитывающего реальное положение». Гитлеровский официоз обращал внимание на заявление Гафенку о необходимости для Румынии тесного контакта с теми державами, которые важны для нее с «экономической и географической точек зрения», то есть Германией и Италией³⁸. 8 февраля 1939 г. Фабрициусу было предложено заявить румынскому министру иностранных дел, что «Малая Антанта перестала существовать» (одновременно Риббентроп телеграфировал Чиано, что впредь в переписке и разговорах не должен употребляться термин «Малая Антанта»). Это было своеобразной дипломатической подготовкой к полному захвату Чехословакии гитлеровскими войсками. Когда Фабрициус сообщил об этом Гафенку, то последний угодливо ответил: «Если Германия придерживается мнения, что Малая Антанта прекратила существование, он полностью согласен и принимает это мнение как собствен-

ное». Гафенку заранее одобрял любое решение гитлеровцев по вопросу о Закарпатской Украине и лишь просил информировать его о всяком изменении германской позиции в этом вопросе, «чтобы Румыния могла тогда действовать в соответствии (с германской позицией.— Авт.) и подготовить заранее общественное мнение страны»³⁹. Румынские правящие круги надеялись, что Германия при решении этого вопроса будет исходить исключительно из интересов подготовки войны против СССР, в которой они охотно приняли бы участие в целях устранения «опасности с Востока», то есть в целях нового захвата советских территорий.

В феврале 1939 года после трехмесячного отсутствия в Бухаресте появился и германский военно-воздушный атташе Герштенберг (он являлся таким же атташе и в Польше). Его сразу же принял король. На новые румынские заверения в дружбе и лояльности к германскому рейху и его руководителям Герштенберг сказал, что одних слов в данном случае недостаточно и что Германия хотела бы получить от Румынии «нечто осязаемое», то есть новые экономические уступки. Об этом же говорили Малаксе во время его пребывания в Берлине в феврале 1939 года. Румынские правители выразили готовность пойти в этом вопросе навстречу гитлеровскому рейху. Руководитель Высшего экономического совета Румынии направил Вольтату письмо с предложением о развитии экономических связей между странами, указав, что «сильная Румыния на Днестре соответствует интересам самой Германии».

Королевское правительство решило начать переговоры с Германией о заключении широкого экономического соглашения, речь о котором шла во время встреч Кароля II с Гитлером и Герингом. В фашистскую Германию вновь был направлен Г. Братиану. Он заявил Герингу, что, если германский уполномоченный Вольтат прибудет в Бухарест в ближайшем будущем, ему будет оказано со стороны короля всяческое содействие в успешном доведении до конца переговоров и заключении приемлемого экономического соглашения между Германией и Румынией.

Г. Братиану по поручению румынских правящих кругов ставил вопрос об улучшении румыно-германских отношений в целом, для чего, как он сказал, «наступила

пора». В этой связи он указал на изменения в составе румынского правительства, в результате которых усилились прогерманские позиции. Г. Братиану подчеркнул, что, хотя он не вошел в королевский Фронт национального возрождения, его дипломатическая миссия посредничества предпринята с одобрения Кароля II и румынского министерства иностранных дел. Сам он твердо убежден в том, что «будущее Румынии целиком зависит от ее отношений с Германией»⁴⁰.

В беседе с ним Геринг шантажировал румынских правителей, требуя подчинения фашистской Германии. Сохранение румынских границ, говорил он, зависит якобы от самой Румынии: Германия не проявит заинтересованности в сокращении территории Румынии, если последняя будет дружественна ей. Румыния, по словам Геринга, осталась единственной из стран на всем юго-восточном пространстве, в политике которой у Германии остается сомнение. Зачем румыны говорят о Малой Антанте? Она мертва. Немцы вели себя благородно: несмотря на кризис германо-румынских отношений в конце 1938 года, Гитлер не дал венграм никакого обещания поддержать их претензии на Трансильванию. Теперь очередь румын дать свидетельства своей доброй воли. Германские сомнения в отношении румынской позиции, подчеркнул Геринг, можно было бы устранить в первую очередь заключением в кратчайший срок экономических соглашений между странами. В этом случае Германия могла бы дать Румынии гарантии, подобные тем, которые были даны Югославии в отношении ее границ. Одобрив румынских правителей, Геринг говорил, что Румынии якобы посчастливилось, ибо он и Гитлер, будучи баварцами по происхождению, инстинктивно не любят венгров. Экономическое значение Румынии для гитлеровцев было настолько велико, что они были бы готовы, по их высказываниям, «завоевать дружбу Румынии, подвергая себя риску потерять Венгрию».

Результаты встречи с Герингом были немедленно доложены королю. Как Г. Братиану, так и румынский посланник в Берлине предлагали не упускать представившийся случай связать страну с германским рейхом. В противном случае, утверждали они, Германия окончательно примет сторону Венгрии и Болгарии, поддерживая их территориальные требования к Румынии⁴¹.

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Через несколько дней после встречи Г. Братиану с Герингом в Бухарест по приглашению румынского правительства прибыл Вольтат. 13 февраля 1939 г. румынский король лично принял германского уполномоченного, чтобы сообщить о проекте программы развития румыно-германского экономического сотрудничества. Согласно этой программе, подготовленной министрами Гафенку, Бужою, Славеску и Константинуеску под председательством Кароля II, восстанавливалось экономическое господство Германии в Румынии, существовавшее до первой мировой войны. Вольтат внес лишь мелкие поправки к румынскому проекту договора «О развитии экономических отношений между странами», содержащему следующие основные положения: Румыния перестраивает свою экономику, в особенности сельское хозяйство, в соответствии с потребностями германского рейха. Эксплуатация природных богатств Румынии (нефть, леса и др.) будет вестись при участии Германии. Развитие румынской индустрии не будет наносить ущерба интересам экспорта Германии в Румынию. Германия окажет помощь в развитии румынской промышленности вооружений и ее стандартизации по германским образцам. Предусматривалось совместное сотрудничество в развитии коммуникаций в Румынии и др. Давая оценку подготовленному проекту договора в своем докладе 14 февраля 1939 г., Вольтат писал, что в результате тесного экономического объединения с Германией Румыния «все больше будет уходить из-под влияния западных держав»¹.

18 февраля 1939 г. департамент экономической политики германского МИД телеграфировал Вольтату, что Берлин одобряет ход переговоров с румынским правительством и рекомендует повести их таким образом, что-

бы, «не беря политических обязательств, добиться наибольших экономических выгод» для германского рейха.

22 февраля 1939 г. закончился первый этап румыно-германских переговоров, и Вольтат отбыл в Берлин для получения окончательных инструкций. Докладывая Герингу о состоявшихся переговорах, он обратил внимание на то, что, в отличие от прошлых лет, когда господствовало французское влияние, теперь произошел «окончательный поворот в сторону Германии». Вольтат подчеркнул также, что во время переговоров Гафенку якобы отверг зондаж — «пробные шары из Москвы, Парижа и Лондона, чтобы дать свидетельства искреннего желания румынского правительства достичь соглашения прежде всего с Германией». Похвально отозвались гитлеровцы о Гафенку и в связи с его заявлением от 27 февраля 1939 г., в котором он сказал следующее: «Балканская Антанта ни при каких обстоятельствах не станет инструментом, который тем или иным образом был бы направлен против Германии. Напротив, Балканская Антанта должна понять, что германский «Дранг нах остен» будет нарастать в связи с неразрешенностью колониального вопроса. Балканские страны должны идти навстречу этому движению, тесно сотрудничая с Германией, особенно в экономической области. Таково мнение румынского правительства»².

В начале марта германский посланник Фабрициус, обеспокоенный слухами о предстоящем «большом экономическом наступлении» Англии в Румынии, просил Берлин ускорить возвращение Вольтата в Бухарест.

Вернувшись в румынскую столицу 10 марта, Вольтат возобновил переговоры. Уже 16 марта король одобрил проект румыно-германского экономического договора, а еще через день Вольтат и румынский уполномоченный Бужою согласовали окончательный текст. Но подписание его стало откладываться королевским правительством со дня на день. 22 марта 1939 г. Вольтат в сопровождении Фабрициуса посетил Гафенку и обратил его внимание на тот «риск, которому подвергается Румыния в случае дальнейшего затягивания с подписанием договора». Сообщив, что 23 марта он возвращается в Берлин, Вольтат настаивал на непосредственном участии румынского министра иностранных дел в переговорах. 22 марта в семь часов вечера состоялась встреча румын-

ской и германской делегаций. А на следующий день после включения в договор нескольких фраз о «мирных намерениях» Германии он был подписан. Такова хронология заключения этого договора, являющегося свидетельством намеренной капитуляции королевской диктатуры перед германским империализмом. Этим договором, по словам германского посланника в Румынии, наносился решающий удар по англичанам и французам в момент, когда проходил визит французского президента Лебрана в Великобританию, призванный продемонстрировать единый англо-французский фронт в связи с германской оккупацией Чехословакии: «Румыния, крупнейшая и богатейшая страна Юго-Восточной Европы, добровольно заключила с Германией, несмотря на все атаки со стороны, наиболее важный экономический договор»³.

Внутри страны имелась серьезная оппозиция политике подчинения экономики страны германскому рейху. Антифашистские силы во главе с компартией решительно выступали против предательской, антинациональной внешней политики королевской диктатуры, ведшей к закабалению Румынии гитлеровцами. «Никаких уступок фашистской Германии,— призывал ЦК КПР в одной из листовок весной 1939 года.— Каждый килограмм зерна и нефти обернется пулями в грудь румынского солдата». Круги румынской буржуазии, связанные экономически и политически с западными странами, опасались ущемления своих интересов в результате заключения такого договора с Германией, боялись, что экономическое подчинение страны германским рейхом поставит ее в лагерь, враждебный Англии и Франции. Подобные опасения отмечались также и среди части правительственных кругов. Не случайно К. Аржетояну, выступая в качестве председателя Высшего экономического совета Румынии, попытался представить «выгодность» этого договора для Румынии. Он сказал, что немцы якобы не преследуют политических целей в Румынии, что, развивая экономические связи с Румынией и вкладывая в нее свой капитал, Германия будет заинтересована в «защите» Румынии⁴. Принимая во внимание сильные антигерманские настроения и оппозицию заключению экономического договора с Германией, королевское правительство затягивало переговоры, делало вид, что с неохотой идет на такой шаг.

Международная обстановка того времени также оказывала свое влияние на ход румыно-германских экономических переговоров. Как заявил на заседании Высшего экономического совета Румынии К. Аржетояну, договор выработывался давно, но «последние события международной жизни скорее затормозили, чем ускорили его заключение».

Это проявилось в следующем. В связи с неудачей очередной попытки откупиться от колониальных требований Германии за счет уступки ей сферы влияния в Юго-Восточной Европе в феврале-марте 1939 года английское правительство прибегло к давлению на гитлеровцев, давая им понять, что Англия может оказать противодействие германской экспансии в Румынии. Именно с этой целью в Румынию, когда там шли переговоры о германо-румынском экономическом договоре, был послан лорд Семпилл. Кароль II принял его, а затем состоялись беседы Семпилла с румынскими министрами, после которых он объявил представителям прессы о разработке широкой программы развития экономических отношений между Румынией и Англией. Фабрициус считал, что поездка Семпилла связана с планами Макса Аушнита, «который пытается начать трехсторонние переговоры между Англией, Францией и Румынией» на предмет получения займа для перевооружения, а также новыми деловыми связями с западными деловыми кругами гарантировать неприкосновенность своих капиталов. Германский посланник выразил недовольство демаршами Аушнита, которые поддерживались тогдашним послом в Париже Татареску. «Министр иностранных дел Гафенку, которому я рассказал об этом, — сообщает Фабрициус, — послал за Татареску, чтобы заявить ему, что румынское правительство не желает осуществлять этих планов, ибо оно намерено завершить нынешние торговые переговоры с Германией».

Очень скоро обнаружилось, что английское правительство не хочет противодействовать германскому закабалению Румынии. Миссия Семпилла не привела к расширению англо-румынских экономических связей. Великобритания не проявила также интереса к тем предложениям, которые делались румынской миссией в Лондоне. В феврале 1939 года румынский посланник Тия, информируя министра иностранных дел Великобритании Галифакса о ходе румыно-германских экономических пе-

реговоров, обратился с просьбой о том, чтобы Англия закупила у Румынии излишки зерна и нефти. Это позволило бы нам, говорил Тиля, заявить Германии, что Румыния уже заключила соглашение с Англией и ничего не имеет для продажи германскому рейху. Позиция правящей румынской верхушки была противоречива: с одной стороны, она была заинтересована в германском рынке для сбыта сельхозпродуктов и др., но, с другой стороны, ей не улыбалась перспектива монопольного господства Германии в румынской торговле, германского диктата цен и т. п. Поэтому она хотела бы развитием экономического сотрудничества с Англией и Францией сбалансировать, уравновесить ситуацию, укрепив тем самым свои позиции в торге с гитлеровской Германией. Английское правительство не сочло возможным удовлетворить просьбу посла Тиля, сославшись на низкое качество румынского зерна и дороговизну румынской нефти.

Захват гитлеровцами всей Чехословакии в марте 1939 года создал новую обстановку в Европе, усилил опасность агрессии против Румынии. Венгрия с согласия Германии вступила 14 марта 1939 г. в Закарпатскую Украину, правитель которой Волошин предложил Румынии занять ее. Но румынское правительство отказалось от этого предложения. Охваченное паникой, оно провело скрытно всеобщую мобилизацию в ожидании того, что после этого начнется хортистское вторжение в Трансильванию. Румыно-венгерские отношения резко обострились.

В этих вот условиях румынское правительство и обратилось к английскому правительству, выступившему с формальным осуждением захвата фашистской Германией Чехословакии и обещанием оградить от агрессии другие страны Европы. 14—17 марта 1939 г. румынский посланник Тиля неоднократно посещал Форин Оффис, задавая один и тот же вопрос: «Какую помощь может ожидать Румыния в случае германской или совместной венгеро-германской агрессии против нее?» 16 марта он заявил, что его правительство из секретных и других источников имеет сведения о намерении Германии в ближайшее время приступить к расчленению Румынии по чехословацкому образцу, с тем чтобы в конечном итоге установить протекторат над всей страной. В этой связи румынское правительство хотело бы знать, в какой степени оно может рассчитывать на Великобританию, в случае если Ру-

мыния будет сопротивляться германской угрозе любого характера. Далее он сказал, что захват Германией чехословацких заводов Шкода и др., поставлявших вооружение для Румынии, нанес удар по румынской обороноспособности. Поэтому для Румынии жизненно важно незамедлительно получить заем в 10 млн. ф. ст. на покупку вооружения в Великобритании и других странах, где будет возможно, в частности в Бельгии и США. Тиля подчеркнул, что говорит в частном порядке, но уверен, что румынское правительство хотело бы получить ответ на эти вопросы.

17 марта Тиля сообщил Галифаксу, что Германия требует от румынского правительства согласиться на германскую монополию в румынском экспорте и на ограничение промышленного развития Румынии в интересах Германии. На этих условиях Германия якобы готова была гарантировать румынские границы. Румынское правительство рассматривает это как ультиматум. Оно просит в этой связи английское правительство сообщить о его позиции в случае германского нападения на Румынию.

Тем временем в Бухаресте стали распространяться слухи о возможном срыве румыно-германских экономических переговоров. Вольтат докладывал Герингу, что в политических кругах Бухареста допускалась возможность реорганизации кабинета и замены Гафенку и двух других министров «по причине их прогерманской политики». Но эти слухи быстро прекратились. На коронном совете 17 марта 1939 г. была одобрена политика Гафенку. «Политика сближения с Германией была также одобрена, — сообщал Фабрициус в Берлин, — в особенности предложенное Вольтатом соглашение»⁵. Оккупация Чехословакии гитлеровскими войсками послужила для реакционных румынских кругов еще одним аргументом в пользу переориентации на Германию. Газета «Курентул» в статье «Урок политического реализма» обрушилась на Англию и Францию, которые, «вводя в заблуждение государства Центральной Европы своими обещаниями, теперь только поняли, что центр Европы подчинен германскому влиянию».

18 марта английский посланник Хор телеграфировал из Бухареста о своей беседе с Гафенку, который заявил ему, что «нет ни слова правды» в сообщениях о герман-

ском ультиматуме Румынии. Гафенку выразил удивление всем тем, что было сказано румынским посланником в министерстве иностранных дел Великобритании. Переговоры с Вольтатом, — подчеркнул румынский министр иностранных дел, «проходят нормально и на условиях равноправия». Более того, как сказал Гафенку, после захвата Чехословакии немцы проявляют в переговорах большое стремление к соглашению. «Румынский министр иностранных дел абсолютно уверен, что в данный момент нет угрозы политической или экономической независимости Румынии». Гафенку заявил, что ему неприятно, что румынский посланник «в избытке усердия неправильно оценил обстановку», и он постарается впредь не допускать этого.

Вечером 18 марта Тилю вызвали в английский МИД и подвергли форменному допросу. Тиля сказал, что Гафенку поручил ему дать категорическое опровержение истории с «германским ультиматумом», но лично он убежден, что ультиматум был вручен румынскому правительству за 10 дней до захвата Чехословакии. 19 марта от Хора поступило сообщение, что Гафенку «задал сильную головомойку» Тилю и приказал ему вернуться в Бухарест, но якобы в связи с визитом Лебрена в Лондон выезд посланника был отложен. Румынский король также заверил английского посланника, что не было никакого «германского ультиматума». Хор считал, что Тиля неумело выполнял инструкцию своего МИД относительно необходимости привлечь внимание Англии к Юго-Восточной Европе⁶.

Давая разъяснения Фабрициусу относительно демаршей Тиля в Лондоне, Гафенку заявил, что тот действовал по собственной инициативе и получил за это строгий выговор. «Министр иностранных дел подтвердил мне, — информировал Фабрициус, — что он просил англичан не приезжать (в Бухарест. — Авт.) для обсуждения конкретных дел до тех пор, пока не завершатся германо-румынские переговоры. Он жаловался на огромное давление, оказываемое на правительство из-за границы с целью предотвратить заключение вольтатовского договора. Британский посланник, например, посетил его в связи со слухами о германском экономическом ультиматуме, который он опроверг. Посланник посетил его еще раз, ибо в Лондоне не поверили в опровержение. Без лишних слов

Гафенку тогда отвел посланника к королю, который повторил ему это и объяснил, о чем велись переговоры с Германией». Чтобы положить конец поступающим отовсюду слухам о германском ультиматуме, Гафенку 21 марта направил телеграмму в адрес румынской миссии в Белграде: «Не было германского ультиматума. Мы не давали никаких инструкций нашим представителям в Анкаре, Афинах и Париже относительно каких-либо демаршей»⁷.

Румынское правительство проявляло большую заинтересованность в заключении экономического договора с Германией. Хотя, как признавал Кароль II «многое в германских предложениях было неприятно», румынские правящие круги не хотели разрывать важных для них экономических отношений с гитлеровской Германией. В принципе выступая за заключение кабального договора с Германией, они стремились лишь выторговать себе более выгодные условия.

Но было бы искажением исторической истины умолчать о том давлении, которое оказывал Берлин на бухарестских правителей в период румыно-германских экономических переговоров. Выше упоминалось об угрожающем заявлении Вольтата 22 февраля 1938 г. А за несколько дней до этого германский посланник Фабрициус в разговоре с Г. Братиану сделал «успокоительное» заявление по поводу слухов о возможном вступлении Германии в Румынию, чтобы обеспечить себя сырьем — нефтью и т. п. «Я, — докладывал Фабрициус в Берлин, — успокоил его, что западные страны не допустят наступательных действий и что от румынского правительства зависит сотрудничать с нами в широких масштабах в области экономики, что сделает ненужным эту акцию (вторжения. — Авт.)»⁸. Сказано без всяких оговорок!

Правительство Чемберлена воспользовалось румынским обращением к нему, для того чтобы предпринять провокационный маневр с целью столкнуть Советский Союз с Германией. 18 марта 1939 г. оно уведомило Советское правительство, «что имеются серьезные основания опасаться насилия над Румынией», и запросило его о позиции в случае такого развития событий. Советское правительство вечером того же дня предложило немедленно созвать совещание представителей СССР, Великобритании, Франции, Румынии, Польши и Турции с целью

выработки совместных мер на случай гитлеровского нападения. Советское правительство соглашалось на проведение этой конференции в любом месте, но считало наиболее подходящим местом Бухарест: это подчеркнуло бы желание участников помешать нападению германских фашистов на Румынию. Английское правительство отклонило советское предложение, ибо оно затруднило бы проведение политики поощрения гитлеровской агрессии на Восток, против Советского Союза. Румынское правительство также отклонило его. Оно высказалось против системы коллективной безопасности, основанной на пакте взаимной помощи с СССР.

Советское правительство в марте 1939 года поставило в известность румынское правительство о своей готовности оказать помощь в защите национальной независимости Румынии. Докладывая об этом в Бухарест, румынский посланник в Москве Диану ссылался на заявление М. М. Литвинова, который сказал ему, что СССР мог бы оказать помощь Румынии, подвергшейся нападению. Единственным условием предоставления советской помощи являлась решимость Румынии самой защищаться против агрессии⁹. Но румынские правители отвергли советское предложение, продиктованное благородными интересами сохранения независимости Румынии и борьбы против распространения фашистской агрессии на юго-востоке Европы. Военному союзу с СССР они предпочли преступный сговор с германским фашизмом.

Английское правительство одобрило действия румынских правителей по подчинению экономики Румынии интересам будущей гитлеровской войны против Советского Союза. В день подписания румыно-германского экономического договора, 23 марта 1939 г., Хор послал в Лондон телеграмму с одобрением линии поведения румынского правительства: «Я поддерживаю контакт с румынским правительством с самого начала... и считаю вправе сообщить свое мнение о том, что оно торговалось с мудрой осмотрительностью».

Каковы же плоды этой «мудрой осмотрительности»? Подписанное 23 марта 1939 г. соглашение «Об укреплении экономических отношений между румынским королевством и германским рейхом» обязывало Румынию разработать экономический план на 10 лет, который учитывал бы германские импортные потребности. Румынское

сельское хозяйство отныне должно было развиваться с учетом спроса Германии на важнейшие сельскохозяйственные культуры. Промышленное развитие Румынии ограничивалось развитием только нефтяной, горнодобывающей и лесной промышленности. Это обрекало Румынию на положение аграрно-сырьевого придатка германской экономики: свои потребности в машинах страна должна удовлетворять только ввозом из Германии. Предусматривалось создание смешанных германо-румынских акционерных обществ для разведки, добычи и переработки нефти, бокситов, медного колчедана и другого минерального сырья. Германский империализм получал таким образом возможность глубже проникнуть внутрь румынской экономики и контролировать ее. Румыния обязывалась предоставить Германии в Галаце, Браиле и других румынских портах на Дунае так называемые свободные зоны, которые Германия могла использовать практически в любых целях, ущемляя румынский суверенитет. Германия обязывалась поставлять Румынии военные материалы и снаряжение для армии, флота, авиации и военной промышленности, оказывать помощь в развитии коммуникаций и т. п. Все сводилось к подготовке Румынии к предстоящей гитлеровской войне против СССР. С этой целью предусматривалась стандартизация вооружения румынской армии путем поставок германского оружия и т. п. В основу взаимных расчетов сторон был положен клиринг. Экономическое соглашение заключалось сроком на 5 лет — до 31 марта 1944 г. Если ни одна из сторон не денонсирует его за год до истечения указанного срока, то соглашение остается в силе на следующее пятилетие.

В секретном приложении содержались уточнения и дополнения к соглашению «Об укреплении экономических связей между Румынией и Германией» от 23 марта 1939 г. Общая сумма германских военных поставок Румынии устанавливалась в размере 200—250 млн. лей. На румынское правительство возлагалось обязательство всемерно поощрять деятельность германо-румынских нефтяных компаний, принять меры к увеличению добычи и переработки нефти для германской военной машины. Германские банки получали доступ в румынские банковские учреждения. Германия направляла своих «экспертов» в румынскую экономику, в первую очередь в сельское хозяйство, где предусматривалось создание смешан-

ных германо-румынских обществ по производству и контрактации продуктов сельского хозяйства¹⁰.

Как писала 1 апреля 1939 г. норвежская газета «Утенриксроник», соглашением от 23 марта 1939 г. Германия добилась себе такого права участия в экономической жизни Румынии, которое еще не встречалось в современных договорах.

Заключением соглашения 23 марта 1939 г. королевская диктатура сделала решающий шаг к потере национальной независимости Румынии, к экономическому и политическому закабалению страны гитлеровским рейхом. Экономическое «сотрудничество» с Германией, как отмечал в 1943 году Г. Татареску в своем обзоре предвоенной румынской внешней политики, осуществлялось в рамках «солидарной политики» с западными державами¹¹. Румынские правители, прислушавшись к советам Англии и Франции искать соглашения с агрессором, встали на путь превращения Румынии в плацдарм германского нападения на Советский Союз. Королевское правительство решило неукоснительно проводить в жизнь это кабальное соглашение, о чем оповестил министр экономики Бужою 31 марта 1939 г. на заседании Высшего экономического совета: «Не будем стремиться быть ловкими, не будем стремиться быть хитрыми, а будем лояльными...»

Экономическое соглашение с Румынией от 23 марта 1939 г. имело большое значение для Германии в деле установления ее господства во всей Юго-Восточной Европе. «Ориентируя путем многолетнего планирования румынскую экономику на экономику Германии, — отмечал Вольтат в своем отчете Герингу, — мы обеспечим Германии господствующие позиции в Юго-Восточной Европе». Гитлеровская клика расценивала заключение экономического договора с Румынией 23 марта 1939 г. как большой успех германской фашистской дипломатии. Поэтому когда венгерский посланник в Берлине, пытаясь подчеркнуть заслуги хортистов, заявил Вейцекеру, что в Будапеште объясняют быстрое заключение этого договора «венгерскими военными мероприятиями, под влиянием которых Бухарест проявил себя более покладистым, германский дипломат рассмеялся и сказал, что румынские уступки в экономической области были получены еще до венгерских военных мероприятий. Отклонив попытку венгерских правителей приписать их действиям уступчивость

Румынии, Вейцзекер сделал в то же время успокоительное заявление для хортистской клики: он решительно опроверг слухи из румынских источников о том, будто гитлеровский рейх «дал румынам гарантию ее границ с Венгрией»¹².

Фашистская Италия проявляла все большую подозрительность в отношении германской экспансии в Румынии и на Балканах вообще, несмотря на гитлеровские уверения, что Германия преследует там лишь экономические цели и предоставляет Италии свободу рук в политическом плане. Эта подозрительность возросла с подписанием германо-румынского экономического договора 23 марта 1939 г.¹³ Итальянское правительство приняло меры к усилению торговли с Румынией, чтобы не оказаться вытесненным фашистской Германией. В 1939 году она закупила в Румынии товаров (нефти и др.) на сумму в 3,2 млрд. лей и поставила ей товаров на 2 млрд. лей. Для сравнения укажем, что в 1938 году эти цифры соответственно были — 1,3 млрд. и 930 млрд. лей. На 1940 год предусматривался рост вывоза из Румынии до 7,3 млрд. лей, а ввоз в Румынию должен был составить 3,2 млрд. лей.

Экономическая экспансия фашистской Германии, ведшая к политическому подчинению и включению балканских стран в гитлеровский блок, вызывала беспокойство определенных кругов в Англии и Франции. Этот момент были вынуждены учитывать английские и французские мюнхенцы при проведении политики поощрения германской агрессии на Восток, против СССР. Создавая видимость противодействия германскому закабалению Румынии, английские и французские правящие круги подписали соответствующие соглашения.

По румыно-французскому экономическому соглашению 31 марта 1939 г. Франция обязалась закупить в 1939 году 500 тыс. т нефтепродуктов в Румынии (фактически было закуплено только 238 тыс. т.)¹⁴. Франция предоставила Румынии кредит в размере 500 млн. франков на приобретение французских товаров, в основном вооружения и снаряжения. Кредит покрывался румынскими поставками нефти и зерна. 11 мая 1939 г. был подписан протокол о торговых связях между Англией и Румынией, в котором говорилось, что Великобритания закупит 200 тыс. т зерна из урожая 1939 года по мировым ценам и предоставит Румынии заем в 5 млн. ф. ст. для

закупки английских товаров. Сумма английского займа была незначительной, поэтому румынское правительство просило увеличить ее или хотя бы объявить, что 5 млн. ф. ст. являются лишь началом английских кредитов Румынии в целях развития англо-румынских экономических связей. На эту просьбу Галифакс заявил румынскому посланнику, что сумма в 5 млн. ф. ст. «вдвое выше той, которую можно было ожидать несколько месяцев назад».

Фашистская Германия с беспокойством следила за действиями англичан в Румынии. Германский министр Функ сказал румынскому министру иностранных дел Гафенку, что «Германия не могла бы спокойно смотреть, как под прикрытием слов об укреплении экономических отношений Англия преследовала бы политические цели, препятствуя... снабжению рейха зерном и сырьем». Но причин для такого беспокойства не было. Возня вокруг экономических связей с Румынией преследовала цель оказать давление на гитлеровцев, чтобы сделать их более податливыми в империалистическом торге, который исключал бы гитлеровскую агрессию против западных колониальных держав. Ту же цель преследовали англо-французские правящие круги, давая «гарантии» Румынии и другим малым странам Восточной Европы.

Вопрос об англо-французских «гарантиях» Румынии встал на повестку дня еще во второй половине марта 1939 года. На запрос английского правительства странам, которым могла угрожать агрессия, румынское правительство подготовило 20 марта свой ответ. Он был вручен лишь 23 марта, по-видимому, для того, чтобы избежать какой бы то ни было связи между вопросом о «гарантиях румынской независимости» и временной задержкой с подписанием румыно-германского экономического договора. В румынском меморандуме говорилось, что нет непосредственной опасности нападения на Румынию, хотя оно и не исключено по причине концентрации венгерских войск вдоль румынской границы и германских войск в Словакии. Считая неподходящим заключение военного союза с западными державами под тем предлогом, что он спровоцировал бы германский рейх, румынское правительство хотело, однако, чтобы эти державы по их собственной инициативе заявили о решимости «всеми военными силами» защищать существующие границы Румынии¹⁵.

Румынский министр иностранных дел Гафенку в беседе с английским посланником Хором подчеркнул, что Румыния, в принципе выступая против общего пакта о взаимной помощи, который Германия может расценить как провоцирующий ее, самым категорическим образом будет против участия в нем Советского Союза. На проходившей в Лондоне 22 марта 1939 г. англо-французской конференции с участием Чемберлена, Галифакса, Кадогана, Бонне, Корбена и др. в связи с проблемой обеспечения безопасности в Европе было отмечено, что «румынские высшие слои» предпочитают сотрудничать с гитлеровской Германией, нежели с Советской Россией. Позиция польского и румынского правительств, по признанию американского посла в Лондоне Кеннеди, вызывала «значительное сомнение в желании Польши и Румынии защищать себя против германского вторжения»¹⁶.

27 марта 1939 г. Англия предложила Румынии и Польше свою помощь в случае германского нападения на них, но поставила условием своей помощи заключение румыно-польского договора о взаимной помощи, действительного против Германии. Министр иностранных дел Румынии стал доказывать, что он не может пойти на такой союз «без консультации со странами Балканской Антанты» и что он не питает «большого доверия» к Польше, которая может в любой момент начать переговоры с Германией. В конце марта Гафенку заявил Фабрициусу, что он давно «выбросил за борт все планы коллективной безопасности»¹⁷.

31 марта 1939 г. правительство Великобритании объявило о том, что оно дает свои гарантии Польскому государству. К английским гарантиям присоединилась Франция, имевшая к тому же договорные обязательства о взаимной помощи с Польшей. После этого польское правительство оформило союзные отношения с английским правительством, ибо, по выражению Бека, Польша как «великая держава не может принять односторонние гарантии».

Эти гарантии, так же как и те, которые были даны несколько позже Греции и Румынии, были крайне расплывчаты и неопределенны. Они не содержали никаких конкретных обязательств Англии и Франции по оказанию военной помощи гарантируемым странам. Далее, английское правительство гарантировало «независимость» этих

стран, но отнюдь не их «целостность», как бы выражая готовность пойти на новые уступки фашистской Германии на Востоке, если она откажется от агрессивных намерений на Западе. Во время секретных англо-германских переговоров летом 1939 года это обнаружилось со всей очевидностью. Советник Чемберлена Г. Вильсон заявил германскому послу в Лондоне Дирксену, что англо-германское соглашение «освободило бы британское правительство от принятых им на себя в настоящее время гарантийных обязательств». Вскрывая истинные цели гарантий, Дирксен писал, что Англия «хочет посредством вооружений и приобретения союзников усилиться и поравняться с осью, но в то же время она хочет попытаться путем переговоров прийти к полюбовному соглашению с Германией...»¹⁸.

Румынские правящие круги, идя на подписание кабального договора 23 марта 1939 г., надеялись получить гарантии границ от Германии, которая, по мнению Гафенку, была склонна предоставить их. Но одной германской гарантии им было недостаточно. Чтобы подстраховаться, они хотели получить на всякий случай и англо-французские гарантии. Поэтому сразу же после получения известий об английских гарантиях Польше румынский поверенный в делах в Лондоне Флореску предпринял демарш. В Форин Оффисе ему сказали, что Англия не утратила интереса к Румынии. Напротив, понимая, что румынское правительство хочет проконсультироваться со своими партнерами по Балканской Антанте, правительство Великобритании ожидает его мнения относительно ранее предложенной схемы: англо-французские гарантии при условии заключения румыно-польского союза, действительного на случай войны против Германии. После такого разъяснения Флореску завел речь о том, чтобы английские гарантии Румынии были действительны также и на случай венгерской агрессии. В ответ было сказано, что это разумеется само-собой, ибо Венгрия не выступит без Германии¹⁹.

Западные круги намеревались привязать Румынию, которая в отличие от Польши не имела договора о союзе ни с Францией, ни с Англией, к своей системе взаимной помощи путем распространения румыно-польского союза также на случай германской агрессии. Но выяснилось, что ни румынское, ни польское правительства не горят

желанием вступить в такой союз. Бек отказывался прийти на помощь Румынии в случае нападения на нее с запада — через Венгрию, ссылаясь на наличие польско-венгерского оборонительного союза²⁰.

В телеграмме из Бухареста 2 апреля 1939 г. Хор изложил точки зрения румынского правительства: «Румынское правительство не верит, что у Германии есть даже малейшее намерение напасть на Румынию; оно не верит Польше, которая может пойти на переговоры с Германией; румынское правительство боится заключить договор о взаимной помощи с Польшей, ибо Германия, увидя в этом румынскую готовность войти в англо-французский фронт, поощрит и поддержит венгерское нападение на румын; если Германия нападет на Польшу, Румыния не сможет оказать ей серьезной военной помощи: результатом румынской попытки прийти на помощь Польше, будет, по всей вероятности, поощрение Германией венгерского нападения на Румынию». Далее, сообщил Хор, румынские правящие круги хотели бы сохранить нейтралитет «на ранней стадии войны», полагая, что Германия ничего не выиграет от него, в особенности если Англия будет помогать Румынии, покупая ее товары.

Позиция румынских правителей изложена здесь с предельной ясностью — они хотели бы иметь помощь от западных держав, не порывая с Германией. Их же намек на то, что они в дальнейшем оставят нейтральную позицию «ранней стадии войны», был двусмысленным. Румынские правители, не зная, в чью пользу сложится война, не хотели заранее связывать себя с той или иной группировкой великих держав. Лишь в середине 1940 года, увидев, что победа склоняется на сторону гитлеровского блока, королевская диктатура сделала выбор в пользу союза с Германией.

Торгуясь с англичанами, добивавшимися румыно-польского союза на случай германского нападения, правительство Румынии хотело, чтобы английские гарантии были распространены и на восточные границы. Румынский посланник Тиля спросил об этом английского министра иностранных дел Галифакса, когда тот информировал его о визите Бека в Лондон 4—6 апреля 1939 г. Галифакс ответил, «что Англия никогда не рассматривала вопрос о гарантиях Польше и Румынии против Советской России и что Бек никогда не просил о такой гарантии».

Румынские правящие круги занимали отрицательную позицию в отношении мер, которые могли бы быть приняты в целях предупреждения германской агрессии. 4 апреля 1939 г. министр иностранных дел Румынии Гафенку еще раз заверил Фабрициуса, что он «никоим образом не позволит втянуть себя в политику окружения Германии». Гитлеровским термином «политика окружения Германии» румынский министр иностранных дел определял мероприятия коллективной безопасности. В переговорах же с английским правительством по вопросу о получении гарантий румынские правители употребляли иной словарь. Более того, они стремились показать, что являются сторонниками пактов о взаимной помощи против германской агрессии, но, мол, не могут заявить об этом во всеулышание.

В начале апреля 1939 года был направлен в Лондон генеральный секретарь МИД Румынии А. Крецяну. Объясняя эту поездку, Гафенку сказал германскому посланнику в Бухаресте, что он (Гафенку) «делает все возможное, чтобы предупредить втягивание Румынии в британскую политику окружения. По этой причине он даже послал в Лондон генерального секретаря Крецяну, чтобы более ясно изложить свои взгляды, так как он не доверял Тиле»²¹. А в это время Крецяну, добываясь английских гарантий, доказывал заместителю английского министра иностранных дел Кадогану, что Румыния уже связана с англо-французской системой безопасности, ибо румыно-польский договор 1931 года якобы действителен против агрессии со стороны любого государства, в том числе и Германии.

10 апреля 1939 г. состоялась встреча Крецяну с министром иностранных дел Великобритании. Галифакс напомнил румынскому эмиссару, что условиями предоставления английских гарантий являются: во-первых, обязательство самой Румынии защищаться против агрессии; во-вторых, польское выступление на стороне Румынии, когда она подвергнется нападению Германии и ее сообщников в Европе. Крецяну пытался убедить его, что эти условия уже соблюдены. Румыно-польский договор применим против любой агрессии, заявлял он, «хотя технические соглашения предусматривали только случай агрессии России». Крецяну несколько раз повторил мысль о необходимости предоставления «немедленной гарантии»

его стране, не дожидаясь специального соглашения между Польшей и Румынией.

Румынский эмиссар так рисовал картину оказания англо-французской помощи Румынии в случае германского или венгеро-германского нападения на нее: Англия и Франция атакуют Германию на земле, море и в воздухе, шлют в Румынию свои самолеты с пилотами и механиками, зенитные орудия, а также направляют дивизии через Дарданеллы. Крецяну сказал, что «эта помощь была бы полезна даже до начала войны». Было бы очень полезно, сказал он в заключение, если бы английское правительство сумело помочь военными материалами. Галифакс ответил ему: «Это слишком быстрый подход, и было бы лучше выяснить политическую обстановку, прежде чем переходить к обсуждению военных проблем». Из дальнейшей беседы Галифакса с Крецяну обнаружилось, что румынское правительство не хочет связывать себя соглашениями, направленными против гитлеровской Германии. Румыния против четырехстороннего пакта Англии, Франции, Польши и СССР, она не желает сотрудничать с Советским Союзом, ибо это «спровоцирует Германию», заявил Крецяну.

Одновременно с отправкой Крецяну в Лондон румынское правительство повело обработку английского посланника в Бухаресте, чтобы он побудил свое правительство без промедления дать гарантии Румынии. Кароль II обещал даже английскому посланнику, что «в случае необходимости Румыния примет русскую помощь», но обуславливать англо-французские гарантии румынской декларацией об этом. сказал он, было бы «гибельным» для Бухареста. 11 апреля 1939 г. Гафенку пригласил Хора и сообщил ему о своем предстоящем визите в Берлин. Поскольку в период заключения договора 23 марта 1939 г. Германия была склонна предоставить Румынии гарантии, сказал Гафенку, этот вопрос, вполне вероятно, может возникнуть во время его встречи с германскими руководителями. Его (Гафенку) позиции были бы крепче, если уже имели бы английские и французские гарантии.

Под давлением Франции английское правительство, отказавшись от своих предварительных условий, решило предоставить гарантии Румынии. 13 апреля 1939 г. Чемберлен выступил в парламенте с заявлением, что, если какие-либо действия будут угрожать независимости Ру-

мынии и Греции и правительства этих стран «сочтут для себя жизненно важным оказать им сопротивление своими национальными силами», английское правительство окажет им немедленно «всяческую находящуюся в его власти помощь». Подобное заявление сделал в тот же день во французском парламенте премьер-министр Даладье.

Принимая англо-французские гарантии, правительство королевской диктатуры постаралось успокоить гитлеровцев. Премьер Калинеску и министр иностранных дел Гафенку 14 апреля 1939 г. вновь заверили германского посланника, что «Румыния не присоединится к британской политике окружения Германии». Румынские правящие круги считали, что эти гарантии распространяются на «все границы Румынии». В написанном бывшим премьером Румынии Г. Татареску обзоре «Наша внешняя политика» отмечалось, что англо-французские гарантии были сформулированы так, что рассматривались румынским правительством действительными и на случай войны против СССР. От самой Румынии, писал он, зависело, что считать «жизненными интересами» и прибегнуть ли к «защите оружием», то есть создать условия оказания ей помощи по англо-французским гарантиям. Галифакс подтвердил правильность такой трактовки, заявив в июне 1939 г.: «Гарантии, данные нами Румынии, применимы в настоящее время на случай нападения с любой стороны»²². Как видно, эти гарантии были направлены скорее против СССР, чем против Германии. Они призваны были закрепить за румынскими эксплуататорскими классами захваченную советскую территорию.

Принятие англо-французских гарантий после заключения кабального соглашения с Германией было свидетельством продолжения румынскими правящими кругами «игры на двух столах». Этот же внешнеполитический курс, диктовавшийся неясностью исхода конфликта в лагере империалистических держав, определял позицию Гафенку в апреле 1939 г., когда он отправился в дипломатический вояж по Европе. В столице Турции состоялась его встреча с турецким министром иностранных дел Ш. Сараджоглу, во время которой они договорились о необходимости уточнения и конкретизации предоставленных Румынии и Турции англо-французских гарантий, добиваться полувоенной и экономической помощи от западных держав. Гафенку стремился показать себя приверженцем

английской политики, ибо знал, что Турция находилась в теснейших отношениях с Великобританией. Турецкое правительство, допуская возможность применения англо-французских гарантий Румынии в случае ее конфликта с СССР, сочло необходимым сделать соответствующее заявление. В ноте от 25 мая 1939 г. оно указало, что Турция не сможет выступить на стороне Румынии в этом случае.

После поездки в Турцию Гафенку, направляясь в Германию проездом через Польшу, встречался с Бекком. В ходе их беседы обсуждался вопрос о распространении румыно-польского союза 1921 года на все случаи агрессии, а не только на случай войны Румынии или Польши против СССР. Сообщая об этой встрече английскому правительству, Гафенку утверждал, что Бек разделял его точку зрения относительно действительности румыно-польского союза 1921 года также против германской агрессии и что «в подходящее время позднее оба правительства (румынское и польское. — Авт.) смогут поручить своим военным договориться» по этому вопросу.

В действительности же польские и румынские правители не хотели связывать себя обязательствами взаимной помощи на случай агрессии Германии против одной из стран и не скрывали недоверия друг к другу. Румынский король, например, заявил министру иностранных дел Турции Сараджоглу, что сомневается в возможности получения помощи со стороны Польши, если Венгрия и Германия нападут на Румынию. По мнению польских правящих кругов, Румыния не заключит союза с Польшей, действительного для обороны западных польских границ. Как заявил польский посол в Париже Рачинский в беседе с американским послом Буллитом 25 апреля 1939 г., Гафенку удовлетворяет существующее положение: в случае германского нападения Румыния получает помощь от Англии, Франции, а также от Польши, которая связана военным союзом с этими державами-гарантами; в случае же германского нападения на Польшу Румыния сохраняет свободу рук²³.

18—19 апреля Гафенку находился в Берлине, где имел встречи с руководителями гитлеровского рейха. В беседе с Риббентропом в первый день пребывания он заявил, что рассматривает свой визит как следующий шаг румыно-германского сближения, к которому он стремился, став министром иностранных дел Румынии. Первым шагом

на этом пути Гафенку назвал заключение румыно-германского экономического договора 23 марта 1939 г.

Гитлеровский министр иностранных дел выразил недовольство принятием румынским правительством англо-французских гарантий. Он сказал, что это произвело «неприятное впечатление в Германии», и тут же стал добиваться новых уступок от Румынии в области экономических отношений. Риббентроп заявил, что обменный курс леи крайне невыгоден при закупках румынского зерна, за которое рейх, по его словам, платит цену, в три раза превышающую мировые цены. Он поставил вопрос об изменении курса леи по отношению к марке, в противном случае Германия «автоматически будет вынуждена закупать зерно в другом месте». Тот факт, что германский министр не стал требовать отказа Румынии от англо-французских гарантий, а воспользовался ими в качестве повода для давления на румынское правительство в экономической области, указывает на трезвую оценку гитлеровцами этих гарантий, не имевших ничего общего с действительной борьбой против агрессии фашистской Германии и ее партнеров.

Гафенку же изо всех сил старался убедить Риббентропа, что принятие Румынией этих гарантий не означает антигерманской направленности ее внешней политики. «Румыния,— сказал он,— не слишком заинтересована в гарантиях своей национальной независимости (!!).., а придает значение гарантиям своих границ, поскольку ее соседи открыто агитируют против нее в печати и по радио». Гафенку подчеркнул, что Румыния не вела и не ведет никаких переговоров с Советским Союзом. Румынское правительство заявило, что не желает «иметь дело с кем-либо, что предусматривает взаимность обязательств или в чем участвует Россия»²⁴. Он даже утверждал, что не было переговоров и с Польшей по вопросам, связанным с Германией. В Париже и Лондоне мы ясно заявили, заверял Гафенку, что не будем участвовать в политике окружения Германии.

На следующий день румынский министр иностранных дел был принят Гитлером в присутствии Риббентропа и румынского посланника в Берлине. Вновь оправдывая принятие англо-французских гарантий, Гафенку указывал, что они направлены не против Германии. «Что особенно важно, так это не дать распространению влияния

России на европейские дела», — говорил он, подчеркивая антисоветскую направленность внешней политики румынского буржуазно-помещичьего правительства. Гитлер сказал, что гарантии его не беспокоят и что он понимает заявление Гафенку о невозможности для Румынии отвергнуть их, но в Англии «это будет расценено как пособничество Румынии антигерманскому фронту». Румыния ничего не выиграет от этих гарантий, заявил Гитлер, ибо «Великобритания неспособна и не будет их выполнять». Он потребовал, чтобы Румыния ни в коем случае не принимала участия в системе коллективной безопасности с участием Советского Союза. Создание связей взаимной помощи между Румынией и СССР будет рассматриваться в Берлине как попытка окружения Германии, против которой рейх примет решительные меры. Кроме того, участие Румынии в «политике окружения Германии», угрожал германский фюрер, может привести к тому, что Германия перестанет сдерживать Венгрию против Румынии, хотя он, Гитлер, и не заинтересован в изменении границ в пользу Венгрии. Ничуть не кривя душой, Гафенку заверил Гитлера, что румынское правительство не намерено идти на заключение подобных соглашений.

Вопрос об англо-французских гарантиях был центральным и в беседе Гафенку с Герингом. Указывая на неэффективность гарантий, рейхсминистр утверждал, что с их помощью Англия и Франция стремились лишь возмутить общественное мнение на Балканах, хотя не в состоянии оказать какую-либо помощь в случае опасности. «Спрашивали ли вы себя, каким образом англичане могут прибыть к вам в случае войны?» — задавал вопрос Геринг. Гафенку ответил ему: «Зачем я буду беспокоиться об этом? Если русские нападут на нас, я знаю, что вы готовы защитить нас, в этом вы только что заверили меня. Если венгры пойдут на нас, мы справимся сами. Кто же в таком случае нападет на нас?». Геринг улыбнулся и был вынужден согласиться, утверждает Гафенку, хвалясь своим дипломатическим ответом. В записи их бесед говорится: «Я (Гафенку) напомнил о тех дипломатических мерах, которые были приняты, чтобы возможные англо-французские гарантии не показались направленными против Германии (односторонние гарантии, а не двусторонний пакт, никакого соглашения с Россией, наш упор на понятие целостности, которое затрагивает лишь

отношения с лимитрофами и не противопоставляет нас Германскому государству)»²⁵. Последнее замечание свидетельствует о признании румынскими правящими кругами того факта, что сближение с Германией означало закабаление страны гитлеровским рейхом; и они намеренно шли на это, движимые классовой ненавистью к СССР, антисоветскими захватническими устремлениями.

Визит Гафенку показал стремление румынского королевского правительства развивать тесное политическое сотрудничество с Германией на антисоветской основе. В целях укрепления германо-румынских отношений тогда же была послана в Берлин делегация во главе с Вайдой на празднование 50-летия со дня рождения Гитлера. По этому случаю Вайда заявил, что он нашел много общего в политической структуре Румынии и Германии, указав, что Кароль является «королем и фюрером». Что касается Гафенку, то он под благовидным предлогом уклонился от участия в торжестве, чтобы избежать лишней демонстрации дружбы с гитлеровской Германией.

В Лондоне, где Гафенку был с 23 по 26 апреля 1939 г., состоялось несколько его встреч с английскими руководителями. Здесь Гафенку выступил оруженосцем Гитлера, противником так называемой политики окружения Германии. В то же время он подстрекал английское правительство к занятию непримиримой позиции к германским притязаниям. В беседе с Галифаксом 23 апреля он предлагал англичанам не вступать в обсуждение новых германских требований, пока взамен не будет получена от гитлеровцев должная компенсация.

Румынский министр иностранных дел в беседе 24 апреля решительно высказался против какого бы то ни было сотрудничества с СССР. Соглашение с СССР, утверждал он, неприемлемо для Румынии, ибо «оно может увести ее туда, куда она не хочет идти», то есть на путь действительной борьбы против гитлеровской агрессии. Галифакс, одобряя в принципе такую линию поведения, обратил внимание на необходимость держаться не слишком холодно с Россией, не отталкивать ее, ибо в случае войны русская помощь была бы очень полезна. К тому же, жаловался он, оппозиция настаивает на сотрудничестве с СССР²⁶. В этих словах Галифакса выражены причины, по которым английское правительство, искавшее сговора с Германией, было вынуждено говорить

о желании сотрудничать с Советским Союзом в целях предупреждения новых актов гитлеровской агрессии.

Английские руководители решили воспользоваться услугами Гафенку, чтобы получить предлог, оправдывающий их нежелание перейти от слов к делу в налаживании англо-франко-советского сотрудничества. Поэтому перед Гафенку был поставлен вопрос: «Не будет ли затруднительным для него, когда станет возможным, заявить что-нибудь публично о невозможности сотрудничества с СССР?» Румынский министр иностранных дел ответил утвердительно, подчеркнув, что нужно сделать такое заявление, которое не обижало бы Москву и не слишком доставляло бы удовольствия Берлину. Чемберлен получил также утвердительный ответ на вопрос, не приведет ли объединение западных держав с СССР к усилению опасности войны со стороны Германии. При этом Гафенку сделал заявление, призывавшее к проведению двурушнической линии в отношении СССР: «Но, с другой стороны, опасно быть во враждебных отношениях с Советским Союзом. Лучше всего не доверять ему или заключить с ним (для введения в заблуждение.— Авт.) такие соглашения, которые намекали бы, что мы верим ему».

25 апреля состоялась еще одна встреча Гафенку с Галифаксом и другими английскими государственными деятелями. Министр иностранных дел Великобритании вновь вернулся к проблеме сотрудничества с СССР. Он попросил Гафенку сделать во время пребывания в Париже заявление, в котором были бы «развиты мысли о Советском Союзе, сказанные здесь, в Лондоне, поскольку французское правительство ждет, как видно, более тесных связей с Советским Союзом, чем того хотят Румыния или Польша». Гафенку, еще раз высказавшись против какого бы то ни было политического сотрудничества с СССР, обещал ему это, но просил, чтобы его откровенные высказывания о России остались в тайне. Позиция Гафенку давала возможность английскому правительству саботировать англо-франко-советские переговоры о пакте взаимной помощи со ссылками на позицию Румынии. Оба министра иностранных дел были солидарны в том, что, хотя сотрудничество с СССР нежелательно, не следует отдалять от себя Россию, напротив, надо «постоянно держать ее в игре»²⁷, то есть использовать в качестве средства давления на гитлеровскую Германию.

В Париже, как и в Лондоне, Гафенку высказывался против коллективных мер борьбы с гитлеровской агрессией, считая большой ошибкой привлечение СССР к этому делу. Румынский министр иностранных дел выразил неодобрение французскому плану трехстороннего пакта о взаимной помощи — Англии, Франции и СССР, поддержав английский проект односторонних гарантий. Французское правительство, проводя совместно с английским правительством мюнхенский курс, было вынуждено проявлять большую настороженность в отношении Германии, дважды вторгавшейся во Францию в конце XIX и начале XX века. Оно стремилось сохранить возможность в случае необходимости использовать военно-политические связи с Румынией и другими малыми странами на востоке Европы для собственной защиты от германской агрессии. По этой причине во время визита Гафенку в Париж французское правительство решило поставить Румынии оружие, которое, оставаясь собственностью Франции, могло бы быть использовано румынским правительством в случае войны²⁸.

С 30 апреля по 2 мая 1939 г. румынский министр иностранных дел находился в Риме. Там ему был оказан довольно холодный прием. Объяснялось это тем, что Румыния участвовала и пыталась выступить лидером Балканской Антанты, которую итальянские фашисты считали препятствием экспансии Италии в Юго-Восточной Европе. Гафенку был сделан выговор за принятие англо-французских гарантий, указано на неэффективность «западного протезирования и покровительства». Далекий от того, чтобы советовать румынским правителям налаживать тесное сотрудничество с СССР, Чиано, критикуя и высмеивая англо-французские гарантии, сказал, что для Румынии «единственно ценными» были бы гарантии ее соседа — России²⁹.

Из дипломатического вояжа по европейским столицам Гафенку вернулся убежденным в правильности своей позиции, выраженной в следующей формуле: «Никаких союзов против Германии, никаких дел с Советским Союзом». Это означало, что румынские правящие круги не будут участвовать в борьбе против агрессии фашистской Германии и ее поборников в Европе. 8 мая 1939 г. Фабрициусу было сообщено, что румынское правительство «твердо отклонило» все предложения втянуть ее в пере-

говоры с СССР на предмет совместной борьбы с возможной агрессией против Румынии.

После поездки Гафенку румынское правительство, продолжая прежний внешнеполитический курс, предприняло новые шаги к сближению с Германией. Но гитлеровская клика проявляла все большее неудовлетворение двойственной политикой румынских правителей. Когда Кароль II в мае 1939 г. обратился с просьбой поставить Румынии оружие из «протектората Чехии и Моравии», ему было сказано, что германское командование не уверено в румынской позиции, вызывающей опасения, что повторится 1916 год, когда Румыния, связанная союзом с кайзеровской Германией и Австро-Венгерской империей, вступила в войну на стороне Антанты, расценив русское наступление предвестником ее скорой победы. Король заверил, что 1916 год не повторится, что, оставаясь нейтральной, Румыния будет снабжать Германию нефтью и пшеницей. Он говорил, что нет оснований для возникновения сомнений в искренности румынского правительства.

Стремясь войти в доверие к гитлеровцам, королевская диктатура расточала все новые заверения в своей лояльности к германскому рейху. 13 мая 1939 г. Гафенку сообщил Фабрициусу о своей беседе с заместителем наркома иностранных дел СССР Потемкиным, посетившим Бухарест. По утверждению румынского министра иностранных дел, Потемкину было сказано, что Румыния не хочет союза ни с СССР, ни с державами «оси», что румыно-польский пакт не направлен против Германии. Известно, однако, что Гафенку пытался убедить Потемкина в противоположном, рассказывая ему о своих переговорах с Бекком относительно возможности использования румыно-польского союза для защиты западных границ обеих стран. В конце мая Гафенку заявил германскому посланнику в Бухаресте, что он послал в Женеву генерального секретаря МИД Румынии, чтобы сделать ясным для Британии и Франции, что Румыния ни при каких условиях не желает быть включенной в «русскую систему безопасности». В циркуляре германского МИД от 24 июня 1939 г. сообщалось, что Гафенку во время визита в Анкару добивался, чтобы Балканская Антанта не могла «служить системе безопасности западных великих держав»³⁰.

Правящие румынские круги приходили в отчаяние от

того, что державы «оси», проявляя недоверие к ним, оказывали поддержку требованиям венгерских и болгарских правителей к Румынии. Гафенку, жалуясь в этой связи Фабрициусу на выступления германской и итальянской прессы, с горечью восклицал: «Разве мы, король и правительство, делая все для сближения с Германией, заказывая оружие в Германии и держа страну открытой экономически для Германии, заслуживаем этого?» Он подчеркивал, что румыно-германский экономический договор значит больше, чем договор о союзе, ибо он сделал Румынию доступной германскому влиянию. Гитлеровский дипломат ответил ему, что Германия якобы не поддерживает и не поощряет антирумынского ревизионизма, но вместе с тем упрекнул румынское правительство за его внешнеполитические акты, производящие неблагоприятное впечатление в Берлине — принятие гарантий и т. п. «Румыния должна понять, что мы не можем бесстрастно смотреть на то, как Британия все больше опутывает гарантированные страны сетями окружения (Германии.— Авт.), и что мы также вынуждены определить нашу позицию», — угрожал Фабрициус. Когда же Гафенку попросил, чтобы Германия дала Румынии гарантии, подобные англо-французским, то германский посланник отклонил эту просьбу, квалифицировав ее как несвоевременную³¹.

Двойственный внешнеполитический курс все чаще ставил румынских правителей в затруднительное положение. Английское правительство, например, было возмущено действиями Гафенку, направленными против англо-турецкого политического сотрудничества на Балканах. Галифакс телеграфировал Хору: «Если это действительно так, что румынское правительство сделало представление турецкому правительству, требуя от него, чтобы англо-турецкий договор... не распространялся на Балканы, вам следует сделать представление румынскому правительству, сказав, что мы удивлены и крайне обескуражены их таким шагом... Вы должны подчеркнуть, что договор между Великобританией и Турцией является существенной частью общего соглашения для защиты Румынии против агрессии и что поэтому не следует исключать себя из него, а нужно проявить твердость, встретив недовольство оси в этой связи». Румынский министр иностранных дел, оправдываясь, говорил, что его демарш был продиктован стремлением не вызвать недовольства Германии приняти-

ем Румынией турецких гарантий по англо-турецкому договору, но что якобы в действительности он «горячо одобряет этот договор»³².

Румынские правители всячески подчеркивали «традиционную дружбу с Великобританией и Францией», добиваясь, чтобы эти страны не поддерживали венгерских и болгарских претензий к Румынии. В первой половине августа Гафенку в беседе с английским временным поверенным в делах изо всех сил старался убедить его, что, в отличие от Румынии, Венгрия окончательно перешла в гитлеровский лагерь. «Стратегически Венгрия уже является частью германского рейха», — говорил он, доказывая неразумность английских обращений к Румынии с просьбами об уступках Венгрии. 16 августа 1939 г. премьер Каллинеску пригрозил английскому дипломатическому представителю своей отставкой и «полной переориентацией политики» Румынии, если Англия будет продолжать поддерживать венгерские требования.

Ту же двойственную политику, политику лавирования между двумя империалистическими группировками, вели румынские правящие круги в связи с англо-франко-советскими переговорами в 1939 году. Анализ позиции румынского правительства в этом вопросе показывает, что антисоветская направленность внешнеполитического курса Румынии способствовала срыву англо-франко-советских переговоров. Правительства Англии и Франции, не желавшие заключения договора о взаимной помощи с СССР, в оправдание своей линии поведения на переговорах ссылались на нежелание Румынии и Польши участвовать в системе коллективной безопасности вместе с Советским Союзом. Как свидетельствует Гафенку, правительство Великобритании «было счастливо выдвинуть на первый план возражения Польши и Румынии, чтобы ограничить те обязательства, которые мог взять на себя Советский Союз»³³.

Уже 20 апреля румынский посланник в Москве Диану заявил английскому послу в СССР, что не следует ожидать согласия румынского правительства на военное сотрудничество с Советским Союзом. Такое же заявление сделал в Лондоне во время своего визита в Англию румынский министр иностранных дел Гафенку. В телеграмме от 25 апреля 1939 г., сообщая об «интересных переговорах» со всеми важными членами правительства и оппо-

зиции, а также с американским послом в Великобритании, он писал: «Я изложил нашу точку зрения, что мы не хотим быть втянутыми в систему всеобщей помощи, которая опиралась бы на Россию. Участие России в гарантиях, которые нам даны.., не усилило бы наши позиции, скомпрометировало бы наши отношения с Германией». Он добавил, что не может мешать западным державам в их стремлении подстраховаться связями с СССР, но еще раз подчеркнул: «Мы хотим остаться вне любой системы, организуемой с участием России; и мы останемся довольны, если наше имя не будет произнесено по случаю возможной франко-советской декларации»³⁴.

Английская и французская дипломатия делала вид, что пытается убедить румынское правительство изменить свою позицию, мешающую успеху переговорам в Москве. 30 апреля 1939 г. английский посланник Хор передал румынскому премьеру Калинеску составленную Галифаксом формулу, которая, объединяя противоречивые моменты, должна была удовлетворить правительство Румынии. Формула Галифакса исходила из того, чтобы, «во-первых, не лишиться советской помощи в случае конфликта, во-вторых, не подвергать опасности общий фронт на Востоке по причине обостренной восприимчивости Польши и Румынии, в-третьих, не играть на руку Германии поощрением антикоминтерновской деятельности, чтобы не потерять симпатии всего мира, в-четвертых, не провоцировать Германию на насильственные действия». Правительство королевской диктатуры выступило против этой формулы, заявив, что принятие советской помощи было бы расценено Германией как враждебный акт. Румынские буржуазно-помещичьи правители никак не хотели противодействовать гитлеровской Германии и потому отказывались от сотрудничества с Советским правительством, искренне желавшим помочь Румынии.

22 мая 1939 г. румынское министерство иностранных дел в телеграмме румынской миссии в Лондоне следующим образом изложило позицию румынского правительства в отношении англо-франко-советских переговоров: «Переговоры с Советской Россией ведутся независимо от помощи, гарантированной Румынией... Поэтому румынское правительство не может взять на себя ответственность формулировать какое-либо положение». 1 июня румынский посланник Тиля посетил английский МИД и напом-

нил, что «румынское правительство с самого начала просило, чтобы ни в каком англо-русском соглашении Румыния не упоминалась». Далее, он попросил, чтобы «прибывающему сегодня в Лондон Титулеску не давали возможности в английской прессе высказаться в пользу румыно-советского сотрудничества»³⁵. 13 июля в адрес румынской миссии в Анкаре была послана телеграмма, в которой говорилось, что румынское правительство «пока не имеет намерения вступать в прямые или косвенные переговоры с русскими об участии в пакте Черного моря или с целью других соглашений, которые удалили бы нас от нашей политики независимости и равновесия». В начале августа Тия в беседе с Галифаксом критиковал англичан за то, что они якобы «слишком ухаживают за русскими». При этом он поинтересовался, не вставал ли в ходе переговоров в Москве вопрос о захваченной Румынией советской территории. Галифакс успокоил его.

Таким образом, на первом этапе англо-франко-советских переговоров, когда вырабатывались основы и формулы политического сотрудничества антифашистских государств для отражения гитлеровской агрессии, румынское королевское правительство, не желая компрометировать себя в глазах гитлеровцев тесными связями с англичанами и французами и сближением с СССР, отказалось от единого фронта с ними. Еще не зная, как будут развиваться события и на чьей стороне лучше оказаться, румынские правители стремились угодить как фашистским агрессорам, так и англо-французским империалистам, сохраняя при этом антисоветскую направленность своей внешней политики. Именно поэтому они настаивали перед английским правительством, чтобы Румыния не упоминалась в каком бы то ни было соглашении западных держав с Советским Союзом, если таковое окажется возможным в результате переговоров.

Главным вопросом переговоров военных миссий СССР, Англии и Франции в августе 1939 года явился вопрос о проходе советских войск через территорию Польши и Румынии для ведения совместных операций вооруженных сил договаривающихся сторон против общего врага. В противном случае Советский Союз, не имея общей границы с Германией, оказывался лишенным возможности прийти немедленно на помощь Англии и Франции. Военные планы западных держав не предусматривали сотру-

ничества вооруженных сил Польши и Румынии с вооруженными силами СССР для отпора гитлеровской агрессии. В ст. 16 инструкции английского правительства своей военной миссии на переговорах в Москве говорилось: «Если русские потребуют, чтобы французское и британское правительства сделали Польше, Румынии и Прибалтийским государствам предложения, которые повлекли бы за собой сотрудничество с Советским Союзом или его Генеральным штабом,— миссия не должна брать на себя таких обязательств». Представители военных миссий Англии и Франции считали, что Красная Армия могла прийти на помощь этим странам, подвергшимся германскому нападению, только после того, как они «попросят» об этом. Это было равносильно тому, чтобы заранее обречь Польшу и Румынию на захват гитлеровской Германией и тем самым лишить союзные страны дополнительных вооруженных сил в борьбе с германской агрессией. Касаясь заявления английского делегата адмирала Дракса, что если Польша и Румыния не попросят советской помощи, то они быстро станут провинциями агрессивной Германии, глава советской военной миссии на переговорах К. Е. Ворошилов сказал, что такой исход совсем не в интересах Англии, Франции и Советского Союза³⁶.

Советский Союз хотел, чтобы западные державы использовали свое влияние и разносторонние связи, в том числе военно-политические, с Польшей и Румынией для получения разрешения на проход советских войск через румынскую и польскую территории в случае необходимости. Но английские и французские правящие круги, не будучи заинтересованы в заключении военного союза с СССР, не стали добиваться этого. Для них Польша и Румыния были разменной монетой в торге с германским империализмом. Правящие круги Англии и Франции хотели принести эти страны в жертву гитлеровской агрессии, чтобы привести ее на исходный рубеж антисоветской войны германского фашизма.

Польские и румынские правители и на этот раз сослужили добрую службу англо-французским империалистам, заняв инспирированную Западом позицию в отношении военного сотрудничества их стран с Советским Союзом. 11 августа 1939 г. Кароль II заявил в беседе с турецким президентом Исметом Иненю, что не допустит Красную Армию на румынскую территорию даже в том случае, ес-

ли она пойдет на помощь сражающейся румынской армии. Он решительно выступил против заключения пакта о взаимной помощи с СССР, так же как и против денонсации открыто антисоветского румыно-польского союза. Как сообщает турецкий министр иностранных дел, Кароль II не желал иметь никакого дела с СССР до тех пор, пока не будет юридического признания румынской аннексии советской территории³⁷.

Позиция румынского правительства не изменилась до последних дней англо-франко-советских переговоров. Информировав Гафенку, находившегося в Париже, о том, что СССР потребовал от Англии и Франции обеспечения прохода советских войск через территорию Польши и Румынии, Г. Татареску сообщал: «Для очистки совести правительства Лондона и Парижа решили предпринять демарш перед нашим правительством и правительством Польши. Знаю, что такой демарш был сделан в субботу в Варшаве и встретил категорический отказ министра Бека». Татареску добавлял, что в случае такого демарша перед Румынией будет дан ответ в соответствии с «постоянными директивами по этому вопросу», то есть советское предложение будет отвергнуто³⁸. Получив желаемый отказ польских правителей на запрос о разрешении прохода советских войск, правительства Чемберлена и Даладье сочли излишним официально запрашивать Бухарест. В английских и французских кругах говорили, что если уж Польша, которой непосредственно угрожает германская агрессия, отказывается от советской помощи, то Румыния, развивающая и углубляющая экономическое сотрудничество с рейхом, тем более даст отрицательный ответ.

Королевское правительство Румынии, так же как и польское правительство, внесло свой вклад в срыв военных переговоров СССР, Англии и Франции. Вышеприведенные факты разоблачают утверждения Гафенку о том, что румынское правительство не было в курсе переговоров западных держав с Советским Союзом и что на него не ложится никакой ответственности за срыв переговоров.

Срыв англо-французскими правящими кругами при соучастии польских и румынских правителей переговоров в Москве летом 1939 года вынудил Советское правительство пойти на заключение договора о ненападении меж-

ду СССР и Германией. Подписание 23 августа 1939 г. советско-германского пакта о ненападении провалило империалистические планы западных держав избежать военного столкновения с Германией путем подталкивания ее на войну против СССР, вызвало растерянность и в румынских правящих кругах. По мнению румынского премьера Калинеску, создалось «весьма серьезное положение». Причина такой оценки — отказ фашистской Германии в тот момент от нападения на Советский Союз.

В последние дни перед началом второй мировой войны румынские правящие круги предприняли новые шаги, чтобы обеспечить себе поддержку гитлеровской Германии на случай возможных осложнений отношений с пограничными Румынии странами.

Гафенку 27 августа 1939 г. заявил германскому посланнику в Бухаресте, что его страна будет «нейтральной в любом конфликте между Германией и Польшей, даже если Англия и Франция вмешаются в него». Он сказал также, что румынское правительство будет снабжать Германию нефтью, сырьем и сельскохозяйственными продуктами даже в период военного конфликта. Таким образом, буржуазно-помещичья Румыния, принявшая гарантии от Англии и Франции, теперь добровольно обязалась содействовать ведению войны гитлеровцами против ее гарантов.

Обеспокоенный заключением советско-германского пакта о ненападении и возможным в связи с этим временным отказом гитлеровцев поддержать открыто антисоветскую позицию румынских правителей, Гафенку заклинал их не прекращать борьбу против СССР. В заслугу королевскому правительству Румынии он ставил то, что после отставки Титулеску оно «ничего не делало для улучшения своих отношений с Советской Россией, считая улучшение отношений с Германией важнейшим вопросом своей будущей политики». Гафенку выразил готовность румынских правящих кругов служить гитлеровцам в качестве верного антисоветского орудия. Он сказал, что «хочет идти рука об руку с Германией в русском вопросе и просил сообщить в этой связи германскую точку зрения»³⁹. В беседе с германским военным атташе Герштенбергом 29 августа 1939 г. румынский министр иностранных дел вновь настойчиво твердил о том, что буржуазно-помещичьи круги постоянно и твердо занимали антисо-

ветскую позицию. В сделанной им самим записи этой беседы отмечается: «Говоря затем о русском вопросе, я напомнил слова, которыми обменялся с маршалом Герингом, сказавшим мне, что мы можем поддерживать дружеские связи с Англией и Францией, но как только станем укреплять отношения с Россией, мы потеряем дружбу Германии. Мы сдержали наше слово. Мы не укрепляли отношений с Россией, чтобы не вызывать подозрений Германии. Наша позиция в этом отношении была лояльной и дружеской»⁴⁰.

Свидетельством готовности тесно сотрудничать с рейхом в случае развязывания им войны явилась доверительная информация, переданная Каролом II германскому военному атташе в конце августа 1939 года. Румынский король сообщил Герштенбергу о том, что французы и англичане недавно предложили Румынии план саботажа и диверсий на нефтепромыслах в случае войны, но он отверг этот план. Кароль II подчеркнул, что лично будет следить за соблюдением нефтепоставок германскому рейху. В июле — августе 1939 года Румыния в обмен на германское оружие и снаряжение дополнительно к торговому соглашению на 1939 год поставила значительное количество нефтепродуктов, потребность в которых резко увеличилась в связи с приближением войны. Когда же произошла небольшая задержка с поставкой нефти на 1,5 млн. т, то германский временный поверенный 24 августа заявил румынскому министру иностранных дел: «Это может создать впечатление, что Румыния дает задний ход еще до того, как разразится (военный) конфликт». Гаффенку поспешил заверить, что это не так, что в румынской позиции не произошло никаких изменений. После его обращения к премьер-министру в тот же день было отдано правительством соответствующее распоряжение. 1 сентября 1939 г. Фабрициус докладывал в Берлин, что за последние несколько недель дополнительные поставки нефти из Румынии достигли суммы в 8 млн. марок.

Несмотря на все это, германская фашистская верхушка не шла на политическое сотрудничество с румынскими правящими кругами. Двойственность румынского внешнеполитического курса вызывала недоверие и недовольство в Берлине. В августе 1939 года Гитлер сказал, что «самым неопределенным фактором на Балканах была Румыния».

НА ПУТИ К СОЮЗУ С ГИТЛЕРОМ

Несмотря на то что гитлеровская верхушка не доверяла румынским правителям, ведущим двойную игру, она все же была уверена, что в начавшейся второй мировой войне королевская Румыния не станет на сторону Англии и Франции, а займет нейтральную позицию, выгодную для Германии. Гитлеровцы считали, что румынские правящие круги будут стремиться заручиться поддержкой Германии против территориальных требований Венгрии и Болгарии. Эти надежды полностью оправдались, хотя поначалу непоследовательность румынской позиции вызывала у Германии некоторое беспокойство.

Нападение гитлеровской Германии на Польшу застало румынское королевское правительство связанным определенными обязательствами перед западными странами. Еще до начала войны оно дало согласие на транзит английских военных материалов в Польшу, а также обещало предоставить базу для складирования этих материалов и сборки самолетов, посылаемых морским путем в Констанцу и Галац. У англо-французских империалистов были планы оказания помощи Польше своими войсками через румынскую территорию. По германским сведениям, румынское правительство вступило в сентябре 1939 года в переговоры с Великобританией о высадке англо-французских войск в Румынии¹. Возможно, что в ожидании прибытия этих войск, королевское правительство не спешило с официальным изложением своей позиции в начавшейся войне. Лишь 4 сентября оно составило коммюнике, нарочитая неопределенность которого насторожила правителей германского фашистского рейха. В коммюнике говорилось, что Румыния полна решимости «сохранять и впредь мирную позицию, которую она соблюдала до

сих пор, добиваясь согласия со всеми соседними странами. В этом духе правительство готово возобновить свое предложение о заключении договора о ненападении». На просьбу Фабрициуса сделать заявление о нейтралитете румынский премьер-министр Калинеску ответил, что «это невозможно, поскольку Румыния не находится в положении таких стран, как Швейцария, Дания и Голландия». Противопоставление Румынии этим постоянно нейтральным странам как бы говорило, что румынские правящие круги не намерены связывать себя нейтралитетом в начавшейся мировой войне.

Фашистская Германия добивалась того, чтобы Польша не могла получать военные материалы и снаряжение из Англии и Франции транзитом через Румынию. Уже 31 августа 1939 г. Фабрициус поставил перед румынским премьером Калинеску вопрос о запрещении транзита из Констанцы в Польшу. Отказываясь удовлетворить его требование, Калинеску подчеркнул, что в таком случае пришлось бы удовлетворить возможное требование Англии, Франции и Польши о прекращении румынских поставок нефти в Германию. 4 сентября германский посланник предпринял новую попытку добиться запрещения провоза военных материалов и проезда английской военной миссии через румынскую территорию в Польшу. В ответ ему было сказано, что румынское правительство не разрешит провоза «большого количества оружия и проезда большой группы английских военнослужащих (разряда наша.— *Авт.*)». Такой ответ гитлеровцам был усугублен довольно резкой постановкой Калинеску вопроса о поставках германского оружия в обмен на румынскую нефть. Премьер-министр Румынии заявил Фабрициусу, что румынские поставки нефти будут осуществляться в зависимости от того, как будут выполняться германские поставки. Это была довольно сильная угроза: рейх очень зависел от поставок румынской нефти. Не случайно поэтому Берлин информировал свою миссию в Бухаресте, что военные поставки Румынии будут производиться при любых обстоятельствах.

Не совсем дружелюбная позиция Румынии в первые дни войны не могла явиться побудительным моментом к оккупации этой страны гитлеровской Германией. Захват Румынии не улучшил бы, а ухудшил снабжение держав «оси» румынской нефтью. Итальянский посол в Бер-

лине говорил: «Зачем нам брать румынскую нефть путем оккупации страны с огромной затратой сил и средств, когда мы можем иметь ее почти с доставкой на дом и без затруднений — по обычным торговым каналам»². Поэтому Германия и Италия не могли допустить хортистского нападения на Румынию, пока она бесперебойно снабжала нефтью державы «оси». Когда венгерское правительство, считая благоприятной обстановку, сложившуюся в первые дни войны, 3 сентября 1939 г. обратилось к Муссолини за дипломатической поддержкой для захвата Трансильвании, то ему посоветовали воздержаться от этого шага. Риббентроп заявил 4 сентября 1939 г. венгерскому посланнику в Берлине, что Германия не потерпит атаки Венгрии на Румынию.

Тем временем в позиции румынского правительства происходили очевидные изменения в пользу гитлеровской Германии, вызывавшиеся ходом германо-польской войны. Обеспокоенная поразительным успехом немецких войск и тем, что Англия и Франция ничего не делали для спасения своей союзницы, королевская «камарилья» усомнилась в ценности англо-французских гарантий и решила удовлетворить германское требование о провозглашении Румынией нейтралитета. 6 сентября 1939 г. во дворце Котрочени был созван коронный совет, все участники которого высказались в пользу нейтралитета. Интересно, что прогерманцы А. Вайда и Г. Братиану считали его выгодным рейху, а прозападники Н. Йорга и др. — выгодным Польше и англо-французским союзникам. К. Аржетояну, выступая за румынский нейтралитет, призвал к нормализации отношений с Советским Союзом, который, не дав втянуть себя в войну, по его словам, «явился победителем на сегодняшний день».

После заседания коронного совета в бухарестских газетах было опубликовано 8 сентября 1939 г. следующее коммюнике: «Совет единогласно решил строго соблюдать выработанные международными конвенциями правила нейтралитета по отношению к воюющим странам, участвующим в нынешнем конфликте». Объявление нейтралитета было продиктовано, как писал Г. Татареску, главной целью — «сохранить нетронутыми наши военные силы вплоть до последнего часа этого конфликта». Верные своей традиционной политике быть в лагере победителей, румынские правящие круги и на этот раз хотели вступить

в войну только тогда, когда ее исход не будет вызывать сомнений. Когда Франция в сентябре 1939 года предложила Румынии принять французскую военную миссию инструкторов во главе с генералом Миттельхаузером, членом высшего военного совета, Кароль II отказался даже обсуждать это предложение³.

После принятия решения о нейтралитете в Берлин с неофициальной миссией отправился И. Джигурту. Он встречался с Герингом, которому признался, что поездка предпринята с одобрения Кароля II. Румынский эмиссар заверял Геринга, что Германия может рассчитывать на Румынию. Румынские правящие круги, подчеркнул он, нуждаются в мощной Германии для «сдерживания России», то есть для удержания захваченных советских земель⁴.

Гитлеровская Германия, не довольствуясь провозглашением Румынией нейтралитета, стала добиваться от нее прекращения всякой поддержки Польши. 8 сентября 1939 г. румынскому правительству была вручена памятная записка, в которой содержалось следующее предупреждение: «Если Румыния открыла бы путь для провоза военного материала в Польшу сейчас, когда все другие пути отрезаны, то румынская территория стала бы базой операций против Германии, с чем правительство рейха никак не могло бы смириться. К этому нельзя приравнивать поставки нефти в Германию, ибо Румыния экспортирует нефть также в другие страны, в частности в Польшу». В связи со слухами, будто польское правительство попросило право убежища в Румынии, 10 сентября Фабрициус сделал специальное представление румынскому правительству. Ему были даны самые категорические заверения, что просьба о разрешении деятельности иностранного правительства на румынской территории будет сразу же отвергнута как несовместимая с нейтралитетом Румынии.

В последующие дни гитлеровская Германия потребовала от румынского правительства закрыть границу с Польшей, не допускать транзита военных материалов, разоружить и немедленно интернировать всех польских военнослужащих, перешедших на румынскую территорию. 14 сентября Фабрициус сообщил в Берлин ответ Гафенку, что германские требования будут удовлетворены. В свою очередь, румынский премьер-министр поставил

вопрос перед германским посланником о передаче Румынии польского и другого трофейного оружия в обмен на дополнительные поставки нефти и зерна. Он заявил, что Румыния готова снабжать Германию в еще больших размерах в течение ряда лет, пока будет длиться война. Своим предложением, подчеркнул Калинеску, Румыния «хочет дать Германии лучшее доказательство своей доброй воли»⁵.

16 сентября 1939 г. Германия заявила энергичный протест по поводу того, что румынское правительство позволило провезти через свою территорию и погрузить на английский корабль в Констанце золотой запас Польши. Эта операция, проведенная секретно, говорилось в заявлении Фабрициуса, является нарушением румынских обязательств по нейтралитету, поскольку «польское золото облегчит англичанам ведение войны против Германии». Оправдываясь, Гафенку говорил, что румынское правительство отказалось принять на хранение польский золотой фонд, но оно не могло воспрепятствовать транзиту этого золота, «которое является товаром, как и все другие».

Сильному давлению гитлеровцев подверглось румынское правительство, после того как на его территории укрылось бежавшее правительство Польши и главнокомандующий польской армией. 20 сентября в Бухаресте было объявлено, что польский маршал Рыдз-Смиглы интернирован в Румынии в соответствии с германским требованием на весь период войны. Были интернированы также члены польского правительства. Берлин приветствовал «ясное проявление румынского нейтралитета, выразившееся в интернировании членов польского правительства и недопущении их выезда» из Румынии, и 20 сентября 1939 г. ответил согласием на предложение Калинеску относительно обмена трофейного оружия на румынские нефтепродукты и зерно.

Совершенное «Железной гвардией» 21 сентября 1939 г. убийство премьер-министра Калинеску и последовавшие за этим жестокие репрессии в отношении легионеров не могли не оказать влияния на развитие германо-румынских отношений. Гитлеровцы не хотели, чтобы королевская диктатура ликвидировала бы их железногвардейскую агентуру, в преданности которой они не сомневались. Однако в этот период не произошло открытого

обострения отношений Германии с Румынией. Германский посланник в Бухаресте обратил внимание своего правительства на необходимость воздержаться от какой бы то ни было критики «суровых мер» румынского правительства против легионеров. В условиях начавшейся войны гитлеровцы не желали осложнить свои отношения с королевской Румынией.

В то время, когда фашистская Германия, разгромив Польшу, готовилась к войне на Западе, румынские правители шли на все большее увеличение поставок ей нефти и сельскохозяйственной продукции. В конце сентября 1939 года были заключены новые экономические соглашения, предусматривавшие увеличение объема румыно-германской торговли на 100 млн. марок по сравнению с предшествующим годом. Румыния обязалась поставить 1 млн. т кукурузы, 400 тыс. т пшеницы, 200 тыс. т ячменя, 200 тыс. свиней, 300 тыс. голов крупного рогатого скота. Что касается поставок нефти, сообщали в Берлин германские представители, они зависели лишь от транспортных возможностей: румынское правительство не ограничивало их размера. В новых условиях, создавшихся в Румынии, было сочтено несвоевременным «по политическим мотивам» ставить вопрос о новом повышении курса марки по отношению к лею: только что во главе правительства стал К. Аржетояну, «известный на протяжении ряда лет как друг Германии», к тому же новый премьер сам обещал в скором времени пойти навстречу Германии в этом вопросе⁶.

Чем дальше продолжалась «странная война», свидетельствовавшая о сохранявшихся надеждах англо-французских империалистов повернуть острие гитлеровской агрессии против СССР, тем больше королевское правительство Румынии проявляло свою готовность удовлетворять все новые и новые германские требования.

В конце ноября 1939 года из Берлина была передана Фабрициусу инструкция «посоветовать» румынскому правительству принять «авторитарные меры» для преодоления «оппозиции британских нефтяных компаний», выделив с этой целью специального правительственного комиссара с правом распоряжения нефтепродуктами и установления твердых цен. Тогда же германская миссия в Бухаресте вербальной нотой выразила неудовольствие по поводу того, что на румынской территории организовы-

вались акты саботажа перевозок нефти в германский рейх. От румынского правительства гитлеровцы потребовали принять меры по пресечению этого саботажа, «имеющего целью затруднить транспортировку нефти из Румынии в Германию и тем самым нанести ущерб нейтралитету»⁷.

Г. Татареску, возглавивший 24 ноября 1939 г. правительство королевской диктатуры, заявил 6 декабря 1939 г., что Румыния может гарантировать ежемесячно 130 тыс. т нефти «по разумной цене». Он сказал также, что румынское правительство последует германскому совету и назначит правительственного комиссара, чтобы обеспечить необходимое Германии количество нефти. На следующий день МИД Румынии поставил в известность германского посланника о том, что приняты «самые широкие меры» по предупреждению актов саботажа, что в нефтепромысловые районы посланы моторизованные жандармские части и т. п. 14 декабря Фабрициус сообщил в Берлин, что, вопреки мнению кабинета и своих советников, король дал согласие на повышение курса марки с 41 до 47 лей. Это было сделано, как подчеркнул король, «по политическим мотивам». Министр двора Урдаряну заявил Фабрициусу в этой связи, что Кароль II надеется на германскую политическую и дипломатическую поддержку в деле удержания оккупированной советской территории. Английские и французские правящие круги выразили недовольство предоставлением новых экономических выгод только Германии и сочли это несовместимым с нейтралитетом, провозглашенным Румынией.

На совещании у Геринга 2 января 1940 г. по экономическим вопросам отмечалось, что Германия может получать из Румынии нефти столько, сколько она может вывезти. Клодиус сообщил, что румынское правительство согласилось поставить 1,5 млн. т нефти и 1,5 млн. т зерна без всяких определенных гарантий со стороны Германии, что оно приняло меры против саботажа на нефтепромыслах и обещало любым путем (вплоть до принуждения нефтяных компаний и конфискации у них нефти) обеспечить нефтепоставки для Германии. Несмотря на столь убедительные доказательства желания румынских правителей тесно сотрудничать с гитлеровцами, начавшими войну за установление мирового господства, полковник Герштенберг на этом совещании выразил сомнение в том,

что в случае «тотальной войны», то есть когда положение Германии ухудшится, нефтепоставки будут соблюдаться⁸. Причиной этого он назвал «национальный характер» румынских правящих кругов — их стремление при любых поворотах истории быть на стороне победителей.

Румынское правительство по настоянию гитлеровцев взяло на себя обеспечение германских закупок нефти в Румынии. Это было вызвано опасениями, что компании-поставщики, почти полностью принадлежавшие английским, голландским, французским, бельгийским и американским концернам, будут препятствовать продаже нефти германскому рейху. Действительно, трудности с закупками нефти для Германии возникали, но вызывались они отнюдь не «патриотическими мотивами» в деятельности иностранных монополий в Румынии. Нефтяные магнаты западных стран не испытывали угрызений совести при продаже нефтепродуктов государству, которое вело войну против их стран, но они хотели иметь от этого как можно более высокий доход. За зиму 1939/40 года в связи с резко увеличившимся спросом на нефть они повысили цены на нее в 2,5 раза (против августа 1939 г.).

Не желая покупать нефть по возросшим ценам, гитлеровская клика направила в Румынию своего эмиссара Нейбахера. Он потребовал от румынских правителей поставок нефти в Германию по низкой цене, угрожая в противном случае прекратить германские военные поставки. Первоначально румынское правительство не соглашалось удовлетворить это требование. Но после того, как Нейбахер отправил домой германскую делегацию, которая вела переговоры в Бухаресте о поставках немецкого оружия и военных материалов, было достигнуто соглашение об уменьшении на 66% цены на румынскую нефть, поставляющуюся Германии. Румынское государство взяло на себя покрытие разницы цен, заставив налогоплательщиков выплачивать огромные суммы, шедшие в сейфы монополий, которые снабжали нефтью гитлеровский рейх. 27 мая 1940 г. был подписан так называемый «нефтяной пакт». Поток румынской нефти в Германию увеличился. За период с января по сентябрь 1940 года в резервуары гитлеровского рейха поступило более 2,7 млн. т нефти, что составляло 58% добычи нефти в Румынии за эти девять месяцев⁹.

В германских кругах высказывались соображения, что

обмен трофейного польского оружия на румынскую нефть якобы невыгоден для Германии, которая, продав это оружие третьей стране, могла бы на полученные таким путем доллары закупить больше нефти. Высказывались другие критические замечания по вопросу снабжения германского рейха румынской нефтью. Отвечая на них, Фабрициус на совещании по вопросам снабжения нефтью, проходившем 27 марта 1940 г. под председательством Геринга, показал, что дело обстоит совсем иначе. Во-первых, сказал он, проблема состоит не в том, чтобы получить от румын нефть, а в том, чтобы найти необходимый транспорт для ее вывоза. В январе 1940 г. Германия сумела вывезти всего 15 тыс. т, а в феврале — 18 тыс. т нефти, то есть на много меньше количества, предложенного румынами. Проблемы саботажа нефтепоставок для Германии не существует. Иностранные компании, в частности «Ромыно-американ», являются «главными поставщиками» румынской нефти для Германии. «Еще в декабре (1939 г.) премьер-министр Татареску заверил, что, если нужно, он прямо или косвенно принудит английские и французские компании поставлять нам нефть», — сообщил Фабрициус участникам совещания. Во-вторых, продавать польское оружие за доллары, чтобы затем закупать на них нефть, «будет плохим бизнесом», ибо курс доллара в отношении марки упал на $\frac{1}{3}$, а цены на нефть на свободном рынке увеличились в 1,5 раза по сравнению с довоенным уровнем. В-третьих, германские поставки трофейного оружия в обмен на румынскую нефть следует продолжать, ибо они являются «важнейшим фактором» в деле дальнейшего перевода Румынии в лагерь «оси»¹⁰.

Глава правительства королевской диктатуры Татареску расценивал поставки Германией трофейного оружия для Румынии с тех же позиций, что и гитлеровская верхушка. В беседе с Фабрициусом 30 марта 1940 г. он сказал, что получение трофейного польского оружия произведет «отличное впечатление в Румынии и поможет завоеванию популярности Германии. Кроме того, прибытие этого оружия укрепит политические позиции в отношении России». Татареску подчеркнул, что король и правительство отныне убеждены в том, что этого можно добиться «только путем дружбы с Германией». Он сообщил германскому посланнику, что румынское правительство отклонило попытку Великобритании добиться сокращения

поставок румынской нефти в Германию, приняв «все необходимые меры» в целях борьбы с саботажем снабжения Германии румынской нефтью. Заискивая перед фашистскими правителями Германии, румынский премьер всячески превозносил германо-румынскую «дружбу» и выражал сожаление, что корреспондент агентства Рейтер, распространявший «лживые сообщения» о румыно-германских отношениях, не может понять, насколько дружественны и полны взаимного доверия эти отношения, о чем еще раз свидетельствует настоящая беседа. Германский посланник в своем донесении в Берлин отмечал «сердечный тон» и «искренность» высказываний румынского премьера.

После того как гитлеровцы разгромили и оккупировали Польшу, румынские правящие круги всячески подчеркивали свою готовность проводить такой внешнеполитический курс, который удовлетворял бы державы фашистской «оси». 19 октября 1939 г. был заключен англо-франко-турецкий договор о взаимной помощи. Статья 3 этого договора предусматривала помощь Греции и Румынии со стороны Турции в том случае, если Англия и Франция будут вовлечены в войну в связи с гарантиями, которые они дали этим странам декларациями от 13 апреля 1939 г. Директор политического департамента германского МИД Воерман 24 октября 1939 г. заявил румынскому дипломатическому представителю, что немцы недовольны включением Румынии в англо-франко-турецкий договор о взаимной помощи. Румынская миссия в Германии поспешила выразить свое сожаление по этому поводу, подчеркнув непричастность Румынии, которая уже объявила нейтралитет. Что же касается Турции, то она, по мнению румынской миссии, подписанием договора с Англией и Францией «теперь поставила себя вне рамок проектируемого балканского нейтрального блока».

Мысль о таком блоке зародилась еще до начала второй мировой войны. Гафенку надеялся созданием блока нейтральных стран на Балканах укрепить внешнеполитические позиции Румынии. В этот блок намеревались включить Венгрию, но она отказалась, заявив, что «любое соглашение без предварительного разрешения всех разногласий между Румынией и Венгрией будет лицемерием». Информировав в свое время гитлеровскую Германию о действиях румынской дипломатии по созданию такого

блока, Гафенку сказал, что Англия поначалу холодно отнеслась к идее балканского нейтрального блока и только позднее согласилась. Гафенку думал, что Германия также согласится, поскольку румыны в свое время предложили Италии возглавить этот блок. 31 октября 1939 г. германский МИД телеграфировал Фабрициусу, что «вопрос о создании политического блока из балканских государств под итальянским руководством совсем не стоит. Насколько нам известно, Рим не стремится к чему-либо подобному». Встретив неодобрительное отношение со стороны держав «оси», румынский министр, как он сам сказал в беседе с Фабрициусом 25 ноября 1939 г., снял свое предложение о нейтральном блоке.

В период «странной войны» все более усиливалась антисоветская направленность внешней политики королевской диктатуры. Уже во второй половине сентября 1939 года глава королевского правительства Румынии, объявив германскую опасность устраненной, сказал, что «теперь главной является русская опасность». Под этим предлогом была произведена перегруппировка румынских войск, получивших приказ сконцентрироваться в долине Серета. Это вводило на мысль, что буржуазно-помещичьи правители Румынии ожидали неминуемого столкновения между Германией и СССР, готовясь принять участие в нем на стороне гитлеровцев.

Германская фашистская верхушка, всегда пугавшая румынских правителей призраком «большевизма», воспользовалась спровоцированной империалистами войной Финляндии с СССР для усиления своего шантажа. Она твердила о «русской угрозе Румынии», которую якобы сдерживает Германия.

В конце 1939 года Гафенку предпринял демарш, чтобы выяснить германскую позицию в случае возможного выдвижения Советским Союзом требования к Румынии возвратить оккупированную территорию. В беседе с Фабрициусом 8 декабря 1939 г. он заявил, что в этом случае Румыния якобы не будет обращаться за помощью к Англии и Франции, поскольку «такой шаг создаст трудности в отношениях между Румынией и Германией». Если Германия не выступит в поддержку позиции румынского правительства, то неизбежна румыно-советская война и, следовательно, рейх не будет получать от Румынии нефть и зерно.

Сообщая обо всем этом, Фабрициус считал, что вмешательство в бессарабскую проблему в интересах Румынии «могло бы обеспечить длительное влияние» Германии на эту страну. Но в Берлине понимали невозможность германского выступления на румынской стороне до тех пор, пока не завершена война на западе. Поэтому в ответ Фабрициусу 15 декабря 1939 г. Вейцзекер писал о необходимости воздерживаться как от «официальных», так и «частных» советов. Аргументы Гафенку в поддержку румынской позиции в территориальном вопросе, указывал он, «не очень убеждают»: румыны хорошо знают, что аннексированная ими территория до 1918 года была частью России. «Мы всегда считали, — указывал Вейцзекер, — что передача Румынии этой территории на парижской конференции послов (28 октября 1920 г.) была по истине греческим подарком и что Румыния вряд ли будет в состоянии удержать ее»¹¹.

В связи с усилением антисоветских происков западных империалистов в период советско-финской войны правительство Кароля II пыталось вновь добиться от Великобритании официального заявления о том, что ее гарантии Румынии действительны на случай конфликта с СССР. Из-за боязни вызвать советско-германское сближение английское правительство в начале второй мировой войны воздерживалось от такого заявления. На румынский запрос о распространении гарантий на случай румыно-советской войны лорд Ллойд ответил, что «британское правительство не может дать публичного разъяснения по этому вопросу». Во время советско-финской войны позиция английского правительства стала меняться под влиянием надежд на создание с участием фашистских держав единого фронта против СССР.

14 декабря 1939 г. английский посланник в Бухаресте Хор заявил Гафенку следующее: «Правительство Его Величества изучило возможность выполнения гарантийных обязательств и пришло к выводу, что оно сможет выполнить их, если Турция немедленно придет на помощь Румынии и если не будет опасности оппозиции со стороны Италии. Если румынское правительство в состоянии дать утвердительный ответ на эти два вопроса, то правительство Его Величества готово немедленно рассмотреть новую ситуацию вместе с французским правительством, чтобы определить тот вклад, который оно будет способно

внести в защиту Румынии». Предпринятые в этой связи румынские демарши в Анкаре и Риме, по словам Гафенку, были «вполне удовлетворительными»¹².

Во второй половине декабря 1939 года в Рим был направлен бывший министр иностранных дел Румынии В. Антонеску, перед которым была поставлена задача выяснить позицию итальянского правительства в случае вооруженного румыно-советского конфликта. Чиано заверил румынского представителя, что фашистская Италия окажет поддержку, и советовал проявлять «твердость и непреклонность» в отношении СССР. Он сказал, что в случае румыно-советского конфликта Венгрия обещала ему сохранять нейтралитет при следующих трех условиях: если не будет кровопролитий в Трансильвании; если в Румынии не произойдет революции; если Румыния не вернет территорий Болгарии и Советскому Союзу. Правительство Муссолини заявило, что окажет Румынии помощь самолетами, танками, противотанковыми орудиями и др.

Объясняя причину, побуждавшую фашистскую Италию «защищать» Румынию, Чиано говорил: «В то время как в Испании и Финляндии интересы Италии были затронуты косвенно и больше в идеологическом плане, в случае с Румынией они будут затронуты прямо, ибо речь идет о сохранении первого барьера против большевизации Балкан — области, где Италия является великой державой»¹³. Но Советский Союз, как это было хорошо известно итальянским фашистским правителям, не собирался нападать на Румынию и не угрожал ее независимости. Под видом борьбы против «советской опасности» итальянские империалисты хотели перетянуть на свою сторону буржуазно-помещичью Румынию, оказавшуюся в сильнейшей зависимости от германского империализма после заключения договора 23 марта 1939 г. Пользуясь тем, что Германия находилась в состоянии войны с Англией и Францией, а Италия оставалась невоюющей страной, итальянские империалисты стремились прибрать к своим рукам весь юго-восток Европы. Отсюда заявления правительства Италии о намерении выступить гарантом границ балканских государств, попытки создания «нейтрального блока» под ее главенством и т. п.

Румынские правящие круги поощряли итальянскую линию поведения, которая создавала возможности для их

маневрирования внутри фашистской «оси». Гафенку заявлял итальянскому посланнику в Бухаресте, что, оставаясь вне конфликта, Италия «сумеет оказать все более растущее политическое и экономическое влияние в этом районе»¹⁴. В целях укрепления румыно-итальянских связей 20 марта 1940 г. было подписано секретное соглашение об экономическом сотрудничестве между Румынией и Италией. Оно предусматривало создание смешанных обществ для экспорта масличных культур в Италию. Румынское правительство соглашалось предоставить итальянским капиталистам концессии на эксплуатацию нефтяных месторождений, лесных и других богатств страны. Это соглашение вступало в силу через 15 дней после его подписания. Италия направила в Румынию инструкторов-пилотов, строила ей военные корабли. Кароль II в речи 7 марта 1940 г. специально остановился на румыно-итальянских отношениях, подчеркнув их успешное развитие. Руководитель молодежной фашистской организации «Стража цэрий», выступая после поездки в Италию в румынском сенате, заявил, что Муссолини обещал помощь Румынии против любого врага.

В период советско-финской войны в связи с усилением антисоветской активности английских и французских правящих кругов отмечалось стремление королевской диктатуры укрепить на этой основе связи с ними. Ориентация на Англию и Францию в конце 1939 — начале 1940 года вновь выходит на первый план. В интервью корреспонденту газеты «Пари-Суар» Гафенку заявил тогда: «Дело Европы, от которой зависит не только безопасность, но и само существование нейтральных стран, как бы далеко они ни находились от поля битвы, совпадает для многих из нас с делом цивилизации, в котором Франция представляет собой один из самых великих светочей, и именно потому она для нас особенно дорога». Сказать более определенно о необходимости сохранения прежней внешнеполитической ориентации румынский министр иностранных дел не решился.

Англо-французские правящие круги вели в это время разнузданную антисоветскую кампанию, подхваченную реакционной румынской прессой. Вместо борьбы с германским империализмом правительства Англии и Франции вели спешную подготовку к нападению на СССР с севера и юга, надеясь организовать антисоветский кресто-

вый поход. Разработанный французским генеральным штабом «Южный план» предусматривал вовлечение в войну против СССР балканских государств и Турции. В румынской газете «Семналул» в феврале 1940 года была опубликована статья, в которой говорилось о том, как следует организовать нападение на Советский Союз с Черного моря: «коротким ударом» занять Одессу, Севастополь и весь Крым, организовать там авиабазы и повести наступление на Кавказ.

Под влиянием антисоветских воинственных демонстраций империалистических держав усилилась враждебность румынских господствующих классов в отношении СССР. В начале 1940 года Кароль II совершил поездку в оккупированную Бессарабию, подчеркнув намерение румынских господствующих классов удержать эту территорию, а также аннексировать другие советские земли. Один из сопровождавших Кароля II сановников заявил тогда, что «Одесса является исконно румынским городом».

В это время приняли особенно большой размах военные приготовления, носившие ярко выраженный антисоветский характер. Оружие потоком шло в Румынию не только из Германии, но и из Англии и Франции. Английское правительство разрешило продать румынскому правительству большую партию самолетов и военного снаряжения, разместить крупные румынские заказы на английских предприятиях, хотя само испытывало острую нужду в вооружении¹⁵. В конце 1939 года Румыния получила долгожданные французские кредиты. Все это, по-видимому, было связано со взятием на себя румынским правительством определенных обязательств в отношении Англии и Франции.

Оживление связей румынских правящих кругов с западными державами не могло быть по душе гитлеровцам, опасавшимся за прочность своих позиций в Румынии. Германское командование считало, что под предлогом развертывания военных действий против СССР англо-французские войска займут выгодные стратегические позиции в Скандинавии и на Балканах, пытаясь нарушить снабжение германского рейха шведской рудой и румынской нефтью. Чтобы не допустить этого, оно намеревалось оккупировать указанные районы. В марте 1940 года германский генеральный штаб обращался к Хорти с

просьбой разрешить проход через Венгрию немецких войск «для охраны румынских нефтепромыслов». За это гитлеровцы обещали передать Венгрии Трансильванию. Посоветовавшись с Муссолини, венгерские правители дали согласие¹⁶. Но фашистская Германия не воспользовалась полученным разрешением.

Характер взаимоотношений Румынии со странами двух воюющих империалистических группировок свидетельствовал о том, что правительство королевской диктатуры в первые месяцы войны по-прежнему продолжало «игру на двух столах». Вот что писал о проявлении этой политики генерал И. Антонеску: «С самого начала войны Румыния сделала ряд жестов в пользу англичан и французов: через ее территорию были перевезены и погружены в Констанце на английский корабль 70 т золота Польского банка, $\frac{3}{4}$ интернированных польских военнослужащих сбежали, пользуясь терпимостью румынских властей, правительство приняло во внимание предложение союзных офицеров о возмещениях в случае вывода из строя нефтепромыслов путем саботажа... и в то же время, чтобы удовлетворить германское правительство, Румыния интернировала членов польского правительства, освободило интернированных польских военнослужащих немецкой национальности, усилило экспорт нефти в Германию»¹⁷.

Весной 1940 года в связи с усилением германского экономического влияния на Румынию и потерей Англией и Францией внешнеполитической инициативы произошли значительные сдвиги в румынских правящих кругах: укрепились позиции прогерманских группировок, а позиции сторонников западной ориентации резко ослабли. В это время в румынских правящих кругах стало созревать решение об отказе от двойственного внешнеполитического курса в пользу союза с гитлеровской Германией, которая, по их мнению, своими военными и экономическими успехами заложила основы победы над англо-французским блоком. Начавшиеся вскоре боевые действия на западе, захват немецкими войсками Дании и Норвегии, а затем Голландии и Бельгии, за которым последовал разгром Франции, были расценены румынскими правителями как доказательства правильности их вывода, что победу в этой мировой войне одержат державы «оси».

1 апреля 1940 г. Фабрициус докладывал в Берлин, что, «вопреки враждебному влиянию», король, министр

двора (Урдаряну), премьер-министр, министр иностранных дел и военный министр, все они твердо придерживаются политической линии сотрудничества «равнения на Германию». Правда, здесь же он делал оговорку, что эта линия будет соблюдаться румынскими правителями до тех пор, пока сохраняется вера в силу германского оружия и продолжается гегемония Германии в Европе. 15 апреля 1940 г. под председательством короля состоялось заседание румынского правительства для детального обсуждения вопроса отношений с Германией. Король заявил министрам, что он намерен «присоединиться к политической линии», проводимой Германией, и предложил руководствоваться этим в проходивших тогда румыно-германских экономических переговорах¹⁸. Это решение, принятое в период германского вторжения в Скандинавию, свидетельствовало о намерении румынского правительства оставить официально провозглашенный им в начале войны нейтралитет, чтобы стать на сторону гитлеровского рейха, одерживающего новые победы над англо-французской группировкой. Об этом говорило также тесное сотрудничество румынской службы государственной безопасности с абвером, возглавляемым адмиралом Канарисом, в результате которого были раскрыты и предупреждены акты саботажа англичан на Дунае.

«Равнение на Германию» означало полное экономическое и политическое подчинение страны гитлеровцам, превращение Румынии в плацдарм и участника предстоящего антисоветского похода германского империализма. Урдаряну в беседе с германским посланником в Бухаресте 15 апреля 1940 г. выразил надежду, что Германия будет защищать «территориальную целостность Румынии», подразумевая под этим насильственное удержание захваченных румынскими правителями советских земель. Ибо, как он сказал, «и сейчас, и в будущем для Германии важно, чтобы устье Дуная не оказалось в руках другой великой державы (Советского Союза. — *Авт.*)».

«Равнение на Германию» находило свое выражение в отказе королевской диктатуры от нормализации отношений с СССР, в действиях, направленных на ухудшение румыно-советских отношений. В докладе на сессии Верховного Совета СССР 29 марта 1940 г. отмечалось: «...У нас нет пакта о ненападении с Румынией. Это объясняется наличием нерешенного вопроса, вопроса о Бес-

сарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал, хотя и никогда не ставил вопроса о возвращении Бессарабии военным путем»¹⁹. В середине апреля 1940 года румынская реакция организовала серию пограничных инцидентов на румыно-советской границе. В мае была проведена частичная мобилизация и концентрация румынских войск по Днестру. Тогда же в Берлин был послан один румынский генерал с просьбой, чтобы Германия оказала помощь в создании «восточного вала» на румыно-советской границе под видом «строительства дорог»²⁰.

После того как германские войска 10 мая 1940 г. перешли в наступление во Франции, Бельгии и Голландии, румынские правящие круги стали в ускоренном порядке добиваться политического союза с Германией. 16 мая 1940 г. Кароль II, с восхищением отозвавшись об успехах немцев на Западе, заявил Фабрициусу, что «будущее Румынии зависит только от Германии». Он спросил, имеет ли Германия какие-либо претензии к Румынии, обещая немедленно удовлетворить их. 25 мая румынский министр иностранных дел сделал очень важное заявление германскому посланнику в Бухаресте. «Одно время он, — передает Фабрициус слова Гафенку, — надеялся, что Румыния внесет свой вклад только при заключении мира. Теперь у него впечатление, что Румыния выступит на сцену раньше». Гафенку просил намекнуть, какую политику он должен проводить в отношении СССР и как можно было бы установить более тесные отношения между Румынией и Германией. По его словам, король полностью готов сотрудничать в соответствии с германскими взглядами, немцы должны только сказать, как это сделать.

Королевская диктатура, ставя себя целиком и полностью на службу германскому фашизму, хотела, чтобы гитлеровцы отказались от поддержки «Железной гвардии». В связи с арестом нескольких железногвардейцев, прибывших по поддельным паспортам из Германии для подготовки террористических актов, Урдаряну по поручению короля 25 мая 1940 г. обратился к германскому посланнику в Румынии с просьбой прекратить оказание помощи железногвардейцам. Кароль II, так много сделавший для развития экономического сотрудничества с Германией, сказал Урдаряну, «не понимает, какой интерес может иметь сейчас Германия в устранении короля». Он

просил удалить железногвардейцев из Германии или установить там более строгий контроль за ними. Фабрициус в самой резкой форме отверг обвинения в том, что Германия оказывает поддержку или помощь оружием, деньгами и т. п. румынским железногвардейцам. В связи с намерением румынских властей опубликовать материалы допроса арестованных, свидетельствующие о германской поддержке «Железной гвардии», Фабрициус с угрозой предупредил, что «Румыния в ее собственных интересах должна избежать» обнародования этих материалов. Считая себя хозяевами положения, гитлеровцы теперь не намерены были считаться с пожеланиями королевской диктатуры, которая своей двойственной внешней политикой не внушала им доверия.

В конце мая 1940 года на совещании у короля было решено, по свидетельству Гафенку, «не упорствовать в сохранении нейтралитета», а «приспособиться к реальности», «присоединиться к Германии». С помощью Германии, говорилось на совещании, можно будет сохранить то, что есть, а также приобрести новые территории. Но Германия не будет ничего делать в интересах Румынии, пока Румыния придерживается нейтралитета. Сохранение нейтралитета в войне, которую Германия выиграла, опасно, заявляли участники совещания, поэтому надо пойти ей навстречу и предложить «нашу дружбу»²¹.

28 мая 1940 г. премьер-министр Г. Татареску в присутствии министра иностранных дел Г. Гафенку и министра двора Э. Урдаряну принял германского посланника Фабрициуса, чтобы сделать ему крайне важное заявление. Глава румынского правительства начал с обзора «хороших отношений, установившихся между Румынией и Германией после великого экономического соглашения 23 марта 1939 г.». Он указал на то, что с начала войны Румыния также дала многочисленные доказательства своего желания тесно сотрудничать с Германией: заключение различных дополнительных соглашений к торговому договору на 1939 год, обеспечение безопасности судоходства на Дунае и на нефтепромыслах от вражеского саботажа, поставки жидкого топлива в Германию с нефтеочистительных заводов, принадлежащих англичанам и французам, и т. п. После неоднократного подчеркивания проявлений стремления «иметь дружественные связи с рейхом» Татареску высказал пожелание расширить со-

трудничество с Германией и в этой связи вручил Фабрициусу меморандум, который был немедленно отправлен со специальным курьером самолетом в Берлин. Германскому посланнику было заявлено, что румынское правительство за «тесное сотрудничество... не только в экономической, но и во всех прочих областях». Ставя точки над «i», Урдаряну сообщил Фабрициусу, что «король не говорит больше о нейтралитете, а все более склоняется на сторону Германии».

Германский посланник в Бухаресте так объяснял коренной поворот в румынской внешней политике: «В результате великих успехов Германии на Западе король приходит к выводу, что равнение на союзников бессмысленно». В своем докладе Риббентропу 29 мая 1940 г. Фабрициус сообщал о новых прогерманских жестах румынских правящих кругов, в частности об их готовности снабжать гитлеровский рейх «даже в том случае, когда Германия будет иметь задолженность по платежам Румынии». Начальник румынской сигуранцы генерал Морузов по поручению короля направил следующее заявление адмиралу Канарису: «...а) если союзники нападут на Румынию, то она попросит защиты у Германии; б) если будут обнаружены намерения союзных держав напасть на Румынию, мы немедленно информируем Германию о любых планах нападения, чтобы германские войска смогли прибыть вовремя»²². Это было более чем откровенное заявление о переходе в гитлеровский лагерь.

Германские фашистские правители не хотели идти на политическое сближение с Румынией до тех пор, пока она не удовлетворит венгерских и болгарских территориальных требований. К тому же гитлеровцы боялись оказаться втянутыми в возможное румыно-советское вооруженное столкновение в момент решающей фазы их борьбы с Англией и Францией. Поэтому на сообщение о румынских предложениях более тесного сотрудничества «во всех областях» Риббентроп написал Фабрициусу, что румынское правительство должно проявить инициативу и иметь желание урегулировать отношения с соседними странами. В своем ответе на румынское предложение германское правительство потребовало разъяснений и уточнений новой румынской политики. Правительство королевской диктатуры поспешило дать их.

В начале июня министром иностранных дел вместо

Гафенку, имя которого ассоциировалось с румынской политикой «игры на двух столах», был назначен И. Джигурту, хорошо известный в гитлеровских кругах как «друг Германии». 6 июня 1940 г. в газете «Курентул» было опубликовано полуофициальное заявление о характере новой румынской внешней политики. В нем говорилось, что отныне Румыния будет выбирать себе «друзей и союзников», способных защитить ее интересы. Такими союзниками являлись гитлеровцы, ибо «от Ламанша до границ с Италией и СССР — все это арена германского влияния». Одновременно с этим внутри страны происходили изменения (создание фашистской «Партии нации», примирение королевской диктатуры с железногвардейским руководством и др.), свидетельствовавшие о желании Кароля II войти в доверие к Гитлеру. С этой же целью были усилены антисемитские меры.

В это время Кароль II предпринял новую попытку выторговать себе уступки со стороны гитлеровской клики, которой он намеревался теперь служить не за страх, а за совесть. Во время обсуждения с Фабрициусом 14 июня 1940 г. вопроса о развитии румыно-германских отношений он с беспokoйством заговорил о том, что германское правительство уклоняется от принятия его предложений относительно румынских железногвардейцев в Германии. Это, по его словам, причиняет ему большую неприятность, «ибо, как он может брать на себя инициативу в проведении политики близких отношений с Германией в духе Кароля I (румынский король, связавший в 1883 г. Румынию союзом с Германией и Австро-Венгрией. — *Авт.*), если рейх не заявляет о своей готовности принять меры против этих террористических элементов». Новый румынский министр иностранных дел Джигурту на правах «друга Германии» просил Фабрициуса поддержать короля, который, как он выразился, «сейчас преисполнен решимости вести политику с согласия Германии»²³. Но и на этот раз гитлеровская верхушка не вняла просьбе румынского короля.

20 июня 1940 г. премьер Татареску вновь принял германского посланника, чтобы сделать ему дополнительное заявление и дать необходимые разъяснения по принятому румынским правительством решению «укреплять и расширять сотрудничество между Германией и Румынией». Он вручил Фабрициусу составленный самим королем

меморандум, в котором было сказано: «Румынское правительство считает это сотрудничество, диктуемое как геополитическим положением Румынии, так и новым порядком, устанавливающимся в Европе, необходимым во всех областях. Румынское правительство считает, что идентичность интересов, которые связывали две страны в прошлом, еще больше углубит их отношения завтра и требует быстрой организации этого сотрудничества, которое предполагает сильную в политическом и экономическом отношениях Румынию, ибо только такая Румыния явится гарантией того, что она сможет выполнить свою миссию стража на Днестре и в устьях Дуная». Комментарии здесь излишни: румынские правящие круги совершенно открыто предлагают свои услуги германскому фашизму в борьбе против Советского Союза. К этому же времени относится предложение о заключении румыно-германского военного союза, сделанное непосредственно Каролом II правительству гитлеровского рейха²⁴.

Политика королевской диктатуры создавала серьезную угрозу безопасности юго-западных границ СССР, а поспешность, с которой происходило сближение правящих кругов Румынии с гитлеровской Германией, говорила о том, что разрешение бессарабского вопроса не терпит дальнейшей отсрочки. Само румынское правительство не собиралось что-либо предпринимать для действительного урегулирования проблемы. По свидетельству германского посланника в Бухаресте, румынские правящие круги не хотели возвращать советскую территорию. Фабрициус сообщал в июне 1940 года в Берлин: «У меня впечатление, что румыны затягивают начало переговоров с русскими в надежде на скорую германскую победу. Они надеются на нашу огромную заинтересованность в Дунайском бассейне, а также на то, что после окончания настоящей войны на западе мы будем заинтересованы держать Россию вне Балкан»²⁵.

В этих условиях, когда правящие румынские круги приняли решение связать судьбу страны с блоком фашистских агрессоров, чтобы закрепить владение оккупированной советской территорией, правительство СССР не могло более откладывать разрешение затянувшегося конфликта. Оно сочло необходимым прибегнуть к соответствующим мерам, дабы склонить румынское правительство пойти на ликвидацию этого конфликта.

Вечером 26 июня 1940 г. румынскому посланнику в Москве Давидеску было сделано представление о необходимости немедленного разрешения бессарабского вопроса. «Советский Союз,—говорилось в заявлении Советского правительства,—никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии, о чем Правительство СССР неоднократно и открыто заявляло перед всем миром. Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, а создававшаяся международная обстановка требует быстрее разрешения полученных в наследство от прошлого нерешенных вопросов для того, чтобы заложить, наконец, основы прочного мира между странами, Советский Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу.

Правительство СССР считает, что вопрос о возвращении Бессарабии органически связан с вопросом о передаче Советскому Союзу той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной, как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава. Такой акт был бы тем более справедливым, что передача северной части Буковины Советскому Союзу могла бы представить,— правда, лишь в незначительной степени—средство возмещения того громадного ущерба, который был нанесен Советскому Союзу и населению Бессарабии 22-летним господством Румынии в Бессарабии»²⁶. Советское требование о передаче Северной Буковины было тем более обоснованным, что еще в ноябре 1918 года Народное Вече Буковины в соответствии с волей народа приняло решение о воссоединении с Советской Украиной.

«Правительство СССР,—говорилось в заключении,—предлагает Королевскому Правительству Румынии:

1. Возвратить Бессарабию Советскому Союзу.
2. Передать Советскому Союзу северную часть Буковины в границах согласно приложенной карте.

Правительство СССР выражает надежду, что Королевское Правительство Румынии примет настоящие предложения СССР и даст возможность мирным путем разрешить затянувшийся конфликт между СССР и Румынией.

Правительство СССР ожидает ответ Королевского Правительства Румынии в течение 27 июня с. г.».

Пытаясь выиграть время, для того чтобы заручиться поддержкой держав гитлеровской «оси», правительство Румынии через своего посланника в Москве дало 27 июня 1940 г. уклончивый ответ на советское требование. Королевское правительство заявляло, что «оно готово приступить немедленно, в самом широком смысле, к дружественному обсуждению с общего согласия всех предложений, исходящих от Советского Правительства», и просило указать место и дату переговоров, для участия в которых оно назначит своих делегатов. Советское правительство сочло ответ румынского правительства «неопределенным, ибо в его ответе не сказано прямо, что оно принимает предложение Советского Правительства о немедленной передаче Советскому Союзу Бессарабии и северной части Буковины». Лишь после прямого вопроса, принимает ли румынское правительство советское требование, посланник Давидеску ответил утвердительно.

Исходя из этого, правительство СССР предложило, чтобы в течение 4 дней, начиная с 2 час. дня по московскому времени 28 июня, румынские войска очистили территорию Бессарабии и Северной Буковины, которую в этот же период займут советские войска, города же Черновицы, Кишинев и Аккерман подлежали занятию советскими войсками в течение 28 июня 1940 г. На румынское правительство возлагалась ответственность за сохранность имевшихся на этой территории железных дорог, паровозного и вагонного парка, мостов, складов, аэродромов, промышленных предприятий, электростанций, телеграфа. Для урегулирования спорных вопросов, связанных с эвакуацией румынских войск и учреждений из Бессарабии и Северной Буковины, предлагалось создать смешанную комиссию, в которую вошли бы по два представителя от каждой стороны. Советское правительство ожидало ответ румынского правительства на эти предложения не позже 12 час. дня 28 июня 1940 г.

Получив советское предложение, королевское правительство, как сообщает Татареску, решило не обращаться ни к Франции, ни к Англии, ибо знало, что они были не в состоянии что-либо предпринять²⁷. Единственная надежда была на поддержку держав «оси».

Решение Советского правительства положить конец

затянувшемся бессарабскому конфликту застало врасплох гитлеровскую Германию. Незадолго до этого немецкое общество «Соя» в Бессарабии заключило контракты с крестьянами и выдало им авансы суммой около 1 млрд. лей на семена и проведение посевных работ. Германский посол в Москве говорил румынскому посланнику, что советское требование поразило его и что оно может причинить большой ущерб экономическим интересам рейха в Румынии.

Германское правительство, в то время поставленное правительством СССР в известность о советских требованиях к Румынии, было вынуждено заявить, что оно не заинтересовано в бессарабском вопросе²⁸. Подобная позиция Германии объяснялась тем, что любое открытое поощрение с ее стороны неуступчивости Румынии могло бы осложнить советско-германские отношения, что в момент решающей фазы войны на Западе было бы для гитлеровцев крайне опасно. Гитлеровская Германия боялась в случае обострения советско-германского конфликта потерять нефтяные месторождения Румынии, в полной сохранности которых она была чрезвычайно заинтересована. Это и определило германскую линию поведения в событиях, связанных с мирным разрешением советско-румынского территориального конфликта.

27 июня в 8 час. 30 мин. румынский министр иностранных дел пригласил Фабрициуса в связи с получением советского предложения по мирному урегулированию советско-румынского территориального конфликта. Германский посланник, не имея инструкций по этому вопросу, не знал, что советовать румынскому правительству. В 10 час. 30 мин. в германскую миссию в Бухаресте поступила телеграмма от Риббентропа: «В целях предотвращения войны между Румынией и Советским Союзом мы можем только советовать румынскому правительству уступить требованию Советского правительства». В это время Фабрициус находился на приеме у Кароля II, который просил через него помощи от Гитлера. Когда курьер из германской миссии принес только что полученную из Берлина телеграмму, Фабрициус зачитал ее румынскому королю. «На политику рейха нельзя положиться!» — воскликнул Кароль II и принялся критиковать германского фюрера за то, что он якобы не держит своего слова и т. п. Фабрициус прервал короля, заявив, что как представи-

тель рейха он не может выслушивать такие речи и хотел бы выйти, пока король будет совещаться со своими советниками. После этого он покинул зал. Через некоторое время Фабрициуса вновь пригласили в королевский кабинет, чтобы сообщить о созыве коронного совета, который определит румынскую позицию.

В телеграмме, направленной Фабрициусу вечером 27 июня, Риббентроп указывал, что румынское правительство «само виновато» в подобном развитии событий. В прошлом году оно с энтузиазмом приветствовало английские гарантии, хотя они были «прямо направлены против Германии». Правительство Румынии пыталось вести «политику качелей», надеясь удовлетворить обе воюющие стороны, упрекал Риббентроп, только тогда, когда стало очевидным превосходство Германии, оно попыталось установить тесные отношения с ней, чтобы заручиться поддержкой против русских. В таком же духе давал оценку румынской внешней политике Гитлер в своем ответе Каролю II, просившему его поддержки. Он обвинил румынских правителей в том, что они вели двойственную политику, играли на руку англичанам, принимая их гарантии. Только недавно, указывал Гитлер, они стали освобождаться от уз, удерживавших Румынию на антигерманской стороне.

Гитлеровская верхушка не преминула осыпать румынских правителей упреками за внешнеполитическую «игру на двух столах». Но отнюдь не обида и не желание наказать их за двурушничество определяли германскую позицию в тот период. Германский рейх руководствовался соображениями, продиктованными не эмоциями, а реальной оценкой обстановки. 26 и 27 июня 1940 г. в Бухаресте находился германский уполномоченный фон Киллингер, который в беседе с Каролем II сказал, что в настоящих условиях интересы Германии требуют не начинать войны против СССР, поскольку война против Англии еще не закончена. По этой причине Румыния должна была воздерживаться от военного конфликта с Советским Союзом. Румынский король разразился упреками и жалобами на то, что гитлеровские руководители не оценили и не учли его заслуг перед германским рейхом. Перечисляя эти заслуги, он упомянул, в частности, о ликвидации им саботажа английскими фирмами поставок нефти в Германию. «Лично я сделал все, чтобы по-

мочь Германии... Я создал наилучшие условия для деятельности в Румынии службы адмирала Канариса... Вы не можете упрекнуть меня в том, что я работал с вами нелояльно». Кароль II умолял германских фашистов предоставить ему военную помощь в конфликте с СССР, а также оказать давление на венгерское и болгарское правительства, обещая взамен свою верность в борьбе с большевизмом. На это Киллинггер заявил, что война против СССР очень опасна для Румынии, что она может привести к разрушению нефтяных районов Румынии, чего Германия не хочет. «У нас есть еще важный противник, поэтому мы не хотим обнажать свой тыл ради Румынии», — сказал он.

Эти же мысли были высказаны германским посланником в Бухаресте в беседе с румынским министром иностранных дел 28 июня 1940 г. Фабрициус, отвечая на румынские упреки, говорил, что Германия, занятая войной против Англии, не могла и не может оказать военную помощь Румынии, несмотря на то что ей далеко не безразлична складывающаяся обстановка в Юго-Восточной Европе. Гитлеровцы не могли решиться на войну с Советским Союзом, ибо, по заявлению Фабрициуса, «эта война была бы на руку англичанам»²⁹.

Для фашистской Италии также явился полнейшей неожиданностью советский демарш перед румынским правительством. Об этом сказал посланнику Румынии в Риме сам Чиано. Итальянский министр иностранных дел заверил румынского посланника в полной солидарности, но советовал не доводить дело до вооруженного столкновения с СССР. «Сейчас все силы и энергия Италии направлены на войну против Англии... разница же между силами одной Румынии и СССР очень велика»³⁰. Итальянские фашисты, как и гитлеровцы, не хотели в тот период допустить румыно-советского военного конфликта, который мог лишить их важного источника снабжения нефтью.

Фашистский блок воздержался от прямой поддержки румынских правителей в их стремлении силой оружия удержать оккупированную советскую территорию, ибо он не был готов тогда к войне против Советского государства. Державы «оси» в тот период были неспособны помешать реализации справедливых советских требований к Румынии. Но Гитлер и Муссолини делали многозначи-

тельный намек румынским руководителям советом: «Пока уступите...».

В этих условиях вечером 27 июня 1940 г. коронный совет решил принять советское предложение о немедленном урегулировании бессарабского конфликта и передаче Северной Буковины. Сразу же после заседания коронного совета Кароль II через Фабрициуса обратился к правительству гитлеровской Германии с просьбой прислать в Румынию немецкие войска под видом «военной миссии».

28 июня после получения согласия румынского правительства Красная Армия начала освободительный поход в Бессарабию и Северную Буковину, а уже 30 июня наши войска вышли на реку Прут. Повсеместно жители городов и сел с огромной радостью и воодушевлением приветствовали Красную Армию — освободительницу. Ликвидация исторической несправедливости, длившейся 22 года, имела для нашей страны большое военное и политическое значение. В результате этого граница была отодвинута на запад на 200 км, обезопасив важнейшие промышленные и сельскохозяйственные районы юго-западной части СССР. Возвращенная Советскому Союзу Бессарабия воссоединилась с Советской Молдавией, провозглашенной 2 августа 1940 г. Молдавской Советской Социалистической Республикой.

Коммунистическая партия Румынии, руководствовавшаяся ленинским принципом самоопределения наций и потому последовательно боровшаяся против аннексии советских земель румынскими помещиками и капиталистами, с удовлетворением встретила освобождение Бессарабии и Северной Буковины. В манифесте ЦК КПП (июль 1940 г.) говорилось: «Трудовой народ! Теперь, когда гигантская сила страны социализма освободила Бессарабию и Северную Буковину из-под тяжкого гнета румынского империализма, появилась реальная возможность для дружбы народов Румынии с великим социалистическим государством». Мирное разрешение бессарабского конфликта создавало предпосылки для всестороннего — политического и экономического сотрудничества Румынии с Советским Союзом.

Советское правительство прилагало большие усилия для урегулирования отношений с Румынией после возврата Бессарабии и Северной Буковины. Созданная по

его инициативе смешанная румыно-советская комиссия играла значительную роль в этом деле. Румынскому правительству было передано оставленное в Бессарабии и Северной Буковине вооружение и военное имущество румынской армии, в том числе 66 тыс. винтовок, 1350 пулеметов, 8152 револьвера, 201 пушка, 109 тыс. артиллерийских снарядов и 17 млн. патронов.

Румынское же правительство всячески препятствовало возвращению уроженцев Бессарабии и Северной Буковины на освобожденную родину, подвергая их жестокому преследованию и репрессиям. 30 июня 1940 г. в Галаце на вокзале собралось около 2 тыс. рабочих бессарабов, ожидавших поезд для отправки в Бессарабию. По ним был открыт огонь из пулеметов, в результате чего 300 человек было убито и многие были ранены. Лица, выезжавшие в Бессарабию и Северную Буковину, подвергались издевательствам со стороны румынских властей. Советское правительство было вынуждено заявить протест по этому поводу и потребовало от румынского правительства обеспечения нормальных условий для выезда бессарабов на родину. К 26 июля 1940 г. из Румынии вернулось в Бессарабию и Северную Буковину около 150 тыс. уроженцев этих мест, а к моменту окончания репатриации 16 декабря 1940 г. число возвратившихся из Румынии в Советский Союз превысило 220 тыс. человек.

ВЕНСКИЙ АРБИТРАЖ И КРАХ КОРОЛЕВСКОЙ ДИКТАТУРЫ

В конце июня 1940 года в реакционных румынских кругах окончательно утвердилось мнение о необходимости немедленного заключения военного союза с Германией. Издатель газеты «Курентул» П. Шейкару, обосновывая это требование, писал, что «в настоящее время границы беспрерывно меняются и окончательное определение их будет делом того, кто продиктует новое устройство Европы», то есть делом германского рейха. В письме, направленном на имя главы румынского правительства, директор радиовещания Мугур предлагал «искренне вести политику рядом с Германией и как можно быстрее заключить с ней военный союз», который поможет приобретению Румынией новых территорий¹. Один из наиболее влиятельных членов королевской «камарильи» — И. Джигурту составил меморандум с требованием полной и окончательной переориентации Румынии на германо-итальянский блок. Он считал «самой большой ошибкой» то, что румынское правительство «своевременно не сблизилось с державами „оси“». Военный союз с Германией, которая в скором времени вступит в войну с СССР, говорил Джигурту, является единственной надеждой на присоединение новых земель на Востоке.

Кароль II сообщил 1 июля посланнику Фабрициусу о своем стремлении к скорейшему достижению «политического соглашения с Германией». 2 июля король-диктатор направил Гитлеру послание, в котором вновь выразил желание тесно сотрудничать с Германией во всех областях. Это, по выражению Кароля II, «гарантированное политическими договорами» румыно-германское сотрудничество было направлено против Советского Союза. В целях такого сотрудничества он просил Гитлера при-

слать так называемую «военную миссию» в Румынию. Как отмечается в английском исследовании международных отношений, речь шла тогда о заключении наступательного и оборонительного союза между Румынией и Германией, который обеспечил бы румынским правителям «абсолютную безопасность» и захват советских земель².

В начале июля 1940 года вместо ушедшего в отставку Татареску румынский король назначил Джигурту председателем совета министров Румынии. Это назначение привело в восторг германского посланника в Бухаресте: Джигурту зарекомендовал себя убежденным сторонником ориентации на гитлеровский рейх. Выступая с заявлением о своем внешнеполитическом курсе, новый премьер сказал: «Включение Румынии в новый европейский порядок будет проводиться моим правительством не голыми словами, а быстрыми действиями». Первым делом был отказ от английских «гарантий» как не соответствующих новой внешнеполитической ориентации страны, определяемой «устанавливающимся новым европейским порядком». Затем последовали антибританские меры: увольнение и высылка из Румынии английских подданных, работавших на нефтяных промыслах, переход крупнейшей английской нефтяной компании «Астра ромына» под контроль румынского правительства и т. п. В конце июля подверглись аресту, а затем были изгнаны из Румынии французские инженеры, обвиненные в подготовке актов саботажа на основе захваченных гитлеровцами во Франции архивных документов, среди которых фигурировал выработанный в свое время совместный франко-румынский план срыва снабжения гитлеровского рейха нефтью.

В обстановке, когда румынские правящие круги потяряли возможность внешнеполитического маневрирования, фашистская верхушка Германии стала оказывать ничем не прикрытое давление, чтобы заставить их пойти на территориальные уступки венгерским и болгарским правителям, следовавшим в фарватере германской политики.

4 июля германскому посланнику в Бухаресте было передано указание сообщить румынскому королю, что Гитлер хотел бы знать, как румынское правительство намерено осуществлять «умиротворение Балкан». В этой связи Фабрициус предлагал в частном разговоре с ру-

мынским королем высказать мысль о необходимости территориальных уступок двум соседним странам — Венгрии и Болгарии. «Для короля должно стать ясным, что он не может избежать уступки определенной территории»³, — подчеркивалось в инструкции, присланной Берлином своей миссии в Бухаресте.

6 июля 1940 г. Кароль II через министра иностранных дел Манойлеску дал ответ на предложение Гитлера, выразив согласие начать переговоры с венгерским и болгарским правительствами. «Его величество надеется, — подчеркнул Манойлеску, — что это искреннее заявление, которое требует от Румынии колоссальных жертв, будет рассматриваться как доказательство духа сотрудничества и его личной высокой оценки фюрера».

12 июля Кароль, еще раз заверив, что «искренне решил равняться на Германию», вновь попросил германское правительство направить открыто или замаскированно германских военнослужащих, с танками и самолетами, для «обучения» румынской армии. Это было приглашение германским войскам оккупировать Румынию, превратить ее в плацдарм и союзника в предстоящей войне гитлеровской Германии против СССР.

Отчаянные попытки Кароля II связать страну союзом с фашистской Германией, чтобы укрепить внутривнутриполитические и внешнеполитические позиции румынских господствующих классов, вызывали обостренную реакцию венгерских правящих кругов. Хортистская клика боялась, что румынские правители, войдя в доверие к Гитлеру, заручатся его поддержкой в трансильванском вопросе. Чтобы успокоить хортистов, Гитлер во время встречи с Чиано, Телеки и Чаки в Мюнхене 10 июля 1940 г. специально остановился на вопросе отношений Германии к Румынии. «Фюрер заявил в этой связи, — говорится в записи беседы, — что король Кароль вдруг стал предпринимать огромные усилия для достижения тесного политического сотрудничества с Германией. Фюрер остался очень холоден к этим попыткам сближения. Король Кароль написал даже ему письмо, которое осталось пока без ответа. Он воспользуется возможностью проинформировать румынского короля, что предварительным условием установления желаемого им германо-румынского сотрудничества является разрешение требований его соседей о ревизии границ. Фюрер сказал, что он разовьет подробно

эти идеи в ответе Каролю и твердо убежден, что король Кароль тогда начнет переговоры».

15 июля 1940 г. Гитлер направил ответ румынскому королю. Он упрекнул Кароля II за то, что «в прошлом румынская официальная политика была недружественной и даже враждебной». Но, исходя из «понятных экономических интересов», как утверждал Гитлер, Германия заняла сдерживающую позицию, чтобы предупредить военное столкновение Румынии с ее соседями. Теперь германское правительство не намерено занимать такую позицию, если румынское правительство не достигнет мирного урегулирования споров с Венгрией и Болгарией. Рейх не боится возникновения войны между Румынией и ее соседями: его положение, по словам Гитлера, настолько прочное, что в случае необходимости он может обойтись и без румынских нефтепоставок, «хотя это, конечно, будет означать определенные лишения».

До тех пор пока Румыния не урегулирует свои отношения с соседями, пока не будет достигнуто «разумного решения» спорных вопросов, подчеркивал германский фюрер в письме к румынскому королю, нет никакого смысла заниматься поисками возможностей тесного сотрудничества и «возможного принятия на себя обязательств значительного масштаба» в отношениях между Германией и Румынией. Таким образом, Гитлер ставил условием румыно-германского союза, которого добивались румынские правящие круги после поражения Франции, удовлетворение ими территориальных требований венгерских и болгарских правящих кругов. «Если Румыния, Венгрия и Болгария, говорил он, — считают невозможным достичь соглашения, то их позиция, по моему твердому убеждению, не принесет компенсации ни одному из этих государств, а, напротив, накажет их всех». Угроза Гитлера в адрес «всех» была фактически угрозой только в адрес Румынии, от которой он требовал уступок.

Просьба о присылке германских войск в Румынию осталась без ответа. Джигурту в письме к Герингу 16 июля 1940 г. писал о том тяжелом впечатлении, которое производило молчание германского правительства. Позиция гитлеровской верхушки в этом вопросе изложена в меморандуме политического департамента германского МИД от 20 июля 1940 г., где говорится, что согласно информации, полученной от верховного командования вер-

махта, «фюрер решил, что сейчас вооруженные силы ничего не предпримут в этой связи».

Кароль II решил тогда отправиться с визитом к Гитлеру, но тот не захотел принять его. Тревожным показался румынским правителям и тот факт, что новый румынский посланник в Берлине уже более двух месяцев не мог вручить Гитлеру свои верительные грамоты. «Лично я понимаю трудности, вызываемые войной, — писал Джигурту Герингу в этой связи, — но все же я должен сказать, что это затягивание (с принятием верительных грамот румынского посланника. — *Авт.*) может быть иначе понято другими кругами». Наконец, 20 июля 1940 г. Гитлер принял нового посланника Румынии в Берлине, не упустив при этом возможности вновь сделать выговор румынским правящим кругам. «Фюрер считает, — докладывал новый румынский посланник о своей беседе с Гитлером, — что Румынии не пришлось бы перенести того, что она перенесла, если бы она не вела двойственной политики»⁴.

Все эти упреки в адрес правящих кругов Румынии служили гитлеровской клике поводом для отказа от румынских предложений. В тот момент фашистская Германия не хотела обострять отношений с СССР заключением явно антисоветского германо-румынского военного союза и давать Румынии гарантии, которые вызвали бы недовольство венгерских и болгарских правителей. Кроме того, Гитлер не доверял Каролю II, который был теснейшим образом связан с деловыми и политическими кругами Великобритании и на которого поэтому нельзя было положиться в решающий момент борьбы германского империализма за установление мирового господства.

В конце июля 1940 года румынский король направил к Гитлеру премьера Джигурту и министра иностранных дел Манойлеску с заданием любой ценой добиться политического сотрудничества с Германией. Они привезли германскому фюреру ответное письмо Кароля II с заверениями в преданности и готовности выполнить любой приказ Берлина. В этом письме Гитлеру румынский король писал: «Я считаю, что... совершается большая несправедливость в отношении Румынии... Достаточно вспомнить поставки в Германию накануне и в период войны огромного количества румынских товаров, среди которых решающую роль играли нефтепродукты, чтобы...

не выносить столь категорического приговора во вред Румынии». Кароль II выражал согласие действовать в соответствии с указаниями Гитлера в вопросе урегулирования отношений с двумя соседними странами.

26 июля румынских делегатов принял Риббентроп. Для гитлеровцев уже стало обычаем упрекать румынское правительство за его прошлую внешнюю политику. И на этот раз не обошлось без упреков, являвшихся одним из способов оказания давления на румынские правящие круги с целью добиться новых уступок. Риббентроп, выражая недовольство предшествующей внешней политикой Румынии, сказал, что германские войска захватили во Франции документы, якобы свидетельствующие о том, что румынская политика была «если не антигерманской, то абсолютно проанглийской». После такого вступления он подчеркнул, что Германия «симпатизирует ревизионистским требованиям» правительств Венгрии и Болгарии. По его мнению, равновесие сил на Балканах было нарушено после первой мировой войны, «Румыния стала неестественно большой, получив территории, для завоевания которых не приложила собственных усилий». Риббентроп «советовал» румынскому правительству как можно быстрее достичь «четкого и окончательного урегулирования отношений с Венгрией и Болгарией».

Оправдывая румынские правящие круги, Джигурту пытался убедить Риббентропа в том, что Румыния никогда не была настроена против гитлеровской Германии. Напротив, «начиная с 1935 года она сопротивлялась всем попыткам чехов, англичан, французов и русских втянуть ее в систему договоров, направленную против Германии...» Начиная с 1935 года румынские правящие круги, как заявил Джигурту, добровольно поставили себя на службу планам экономической экспансии Германии, «лояльно сотрудничая» с ней в области торговли; в начале второй мировой войны Румыния провозгласила нейтралитет, и он сам (Джигурту) передал Герингу 9 сентября 1939 г. слова Кароля II, что это объявление нейтралитета было не чем иным, как «шагом к союзу с Германией».

Риббентроп прервал Джигурту (может быть, из-за боязни попасть под влияние столь внушительного перечня прогерманских деяний румынских правителей?!) и сказал ему, что «румын надо заставить понять необходимость

возврата территорий, которые были приобретены в результате игры удачного случая, а не румынских усилий». Румынский премьер заявил, что его правительство согласно на урегулирование с Венгрией и Болгарией путем изменения границы и обмена населением. Взамен этого согласия он просил предоставления гарантий Румынии, то есть заключения германо-румынского военного союза, а также экономической помощи со стороны Германии. Джигурту добивался кредита в 600 млн. марок на закупку германского оружия в течение 10 лет. Румынские правящие круги выражали готовность во всем следовать гитлеровской Германии.

В заключение Риббентроп, как об этом говорится в записи беседы, решительно предупредил, что если в скором времени Румыния не достигнет урегулирования с Венгрией и Болгарией, то «могут возникнуть серьезные последствия». Он еще раз повторил, что без удовлетворения территориальных претензий соседних государств румынское правительство не может надеяться на развитие своих отношений с Германией⁵.

На следующий день состоялась беседа Джигурту с Гитлером в присутствии Манойлеску и Риббентропа, начавшаяся с заявления главы румынского правительства, что «Румыния готова на уступки, ибо она ясно понимает свое положение и знает о желаниях фюрера установить новый порядок в Европе, частью которого она хочет стать». Но Джигурту связывал эти территориальные уступки с получением гарантий, фактически означавших оформление румыно-германского политического союза, направленного против СССР. Таким образом, ради того чтобы быть допущенным в гитлеровский «новый порядок» и стать союзником фашистской Германии в антисоветской войне, румынские правящие круги соглашались отказаться от части своей территории. Кроме того, они заявляли, что планируют реорганизовать все в стране по германскому образцу и что уже сейчас в Румынии введена фашистская система, родственная германской и итальянской, и т. п.

Гитлер заявил, что предварительным условием предоставления германо-итальянских гарантий Румынии является урегулирование ею отношений с Венгрией и Болгарией, и предложил румынскому правительству без промедлений начать переговоры с этими странами. На вопрос Маной-

леску, будет ли иметь место арбитраж, если румыно-венгерские переговоры окажутся безуспешными, Гитлер ответил отрицательно, сославшись на неудачный опыт первого венского арбитража. Выходившая на немецком языке газета «Бухарестер тагеблат» в то время утверждала, что Германия не берет на себя роль арбитра, потому что «слишком уважает суверенитет Румынии и Венгрии и не хочет своим вмешательством нанести ему ущерб. Это утверждение звучит издевательски: настолько очевидным было вмешательство Германии во внутренние дела этих двух малых стран. Лицемерно заявляя об отказе выступить арбитром в румыно-венгерском конфликте, гитлеровская клика в действительности готовилась продиктовать правящим кругам Румынии и Венгрии такое решение трансильванской проблемы, которое приковало бы их к колеснице германского империализма.

В ходе беседы с Гитлером глава румынского королевского правительства коснулся вопроса возможной национализации нефтяной промышленности в Румынии. Есть опасения, сказал он, что Германии не понравится эта мера, поскольку румынское правительство, возможно, возьмет в свои руки английские и французские акции в нефтяной промышленности. Гитлер сказал, что даже в этом случае национализация не нанесет ущерба германским интересам; он выразил уверенность, что Германия будет получать доходы с этих акций, считая их своими.

Столь же неутешительными для румынских правящих кругов оказались переговоры, которые вели Джигурту и Манойлеску в Риме, в Палаццо ди Венеция с Муссолини и Чиано 27 июля 1940 г., и здесь румынским делегатам пришлось выслушивать упреки за двойственную политику и давать обещания «загладить ошибки прошлого», полностью присоединившись к политике держав «оси». «Первой ошибкой была вера в Женеву, второй ошибкой было принятие английских гарантий», — выговаривал Муссолини, напоминая главе румынского правительства о тех «серьезных предупреждениях», которые давались им Гафенку по этому вопросу. Дуче высказывался за компромиссное решение в румыно-венгерском территориальном споре, понимая под этим уступку Румынией значительной части своей территории. «В нынешней европейской обстановке в интересах всех государств сделать так, чтобы

политические (государственные. — *Авт.*) границы совпали с этническими. Если румынская территория в результате этого уменьшится, то Румыния станет более однородной», — утешал он румынских делегатов. Джигурту в беседе с Муссолини сделал следующее признание: «В настоящее время Россия сохраняет нормальное отношение к Румынии»⁶. Это признание разоблачает тех, кто утверждает, что переход румынских правящих кругов в лагерь держав «оси» был вынужден якобы агрессивными намерениями СССР в отношении Румынии.

Румынские правящие круги продолжали изо всех сил добиваться тесного политического сотрудничества с германским рейхом в надежде на то, что он поможет им в будущем вновь захватить советские земли. В экономической области доказательства румынской лояльности к гитлеровской Германии следовали одно за другим: 8 августа 1940 г. было подписано новое соглашение о поставке в Германию «по твердым ценам» румынского зерна из урожая 1940 года. Оно предусматривало продажу 450 тыс. т ячменя, 50 тыс. т овса, 30 тыс. т ржи, 50 тыс. т кукурузы и др. В случае если урожай этих культур превзойдет первоначальные наметки, то весь избыточный экспорт зерна будет предоставлен также в распоряжение Германии.

Но гитлеровская верхушка, получая доказательства верноподданнических чувств со стороны румынских правящих кругов, оставалась непреклонна в своем решении сделать Румынию объектом территориальной компенсации. Уже через три дня после визита Джигурту и Манойлеску в Берлин Риббентроп телеграфировал Фабрициусу, чтобы он передал румынскому правительству «совет» Гитлера без задержки вернуть Южную Добруджу Болгарии. В таком же духе давались «советы» по вопросу о Трансильвании. В этой обстановке 19 августа начались румыно-болгарские переговоры в г. Крайове, в результате которых уже 21 августа было подписано соглашение о возвращении Южной Добруджи Болгарии. Переговоры с Венгрией, начавшиеся 16 июля в г. Турну-Северине, зашли в тупик и 24 августа прекратились. Компактное венгерское большинство в Трансильвании находилось далеко от границы, будучи отдалено от Венгрии широкой полосой территории, где большинство населения составляли румыны. Стремясь сохранить за собой Трансильва

нию, румынское правительство предлагало провести обмен населением, то есть очистить Трансильванию от венгров. В крайнем случае оно соглашалось уступить площадь в 14 тыс. кв. км. Венгерское правительство отвергло это предложение, потребовав передачи ему территории, на которой, по румынским подсчетам, проживало 2,4 млн. румын, а в Румынии осталось бы после этого всего 180 тыс. венгров.

Срыв переговоров в Турну-Северине повлек за собой чрезвычайное обострение румыно-венгерских отношений. Хортисты были уверены в поддержке со стороны фашистской Германии. При встрече с венгерским премьером Телеки и министром иностранных дел Чаки 10 июля 1940 г. Гитлер говорил им о своем недовольстве румынскими правящими кругами и намерении осуществить в «легкой форме» оккупацию Румынии, которую, по его словам, англичане облюбовали себе в качестве военной базы⁷. В Венгрии и Румынии развернулись приготовления к войне. Войска обеих сторон были подтянуты к границе. участились вооруженные столкновения в пограничной полосе.

Испуганные перспективой нападения хортистской Венгрии, которую поддерживали германские и итальянские фашистские правители, Кароль II и его окружение опять обратились в Берлин за поддержкой. Но гитлеровская клика, заявив о своей «нейтральной» позиции в румыно-венгерском споре, фактически оказала давление на Румынию.

27 августа 1940 г. венгерский посланник в Берлине вручил меморандум с обвинением румынского правительства в затягивании переговоров в Турну-Северине и проведении военных приготовлений в Трансильвании, где, по венгерским данным, сконцентрировано около двадцати трех румынских дивизий. Правительство Румынии отклонило венгерское предложение возобновить переговоры в каком-либо городе Венгрии. Венгерское правительство, говорилось далее в меморандуме, не может ждать и вынуждено принять меры к разрешению вопроса военным путем. В этой связи оно хотело бы выяснить позицию германского правительства, в частности будет ли оно соблюдать «строгий нейтралитет» в случае войны между Венгрией и Румынией. Венгерскому посланнику на это ответили, что Риббентроп направил приглашения минист-

рам иностранных дел Румынии и Венгрии прибыть для урегулирования спора.

Перспектива войны между Венгрией и Румынией никак не устраивала державы «оси». Гитлеровская верхушка решила принять меры на случай возникновения румыно-венгерской войны. В дневнике боевых операций германского вермахта 26 августа 1940 г. была сделана запись о получении приказа фюрера, согласно которому в южной части оккупированной Польши должны быть сосредоточены 10 пехотных и две бронетанковые дивизии «в целях быстрого вмешательства для защиты румынских нефтяных районов»⁸.

28 августа Гитлер и Риббентроп совместно с Чиано обсуждали румыно-венгерский конфликт. В интересах Германии и Италии, говорил Гитлер, предупредить войну между Венгрией и Румынией, ибо она нарушит снабжение держав «оси» нефтью, необходимой для ведения войны. Кроме того, возникающая в этой связи нефтяная проблема может оказать влияние на позицию Испании, которая условием своего выступления в войне на стороне германо-итальянского блока ставит получение ежемесячных поставок ей 30—50 тыс. т нефти. Прекращение поставок румынской нефти после начала вооруженного столкновения Венгрии с Румынией создаст «исключительно серьезные проблемы для дальнейшего ведения войны» фашистскими державами. Далее он говорил о сложности трансильванской проблемы: «Структура населения в оспариваемой области, принимая во внимание наиболее благоприятные Венгрии данные, такова: на 1,5 млн. венгров приходится 3 млн. румын и 600—700 тыс. немцев». К тому же венгерское население расположено на востоке, а румынское на западе этой территории. Как бы не соглашаясь с хортистами, требовавшими 66 тыс. кв. км, или $\frac{2}{3}$ территории Трансильвании, Гитлер подчеркивал, что венгры составляют там лишь $\frac{1}{3}$ населения. Но в то же время он разразился угрозами в адрес Румынии, которая, по его словам, в случае войны ничего не выиграет. Чиано от имени итальянского дуче выразил полное согласие с германской точкой зрения.

Гитлер показал явное намерение заставить румынские правящие круги уступить значительную часть территории Румынии. Чтобы оказать давление на Кароля II, было решено использовать вымышленную угрозу «советс-

кой агрессии» против Румынии в случае венгеро-румынской войны. Идея такого шантажа принадлежала Фабрициусу, который изложил ее в своем докладе в Берлине 26 августа 1940 г. Высказав убеждение, что возобновление переговоров между Румынией и Венгрией не даст результатов, он предложил использовать слухи об «угрозе русского вторжения на румынскую территорию», в которые, по его собственному признанию, он сам не верил. Распространение этих слухов, писал Фабрициус, могло бы изменить обстановку, а у Германии предоставилась бы тогда возможность «намекнуть Бухаресту и Будапешту на необходимость скорейшего достижения соглашения якобы в целях обеспечения безопасности Румынии с Востока». Угрозы Гитлера о возможности «полного исчезновения» Румынского государства в случае венгеро-румынской войны и необходимости «спасения национальной территории» Румынии содержали явный намек на пресловутую угрозу со стороны СССР.

29 августа 1940 г. в отеле «Империаль» в Вене Риббентроп в присутствии Чиано принял поочередно румынского и венгерского министров иностранных дел, чтобы склонить их в пользу германо-итальянского арбитража территориального спора. Румынскому министру иностранных дел Риббентроп сказал, что фюрер решил вмешаться в спор, тем более что «Румыния неоднократно просила державы оси вынести арбитражное решение по вопросу о пересмотре границы». Перед тем как брать на себя миссию арбитров, Германия и Италия хотели бы получить от румынского правительства заверение, что оно безоговорочно примет решение, которое будет вынесено державами «оси». После урегулирования споров с Венгрией и Болгарией можно будет предоставить Румынии «гарантию территориальной целостности». Манойлеску сразу же поставил вопрос о том, распространится ли гарантия на все румынские границы или только на границу Румынии с Венгрией. Риббентроп ответил, что будут гарантированы все границы, и добавил, что можно будет удовлетворить просьбу румынского правительства о посылке под видом «военной миссии» германских войск в Румынию. Чиано присоединился к заявлению германского министра иностранных дел, сказав, что ему мало что остается добавить к сказанному Риббентропом.

Выслушав все это, Манойлеску выразил удивление

по поводу того, что возник вопрос об арбитраже, поскольку, по его словам, «фюрер и дуче говорили румынскому председателю совета министров всего несколько недель назад, что они против арбитражного решения». Рассыпая заверения в лояльности к «новому порядку» и проявляя готовность выполнить любое другое пожелание держав «оси» (Манойлеску, например, сказал, что немедленно отзовет из Москвы румынского посланника Г. Гафенку, поведение которого вызвало недовольство Риббентропа), он все же пытался торговаться. Румыния, сказал Манойлеску, безоговорочно согласится с арбитражным решением, если оно будет основываться на принципе обмена населением. Риббентроп прервал его: «Неуместно со стороны Румынии ставить условия державам оси... В таком случае арбитраж станет невозможным, и события будут развиваться своим чередом. Венгрия нападет на Румынию. Война быстро распространится и приведет к вторжению русских, что закрепит крах Румынии»⁹. Румынскому министру иностранных дел было предложено до 12 час. ночи дать ответ на предложение о германо-итальянском арбитраже.

До беседы с Манойлеску состоялась встреча Риббентропа и Чиано с венгерскими делегатами, которым было сказано, чтобы они ни в коем случае не прибегали к войне против Румынии. В этом случае «вполне возможно русское выступление», пугал Риббентроп, а Германия и Италия, занятые войной против Британской империи, не смогут оказать помощь Венгрии. От венгерских правителей потребовали дать в течение дня согласие на арбитраж, с тем чтобы на следующий день можно было вынести решение по территориальному спору между Румынией и Венгрией.

30 августа 1940 г. в Бельведерском дворце были подписаны документы второго венского арбитража. В протоколе, подписанном Риббентропом, Чиано, Манойлеску и Чаки, говорилось об обращении королевских правительств Румынии и Венгрии к правительствам Германии и Италии вынести арбитражное решение, которое будет обязательным для спорящих сторон. Само арбитражное решение, вынесенное министрами иностранных дел Германии и Италии, состояло из семи пунктов, которые гласили:

1) окончательной границей между Румынией и Венг-

рией будет граница, проведенная на прилагаемой карте. Детальная делимитация границы на местности будет осуществлена румыно-венгерской комиссией;

2) бывшая румынская территория, соответственно переходящая к Венгрии, должна быть очищена от румынских войск в 14-дневный срок и передана Венгрии в должном порядке;

3) все румыны, проживающие к настоящему времени на уступаемой Румынией территории, приобретают венгерское гражданство без всяких процедур. Они будут иметь право перейти в румынское гражданство в течение 6-месячного периода. Лица, воспользовавшиеся этим правом, должны покинуть венгерскую национальную территорию в последующий годичный срок и быть приняты Румынией;

4) румынские граждане, принадлежащие к венгерской этнической группе, жившие на территории, которая была уступлена Венгрией Румынии в 1919 году, и ныне остающиеся в Румынии, имеют право перейти в венгерское гражданство в течение 6-месячного периода;

5) королевское венгерское правительство торжественно берет на себя обязательство предоставить лицам румынской этнической группы, получившим венгерское гражданство в силу арбитражного решения, равные права с венгерскими гражданами. Королевское румынское правительство торжественно берет на себя соответствующее обязательство в отношении румынских граждан венгерской этнической группы, остающихся на его территории;

6) разрешение других вопросов, вытекающих из смены суверенитета, будет осуществляться путем прямых переговоров между румынским и венгерским правительствами;

7) королевское румынское и королевское венгерское правительства будут непосредственно информировать друг друга о всех трудностях и неопределенных ситуациях, могущих возникнуть при проведении в жизнь данного арбитражного решения. В случае если они не сумеют достичь соглашения по какому-либо вопросу, они представят его на окончательное решение правительства рейха и королевского итальянского правительства¹⁰.

Проведенная Риббентропом и Чиано линия на карте отторгала от Румынии Марамуреш, половину Трансиль-

вании и Кришаны. На передававшейся Венгрии территории в 43 591 кв. км проживало 2,5 млн. человек, из которых половину составляли лица румынской национальности. Но в Румынии оставалось еще 500 тыс. венгров.

Венским диктатом оказалась недовольна не только королевская Румыния, но и хортистская Венгрия, ибо полученная ею от Румынии территория составляла только $\frac{2}{3}$ той площади, на которую она претендовала. Зато у Гитлера появилось мощное средство давления на правящие круги этих стран. По словам Риббентропа, смысл венского арбитража состоял в том, чтобы держать румынские и венгерские правящие круги в постоянном напряжении, подогревая их аппетиты, и решать все в интересах Германии.

Расчленив Румынию, гитлеровцы лицемерно гарантировали «целостность и неприкосновенность румынской национальной территории». 30 августа 1940 г. Риббентроп и Манойлеску обменялись письмами по этому поводу. Тогда же были подписаны венгеро-германский и румыно-германский протоколы относительно немецкого национального меньшинства в Венгрии и Румынии, по которым гитлеровцы фактически добились привилегированного положения для лиц немецкой национальности в этих странах.

Венским арбитражем наносился сильный удар по стратегическим позициям Румынии. Новая граница, проведенная Риббентропом и Чиано, делала страну фактически неспособной организовать эффективную оборону со стороны Венгрии. Центр нефтепромыслового района г. Плоешти оказывался всего в 80 км от венгерской границы. Огромный урон наносился экономике Румынии, которая в результате передачи Северной Трансильвании лишалась большого количества промышленных предприятий, и др. Производственные мощности сократились по этой причине в химической промышленности на $\frac{1}{5}$, в металлургической — на $\frac{1}{3}$, в лесной промышленности — на $\frac{2}{5}$ и т. д. Резко уменьшались сырьевые ресурсы и сельскохозяйственное производство Румынии, не говоря уже о сокращении людских ресурсов.

Тем не менее королевская диктатура решила подчиниться венскому диктату. За его принятие высказалось большинство членов коронного совета, заседавшего

30 августа 1940 г. Правящие румынские круги капитулировали перед германским рейхом, уверовав в его могущество и конечную победу во второй мировой войне. Активным участием в предстоящем походе фашистской Германии против СССР они надеялись склонить Гитлера к пересмотру венского арбитража в свою пользу, в крайнем случае они надеялись получить на Востоке компенсацию за потерю Северной Трансильвании. Для оправдания акта национального предательства королевская «камарилья» распространила версию о «безысходном положении» страны, которой якобы угрожал Советский Союз.

Разоблачая эти клеветнические утверждения, призванные оправдать действия правящих румынских кругов, газета «Правда» написала 9 сентября 1940 г.: «Окружение Кароля несколько времени назад вело переговоры, в которых готовилась передача Венгрии значительной части Трансильвании, а также получение от Германии и Италии гарантий государственной территории Румынии. Каролю нужны были какие-нибудь внешние поводы, чтобы оправдать перед общественным мнением Румынии эти подготовлявшиеся решения. В этих целях окружение Кароля пошло на создание провокационных инцидентов на советско-румынской границе... Кароль, конечно, правильно рассчитывал, что нападение румынских частей на советскую пограничную охрану не может остаться без ответа. Все это было использовано для того, чтобы распространять заведомо ложные слухи о том, что якобы Советский Союз готовит нападение на Румынию...»

Румынская газета «Буна вестире» тогда же сообщила, будто румынский посланник в Москве Г. Гафенку в дни переговоров о венском арбитраже обсуждал предложение об установлении советского протектората над Румынией, после чего «положение румынской делегации в Вене стало невыносимым». ТАСС заявил в этой связи, что распространение клеветнических измышлений объясняется «теми же провокационными целями, которыми диктуются повторяющиеся в последнее время с румынской стороны инциденты на советско-румынской границе, вызвавшие, как известно, протест со стороны Советского Правительства»¹¹.

Даже Гафенку в своей книге «Прелюдия к русской кампании» опровергает неумные попытки взвалить на СССР ответственность за расчленение Румынии венским

диктатом 30 августа 1940 г. Он пишет, что удивлен ссылкой на «опасность непосредственного русского вторжения», использовавшейся в качестве решающего аргумента для навязывания румынскому правительству решения германо-итальянского арбитража. Гафенку признает, что СССР в период венского арбитража не проявлял никаких агрессивных намерений в отношении Румынии. В середине августа 1940 года при посещении Народного комиссариата иностранных дел СССР ему были даны категорические заверения в том, что СССР не имеет претензий к Румынии и желает развивать с ней мирные добрососедские отношения¹².

Советский Союз решительно выступал против венского арбитража, осуждая его как типичную империалистическую сделку. Советское правительство не имело никакого отношения к венскому диктату, расчленившему Румынию и к тому же носившему явную антисоветскую направленность. Германский посол в Москве Шуленбург в своих донесениях в Берлин сообщал, что Советское правительство было поставлено перед свершившимся фактом, узнав о венском арбитраже из сообщений прессы и радио. Он отмечал также, что германские гарантии Румынии восприняты в Москве как направленные против СССР. Справедливость такой оценки подтверждается признанием Кордта, ближайшего сотрудника Риббентропа, что гарантии, предоставленные Румынии одновременно с принятием венского арбитража, носили явно антисоветский характер. Чиано записал в своем дневнике высказывание Риббентропа: «Гарантии, которые державы оси дали Румынии, вызвали советское недоверие и враждебность». В целом же венский арбитраж, как пишет бывший хортистский дипломат Кертес, «вызвал серьезные трения между Москвой и Берлином»¹³.

Заслуживает внимания трактовка истории венского арбитража в румынской архивной справке, относящейся к осени 1940 года. В ней говорится, что первоначально державы «оси» стремились отложить разрешение территориальных споров на Балканах до окончания войны, чтобы избежать опасности для зоны, которая снабжала их нефтью, хлебом и сырьем, а также чтобы привлечь страны этого района к войне против СССР. Даже Венгрия склонялась к такому подходу. Но затем, увидев, что румынские правящие круги превращают страну в тоталитарную,

литарное государство и сближаются с Берлином и Римом, стремясь расположить их к себе, хортисты изменили свою позицию и резко потребовали решения трансильванского вопроса. Чтобы избежать войны на Балканах в результате нападения Венгрии и, возможно, Болгарии на Румынию, державы «оси» решили частично удовлетворить венгерские притязания и предложили свое посредничество, которое потом вылилось во второй венский арбитраж. С помощью этого арбитража Германия стремилась обеспечить себе позиции на юго-востоке Европы и румынскую нефть для войны против Советского Союза. Для достижения указанных целей с самого начала была зафиксирована обязательность свержения Кароля II, не пользовавшегося доверием германских руководителей. Спешка при подписании венского арбитража и срочная эвакуация уступленной румынской территории, говорится далее в этой архивной справке, объясняются «боязнью, что Советы ускоренным действием могут предупредить и сорвать германские намерения. Поэтому первоначальное посредничество, которое должно было протекать в обстановке тишины и спокойствия, превратилось в обязательный арбитраж ультимативного характера с требованием немедленного выполнения его. Сама форма, в которой Румынии был навязан этот арбитраж, носила элемент наказания Румынии за политику нахождения в противоположном лагере»¹⁴.

Процитированный документ фактически признает, что СССР был против расчленения Румынии фашистскими державами, что румынское правительство при желании могло бы опереться на поддержку Советского Союза. Но румынские правящие круги, руководствуясь узкоклассовыми интересами, предпочли капитулировать перед германским империализмом, который не удовлетворялся теперь экономическим закабалением Румынии, а стремился к ее полному политическому подчинению в целях использования в предстоящей войне против СССР. Румынские господствующие классы пошли навстречу этому желанию гитлеровцев.

Приняв венский диктат, королевская диктатура вызвала гнев народных масс Румынии и, не сумев справиться с ним, пала. Это было логическим концом той антинациональной реакционной внешней и внутренней политики, которую проводила королевская «камарилья».

* *

*

Политика королевской диктатуры имела губительные последствия для трудящихся масс, на плечи которых была возложена вся тяжесть гонки вооружений и экономических уступок гитлеровской Германии. Эксплуатация трудящихся масс в годы королевской диктатуры заметно возросла.

Одним из наиболее распространенных путей обеспечения максимальных прибылей монополистической верхушке буржуазии и помещиков Румынии, которая поставила у власти королевскую диктатуру, было получение правительственных заказов, «работа на оборону». Государство выступало главным потребителем продукции тяжелой промышленности — металлургических и других заводов, контролировавшихся королевской «камарильей». Достаточно сказать, что в период королевской диктатуры 98% продукции заводов «Н. Малакса» поставлялось государству. Королевское правительство щедро оплачивало эти заказы, устанавливая на заказанную им продукцию цены, которые порой были в 10 раз выше себестоимости. Один из правительственных военных заказов, выполнявшийся заводами «Н. Малакса», при стоимости 182 млн. лей был оплачен огромной суммой 1,6 млрд. лей.

Расходы румынского государства «на оборону» в годы королевской диктатуры резко увеличились, став одним из главных источников баснословных прибылей правящей верхушки. Если в 1936 году прямые расходы на вооружение составляли 3,6 млрд. лей, то в 1940 году они достигли 16,2 млрд. лей. Общая сумма военных расходов с февраля 1938 года по июнь 1939 года равнялась 25 млрд. лей, это столько же, сколько было израсходовано на военные цели за восемь предшествующих лет¹⁵. Королевская диктатура создавала привилегированное положение отраслям промышленности, признанным ею «национально важными». С этой целью были введены запретительные таможенные тарифы, государство предоставляло долгосрочные кредиты на льготных условиях и т. п. По сведениям румынской буржуазной печати, в металлургическую промышленность было вложено 8,5 млрд. лей, что на 17% превышало все капиталовложения в остальные отрасли румынской промышленности.

Мелкие и средние предприятия в этих условиях не выдерживали конкурентной борьбы, разорялись и поглощались крупными. Только в одном 1938 году было зарегистрировано 4 тыс. банкротств. В период королевской диктатуры процесс концентрации капиталов в промышленности и банках усилился. В январе 1937 года насчитывалось 553 банка, а в январе 1940 года их число сократилось до 440 банков. Пять крупнейших банков — «Банка ромыняска», «Банк кредитудуй ромынеск», «Банка комерчиала», «Банка комерчиала италиана» и «Социетатя банкара», на долю которых приходилась четверть всего банковского капитала Румынии, в 1939 году дали 45% общего баланса банковских операций.

Королевская диктатура зарекомендовала себя верным защитником интересов помещичьего класса. В еще более широких размерах стало осуществляться субсидирование экспорта зерна и других сельскохозяйственных продуктов в Германию: в 1939 году на эту цель было выделено из бюджета государства 2 млрд. лей. Законом 5 декабря 1938 г. был учрежден специальный банк для финансирования развития и промышленной переработки сельскохозяйственной продукции (БИНАГ). Этот банк предоставлял кредит только состоятельным хозяевам, способствуя тем самым ускорению процесса расслоения деревни, разорению беднейшего крестьянства и обогащению кулачества и помещичьего класса.

Для покрытия растущих расходов государственного бюджета, шедших на увеличение прибылей монополистической верхушки буржуазии и помещиков, правительство королевской диктатуры увеличило налоговое обложение народных масс. В 1938/39 финансовом году из общей суммы доходов бюджета 31,6 млрд. лей на долю налогов пришлось 21,4 млрд. лей (прямые налоги дали 5,5 млрд. лей, косвенные — 15,8 млрд. лей). В 1940 году доходы бюджета возросли до 35,5 млрд. лей, в том числе налоговые поступления — до 25,2 млрд. лей. Были введены новые и увеличены старые налоги. По свидетельству Аржетояну, число различных налоговых обложений, которым подвергался товар с момента поступления на фабрику до розничной продажи, достигало 55. Таким количеством налогов облагались все товары розничной торговли, а продовольственные товары и спиртные напитки облагались еще 9 другими налогами. Увеличившееся налоговое

бремя всей своей тяжестью ложилось на плечи трудящихся масс. Оно разоряло также значительное число мелких хозяев, заставляя говорить об этом даже на заседаниях румынского парламента.

С установлением королевской диктатуры и усилением приготовлений к войне резко возросла прямая эксплуатация румынского пролетариата. На фабриках и заводах с официального разрешения правительства удлинялся рабочий день. В марте 1940 года министерство труда получило право решать вопрос об увеличении часов работы на промышленных предприятиях и шахтах, «повсюду, где это вызывается общими экономическими потребностями». 24 июля 1940 г. был издан декрет-закон «Об условиях труда при исключительных обстоятельствах», который отменил воскресные и праздничные нерабочие дни, отпуска и оставил на усмотрение предпринимателей и властей установление длительности рабочего дня.

Но уже до этой официальной отмены восьмичасового рабочего дня румынский пролетариат трудился до 16 и более часов в сутки. «Хозяева, желая как можно больше обогатиться, сделали нас рабами, которые должны трудиться по 12—16 часов», — говорилось в коммунистической листовке 1938 года, посвященной положению яских текстильщиков. Несоблюдение восьмичасового рабочего дня было обычным явлением. «Нормальный рабочий день на предприятиях Бухареста, даже на крупных, длится 10—12 часов», — отмечалось в официальных отчетах 1938 года. Фактически его длительность была больше: в хлебопекарной промышленности она доходила до 14—18 часов, в лесной — 12—16 часов, текстильной — 10—16 часов, добывающей — 10—16, металлургической — 10—14 часов¹⁶.

С принятием королевской диктатурой декретов о продлении рабочего дня борьба румынского пролетариата за 48-часовую рабочую неделю объявлялась незаконной, преступной. На предприятиях устанавливалась слежка за рабочими, осуществлявшаяся полицейскими и военными органами. Министерство национальной обороны предписало администрации предприятий следить за деятельностью «всего персонала», в особенности за «сомнительными элементами», и постоянно информировать о «всяких действиях». Методами террора королевская диктатура стремилась подавить рабочее движение, чтобы обеспе-

чить монополистическому капиталу неограниченные возможности непосредственной эксплуатации пролетариата в целях получения наивысших прибылей.

Несмотря на то что длительность рабочего дня возросла, реальная заработная плата рабочих в 1938—1940 годах уменьшилась. Если взять уровень 1937 года за 100, то реальная заработная плата рабочих сократилась в 1938 году до 93%, а в 1940 — до 78%. К концу 1938 года из одного миллиона рабочих, частных служащих и других категорий лиц, работающих по найму, более 66% получали в день от 24 до 79 лей, в то время как официальный прожиточный минимум в день составлял более 200 лей. Самый низкий заработок был у сельскохозяйственных рабочих — 23—30 лей в день.

В годы королевской диктатуры ухудшилось также положение трудового крестьянства. Статистика того времени отмечает, что 75% сельского населения владели участками земли до 5 га, 17% — участками от 5 до 10 га, а 5,5% — участками от 10 до 20 га. Как признавал известный румынский буржуазный экономист В. Маджару, подавляющее большинство крестьянских хозяйств не могло обеспечить себя необходимым для жизни¹⁷. Страдая от безземелья и малоземелья, трудящееся крестьянство было вынуждено на кабальных условиях арендовать землю у помещиков и кулаков. Средневековые формы эксплуатации продолжали сохраняться в румынском сельском хозяйстве, являясь следствием помещичьего господства. За один гектар земли, полученной в пользование от помещика, крестьянин должен был ему вспахать один гектар пашни, пробороновать четверть гектара, убрать урожай на полгектара, свезти с помещичьего поля в амбары одну тонну зерна, отработать пять дней на молотбе, а также преподнести помещику в дар несколько кур.

Трудящееся крестьянство страдало от все увеличивавшихся налогов. Начиная с весны 1939 года в связи с проведением частичной мобилизации оно стало подвергаться разорительным реквизициям на нужды армии. По некоторым подсчетам, сумма реквизиций, не оплаченных государством в 1939—1940 годах, составила более 2 млрд. лей. В связи с мобилизацией крестьян в армию и реквизицией рабочего скота во многих хозяйствах сократились посевы. В целом по стране осенью 1939 года

осталось незастроенным более полутора миллионов гектаров земли. На заседании Высшего сельскохозяйственного совета директор института зоотехнических исследований заявил, что в Румынии 1,5 млн. крестьянских хозяйств не имеют ни одной курицы, 2,5 млн. крестьянских хозяйств — ни одной свиньи, 3,5 млн. хозяйств — ни одной коровы.

Крестьяне продавали пшеницу по цене 4,4 лея за килограмм, а платили за килограмм хлеба 9,6 лея. Чтобы купить отрез ситца на платье, крестьянская семья должна была продать 233 кг зерна. Если в 1913 году крестьянин отдавал за косу 5,3 кг пшеницы, то в 1939 году — 24,4 кг пшеницы¹⁸.

Обремененное долгами трудящееся крестьянство разорялось. Помещики и ростовщики предоставляли им займы из расчета 40—70% годовых. Заняв 100 лей, крестьянин должен был выплатить через 3 года 600 лей, а через 5 лет более 1000 лей. По закону об урегулировании долгов, принятому 5 августа 1938 г., устанавливалась принудительная выплата долгов в 2-месячный срок, заставлявшая мелкие крестьянские хозяйства за бесценок продавать землю. Усиливавшийся процесс расслоения крестьянства, рост сельскохозяйственного пролетариата и связанные с этим брожения в деревне вызывали беспокойство среди господствующих классов. В меморандуме, направленном в совет министров, ассоциация городских и сельских владельцев писала, что закон от 5 августа 1938 г. может вызвать «опасные социальные конвульсии»¹⁹.

В целях успокоения крестьянских масс король и его правительство прибегали к проведению демагогических кампаний «помощи» сельскому населению. Одной из них являлась «санитарная кампания» 1938 года, в рамках которой местные власти, используя сельских учителей, вели пропаганду в пользу улучшения ведения хозяйства, рационального использования навоза, оборудования отхожих мест, побелки изгородей, борьбы с насекомыми-паразитами, предупреждения болезней и др. Крестьяне, требовавшие принятия радикальных мер по улучшению условий жизни, с недоверием и даже презрением отнеслись к «санитарной кампании». К. Аржетояну в своих мемуарах пишет: «Один крестьянин из уезда Горж жаловался на «санитарное наступление»: «Боже мой, спраши-

вают у меня про вшей, но почему же не спросят, имею ли я хоть поросенка». Точка зрения, хотя и примитивная, но не требует разъяснения». Для борьбы с крестьянской нищетой нужны были не «санитарная кампания» или какая-либо другая подобная ей, а глубокие революционные преобразования, на которые румынские правители пойти не могли и не хотели.

Выступая в парламенте в марте 1940 года, один из депутатов говорил об ужасающей нищете крестьянства: «Подсчитано, что расходы крестьянина на свое содержание в год составляют 6—7 тыс. лей. Но даже на содержание коровы, которая должна съедать 6—7 кг сена и горсть ячменя, тратится, включая расходы на уход за нею, больше 6—7 тыс. лей. Получается, что стоимость жизни селянина не превышает расходов на содержание коровы». Это выступление не было единичным. На заседании румынского сената 13 марта 1940 г. Н. Йорга воскликнул: «Разве это сельскохозяйственное производство... Мы подобны дикарям из Океании, выступающим с луками против английского крейсера». Целый ряд буржуазных политиков проявляли озлобленность положением на селе и растущим недовольством крестьянских масс.

Ухудшение экономического положения трудящихся Румынии в годы королевской диктатуры, а также фактическое упразднение демократических свобод, антирабочее законодательство и террор полицейских властей привели к усилению классовой борьбы в стране. Борьбу против королевской диктатуры фашистского типа, за демократические права и национальную независимость возглавил рабочий класс, руководимый Коммунистической партией Румынии. Сигуранца сообщала в 1938 году о проводимых по инициативе коммунистов собраниях «против правительства». Рабочие выступали с требованиями как экономического, так и политического характера: повышение заработной платы, снижение цен, сокращение рабочего дня, восстановление на работу уволенных рабочих, свобода собраний и т. п. Даже официальная статистика, намеренно преуменьшающая размах забастовочной борьбы, свидетельствует, что в 1939 году в 18 забастовках и 321 рабочем конфликте принимало участие более 700 тыс. рабочих. О степени этого преуменьшения можно судить по тому факту, что сигуранца отметила в 1939 году 24 забастовки в одной только столице. Рабочий класс

боролся за свои права, несмотря на жестокий террор королевской диктатуры.

Во многих областях проходили выступления крестьян, протестовавших против роста налогового бремени, удорожания жизни и помещичьей эксплуатации. В марте 1938 года были арестованы и преданы суду военного трибунала 6-го армейского корпуса в Клузе крестьяне по обвинению в подстрекательствах против власти. Частыми были стычки крестьян с налоговыми агентами. В ряде сел крестьяне разоружили и избили жандармов, помогавших взysкивать налоговую задолженность. На это крестьян вынуждали действия налоговых агентов, которые, взламывая замки, забирали имущество должников, уводили со двора последнюю корову, жестоко избивали всех оказывающих им сопротивление.

Борьба трудящихся масс города и деревни нарушала «порядок» в буржуазно-помещичьем румынском государстве. Как заявил генеральный прокурор на совещании в феврале 1939 года, «беспорядки, подвергающие тяжелому испытанию спокойствие и безопасность государства, являются серьезной проблемой, которую правосудие не может игнорировать. Правосудие не может оставаться безразличным перед лицом общественных беспорядков, которые ставят под угрозу не только безопасность, но и само существование государства».

Коммунистическая партия, призывавшая к борьбе против королевской диктатуры, подчеркивала, что от успеха этой борьбы зависит также сохранение национальной независимости Румынии. Страна и народ, предупредила компартия, падут жертвой фашистской Германии и ее железногвардейской агентуры, если не будет свергнута королевская диктатура. Борьба за оказание отпора фашистской агрессии, против капитулянтской политики королевской диктатуры, подчинявшей страну гитлеровской Германии, была одной из центральных задач деятельности компартии в тот период.

Когда гитлеровская Германия захватила Австрию, компартия выступила с разоблачением прогерманской позиции румынского правительства и призвала румынский народ бороться против новых актов капитуляции перед фашистской агрессией. «Тот факт, — говорилось в заявлении КПП (апрель 1938 г.), — что правительство королевской диктатуры не находит ни слова протеста

против оккупации Австрии, до сих пор не заявляет о своем намерении быть вместе с Францией и СССР, чтобы защищать союзницу Румынии — Чехословакию в случае нападения Гитлера, показывает, что это правительство готовит сдачу Румынии Гитлеру». Компартия требовала защищать от германской агрессии союзницу Румынии по Малой Антанте. Компартия считала необходимым объединение всех балканских стран для организации военного и политического сотрудничества с СССР в целях обеспечения коллективной безопасности. Она разоблачала предательскую внешнюю политику королевской диктатуры, которая шла по пути капитуляции перед Гитлером, отказывалась поддержать Чехословакию и пропускать на помощь ей советские войска через румынскую территорию. Интересы обеспечения национальной независимости страны и борьбы против дальнейшего развития фашистской агрессии требовали устранения королевской диктатуры и установления демократического правительства.

После оккупации всей Чехословакии гитлеровскими войсками опасность расчленения и захвата Румынии фашистской Германией и хортистской Венгрией стала совершенно очевидной. В это время компартия мобилизовала массы на защиту страны от гитлеровской и хортистской агрессии, не прекращая борьбы против королевской диктатуры фашистского типа, обрекавшей народ на политическое бесправие, голод и нищету. «Поднимайтесь на борьбу, чтобы помешать любой попытке капитуляции, — говорилось в заявлении КПР (март 1939 г.). — Арестуйте всех агентов Гитлера в нашей стране. Удалите из правительства, армии и государственного аппарата всех фашистов и капитулянтов. Чешский народ вырыл траншеи и возвел могучие укрепления, он был готов защищать свою свободу и жизнь. Но его предали правительство и реакционная буржуазия. Румынский народ и национальные меньшинства! Будьте на страже, чтобы вас не постигла судьба народов Австрии и Чехословакии»²⁰.

Румынские коммунисты, выступая руководящей силой борьбы в защиту родины, были готовы сотрудничать в рамках патриотического фронта со всеми политическими и общественными силами, которые были против любой капитуляции перед гитлеровской Германией.

«Объединяйтесь все вместе в единый могучий фронт борьбы против Гитлера и его союзников-ревизионистов, — призывала компартия. — Заставьте правительство объединиться с теми внешними силами, которые преисполнены решимости бороться против фашистских агрессоров и использовать выгоды соседства с великим Советским Союзом, который всегда изъяснял готовность защищать страны от угрозы фашистского нашествия». Разоблачая намерения королевской диктатуры капитулировать перед Гитлером и подписать кабальный экономический договор, румынские коммунисты призывали народ сорвать заключение кабального экономического договора, который ослабит национальное сопротивление германскому фашизму.

Непосредственная опасность фашистской агрессии против Румынии всколыхнула румынский народ. Встав во главе борьбы против угрозы гитлеровской агрессии, в защиту национальной независимости страны, Коммунистическая партия Румынии не прекратила разоблачения королевской диктатуры и ее пособников внутри страны. Мобилизуя массы на оборону родины, она в то же время разъясняла, что не зовет их защищать правительство королевской диктатуры, шедшее по пути предательства национальных интересов Румынии.

После того как королевская диктатура пошла на подписание кабального экономического договора с Германией 23 марта 1939 г., компартия выпустила обращение к населению Румынии. «Нынешнее правительство капитулировало перед смертельным врагом страны, — говорилось в этом обращении. — Богатства страны используются фашистскими захватчиками в целях производства пушек и бомб, предназначенных для убийства наших солдат, наших женщин и детей, для захвата Румынии»²¹. КПР указывала, что этим договором гитлеровцы не только экономически подчиняют себе Румынию, но и втягивают ее в подготовляющуюся антисоветскую войну. На собраниях, организованных в Клуже, Бухаресте, Ораде и других городах страны, рабочие протестовали против договора 23 марта 1939 г.

Позиция, занятая компартией в вопросе защиты страны от гитлеровской агрессии, работа коммунистов по подъему морального духа армии для борьбы против фашистских захватчиков, угрожавших Румынии, имели

своим результатом рост престижа и авторитета КПР в широких слоях населения. Под коммунистическими лозунгами прошли в 1939 году первомайские демонстрации и митинги, на которых массы открыто и решительно высказались против фашизма и королевской диктатуры, за восстановление демократических прав и свобод, за национальное равноправие, за мир и лучшую жизнь. Более 20 тыс. рабочих, служащих, ремесленников и интеллигенции прошли 1 мая 1939 г. по улицам Бухареста под лозунгами компартии: «Долой королевскую диктатуру!», «Долой фашизм!», «Требуем разрыва германо-румынского экономического пакта, являющегося предательством страны!», «Требуем ареста фашистов!», «Амнистию заключенным антифашистам!», «Даешь патриотический фронт!», «За свободную и независимую Румынию!», «Да здравствует Советский Союз!» и др.

В июне 1939 года в условиях надвигавшейся войны состоялся расширенный пленум ЦК КПР, который определил позицию партии и ее задачи в борьбе с военной опасностью. Пленум подчеркнул, что единственно справедливой войной для румынского народа является война в защиту независимости и границ родины от фашистской агрессии. В решениях пленума указывалось, что КПР должна сосредоточить все свои силы на немедленном создании Единого рабочего фронта и Народного антифашистского фронта для ведения борьбы против гитлеровской агентуры, королевской диктатуры и фашистской агрессии, за создание демократического правительства национального спасения.

Как указывается в партийных документах, компартия в рассматриваемый период допустила ряд ошибок в своей деятельности по мобилизации румынского народа на борьбу против королевской диктатуры. Правильно оценив королевскую диктатуру как диктатуру фашистского типа, компартия, однако, проявила непоследовательность: в начале 1939 года квалифицировала Фронт национального возрождения (ФНВ) как «массовую партию» и выдвинула в этой связи лозунг «Концентрации демократических сил внутри и вне ФНВ». Этот лозунг был ошибочным, ибо призывал демократические силы участвовать во Фронте национального возрождения, имевшем цель обеспечить массовую базу королевской диктатуре. Также неправильным было указание партийным органи-

зациям участвовать в «парламентских выборах» (в июне 1939 г.), инсценированных королевской диктатурой для создания видимости демократического режима в стране. Компартия недооценивала опасности со стороны «Железной гвардии» и не направила против нее антифашистскую борьбу румынского народа. Исправляя эти ошибки правого уклона, КПП допустила затем ошибки сектантского толка. В частности, весной 1940 года, когда КПП добилась значительного влияния в корпорациях, охватывавших массы рабочих, служащих, ремесленников и т. п., было дано указание коммунистам выйти из этих профессиональных объединений под тем предлогом, что они созданы реакционным правительством. Несмотря на то что компартия затем устранила эти ошибки, они затормозили на время организацию более широкой борьбы против фашизма.

Новые задачи встали перед румынским народом и КПП в связи с начавшейся второй мировой войной. Компартия выразила солидарность с народом Польши, ведущим справедливую борьбу против гитлеровских оккупантов. Она заявила, что будет мобилизовывать румынский народ как на защиту национальной независимости и целостности страны, так и на поддержку освободительной борьбы народов захваченных гитлеровцами стран. Разоблачая позицию румынских правящих кругов, компартия указывала, что под прикрытием «нейтралитета» румынские правящие круги ведут опасную политику поддержки обоих империалистических блоков, находящихся в войне, готовятся ввергнуть страну в войну на стороне потенциального победителя. Указывая на эту опасность, компартия Румынии подчеркивала: «Страна не сможет остаться вне войны, если не будет изгнан современный режим, который один раз делает — Гитлеру, а другой раз уступки Чемберлену и Даладье». Такая политика несет в себе угрозу втягивания Румынии в войну, чуждую ее национальным интересам. Со всей силой КПП подчеркивала необходимость союза с СССР, боровшимся за мир, прекращение войны и оказание помощи жертвам гитлеровской агрессии.

Чтобы положить конец политике национального предательства, предотвратить втягивание Румынии в империалистическую войну, необходимо было свергнуть коро-

левскую диктатуру. Разоблачая действия королевской диктатуры, компартия показывала, что только при поддержке великой страны социализма румынский народ сможет обеспечить свою независимость и предохранить себя от ужасов империалистической бойни. Для свержения королевской диктатуры необходимо было создание Единого рабочего фронта и объединение вокруг него всех патриотических и демократических сил, выступавших против войны, в защиту национальной независимости. Эти силы, свергнув королевскую диктатуру, должны были поставить у власти правительство, опирающееся на широкие массы народа, правительство, которое повело бы «политику объединения всех балканских народов в мощный Балканский блок против фашистской Германии и англо-французских поджигателей войны»²². Проповедуя идею единства балканских стран в рамках блока, который будет нейтральным в войне, компартия Румынии имела в виду, что он будет опираться на Советский Союз.

Весной — летом 1940 года, когда реакционные круги румынской буржуазии и помещиков во главе с королевской «камарильей» под влиянием германских побед на западе лихорадочно готовились к включению страны в фашистский блок в надежде на развертывание им войны против Советского Союза, компартия оказалась единственной партией, которая выступила с разоблачением этих планов, противоречащих национальным интересам Румынии. В целях борьбы против втягивания страны в фашистскую «ось» и антисоветскую войну КПР создала «Антивоенный комитет».

Документ румынского генерального штаба от 27 апреля 1940 г., отмечая усиление деятельности компартии, призывал к принятию соответствующих мер: «Коммунистическая пропаганда в последнее время приняла такой размах, что требует принятия серьезных мер для ее прекращения. При нынешней обстановке нельзя отделять жизнь гражданского населения от жизни армии. По этой причине необходимо принять такие меры для сохранения и укрепления духа армии, которые должны распространиться и на население... Генеральный штаб и его соответствующие органы считают необходимым, чтобы командования крупных соединений поддерживали тесный постоянный контакт с местными властями, жандармерией,

администрацией церковей, школ и Фронта национального возрождения с целью организации контрпропаганды и выявления (коммунистических.— *Авт.*) агентов-пропагандистов. Эту работу следует вести постоянно и энергично...»²³.

В результате деятельности компартии ширилась и принимала угрожающий характер борьба трудящихся города и деревни. Рабочие и крестьяне решительно выступали в защиту своих экономических и политических прав, против фашистской королевской диктатуры, ее антинародной и антинациональной политики. Сигуранца летом 1940 года докладывала, что «пассивность крестьян ушла в прошлое»²⁴.

В июне 1940 года трудящиеся массы Румынии приветствовали действия Советского правительства, приведшие к мирному разрешению территориального конфликта и возвращению СССР Бессарабии и Северной Буковины. Тысячи бухарестцев вышли на демонстрацию, чтобы выразить свою симпатию Советскому государству и его миролюбивой внешней политике, радость в связи с освобождением населения этих областей от гнета румынских помещиков и капиталистов. Полиция разогнала демонстрацию, арестовав 400 участников ее — рабочих, служащих, студентов и др.

КПР в многочисленных документах того периода облачала провокационный характер антисоветских действий королевской диктатуры и выражала истинные чувства радости трудящихся Румынии по поводу освобождения Бессарабии и Северной Буковины, призывая их в этой связи усилить борьбу против королевской диктатуры и приготовления к антисоветской войне, за дружбу и союз с СССР, за мир, хлеб, землю и свободу.

Компартия вела решительную борьбу против капитулянтской политики королевской диктатуры в трансильванском вопросе. Еще в марте 1940 года она довела до сведения масс намерение румынских правителей уступить хортистам часть Трансильвании, чтобы заслужить доверие Берлина и Рима и получить с их помощью «компенсацию» за счет Советской Молдавии и даже Украины. Определяя свою позицию в связи с начавшимися переговорами в Турну-Северине между правительством королевской диктатуры и хортистскими правителями, компартия в августе 1940 года писала, что желание тру-

дящегося населения Трансильвании, судьбу которого решали эти переговоры, заключается в освобождении от гнета как румынских, так и венгерских помещиков и капиталистов. Это было желанием угнетенных и эксплуатируемых масс всей Румынии. Чтобы предупредить расчленение страны гитлеровцами в интересах антисоветской борьбы, компартия призывала к созданию широкого патриотического фронта. Этот фронт должен был свергнуть королевскую диктатуру, которая окончательно скомпрометировала себя, заняв антинациональную позицию ради сохранения своей власти в Румынии при поддержке германского и итальянского фашизма. Коммунисты звали румынских патриотов к организации массовых демонстраций под лозунгом «Ни клочка земли хортистской Венгрии».

КПР была единственной политической партией, решительно боровшейся против венского арбитража. Показывая истинный смысл гарантий, данных Румынии и Вене, она писала в одной из листовок: «Гитлер и Муссолини... сделают с нашей несчастной страной то, что они сделали с Чехословакией и Польшей. Их гарантии не имеют ценности. Единственная страна способна обеспечить нам спокойствие и мир — Советский Союз»²⁵. В этой листовке содержался призыв ко всему народу подняться на борьбу с целью свержения королевской диктатуры, установления власти народного правительства и заключения союза с СССР.

Принятие королевской диктатурой арбитражного решения, вынесенного в Вене, всколыхнуло всю страну. Патриоты требовали отвергнуть венский диктат, заявляли о своей готовности защищать страну от гитлеровско-хортистской агрессии. Румынская армия отказывалась подчиниться приказу об оставлении Северной Трансильвании. Гневные массы, собираясь на митинги и демонстрации, требовали устранения королевской диктатуры и правительства, согласившихся на расчленение страны. Мощные уличные демонстрации протеста против венского диктата проходили в те дни в Бухаресте, Яссах, Констанце, Брашове, Сибиу, Клуже и других крупнейших центрах Румынии. Они выливались во враждебные гитлеровской Германии манифестации. В Тимишоаре демонстранты побили окна в германском и итальянском консульствах, сорвали эмблему гитлеровского рейха,

чуть было не растерзали германского генерала и т. п. Принятие венского диктата вызвало резкое обострение кризиса королевской диктатуры, накалив до предела политическую обстановку в стране. Кароль II был вынужден отречься от престола и снова покинуть Румынию, теперь уже навсегда. Размах народной борьбы, массовые выступления трудящихся решили судьбу королевской диктатуры, обанкротившейся и во внутренней и во внешней политике. Однако вместо королевской диктатуры правящие румынские круги сумели установить еще более жестокую военно-фашистскую диктатуру генерала Антонеску и «Железной гвардии», которая ввергла Румынию в войну против СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ В. Н. Виноградов, Е. Д. Карпешенко, Н. И. Лебедев, А. А. Язькова, История Румынии нового и новейшего времени, изд-во «Наука», 1964, стр. 187.
- ² H. Prost, Destin de la Roumanie. 1918—1954, P., 1954, p. 51.
- ³ B. Cartland, The Scandalous Life of King Carol, L., 1957, p. 108.
- ⁴ I. Orgea, Nicolae Titulescu, Buc., 1966, p. 119.
- ⁵ H. K. Smith, The State of Europe, N. Y., 1950, pp. 361—362.
- ⁶ R. Machray, The Little Entente, L., 1929, p. 117.
- ⁷ F. Codresco, La Petite Entente, t. I, P., 1929, p. 174.
- ⁸ «L'Europe nouvelle», 19 Sept., 1920, p. 1368.
- ⁹ «L'Europe nouvelle», 17 Oct., 1920, p. 1513.
- ¹⁰ A. Cosma, La Petite Entente, P., 1926, p. 159.
- ¹¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. II (1921—1924 гг.), М., 1944, стр. 178.
- ¹² «Документы внешней политики СССР», т. VII, Госполитиздат, 1963, стр. 174.
- ¹³ Там же, стр. 423.
- ¹⁴ Там же, стр. 422.
- ¹⁵ «Survey of International Affairs. 1924», L., 1925, pp. 450—451.
- ¹⁶ См. «Документы внешней политики СССР», т. VIII, Госполитиздат, 1963, стр. 517—518.
- ¹⁷ «Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях», вып. II, ч. III, М., 1929, стр. 313.
- ¹⁸ См. «Документы внешней политики СССР», т. IX, Госполитиздат, 1964, стр. 472.
- ¹⁹ См. М. М. Литвинов, Внешняя политика СССР. Речи и заявления (1927—1937), М., 1937, стр. 18—19.
- ²⁰ Архив внешней политики СССР, ф. 125 (далее: АВП СССР, ф. 125), «Краткая история румыно-советских отношений».

ГЛАВА I

- ¹ B. Cartland, The Scandalous Life of King Carol, p. 126.
- ² A. Easterman, King Carol, Hitler and Lupescu, L., 1942, p. 56.
- ³ Gh. Surpat, Pauperizarea clasei muncitoare din România burghezomășierească, Buc., 1962, p. 102.
- ⁴ «Anuarul statistic al României din 1939 și 1940», Buc., 1940, p. 347.
- ⁵ «Documente din istoria partidului comunist din România, 1917—1944», Buc., 1951, p. 126.
- ⁶ Ibid., p. 117.
- ⁷ A. Georgesco, Le régime juridique et financier des capitaux étrangers en Roumanie, P., 1934, p. 18.
- ⁸ B. Cartland, op. cit., p. 138.

- ⁹ H. Prost, *Destin de la Roumanie. 1918—1954*, p. IX.
- ¹⁰ «League of Nations. Agreement Signed at Geneva on January 28, 1933, Establishing Technical Advisory Collaboration in Rumania», Geneva, 1933, p. 11.
- ¹¹ Г. Д. Димитров, *Избранные произведения*, т. I, М., 1957, стр. 376.
- ¹² «Anuarul statistic al Romîniei din 1939 si 1940», p. 479.
- ¹³ H. Magearu, *Evolutia economiei romînesti dupa războiului mondial*, Buc., 1940, p. 151.
- ¹⁴ A. Сărneаță, *Adevărata istorie a unei monarhii*, Buc., 1948, p. 110.
- ¹⁵ В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений*, т. 31, стр. 449—450.
- ¹⁶ «Documente din istoria partidului comunist din Romînia. 1934—1937», Buc., 1957, p. 70.
- ¹⁷ H. Magearu, *op. cit.*, p. 235.
- ¹⁸ P. Pavel, *Why Rumania Failed*, L., 1943, p. 108.
- ¹⁹ N. N. Constantinescu, V. Axenciuc, *Capitalismul monopolist în Romînia*, Buc., 1962, p. 112.
- ²⁰ «Studii», 1963, Nr. 1, p. 167.
- ²¹ Gh. Dobrovici, *Evolutia economiei și financiară a Romîniei în perioada 1934—1943*, Buc., 1943, p. 91.
- ²² Gh. Surpat, *Pauperizarea clasei muncitoare din Romînia burghezomășierească*, p. 129.
- ²³ D. Grindea, *Despre venitul național in capitalism*, Buc., 1956, p. 212.
- ²⁴ H. Roberts, *Rumania: Political Problems of an Agrarian State*, New Haven, 1951, p. 177.
- ²⁵ «Monitorul oficial», part. III a, *Desbaterile parlamentare*, sed. 3 ianuarie 1937, p. 658.
- ²⁶ H. Roberts, *op. cit.*, pp. 44—45.
- ²⁷ «Studii», 1963, Nr. 1, p. 226.
- ²⁸ Z. Stavrianos, *The Balkans since 1453*, N. Y., 1958, pp. 602—604.
- ²⁹ «Documente din istoria partidului comunist din Romînia. 1934—1937», pp. 424—425.
- ³⁰ Цит. по: А. А. Язькова, *Румыния накануне второй мировой войны. 1934—1939 гг.*, М., 1963, стр. 100.
- ³¹ Цит. по: Gh. Țuțui, *M. Pora, Hohenzollerni in Romînia*, Buc., 1962, p. 47.
- ³² «Documente din istoria partidului comunist din Romînia. 1934—1937», pp. 212—213.
- ³³ «Le procès des dirigeants de l'ancien parti national-paysan», Buc., 1947, p. 41.
- ³⁴ M. Roller, *Scrieri istorice și social-politice*, Buc., 1957, p. 218.
- ³⁵ Цит. по: А. А. Язькова, *указ. соч.*, стр. 88.
- ³⁶ «Survey of International Affairs, 1937», vol. II, L., 1938, pp. 422—423.
- ³⁷ «Documente din istoria partidului communist din Romînia, 1934—1937», p. 175.
- ³⁸ Arhiva CC al PCR, fond 104: Argetoianu C., *Insemnări zilnice*, f. 128.

ГЛАВА II

¹ Г. М. Димитров, *Избранные произведения*, т. I, стр. 299.

² Там же, стр. 380.

- ³ T. Herseni, Mișcarea legionară și muncitorimea, Buc., 1940, pp. 20—22.
- ⁴ V. Marin, Crez de generatie, Buc., 1940, pp. 19, 22, 31—33.
- ⁵ Цит. по: А. А. Язькова, Румыния накануне второй мировой войны. 1934—1939 гг., стр. 85.
- ⁶ M. Roller, Scrieri istorice și social-politice, p. 178.
- ⁷ «Cartea comandantului legionar», Buc., f. d, p. 7.
- ⁸ T. Herseni, op. cit., pp. 4—5, 10—11.
- ⁹ «Documents on German Foreign Policy. 1918—1945» (далее: DGFP. 1918—1945), series C, vol. I, L., 1959, pp. 874, 917, 920.
- ¹⁰ J. Moța, Cranii de lemn, Buc., 1940, p. 42.
- ¹¹ J. Roucek, Balkan Politics, Stanford University Press, 1947, p. 46.
- ¹² H. Seton-Watson, Eastern Europe between the Wars 1918—1945, L., 1946, p. 206.
- ¹³ H. Bolitho, Rumania under King Carol, N. Y., 1940, p. 150.
- ¹⁴ I. Oprea, Nicolae Titulescu, p. 278.
- ¹⁵ H. Prost, Destin de la Roumanie. 1918—1954, p. 67.
- ¹⁶ B. Cartland, The Scandalous Life of King Carol, pp. 143—144.
- ¹⁷ H. Seton-Watson, Eastern Europe between the Wars 1918—1945, p. 207.
- ¹⁸ J. Roucek, Balkan Politics, p. 46.
- ¹⁹ P. Constantinescu-Iasi, Organizatii de masa legale conduse de partidului comunist din România in anii 1932—1938, Buc., 1952, p. 35.
- ²⁰ «Studii», 1963, Nr. 1, pp. 40—41.
- ²¹ «Documente din istoria partidului comunist din România. 1934—1937», pp. 216—217.
- ²² Г. Георгиу-Деж, Статьи и речи (1960—1962), Бухарест, 1963, стр. 210.
- ²³ «Documente din istoria partidului comunist din România. 1917—1944», p. 290.
- ²⁴ Ibid., p. 288.
- ²⁵ Г. Георгиу-Деж, Статьи и речи, т. I, Госполитиздат, 1956, стр. 16, 18.
- ²⁶ «Procesul mării trădări nationale», Buc., 1946, p. 173.
- ²⁷ Цит. по: А. А. Язькова, Румыния накануне второй мировой войны. 1934—1939 гг., стр. 194.

ГЛАВА III

- ¹ АВП СССР, ф. 125, оп. 13, п. 11, д. 4, лл. 67—68.
- ² «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. III (1925—1934 гг.), М., 1945, стр. 562.
- ³ «Epoque», 6 iunie 1939.
- ⁴ I. Oprea, Nicolae Titulescu, p. 194.
- ⁵ «Epoque», 6 iunie 1939.
- ⁶ R. Machray, The Struggle for Danube and Little Entente 1929—1938, L., 1939, p. 81.
- ⁷ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. III (1925—1934 гг.), стр. 719—720.
- ⁸ «Studii și materiale de istorie contemporană», vol. I, Buc., 1962, p. 205.
- ⁹ «Documente din istoria partidului comunist din România. 1934—1937», p. 145.

- 10 DGFP. 1918—1945, series C, vol. I, p. 11.
- 11 «Adevărul», 21 dec. 1932: «Epoque», 6 iunie 1939.
- 12 L. Stavrianos, Balkan Federation, Northampton, 1944, p. 594.
- 13 DGFP. 1918—1945, series C, vol. III, L., 1959, p. 463.
- 14 Ibid., p. 592.
- 15 «Chambre des députés. L'oeuvre législative pendant la session du 1 février 1934 à 28 avril 1934 et la session extraordinaire du 14 juin 1934 au 5 juillet 1934», Buc., 1934, p. 11.
- 16 Цит. по: I. Oprea, Nicolae Titulescu, p. 295.
- 17 G. Tabouis, Douazeci de ani de tensinui diplomatice, Buc., 1965, pp. 154—155.
- 18 G. Price, Extra-Special Correspondent. L., 1951, p. 242.
- 19 H. Prost, Destin de la Roumanie. 1918—1954, pp. 92—93.
- 20 G. Bratianu, La politique extérieure de la Roumanie, Buc., 1937, p. 30.
- 21 Arhiva Ministerului Afacerilor Externe (далее: Arhiva MAE), fond Germania, dos. 81, h/p.
- 22 «Analele», 1965, Nr. 5, pp. 131—132.
- 23 DGFP 1918—1945, series C, vol. IV, L., 1962, p. 59.
- 24 G. Bratianu, La Roumanie et l'URSS, Buc., 1936, pp. 23—24, 29.
- 25 «Documente din istoria partidului comunist din România. 1934—1937», pp. 281—283, 434.
- 26 «Analele», 1965, Nr. 5, p. 133.
- 27 См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 93.
- 28 См. А. А. Язькова, Румыния накануне второй мировой войны. 1934—1939 гг., стр. 72.
- 29 Т. Савин, Иностраннный капитал в Румынии, ИЛ, 1950, стр. 168—172.
- 30 DGFP. 1918—1945, series C, vol. I, p. 220.
- 31 Ibid., pp. 220, 222.
- 32 Ibid., p. 586.
- 33 Arhiva MAE, fond Germania, vol. 74, n/p.
- 34 «Istoria XX veka. Zbornik Radova», VII, Belgrad, 1965, p. 91.
- 35 DGFP. 1918—1945, series C, vol. III, pp. 1011—1013.
- 36 DGFP. 1918—1945, series C, vol. IV, pp. 114—115, 1184.
- 37 Ibid., p. 211.
- 38 Ibid., p. 942.
- 39 Ibid., pp. 943—945.
- 40 Ibid., p. 851.
- 41 Ibid., p. 1028.
- 42 I. Oprea, Nicolae Titulescu, p. 262.
- 43 Arhiva MAE, fond Germania, vol. 75, n/p.
- 44 «Revue Roumaine d'Histoire», 1966, Nr. 3, p. 464.
- 45 «Documente din istoria partidului comunist din România. 1917—1944», pp. 280—283.
- 46 DGFP. 1918—1945, series C, vol. IV, p. 362.

ГЛАВА IV

- 1 «Istoria XX veka. Zbornik Radova», VII, pp. 91—92.
- 2 Историко-дипломатический архив МИД СССР. Фонд микрофильмов архивных документов (далее: ИДА, фонд микрофильмов).
- 3 I. Oprea, Nicolae Titulescu, pp. 345—346.

- 4 АВП СССР, ф. 125, оп. 20, д. 11, п. 16, л. 275.
 5 I. Oprea, op. cit., p. 354.
 6 «Analele», 1965, Nr. 5, p. 135.
 7 H. Prost, Destin de la Roumanie. 1918—1954, p. 90.
 8 «Survey of International Affairs. The World in March 1939», L., 1952, p. 263.
 9 I. Oprea, op. cit., p. 277.
 10 «Istoria XX vea. Zbornik Radova», VII, p. 92.
 11 «Мировое хозяйство и мировая политика», 1937 г., № 4, стр. 87.
 12 «Survey of International Affairs. The World in March 1939», pp. 264—265.
 13 АВП СССР, ф. 125, оп. 19, д. 9, п. 15, л. 102.
 14 Arhiva MAE, fond Germania, vol. 75, n/p.
 15 ИДА, фонд микрофильмов.
 16 A. Hillgruber, Hitler, König Carol und Marschall Antonescu, Wiesbaden, 1954, S. 10.
 17 ИДА, фонд микрофильмов.
 18 Цит. по: А. А. Язькова, Румыния накануне второй мировой войны. 1934—1939 гг., стр. 136.
 19 H. Seton-Watson, Eastern Europe between the Wars 1918—1945, p. 391.
 20 АВП СССР, ф. 125, оп. 23^a, д. 1, п. 17, лл. 75—76.
 21 N. Iorga, Memorii, vol. VII, Buc., 1939, p. 437.
 22 G. Gamelin, Le prologue du drame, P., 1946, p. 279.
 23 DGFP. 1918—1945, series D, vol V, L., 1954, pp. 195—197.
 24 «League of Nations. International Trade Statistics. 1938», Geneva, 1939, p. 225.

ГЛАВА V

- 1 Arhiva CC al PCR, f. 104; Argetoianu C., Insemnări zilnice, f. 2784.
 2 Цит. по: А. А. Язькова, Румыния накануне второй мировой войны. 1934—1939 гг., стр. 205.
 3 DGFP. 1918—1945, series D, vol. V, p. 249.
 4 АВП СССР, ф. 125, оп. 20, д. 11, п. 16, л. 28.
 5 Arhiva MAE, fond Germania, vol. 76, n/p.
 6 DGFP. 1918—1945, series D, vol. V, pp. 235—236.
 7 «Analele», 1965, Nr 3, p. 125.
 8 А. А. Язькова, указ. соч., стр. 222.
 9 A. Easterman, King Carol, Hitler and Lupescu, pp. 102—104.
 10 Г. Георгиу-Деж, Статьи и речи, т. I, стр. 17.
 11 «Lumea noua», 8 mai 1938.
 12 «Constitutiunea regelui Carol al II-a din 20 februarie 1938», Buc., 1938, p. 27.
 13 ИДА, фонд микрофильмов.
 14 P. Stoyan, Spotlight on the Balkans, N. Y., 1940, p. 42.
 15 DGFP, series D, vol. V, p. 280.
 16 АВП СССР, ф. 125, оп. 20, д. 11, п. 16, л. 230.
 17 A. Calinescu, Noul regim, Buc., 1939, p. 29.
 18 «Universul», 21 Martie 1939.
 19 ИДА, фонд микрофильмов.
 20 «Curentul», 14 Martie 1940.

ГЛАВА VI

- ¹ DGFP. 1918—1945, series D, vol. V, p. 251.
- ² *Ibid.*, pp. 261—265.
- ³ Arhiva MAE, fond Germania, vol. 76, n/p.
- ⁴ DGFP. 1918—1945, series D, vol. V, pp. 281—282.
- ⁵ P. Co m n é n e, *Preludi del grande dramma*, Roma, 1947, pp. 254—255.
- ⁶ Arhiva Ministerului Forțelor Armate (далее: Archiva MFA), dos. 134/51, Ref. Nr. 34596 (27 ian. 1939), f. 3.
- ⁷ «История Коммунистической партии Чехословакии», Госполитиздат, 1962, стр. 431.
- ⁸ «Новые документы по истории Мюнхена», М., 1958, стр. 43—44.
- ⁹ «Foreign Relations of the United States. 1938» (далее: «FRUS...»), vol. I, Wash., 1954, p. 42.
- ¹⁰ «Les événements survenus en France de 1939 à 1945. Témoignages et documents recueillis par la commission d'enquête parlementaire», t. IX, p. 2618; «Survey of International Affairs. 1938», vol. II, L., 1951, p. 132.
- ¹¹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, Госполитиздат, 1948, стр. 169.
- ¹² Э. Ротштейн, Мюнхенский сговор, М., 1959, стр. 179.
- ¹³ G. Bonnet, *Défense de la paix*, vol. I, P., 1963, pp. 197—198, 202.
- ¹⁴ «Новые документы по истории Мюнхена», стр. 71.
- ¹⁵ H. Nogues, *Muncheu ou la drôle de paix*, P., 1963, p. 390.
- ¹⁶ «FRUS. 1938», vol. I, pp. 583, 615.
- ¹⁷ «Les événements survenus en France de 1939 à 1945...», p.
- ¹⁸ DGFP. 1918—1945, series D, vol. V, p. 310.
- ¹⁹ G. Ciano, *Ciano's Diary*, L., 1948, pp. 236—237.
- ²⁰ «Lecșii în ajutorul celor care studiază istoria PMR», Buc., 1961.
- ²¹ DGFP. 1918—1945, series D, vol. II, L., 1953, p. 576.
- ²² «Survey of International Affairs. 1938», vol. II, p. 92.
- ²³ DGFP. 1918—1945, series D, vol. V, p. 324.
- ²⁴ St. Kertesz, *Diplomacy in a Whirlpool*, New-Dely (Indiana), 1953, p. 40.
- ²⁵ АВП СССР, ф. 125, оп. 20, д. 11, п. 16, л. 234.
- ²⁶ DGFP. 1918—1945, series D, vol. V, pp. 308, 310.
- ²⁷ ИДА, фонд микрофильмов.
- ²⁸ А. А. Шевяков, *Экономическая и военно-политическая агрессия германского империализма в Румынии*, Кишинев, 1963, стр. 46.
- ²⁹ A. Cretianu, *The Lost Opportunity*, L., 1958, pp. 17—18.
- ³⁰ Arhiva CC al PCR, f. 104; Argetoianu C., *Insemnări zilnice*, pp. 4747—4748.
- ³¹ DGFP. 1918—1945, series D, vol. V, p. 339.
- ³² Archiva CC al PCR, f. 104; Argetoianu, *Insemnări zilnice*, pp. 4764—4765; Arhiva MAE, fond Germania, vol. 76, n/p.
- ³³ Arhiva MAE, fond Germania, vol. 76 bis (Intervedere Marcovici-Constantinescu din 20 ian. 1939).
- ³⁴ DGFP. 1918—1945, series D, vol. V, pp. 354—355.
- ³⁵ «Economist», 24 dec. 1938, p. 658.
- ³⁶ DGFP. 1918—1945, series D, vol. V, p. 353.

- ³⁷ DGFP. 1918—1945, series D, vol. V, pp. 378—379.
³⁸ Arhiva MAE, fond Germania, vol. 76 bis (Raportul din 9 febr, 1939).
³⁹ DGFP. 1918—1945, series D, vol. V, p. 389.
⁴⁰ I b i d., pp. 382—383.
⁴¹ ИДА, фонд микрофильмов.

ГЛАВА VII

- ¹ DGFP. 1918—1945, series D, vol. V, pp. 393—395.
² I b i d., pp. 403, 407.
³ DGFP. 1918—1945, series D, vol. VI, L., 1956, p. 164.
⁴ Arhiva CC al PCR, f. 103, dos. 8098, f. 157.
⁵ DGFP. 1918—1945, series D, vol. VI, p. 31.
⁶ «Documents on British Foreign Policy (1919—1939)» (далее: DBFP), third series, vol. IV, L., 1954, pp. 284—285, 366, 370.
⁷ Arhiva MAE, f. 71, 1939, vol. 76 bis (tel. Nr. 18491).
⁸ DGFP. 1918—1945, series D, vol. VI, p. 31.
⁹ Arhiva MAE, f. 71/1939, tel. Nr. 20722, 30 martie 1939.
¹⁰ DGFP. 1918—1945, series D, vol. VI, pp. 94—95.
¹¹ Arhiva CC al PCR, f. 103, dos. 8098, f. 163.
¹² DGFP. 1918—1945, series D, vol. VI, pp. 116, 151—152.
¹³ «I Documenti diplomatici italiani», serie 8, vol. II, doc. 59.
¹⁴ А. А. Шевяков, Экономическая и военно-политическая агрессия германского империализма в Румынии, стр. 66.
¹⁵ DBFP, third series, vol. IV, p. 521.
¹⁶ I b i d., pp. 459, 499.
¹⁷ DGFP. 1918—1945, series D, vol. VI, p. 112.
¹⁸ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, Госполитиздат, 1948, стр. 133, 206.
¹⁹ DBFP, third series, vol. IV, p. 576.
²⁰ «FRUS. 1939», vol. I, pp. 96, 117.
²¹ DGFP. 1918—1945, series D, vol. VI, p. 217.
²² DBFP, third series, vol. VI, L., 1954, p. 127.
²³ «FRUS, 1939», vol. I. p. 174.
²⁴ DGFP. 1918—1945, series D, vol. VI, pp. 279—282.
²⁵ Arhiva MAE, fond Germania, vol. 77. n/p.
²⁶ DBFP, third series, vol. V, L., 1954, pp. 264, 310.
²⁷ I b i d., pp. 329—332.
²⁸ «Financial Times», 4 May 1939.
²⁹ ИДА, фонд микрофильмов.
³⁰ DGFP. 1918—1945, series D, vol. VI, p. 780.
³¹ I b i d., pp. 868—870.
³² DBFP, third series, vol. V, pp. 701, 723.
³³ G. Gafencu, Derniers jours de l'Europe, P., 1946, pp. 165—166.
³⁴ «Studii», 1960, Nr. 4, p. 62.
³⁵ DBFP, third series, vol. V, p. 747.
³⁶ «Международная жизнь», 1959 г., № 2, стр. 154—156.
³⁷ DBFP, third series, vol. VI, p. 674.
³⁸ «Studii», 1960, Nr. 4, p. 69.
³⁹ DGFP. 1918—1945, series D, vol. VII, pp. 363—364.

ГЛАВА VIII

- ¹ DGFP. 1918—1945, series D, vol. VIII, p. 5; P. E. Flan din, *Politique française 1919—1940*, P., 1947, p. 317.
- ² «I Documente diplomatici italiani», serie 9, vol. I, p. 28.
- ³ H. Prost, *Destin de la Roumanie 1918—1954*, p. 134.
- ⁴ Arhiva MAE, fond Germania, vol. 78, tel. din 11 sept. 1939.
- ⁵ DGFP. 1918—1945, series D, vol. III, pp. 61, 73.
- ⁶ DGFP. 1918—1945, series D, vol. VIII, pp. 172—173.
- ⁷ Arhiva MAE, fond 1939—1940, vol. 78, nota Nr. 74767.
- ⁸ DGFP. 1918—1945, series, D, vol. VIII, pp. 600—601.
- ⁹ «Studii», 1964, Nr. 1, pp. 46—48.
- ¹⁰ DGFP. 1918—1945, series D, vol. IX, p. 42.
- ¹¹ DGFP. 1918—1945, series D, vol. VIII, pp. 498—499, 536.
- ¹² G. Gafencu, *Prelude to the Russian Campaign*, L., 1945, pp. 274, 276.
- ¹³ ИДА, фонд микрофильмов.
- ¹⁴ «I documenti diplomatici italiani», serie 9, vol. I, p. 44.
- ¹⁵ А. А. Шевяков, *Экономическая и военно-политическая агрессия германского империализма в Румынии*, стр. 74.
- ¹⁶ «Ciano's Diplomatic Papers», N. Y., 1946, p. 380.
- ¹⁷ ИДА, фонд микрофильмов.
- ¹⁸ DGFP. 1918—1945, series D, vol. IX, pp. 61—62, 167.
- ¹⁹ «Известия», 30 марта 1940 г.
- ²⁰ A. Hillgruber, *Hitler, König Carol und Marschall Antonescu*, S. 71.
- ²¹ G. Gafencu, *Prelude to the Russian Campaign*, p. 283.
- ²² DGFP. 1918—1945, series D, vol. IX, pp. 466—467.
- ²³ *Ibid.*, p. 564.
- ²⁴ Arhiva MAE, fond Germania, vol. 79, nota din 20 iunie 1940.
- ²⁵ DGFP. 1918—1945, series D, vol. IX, p. 20.
- ²⁶ «Известия», 29 июня 1940 г.
- ²⁷ ИДА, фонд микрофильмов.
- ²⁸ См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. I, М., 1961, стр. 281.
- ²⁹ Arhiva MAE, fond 71, 1940, dos. 79, nota din 28 iunie 1940.
- ³⁰ ИДА, фонд микрофильмов.

ГЛАВА IX

- ¹ Arhiva MAE, f. 71, 1940, dos. 79, scris. din 30 iulie 1940.
- ² «Survey of International Affairs. The Eve of the War», L., 1957, p. 325.
- ³ DGFP. 1918—1945, series D, vol. X, pp. 116—117.
- ⁴ Arhiva MAE, fond Germania, vol. 79, doc. Nr. 43668, 43669.
- ⁵ DGFP. 1918—1945, series D, vol. X, pp. 302—306.
- ⁶ «Ciano's Diplomatic Papers», pp. 382—383.
- ⁷ См. А. Пушкаш, *Венгрия во второй мировой войне*, Изд-во ИМО. 1963, стр. 100.
- ⁸ DGFP. 1918—1945, series D, vol. X, pp. 549—550.
- ⁹ *Ibid.*, p. 574.
- ¹⁰ *Ibid.*, pp. 582—584.
- ¹¹ «Известия», 14 сентября 1940 г.
- ¹² G. Gafencu, *Prelude to the Russian Campaign*, pp. 51, 56—57, 59.

- ¹³ St. Kertesz, *Diplomacy in the Whirlpool*, p. 128.
- ¹⁴ ИДА, фонд микрофильмов.
- ¹⁵ A. Calinescu, *România renașterii*, Buc., 1939, p. 31.
- ¹⁶ G. h. Surpat, *Pauperizarea clasei muncitoare din România burghezo-moșierească*, p. 155.
- ¹⁷ V. Magearu, *Evoluția economiei românești după războiul mondial*, pp. 37—38.
- ¹⁸ Н. Фролов, *Аграрные отношения в буржуазно-помещичьей Румынии*, «Труды Кишиневского сельскохозяйственного института», т. 17, 1958, стр. 216.
- ¹⁹ «Studii», 1964, Nr. 6, p. 1330.
- ²⁰ «Documente din istoria partidului comunist din România 1917—1944», p. 319.
- ²¹ *Ibid.*, p. 321.
- ²² Arhiva Inst., cota AXXIII—22, doc. 1043.
- ²³ Arhiva MFA, dos. 14/3, f. 43.
- ²⁴ Цит. по: «Studii», 1961, Nr. 2, p. 376.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Кароль возвращается в Румынию	19
Глава II. «Железная гвардия» поднимает голову	51
Глава III. Титулеску возглавляет министерство иностранных дел	85
Глава IV. Между Парижем и Берлином	126
Глава V. Королевская диктатура	154
Глава VI. В период Мюнхена	185
Глава VII. Накануне войны	222
Глава VIII. На пути к союзу с Гитлером	256
Глава IX. Венский арбитраж и крах королевской диктатуры	285
Примечания	318

Николай Иванович Лебедев

«Железная гвардия», Кароль II и Гитлер

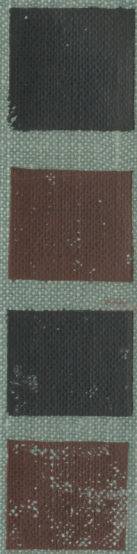
Редактор *Н. А. Филатова*
Оформление художника *Г. И. Петушкова*
Художественный редактор *Г. Ф. Скачков*
Технические редакторы *Е. В. Грачева* и
Т. Ф. Александрова
Корректор *Э. К. Гаврута*

А03283. Сдано в набор 24/V 1968 г.
Подписано в печать 7/X 1968 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 17,22
Уч.-изд. л. 17,66. Тираж 10 000 экз.

Издательство «Международные отношения»
Москва, И-90, Мещанская, 7
Зак. № 1079

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Ярославль, ул. Свободы, 9/

Цена 1 руб. 24 коп.

Н. И. ЛЕБЕДЕВ

1р. 2/1кв

1000